Российская академия наук
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

2001

Золотая Орда и ее наследие

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2002

УДК 94(41/99)
ББК 63.3(2)43
Т98

Редакционная коллегия тома
С.Г.КЛЯШТОРНЫЙ (председатель),
В.В.ТРЕПАВЛОВ, Д.М.ИСХАКОВ

Редактор издательства
Л.С.ЕФИМОВА

Т98 **Тюркологический** сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие / Редкол. т.: С.Г. Кляшторный (пред.) и др. — М.: Вост. лит., 2002. — 302 с. — ISBN 5-02-018268-0 (в пер.).

Сборник посвящен проблемам истории, культуры и источниковедения Золотой Орды (улуса Джучи) — одного из самых могущественных и обширных государств средневековья. В статьях, написанных историками из Москвы, Санкт-Петербурга и Казани, исследуются обстоятельства образования Золотой Орды, ее первоначального пребывания в составе Монгольской империи и постепенного обретения ею самостоятельности; закономерности этнического и социального развития, культуры и городской жизни; особенности государственного устройства, отношений с русскими княжествами. Рассматриваются также некоторые подробности истории тюркских государств, возникших на территории Золотой Орды после ее распада. В одной из статей публикуется перевод уникального географического описания Золотой Орды, которое было составлено средневековым арабским автором ал-Калкашанди.

Данным изданием возобновляется публикация ежегодника «Тюркологический сборник», десять выпусков которого вышли в свет в 1970–1985 гг.

ББК 63.3(2)43

© Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения РАН, 2002

ISBN 5-02-018268-0

© Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства 4
От редколлегии 5

ИСТОРИЯ

Т.И.Султанов (Санкт-Петербург). Род Шибана, сына Джучи: место династий в политической истории Евразии 11
Дж.Э.Бойл (Кембридж). Посмертный титул Бату-хана 28
И.В.Зайцев (Москва). Образование Астраханского ханства 32
Д.М.Исхаков (Казань). О родословной хана Улуг-Мухаммеда 63
Е.И.Кычанов (Санкт-Петербург). О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань ши») 75
В.Я.Романив (Санкт-Петербург). Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству 84
М.А.Усманов (Казань). Об особенностях раннего этапа этнической истории улуса Джучи 101
А.Г.Юрченко (Санкт-Петербург). Францисканская миссия 1247 г. во владениях Бату-хана 110
А.А.Горский (Москва). Ногай и Русь 130
Ю.В.Кривошеев, Р.А.Соколов (Санкт-Петербург). Русская церковь и ордынские власти (вторая половина XIII — первая четверть XIV в.) 156

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Г.Ф.Валеева-Сулейманова (Казань). К вопросу о генезисе золотоордынских браслетов с зооморфными изображениями 187
Д.В.Дубровский (Санкт-Петербург). Жертвенный конь в погребальном обряде кочевников улуса Джучи 198
М.Г.Крамаровский (Санкт-Петербург). Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры 212
В.В.Трепавлов (Москва). Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины 225
А.Г.Юрченко (Санкт-Петербург). Золотая статуя Чингис-хана (русские и латинские известия) 245
А.П.Григорьев, О.Б.Фролова (Санкт-Петербург). Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди 261

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Этим томом возобновляется выпуск «Тюркологического сборника» — издания, представлявшего лучшие достижения отечественной тюркологической школы. Первая книга под таким названием была выпущена в 1966 г. в честь 60-летия академика А.Н.Кононова. С 1970-го под общей редакцией этого выдающегося российского тюрколога вышли следующие десять выпусков сборника:

Тюркологический сборник. 1970. М., 1970.
Тюркологический сборник. 1971. Памяти В.В.Радлова. М., 1972.
Тюркологический сборник. 1972. Памяти П.М.Мелиоранского. М., 1973.
Тюркологический сборник. 1973. Памяти Б.М.Данцига, А.Ф.Мюллера, А.С.Тверитиновой. М., 1975.
Тюркологический сборник. 1974. Памяти А.Н.Самойловича. М., 1978.
Тюркологический сборник. 1975. Памяти С.Е.Малова. М., 1978.
Тюркологический сборник. 1976. М., 1978.
Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.
Тюркологический сборник. 1978. М., 1984.
Тюркологический сборник. 1979. Османская империя: проблемы истории и источниковедения. М., 1985.

Необходимость возобновления издания продиктована актуализацией тюркологических исследований в новых политических и культурных условиях Российской Федерации.

Готовится следующий том (Тюркологический сборник. 2002), который будет посвящен теме тюрко-славянских и тюрко-российских связей в средневековье и в новое время.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Первый том возобновленного издания было решено посвятить различным проблемам истории Золотой Орды — особенностям политического, этнического и культурного развития этого средневекового государства.

Золотая Орда — общепринятое обозначение северо-западного улуса (удельного владения) Монгольской империи, а также государства, возникшего впоследствии на основе этого улуса. Данное понятие появилось на страницах русских документов в XVI в., а до того использовалось, вероятно, как название парадного ханского шатра. Официальным же наименованием государства служило словосочетание «улус Джучи» — по имени первого правителя, старшего сына Чингис-хана. Позднее золотоордынцы обозначали свою державу как Великий Улус. Расцвет государственности и культуры Золотой Орды пришелся на первую половину XIV в., когда ханствовали Узбек и его сын Джанибек. В государстве действовала отлаженная финансовая система, шло городское строительство, в качестве официальной религии был принят ислам. Однако во второй половине столетия начались смуты и междоусобицы, и государство стало клониться к упадку. В течение XV в. происходил постепенный распад его на несколько независимых ханств и орд.

История Золотой Орды — традиционная тема русской историографии. В 1832 г. Российская академия наук объявила конкурс на написание сочинения, в котором бы освещалась история монгольского завоевания Восточной Европы. Задача конкурса была сформулирована академиком Х.Д.Френом: «Написать историю Улуса Джучи, или так называемой Золотой Орды, критически обработанную на основании как восточных, особенно магометанских историков и сохранившихся от ханов сей династии монетных памятников, так и древних русских, польских, венгерских и прочих летописей и других, встречающихся в сочинениях современных европейцев, сведений». Следует признать, что эта задача до сих пор не решена. Однако огромный массив восточных источников, введенный с тех пор в научный оборот, позволил историкам (востоковедам и русистам) дать разностороннюю оценку политической и культурной роли Золотой Орды в истории Евразии.

Независимо от источниковедческих изысканий и исследования множества частных вопросов в русской историографической традиции посте-

пенно оформились две противоположные позиции. Первая была связана с полным отрицанием каких-либо положительных моментов во взаимоотношениях Руси и Золотой Орды. У многих авторов, касавшихся этой проблематики, в центре золотоордынской истории оказывалась, как ни странно, история Руси. Это можно было бы объяснить состоянием источников, так как русские оставили от времен «монголо-татарского ига» гораздо больше документов, чем другие народы, подчиненные ордынским ханам. Однако на самом деле причина крылась в давнишнем, устоявшемся взгляде на историю России. В соответствии с этим подходом монголы-завоеватели рассматривались как несомненно негативная сила, и историки не жалели красок, чтобы подчеркнуть «примитивность» и «жестокость» этой степной стихии — особенно по сравнению с покоренной монголами Русской землей. Поэтому Золотая Орда однозначно трактовалась как враг и поработитель Руси, между ними существовали якобы одномерные отношения господства-подчинения, подавления-борьбы.

Вторая позиция представлена сочинениями эмигрантов-евразийцев (Г.В.Вернадского, Н.С.Трубецкого и др.), сформулировавших противоположную интерпретацию ордынско-русских отношений, которую в целом разделило большинство западных историков. Они уделили главное внимание тесным политическим и культурным контактам Орды с Русью, с особой силой проявившимся в политике Московского великого княжества. Многочисленные восточные заимствования в средневековой русской государственности и культуре позволили поставить вопрос о более сложной джучидской политике по отношению к славянским вассалам, чем примитивное выколачивание дани и стравливание князей друг с другом. В работах основателей евразийства и их последователей Россия представала как геополитическая наследница Монгольской империи, и в частности Золотой Орды. Нельзя не признать, что в такой интерпретации присутствует рациональное зерно. В самом деле, знакомство со средневековыми источниками показывает, что некорректно воспринимать государство Джучидов как силу, безусловно враждебную Руси. Русские княжества были встроены в монгольскую систему власти как один из полноправных и необходимых элементов, и два с половиной столетия «ига» не являлись только временем страданий и лишений для русского народа, но были также периодом межцивилизационных контактов, которые осуществлялись в самых разных формах, и их еще предстоит детально проанализировать.

Несмотря на то что в советское время в науку вмешивались идеологические и политические факторы, в нашей стране появлялись первоклассные фундаментальные исследования, во многом не утратившие значения и по сей день. Ученые обращались к различным аспектам политической истории джучидской державы, ее государственности и общественного строя, экономики и культуры. Назовем, к примеру, сочинения А.Н.Насонова

«Монголы и Русь. История татарской политики на Руси» (1940), Б.Д.Грекова и А.Ю.Якубовского «Золотая Орда и ее падение» (1950, переизд. 1998), М.Г.Сафаргалиева «Распад Золотой Орды» (1960, переизд. 1996), М.А.Усманова «Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв.» (1979), В.Л.Егорова «Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.» (1985), серию монографий Г.А.Федорова-Давыдова 60–90-х годов («Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов», «Общественный строй Золотой Орды», «Культура кочевников и Золотой Орды», «Золотоордынские города Поволжья»). Немало нового об истории Золотой Орды открылось в результате широких археологических раскопок средневековых городов, особенно обоих Сараев.

Радикальные перемены 90-х годов в России затронули и историческую науку. В определенной мере это касается также исследования Золотой Орды. Публикация трудов евразийцев, широкая пропаганда сочинений известного петербургского этнолога Л.Н.Гумилева (чьи взгляды на русско-ордынские отношения были близки евразийским), возрастание интереса нашей интеллигенции к историческим корням российской цивилизации, развитие исторической науки в российских регионах, особенно в Татарстане, — все это сделало золотоордынскую тематику довольно популярной.

В наше время появляется немало трудов, посвященных Золотой Орде. Однако их авторы не всегда используют весь круг источников, чтобы избежать односторонних подходов. Поэтому порой появляются противоположные, крайние мнения. С одной стороны, продолжает существовать старый взгляд на Орду как на враждебное иноверческое государство, притеснявшее и угнетавшее Русь. С другой — встречается идеализация улуса Джучи как средоточия высокой городской культуры, гармоничной государственной и экономической структуры, региональной сверхдержавы, якобы обеспечившей своим подданным процветание и благоденствие. Стоит ли говорить, что обе точки зрения в известной степени искусственны. В действительности Золотая Орда являлась крупным и сильным государством со многими специфическими особенностями. Ее история, как и история любого другого государства, заслуживает объективного, беспристрастного исследования — без неоправданного восхваления, но и без незаслуженного умаления. Золотая Орда послужила для многих тюркских народов, в том числе и для татар, этнической колыбелью, и ее население, ее культура являются частью истории этих народов и, следовательно, частью истории всей России в целом.

Две темы — «Русь и Золотая Орда» и «Русские и восточные источники по истории Золотой Орды» — сохраняют свою актуальность наряду с другими проблемами политической и культурной истории Дешт-и Кипчака. Соответственно два направления (история и источниковедение) стали ос-

новными для авторов настоящего сборника. Мы не случайно открываем сборник статьей Т.И.Султанова, озаглавленной «Род Шибана, сына Джучи: место династии в политической истории Евразии». В этой статье представлены основные вехи, характеризующие Золотую Орду в хронологическом, территориальном и структурном отношении, что избавляет авторов предисловия от необходимости касаться этой темы.

Сборник объединяет исследования казанских, московских и петербургских авторов, фиксируя тем самым основные центры изучения золотоордынской тематики в России, начатого трудами Х.Д.Френа, П.С.Савельева, И.Н.Березина, В.Г.Тизенгаузена. Мы надеемся, что объединенные усилия исследователей, представляющих три научные школы, будут содействовать новой актуализации золотоордынской тематики и приданию ей менее политизированного характера.

Редколлегия весьма признательна А.Г.Юрченко, взявшему на себя существенную часть работы по подготовке настоящего сборника к печати.

История

Т.И.СУЛТАНОВ
(Санкт-Петербург)

Род Шибана, сына Джучи: место династии в политической истории Евразии

В результате завоевательных войн Чингис-хана (ум. в 1227 г.) и его первых преемников образовалось Великое Монгольское государство (*Еке Монгол улус*). Так стало называться государство Чингис-хана с 1211 г., что вытекает из текста «Цза-цзи» Ли Синьчуаня [Мэн-да бэй-лу, коммент. 93, с. 123–124]. Это официальное название Монгольского государства мы находим и в надписи на печати великого хана Гуюка, который правил в 1246–1248 гг. Монгольская империя выделялась среди прочих кочевых империй прежде всего своими огромными размерами: она простиралась от Амура и Желтого моря на востоке до Дуная и Евфрата — на западе. Естественно, что империя, объединявшая под своей властью разные племена и народы, страны и государства Дальнего Востока, Передней Азии и Восточной Европы, не могла просуществовать долго. Уже к середине 60-х годов XIII в. Монгольская империя распалась на четыре улуса-государства, каждое из которых возглавляли ханы — потомки Чингис-хана. Этими независимыми и враждовавшими друг с другом государствами были:

1. Золотая Орда, в состав владений которой входила вся Великая Степь (*Дешт-и Кипчак* мусульманских источников) от Иртыша на востоке до Дуная на западе; этим государством правили потомки Джучи (ум. в 1227 г.), старшего сына Чингис-хана.

2. Чагатайское государство, включавшее Мавераннахр (междуречье Амударьи и Сырдарьи), Семиречье, Восточный Туркестан и получившее свое название по имени второго сына Чингис-хана — Чагатая (ум. в 1242 г.).

3. Государство Хулагуидов, созданное в Иране Хулагу-ханом (ум. в 1265 г.), сыном Тулуя, четвертого сына Чингис-хана; Хулагу и его пре-

© Т.И.Султанов, 2002

емники на троне также носили титул *ильханов*, поэтому в исследовательской литературе монгольских правителей Ирана нередко называют ильханами (Ильханидами). Государство ильханов во время своего основания охватывало все страны от Амударьи до Индийского океана и от Инда до Евфрата, а также большую часть Малой Азии и закавказских стран.

4. Государство в собственно Монголии и Китае с центром вначале в Кайпине, а затем в Пекине (Ханбалык), которым правила другая ветвь потомков Тулуя (ум. в 1233 г.), а именно: потомки великого хана Хубилая (ум. в 1294 г.), брата ильхана Хулагу. Это государство получило официальное китайское название — империя Юань.

Историческая судьба этих четырех монгольских династий сложилась по-разному. Потомство Тулуя, правившее в Китае (династия Юань), китаизировалось. Джучиды, Чагатаиды и Хулагуиды приняли ислам — веру своих подданных. Потомки Тулуя сохраняли власть в Монголии до XVII в., а в Китае они правили только до 1368 г., когда им на смену пришла династия Мин. Последний ильхан, Абу Саид, умер в 1335 г., и государство Хулагуидов в Иране распалось между 1336 и 1353 гг. Чагатайская держава в конце 40-х годов XIV в. разделилась на два государства — западное и восточное. В западных владениях — Мавераннахре — род Чагатая потерял свое господство и фактическая власть перешла в руки тюрко-монгольских эмиров (беков), среди которых выделился эмир Тимур (годы жизни: 1336–1405) из отюреченного монгольского племени барлас. Дальнейшая история западной части Чагатайского государства (название *чагатай* было сохранено только за государством Тимура и его кочевым населением) сложилась так, что в Мавераннахре возникла династия Тимуридов, правившая страной до начала XVI столетия, когда государство Тимуридов было завоевано кочевыми племенами из Дешт-и Кипчака — узбеками. Во главе их стояли Шибаниды — потомки царевича Шибана, сына Джучи.

Джучиды сохраняли верховную власть в восточном Дешт-и Кипчаке и смежных регионах очень долго — до середины XIX столетия.

Из четырех названных монгольских государств особое значение для политической и этнической истории тюрков имел Джучиев улус.

В средневековой восточной литературе нет ни одного специального сочинения по истории Золотой Орды. Но именно мусульманские источники, наряду с русскими летописями и записками европейских путешественников и миссионеров, сохранили наиболее подробные сведения о государстве монголов с центром в Нижнем Поволжье, о Золотой Орде — предмете нашего исследования.

История образования Золотой Орды связана с историей складывания удела-владения Джучи. Чингис-хан, подчиняясь народному обычаю, еще при жизни определил уделы своим сыновьям и другим родичам. Насколько можно судить по имеющимся материалам, первым был выделен старший сын — Джучи. Когда в 1207–1208 гг. тот покорил енисейских кыргызов и прочие «лесные народы» юга Сибири, говорится в монгольской хронике 1240 г., отец подарил все эти народы ему. Впоследствии, после покорения Чингис-ханом Средней Азии (1219–1224), в состав удела Джучи вошли обширные земли к западу от Иртыша и от границ Каялыка (в Семиречье) и Хорезма (нижняя Амударья) «вплоть до тех пределов, куда доходили копыта татарских коней», т.е. до границ царства волжских булгар [Джувейни, т. 1, с. 31].

Завершив военную кампанию в Средней Азии, Чингис-хан в 1224 г. вернулся в Монголию. Джучи остался в полюбившихся ему Кипчакских степях, чтобы заняться организацией управления своего улуса-владения. Согласно Рашид ад-Дину, автору «Сборника летописей» («Джами ат-таварих»), главному источнику по истории Монгольской империи, *орда* (ставка) Джучи «была в пределах Иртыша» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 78]. По утверждению Абу-л-Гази, Чингисида и автора «Шаджара-йи тюрк» («Родословное древо тюрков»), «резиденция (*махтгах*) Джучи располагалась в Дешт-и Кипчаке, и это место (*йер*) называлось *Кёк-Орда*» [Абу-л-Гази, с. 172].

После смерти Джучи в начале 1227 г. преемником стал его сын Бату. О первых десяти годах правления Бату-хана в источниках мало сведений. В 1228 или 1229 г. он присутствовал на всемонгольском *курултае* (собрание монгольской знати), на котором третий сын Чингис-хана, Угедей, был провозглашен великим ханом. На курултае 1235 г. было принято решение о новом походе в западные страны и Бату был назначен предводителем объединенного монгольского войска. Разгромив в ходе кампании 1236–1242 гг. Волжскую Булгарию, русские княжества, опустошив Польшу, Венгрию, Чехию, Валахию и другие европейские области и страны, Бату вернулся на берега Волги, куда была перенесена и резиденция Джучидов, располагавшаяся ранее в районе Иртыша.

Завоевания Бату в ходе семилетнего похода (1236–1242) изменили лик Евразии. Перестало существовать государство волжских булгар, погибла династия западных кипчаков, исчезли многие другие самостоятельные владения, царствующие фамилии, и впервые в истории все пространство Великой Степи, от Иртыша — на востоке до Дуная — на западе, целиком оказалось в составе владений одной династии — Джучидов — потомков Джучи. Северными рубежами владений Джучидов теперь являлись г. Булгар и область Башгырд; южный

рубеж на Кавказе составляли Железные Ворота (г. Дербент в Дагестане); юго-восточная территория улуса Джучи включала в себя всю местность, простиравшуюся от верхнего Иртыша к оз. Ала-Куль и дальше по южной части оз. Балхаш (Кокче-Тенгиз) к Сырдарье. Оттуда граница тянулась через район среднего течения Сырдарьи южнее Аральского моря, охватывая Северный Хорезм с Ургенчем, плато Устюрт и Мангышлак.

Бату, первый правитель улуса Джучи, после смерти своих дядей Угедея (ум. в конце 1241 г.) и Чагатая (ум. в начале 1242 г.) считался, по выражению Джувейни, «всем царевичам старшой (*ака*)», пользовался наибольшим авторитетом и обладал даже некоторыми правами государя. Тем не менее он до конца своей жизни оставался вторым после великого хана человеком в Монгольской империи и не стал главой самостоятельного государства. Как при Бату (ум. в 1255 г.), так и при первых преемниках его (Сартаке, Улагчи, Берке) улус Джучи составлял лишь одну из частей обширной Монгольской империи с центральным правительством в Каракоруме (Монголия).

Политическую самостоятельность Джучиды обрели лишь в годы правления внука Бату Менгу-Тимура (1267–1280): он первым из правителей Джучиева улуса стал от своего имени чеканить монеты с титулом «правосудный великий хан» и выдавать ярлыки (повеление), в частности русскому духовенству (первый ярлык датирован августом 1267 г.).

Таким образом, с конца 60-х годов XIII в. улус Джучи отделяется от общеимперского центра и становится самостоятельным государством. Для обозначения этого нового монгольского государства в сочинениях мусульманских авторов и текстах официальных документов на протяжении всего средневековья употреблялись различные названия. Вот неполный их перечень: улус Джучи, Дешт-и Кипчак, Кипчак, Дом Бату, страна Берке, Северное царство, Улуг улус, Токмак, Токмакский улус, Узбеково государство, Узбекский улус. В исследовательской литературе оно известно под именем *Золотой Орды*.

Принято считать, что словосочетание «Золотая Орда» перешло в научную литературу из русских летописей и имеет позднее происхождение. На Руси новое монгольское государство с центром в Нижнем Поволжье долгое время не имело какого-либо специального названия, и вместо него в русских летописях употреблялись выражения типа: «в татары», «из татар», «к Батыю» и т.п. С конца XIII в. на смену этим выражениям приходит наименование «Орда», которое прочно утверждается во всех русских официальных документах и летописях. Название «Золотая Орда» (в форме «Златая Орда» и «Великая Орда Златая») в русских источниках зафиксировано лишь во второй половине XVI в., когда основанное Джучидами государство с центром в Повол-

жье уже полностью распалось. Следует особо отметить, что в русских источниках выражение «Златая Орда» употребляется только в значении части улуса Джучи; лишь в исследовательской литературе понятие «Золотая Орда» — синоним государства потомков Джучи в целом.

Происхождение названия «Золотая Орда», по мнению ряда исследователей (А.Г.Митрошкина, Г.А.Богатова, Г.А.Федоров-Давыдов, В.Л.Егоров), находится в прямой связи с ханской ставкой, а точнее, с богато украшенной золотом и дорогими материями парадной юртой монгольского правителя. Действительно, в средневековую эпоху присвоение названия «золотая орда», «золотой шатер» царской ставке было явлением ординарным. Так, у арабского путешественника X в. Тамима ибн Бахра мы находим описание «золотого шатра» правителя страны древних уйгуров. Термин «Золотая Орда» нередко употреблялся в мусульманских и европейских источниках XIII–XIV вв. при описании событий в Монгольской империи. Вот несколько примеров. Рашид ад-Дин, рассказывая о возвращении Чингис-хана в 1224 г. из Средней Азии в Монголию, указывает, что когда тот достиг местности Бука-Суджигу, то приказал разбить *Урду-и заррин-и бузург*, т.е. «Большую, или Великую, Золотую орду» [Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 230]. В другом случае говорится о том, что в местности Карчаган, в одном дне пути от Каракорума, столицы Монгольской империи, для великого хана Угедея «разбили такой большой шатер, что в нем помещалась тысяча человек, и этот шатер никогда не убирали. Скрепы его были золотые, внутренность его была обтянута тканями; его называли Сира урду» — «Золотая орда», «Золотая ставка» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 41].

В связи с этим интересен рассказ из отчета францисканца Иоанна де Плано Карпини, который присутствовал на интронизации хана Гуюка в 1246 г. Для возведения Гуюка на престол в степи был установлен большой шатер, «называемый у них Золотой Ордой... Шатер же этот был поставлен на столбах, покрытых золотыми листами и прибитых к дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стен он был крыт балдакином, а снаружи были другие ткани» [Малеин, с. 76]. Перед этим описанием Иоанн де Плано Карпини отмечает, что ставка, двор монгольского хана, «именуется ими Сыра орда».

Возникает вопрос: не имеем ли мы во всех трех рассказах описание одного и того же большого парадного царского шатра, называемого у древних монголов «Золотой ордой» и разбитого в первом случае в ставке Чингис-хана, во втором — Угедей-хана, в третьем — в ставке Гуюк-хана?

Очевидно, что впоследствии монгольские улусные правители, став самостоятельными государями независимых владений, стремились,

подобно великому хану в Каракоруме, иметь свою «Золотую орду», «Золотую ставку». Действительно, в источниках (Рашид ад-Дин, Вассаф, Ибн Баттута) мы находим упоминание и даже описание «Золотой орды» (по-персидски: *урду-и заррин*) Чингисида Шаха, которая располагалась в долине Таласа (Юго-Западный Казахстан), Хулагуида Газан-хана (правил в Иране в 1295–1304 гг.), Джучида Узбек-хана (правил в 1313–1341 гг.). Вот описание парадного шатра золотоордынского хана Мухаммеда Узбека, которое приводит арабский путешественник XIV в. Ибн Баттута. Когда Узбек-хан в пути и живет в кочевой ставке, пишет этот автор, «он садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный. Он состоит из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками. Посредине его деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листками; ножки его из чистого серебра, а верх усыпан драгоценными камнями» [Тизенгаузен, с. 290]. Судьба диковинного «Золотого шатра» (Золотой орды) Узбек-хана незавидна: по словам хорезмийского автора XVI в. Утемиша-хаджи, при Хызр-хане (правил в Золотой Орде в 1359–1361 гг.) он был разломан и поделен между приближенными хана [Чингиз-наме, с. 112].

Таким образом, термин «золотая орда» — достаточно древний: у монголов так называлась царская кочевая ставка, а точнее, роскошный парадный шатер Чингис-хана, его первых преемников на каракорумском престоле, а затем и ставка (*орда*) улусных ханов-Чингисидов.

Вполне вероятно, что словосочетания «Златая Орда» и «Великая Орда Златая» поздних русских источников связаны с более ранними восточными терминами — *Сыра орда* («Золотая орда») и *Урду-и заррин-и бузург* («Большая, или Великая, Золотая орда») или даже являются калькой этих восточных терминов. Напомним в связи с этим, что в русских источниках XVI–XVII вв. выражение «Золотая Орда» встречается не только в значении части государства потомков Джучи, но также и ханской резиденции. Насколько известно, понятие «Золотая Орда» как название улуса Джучи прочно утвердилось на страницах исторических трудов лишь с XIX столетия.

Этнический состав населения Золотой Орды был пестрым: какую-то его часть составляли покоренные монголами оседлые народы; но основная масса населения государства представляла собой разные тюркские и тюркизированные кочевые племена и роды, еще не сложившиеся в народности. Удельный вес собственно монгольского населения в Золотой Орде с самого начала ее образования был сравнительно небольшим. Но в тюркском мире Кипчакской степи монголы были привилегированным, господствующим слоем. Уже в первой половине XIV в. в улусе Джучи потомки завоевателей приняли тюрк-

ский язык кипчаков, который к XV столетию окончательно стал государственным языком в Золотой Орде.

При освещении событий XIII–XIV вв. для обозначения кочевого населения Джучиева улуса в источниках употребляются слова: *монголы*, *татары*, *тюрки*, *кипчаки*. Со второй половины XIV в. кочевое население улуса Джучи известно под общим собирательным словом *узбекú*. Постепенно термин *узбекú* сменился термином *узбек*. К XV столетию слово «узбек» как этническое и государственное название постепенно исчезло из употребления в западных областях Великой Степи и осталось только за кочевыми тюркскими и тюркизированными племенами восточного Дешт-и Кипчака. Для обозначения территории их обитания мусульманские авторы стали употреблять термин *Узбекский улус* или просто *Узбекистан*. Таким образом, тогдашний, средневековый Узбекистан включал в свой состав, в частности, территорию современного Центрального, Северного, Северо-Западного и Западного Казахстана.

Как отметил В.В.Бартольд, «Золотая Орда с самого начала была более сплоченным государством, чем владения других потомков Чингиз-хана» [Бартольд, т. V, с. 139]. Тем не менее и государство Джучидов в 30–60-х годах XV в. распалось, и на его развалинах образовалось несколько новых тюркских государств: Крымское ханство, Казанское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство, Казахское ханство, а также ряд других политических единиц.

Крымское, Казанское и Астраханское ханства возглавили потомки Тукай-Тимура; и это было не случайно. По Рашид ад-Дину, Тукай-Тимур был тринадцатым сыном Джучи; согласно анонимному автору генеалогического сочинения «Муизз ал-ансаб», его матерью была наложница по имени Кагри из племени меркит [Муизз ал-ансаб, л. 18а; об этом сочинении см.: Султанов 1994, с. 81–87]. В другом источнике утверждается, что в 1229 г. Бату-хан при отъезде в Каракорум, в Монголию, на коронацию Угедея «поручил свое царство младшему брату, Тукай-Тимуру». Тукай-Тимур вместе с другими своими братьями принимал участие в походе монголов на запад в 1236–1242 гг. После завершения этой кампании Бату-хан выделил из *каучинов* (т.е. привилегированной части войска) племена минг, тархан, ушун, ойрат и передал их в подчинение брату. В качестве удела он пожаловал ему область асов (на Северном Кавказе) и Мангышлак. Согласно воле Бату и его первых преемников, Тукай-Тимур и его потомки осуществляли власть также над Хаджи-Тарханом (Астрахань), вилайетами Кафа и Крым [Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 3, л. 108аб; т. 6, ч. 4, л. 3а, 25б]. Тукай-Тимур присутствовал на всемонгольских курултаях 1246 г. (возведение на престол Гуюка) и 1251 г. (возведение на престол Мунке). По рассказу Абу-л-Гази, Тукай-Тимур, следуя примеру своего старшего

брата, Берке-хана, стал мусульманином. Истории потомков Тукай-Тимура, к которым (кроме крымских, астраханских и других ханов) принадлежали также и бухарские ханы Астраханской династии (Аштарханиды, или Джаниды, правили в 1599–1785 гг.), посвящена четвертая часть шестого тома «Бахр ал-асрар» балхского историка XVII в. Махмуда ибн Вали. Согласно утверждению этого авторитетного автора, потомки Тукай-Тимура получили прозвание «ханских сыновей» (*хан-оглы*). А дом Тукайтимуридов Махмуд ибн Вали называет *Ханедан-и Тукайтимурийан*.

Казахское ханство было основано двумя султанами — Гиреем и Джанибеком, потомками Орда-Эджена, сына Джучи.

Орда-Эджен (Орда, Хорду, Ичен), согласно Рашид ад-Дину, — первый сын Джучи-хана от его старшей жены по имени Сартак из племени конграт. При жизни Джучи и после него он был весьма уважаем и почитаем. Орда-Эджен способствовал приходу к власти царевича Бату в улусе Джучи. «Орда, — говорится в источнике, — был согласен на воцарение Бату, и на престол на место отца именно он его возвел. Таким образом, хотя заместителем Джучи-хана стал его второй сын, Бату, великий хан Менгу в ярлыках, которые он писал на их имя по поводу решений и постановлений, имя Орды ставил впереди» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 66]. После смерти Джучи в 1227 г. главная ставка его, которая располагалась в верховьях Иртыша, в районе оз. Ала-Куль, и называлась Кök-Ордой, перешла к Орда-Эджену. В ведение Орды перешли также личные четыре тысячи воинов Джучи-хана, которые ему выделил отец, Чингис-хан; эти четыре тысячи, по словам историка XIV в. Вассафа, при жизни Орды составляли уже более одного тумена «живого войска», т.е. более 10 000 воинов. Орда вместе с другими своими братьями принимал участие в семилетнем походе монгольского войска на запад в 1236–1242 гг. В 1246 г. он участвовал в работе всемонгольского курултая, на котором Гуюк был возведен на ханский престол в Монголии. В известных справочниках С.Лэн-Пуля «Мусульманские династии» (1899 г.), К.Э.Босворта под тем же названием (1967 г.; на русский язык переведен П.А.Грязневичем в 1971 г.) датой смерти Орда-Эджена неверно указан 1280 г. Из справочника С.Лэн-Пуля эта ошибка перешла во многие исторические труды. В действительности Орда-Эджен умер между 1246 и 1251 гг.: в 1246 г., когда Иоанн де Плано Карпини со своими спутниками проехал через территорию улуса Джучи, Орда-Эджен был еще жив, но уже в 1251 г. его уделом правил его четвертый сын, Кункиран. Во второй половине XIII в., т.е. при первых преемниках Орда-Эджена, центр улуса Орды (а также и его название *Кök-Орда*) был перенесен из района оз. Ала-Куль, где он находился вначале, на берега Сыр-

дарьи. После Кункирана, сына Орды, там правил Куйинчи (Коничи), сын Сартактая, сына Орды. После смерти Куйинчи вместо него утвердился его старший сын, с поэтическим именем Баян.

Сибирским ханством правили Шибаниды. В связи с этим замечу, что многие исследователи название династии неправильно приводят как «Шейбаниды» («Шайбаниды») и называют так только правителей Мавераннахра с центром вначале в Самарканде, затем в Бухаре. Между тем Шибаниды правили не только в Сибири, но также и в Хорезме. Учитывая роль Шибанидов в политической жизни Евразии, остановимся на истории этой династии более подробно.

Шибаниды — потомки монгольского царевича Шибана, пятого сына Джучи, старшего сына Чингис-хана. *Сибан* (монг. *Šiban*, лат. *Siban*) — так назван младший брат Бату в донесениях францисканцев Иоанна де Плано Карпини и Бенедикта Поляка [Иоанн де Плано Карпини V. 20; де Бридиа, § 23]. Согласно В.В.Бартольду, имя Шибан мусульманская традиция превратила в «Шейбан» по аналогии с названием арабского племени и арабского имени, с которым оно на самом деле не имеет ничего общего.

Дата рождения Шибана неизвестна. В 1229 г. вместе со своими братьями (Бату, Берке, Беркечаром и Орда-Эдженом) он присутствовал на курултае в Монголии, где Угедей был провозглашен великим ханом. В 1236–1242 гг. вместе с другими Чингисидами Шибан участвовал в семилетнем походе монголов в западные страны. Его десятитысячный отряд находился в авангарде войска монголов во время похода осенью 1236 г. против булгар и башгирдов; по Джувейни и Рашид ад-Дину, Шибан лично вступал в сражения и в короткое время монголы захватили Булгар и Башгирд. В 635/1237-38 г. Шибан, Бучек и Бури выступили в поход на страну Крым и захватили ее.

В 1246 г. вместе со своими братьями (Ордой, Берке, Беркечаром, Тангутом и Тукай-Тимуром) Шибан присутствовал по повелению Бату, главы улуса Джучи, на курултае в Монголии, на котором Гуюк был провозглашен великим ханом. Последний раз имя Шибана упоминается в источниках под 1248 г. Дата смерти Шибана также неизвестна.

Согласно Абу-л-Гази, Бату после возвращения из похода в Восточную Европу пожаловал своим братьям и другим родичам уделы; в частности, Шибан получил земли между владениями самого Бату и владениями Орды, с тем чтобы он проводил лето на берегах Иргиза, Ори, Илека и вообще к востоку от Яика и Уральских гор, зиму — в Каракуме, Ара-куме, на берегах Сырдарьи, в устьях Чу и Сары-су. При этом под власть Шибана Бату отдал народ (*иль*) в количестве 15 тысяч семейств (*эв*), состоящий из представителей четырех племен: кушчи, найман, буйрак, карлук [Абу-л-Гази, с. 181; Зубдат ал-асар, л. 88а, 119б].

У Шибана было много жен и наложниц, пишет Рашид ад-Дин, и приводит имена двенадцати сыновей Шибана и их первых потомков. Подробная генеалогия Шибана приводится в «Муизз ал-ансаб» (л. 22б–23б), «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» [МИКХ, с. 34–43] и других сочинениях. В 60–70-х годах XIV в., когда в Золотой Орде началась полоса смут и в столице государства, Сарае, сменялось по нескольку ханов в год, на сарайском престоле побывало немало царевичей из рода Шибана. Этой теме посвящена специальная статья известного петербургского тюрколога А.П.Григорьева [Григорьев, с. 160–182].

Согласно Махмуду ибн Вали и Абу-л-Гази, власть в роде Шибанидов в течение нескольких поколений постоянно передавалась от отца к сыну, т.е. по прямой линии. Вот имена царевичей: Бахадур (второй сын Шибана), Джучи-Буга (второй сын Бахадура), Бадакул (старший сын Джучи-Буги), Минг-Тимур (старший сын Бадакула), Пулад (третий сын Минг-Тимура). После смерти Пулада его наследство было разделено между двумя его сыновьями — Ибрахимом и Арабшахом, причем каждый из них имел свою *орду* (ставку).

Потомки Ибрахима и Арабшаха постепенно обособились, образовав особые ветви рода Шибана, и когда в начале XVI столетия в Мавераннахре и Хорезме возникли два самостоятельных ханства под главенством Шибанидов, то во главе так называемого Бухарского ханства стояли Шибаниды из потомков Ибрахима, а во главе Хивинского ханства — Шибаниды из потомков Арабшаха.

Другим следствием раскола в улусе Шибана было появление в 20-х годах XV в. на коренной территории Шибанидов одновременно нескольких независимых правителей. Одним из них был Джумадук-хан (правил в 1425–1428 гг.), правнук Тонга (или Тунка), младшего брата Пулада, несмотря на то что его отец, Суфи-оглан, еще был жив. Владения Джумадука находились к северу от Аральского моря, между реками Эмбой и Сары-су. На левом берегу Атбасара, правого притока Ишима, самостоятельно правил Шибанид Мустафа-хан. Другого правителя улуса Шибана звали Махмуд-Ходжа; он был сыном Каанбая, четвертого сына Эльбека, сына Минг-Тимура [Ахмедов, с. 42–44].

У упомянутого Джумадук-хана наряду с другими Шибанидами служил и Абу-л-Хайр-оглан, сын Даулет-Шейха, сына Ибрахима. Около 1427–1428 гг. часть населения соседнего с владениями Джумадука Мангытского улуса (Ногайская Орда русских источников) восстала. Джумадук-хан выступил против повстанцев, но потерпел поражение, попал в плен и был казнен. В плен попал и юный Абу-л-Хайр-оглан. Однако ему была не только сохранена жизнь, но и оказана поддержка при захвате власти во владениях Джумадука.

Так при поддержке некоторых предводителей мангытов (ногаев) и большинства предводителей кочевых племен и родов улуса Шибана 17-летний Абу-л-Хайр был провозглашен ханом в начале весны 1429 г. (год обезьяны = 1428-29; 834 г.х. = 1429-30). После победы над другими Джучидами тех краев ему подчинилась большая часть восточного Дешт-и Кипчака (Узбекского улуса) [Тарих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 218а–220б].

Население восточного Дешт-и Кипчака, которым управлял Абу-л-Хайр (правил в 1429–1468 гг.), называлось *узбеками*, по-видимому, по имени известного государя Золотой Орды — Узбек-хана (правил в 1313–1341 гг.), хотя ханы этой области, как было сказано выше, не вели свое происхождение от хана Узбека; Узбек-хан был потомком Бату.

Историческое значение правления Шибанида Абу-л-Хайра определяется тем, что он был основоположником могущества кочевых узбеков восточного Дешт-и Кипчака. Во время его царствования среди населения восточного Дешт-и Кипчака, носившего тогда название Узбекский улус, около 1459 г. произошел раскол, в результате чего часть обитателей степи откочевала в соседний Моголистан и получила название *узбеки-казаки*, или просто *казаки*. Во главе отделившейся части населения Узбекского улуса стояли два родственника — Гирей-султан и Джанибек-султан, потомки Орда-Эджена.

Как год смерти Абу-л-Хайра приводится год мыши, 1468 г., в одних источниках приравненный к 874/1469-70 г. («Тарих-и Абу-л-Хайр-хани», «Бахр ал-асрар»), в других — к 873/1468-69 г. («Тарих-и джахан-ара»).

Сразу же после смерти предводителя кочевых узбеков в Узбекском улусе началась борьба за верховную власть. В этой обстановке султаны Гирей и Джанибек и их казачья вольница вернулись из Моголистана в Узбекский улус и в 875/1470-71 г. захватили верховную власть в стране и основали династию собственно казахских султанов (*даулат-и салатин-и казак*). Имя *казак* сначала передалось ханству, а затем стало и названием народности.

Преемник и сын Абу-л-Хайра, Шейх-Хайдар-хан, и люди его окружения были убиты, большая часть Шибанидов со своими приближенными подались во владения астраханского хана Касима, но их противники осадили Астрахань, и Шибаниды бежали из города в степи, рассеявшись по обширному улусу.

Так в 1470-71 г. Шибаниды потеряли верховную власть в Узбекском улусе (восточном Дешт-и Кипчаке), но не отказались от политической борьбы. Во главе этой группы Шибанидов стали молодой, энергичный и воинственный царевич Мухаммед Шейбани (род. в

1451 г.) и его младший брат, Махмуд-султан (род. в 1454 г.). Юные султаны, которые после гибели Шейх-Хайдара (ок. 1470 г.), сына и преемника Абу-л-Хайр-хана, были увезены в Астрахань, вернулись в присырдарьинские степи и, собрав там небольшой отряд, начали борьбу с казахскими владетелями за восстановление власти семьи Абу-л-Хайра в восточном Дешт-и Кипчаке.

Однако Мухаммеду Шейбани не удалось повторить опыт деда — сделаться главой Узбекского улуса. Тогда два брата обратились с воззванием ко всем своим приверженцам собраться вместе и выступить на войну с Тимуридами. На призыв откликнулись несколько их близких родственников и ряд предводителей кочевых племен восточного Дешт-и Кипчака. В 1500 г. Мухаммед Шейбани во главе небольшого отряда двинулся на юг, захватил Самарканд, Бухару и еще несколько крепостей. Самарканд он скоро потерял, но в следующем, 1501 г. вновь овладел городом и объявил его своей столицей, а в Бухаре посадил наместником своего младшего брата и испытанного соратника, Махмуд-султана. Начало нового, шестнадцатого столетия совпало с воцарением в Мавераннахре новой династии, династии Шибанидов — потомков Шибана, сына Джучи, сына Чингис-хана.

Отметим следующее обстоятельство. Собственное имя завоевателя государства Тимуридов — Мухаммед; у него было еще несколько почетных прозваний, к примеру Шахбахт, Абу-л-Фатх, Шайбек-хан и др. В литературных кругах своего времени он слыл известным поэтом и так как происходил из потомков Шибана, то принял *тахаллус* (литературный псевдоним) Шейбани. Таким образом, происхождение этого имени объясняется просто: Шибан (Сибан) → Шейбан (Шайбан) → Шейбани (Шайбани). У Шибанида Мухаммеда Шейбани-хана было три сына, но прямые наследники его никогда и нигде не правили.

Завоевание государства Тимуридов Мухаммедом Шейбани-ханом привело к окончательному уходу потомков Абу-л-Хайр-хана с частью племен и родов Узбекского улуса с территории восточного Дешт-и Кипчака и к появлению термина *узбек* в покоренных им областях Мавераннахра. С этого времени оба термина — *казак* и *узбек* — обозначали не только приверженцев старой знати Шибанидов или Гирея, Джанибека и их потомков, но и сородичей по месту их обитания, ограниченного теперь рамками определенных политических и государственных границ. Мавераннахр оставался под властью потомков Шибанида Абу-л-Хайр-хана до конца XVI столетия.

Во владениях Шибанидов Мавераннахра в основу государственной жизни были положены степные традиции, согласно которым государство считалось собственностью всей царствующей фамилии, члены которой назывались султанами и один из их среды, как глава рода,

провозглашался ханом. Государство было разделено на уделы, которые находились под управлением и во владении султанов и отдельных знатных эмиров (*беков*). Самарканд считался столичным городом. Но, провозглашенный государем всех узбеков Мавераннахра, султан не всегда переезжал в Самарканд, а продолжал жить в своем уделе, например в Ташкенте (Барак-хан) или в Бухаре (Убайдулла-хан, Абдулла-хан II).

Государство Шибанидов, основанное Мухаммедом Шейбани-ханом в Мавераннахре, в мемуарах придворного литератора первых Шибанидов Зайн ад-Дина Васифи «Удивительные события» называется *Узбекским государством*. Примечательно, что и Сефевид шах Тахмасп I (правил в Иране в 1524–1576 гг.) в беседе с турецким сановником в 1556 г. называл государство Шибанидов в Мавераннахре «Узбекистаном» («Страной узбеков»). Кочевые узбекские племена и роды восточного Дешт-и Кипчака, переселившиеся вместе с Шибанидами, занимали господствующее положение в Мавераннахре как при Шибанидах, так и при их политических преемниках — Аштарханидах (Джанидах). Очевидно, поэтому потомок Бабура, Великий Могол Аурангзеб (правил в Индии в 1658–1707 гг.), называл Мавераннахр, по свидетельству Ф.Бернье, «Узбекистаном».

Однако в научной литературе за мавераннахрским государством Шибанидов и их политических преемников — Аштарханидов утвердилось название «Бухарское ханство». Это обстоятельство не требует особых пояснений. Хотя столицей Шибанидов считался Самарканд, но деятельность самых могущественных и авторитетных ханов из этой династии (Убайдулла-хана, правившего в 1533–1539 гг. и Абдулла-хана, в мае 1557 г. захватившего Бухару, которая с тех пор и стала его столицей) была связана с Бухарой, и постепенно, уже во второй половине XVI в., статус столицы в Мавераннахре перешел к Бухаре. Деятельность ханов XVII в., происходивших из династии Аштарханидов, потомков Тукай-Тимура, тоже была тесно связана с Бухарой.

С именем новой столицы узбекского ханства в Мавераннахре — с Бухарой связано также происхождение терминов «Великая Бухария» и «Малая Бухария». Бухара стала хорошо известна в России и Западной Европе именно с XVI в. — со времени Шибанидов. В XVII и XVIII вв. русские и по их примеру западные европейцы называли «бухарцами» всех купцов и переселенцев из Мавераннахра, а их страну — Бухарией. Этот же термин был произвольно распространен и на Кашгарию (Восточный Туркестан), которую, в противоположность территории узбекского ханства — «Великой Бухарии», стали называть «Малой Бухарией».

Термины «Великая Бухария» и «Малая Бухария» употреблялись в русской научной литературе еще в первой трети XIX в., но в конце

концов под влиянием трудов английских исследователей «Великая Бухария» и «Малая Бухария» к середине XIX столетия были заменены терминами «Западный Туркестан» и «Восточный Туркестан». При этом под «Восточным Туркестаном» в западноевропейской и русской литературе имелся в виду «Китайский Туркестан» (Синьцзян), а под «Западным Туркестаном» — по преимуществу владения туркмен и территории трех узбекских государств — Хивинского ханства, Кокандского ханства и Бухарского эмирата.

Хивинское ханство (Хорезм, или Хива, — область в нижнем течении Амударьи) было создано в 1511 г. в результате совместной деятельности двух братьев, Илбарса и Билбарса, сыновей Буреке-султана, потомка Шибана. Эта ветвь династии Шибанидов была враждебна Шибанидам Мавераннахра. Сыновья Буреке-султана и их ближайшие родственники по причине родовой вражды с потомками Абу-л-Хайра не принимали никакого участия в походах Мухаммеда Шейбани-хана и его ближайших родственников на Мавераннахр и Хорасан, попрежнему оставаясь в своих улусах на территории восточного Дешт-и Кипчака.

В 1510 г., после поражения и гибели Шейбани-хана под Мервом, Хорезм, который он завоевал еще в августе 1505 г., перешел под власть персидского шаха Исмаила, победителя Шейбани-хана. Местные суфийские шейхи, не желавшие примириться с господством в стране шиитов, обратились за помощью к остававшимся еще в восточном Дешт-и Кипчаке Шибанидам, и в 1511 г. султан Илбарс прибыл в Хорезм в сопровождении своего брата Билбарса и небольшого числа кочевых узбеков. Братьям удалось подчинить сначала город Везир, потом Ургенч и, наконец, южную часть Хорезма и образовать здесь, в области нижнего течения Амударьи, самостоятельное ханство.

Сначала столицей нового ханства был Ургенч, и государство Шибанидов в Хорезме, по установившейся издавна традиции, согласно которой страна обычно называется по столице, именовалось «Ургенчским ханством»; в русской терминологии — «Юргенское ханство»: словосочетание «юргенский хан» употреблялось в русских грамотах еще в начале XVIII в. С начала XVII в. средоточием политической и духовной жизни становятся южные города страны, а резиденцией хана и столицей государства — город Хива (Хивак). Так Ургенчское ханство превратилось в «Хивинское ханство».

Таким образом, на начало XVI в. приходится окончательное укрепление в Мавераннахре и Хорезме кочевых узбеков восточного Дешт-и Кипчака. Возглавляемые враждующими между собой ветвями династии Шибанидов, они образовали здесь два крупных самостоятельных

государства — Бухарское ханство в Мавераннахре и Ургенчское (Хивинское) ханство в Хорезме.

Образование Сибирского ханства связано с именем Шибанида Ибак-хана. После смерти объединителя Узбекского улуса Шибанида Абу-л-Хайр-хана в 1468 г. большая часть территории Западной Сибири перешла к Ибак-хану, политическому сопернику Абу-л-Хайра в борьбе за власть. Имя Ибак-хана часто встречается в среднеазиатских нарративных источниках, освещающих события 60–90-х годов XV в. Основным ядром Сибирского ханства Шибанидов вначале были земли по среднему течению Иртыша и рекам Тара, Тобол, Ишим и Тура. Границы ханства то расширялись, то сужались в зависимости от политических обстоятельств. Столицей ханства был город Искер, расположенный недалеко от места впадения Тобола в Иртыш.

Последним правителем Сибирского ханства был Шибанид Кучум-хан, который пришел к власти между 1563 и 1569 гг. Насколько сейчас известно, в восточных источниках некоторые сведения о Кучум-хане содержатся только у Шибанида, хана Хивы и историка Абу-л-Гази (1603–1664) и у османского автора второй половины XVI в. Сейфи Челеби [Сейфи Челеби, л. 18б, 23б–24б]. В сочинении Сейфи Челеби государство и столица Кучума названы «Тура». В 1581 г. Искер был завоеван русскими казаками во главе с атаманом Ермаком. Своей победе Ермак был обязан исключительно применению огнестрельного оружия, еще неизвестного тогда в Сибири.

Несколько слов скажем о Ермаке. Ермак (*ермек*) — тюркское слово, означающее «забава», «утешение». Относительно личности атамана Ермака нет ясности. Существует множество версий о его происхождении — летописных, фольклорных и художественных. Согласно одной из фольклорных версий (в передаче известного казахстанского востоковеда Ю.А.Зуева), Ермак происходил из Ногайской Орды, был вхож в дворцовое окружение ногайцев (мангытов) и вступил в связь с ногайской княжной. Спасаясь от гнева ее брата, он вынужден был бежать на Волгу, оттуда на Каму и благодаря своим личностным качествам скоро сделался атаманом «казачьей дружины» [Страна в сердце Евразии, с. 142–143]. Эта дружина, которую снарядил огнестрельным оружием и продовольствием торгово-промышленный дом русских купцов Строгановых, двинулась вверх по реке Чусовой и через Урал в Сибирь, положив начало ее завоеванию.

В 1593–1594 гг. Кучум-хан потерпел очередное поражение от русских и бежал к мангытам (ногайцам). В августе 1598 г. Кучум-хан вновь сразился с царскими войсками, но опять потерпел поражение и укрылся у мангытов. Сообщается, что на этот раз мангыты убили его в отместку за набеги его отца Муртазы на их юрт.

Таким образом, в конце XVI столетия почти одновременно закончили свою историю две ветви рода Шибана — в Мавераннахре и Западной Сибири. Самой продолжительной оказалась история хорезмской ветви Шибанидов: потомки Шибанида Арабшаха правили в низовьях Амударьи с 1511 по 1695 г.

Обстоятельства смерти последнего хана Хивы из рода Шибана таковы. В 1687 г. умер сын и преемник хивинского хана-историка Абул-Гази, Ануша; через два года после смерти Ануша-хана, т.е. в 1689 г., вступил на престол его сын Эрнек. По словам хорезмийского историка Муниса, молодой Эрнек-хан был дерзким мужчиной красивой наружности, любителем увеселений. «Всякую ночь после вечерней молитвы, — пишет историк, — он верхом на ветроногом скакуне с двумя *махрамами* (близкими друзьями) скакал из Ак-Сарая в Хивак, развлекался и наслаждался там с розоликими девами и еще до рассвета возвращался в Ак-Сарай». Однажды, возвращаясь после такого похождения, хан был сброшен лошадью и разбился насмерть. Его мать, Тохта-ханым, которая происходила из туркмен, живших на южной окраине Хорезма, около Даргана, узнав о смерти сына, поспешила его похоронить, прежде чем известие о его смерти успело распространиться, и отправилась в Дарган, в дом своего отца. У ее старшего брата был сын, сверстник Эрнек-хана, и походил на него наружностью. Выдав своего племянника за Эрнек-хана, Тохта-ханым распространила слух, что хан ездил навестить своих туркменских родственников и теперь возвращается домой. Посредством такой хитрости молодому туркмену удалось привести в Хиву тысячу своих соплеменников и овладеть городом, после чего он стал подвергать преследованию узбеков Хивы. Некоторые узбеки ушли на Арал, собрали там войско из конгратов, мангытов, канглы, кипчаков и ходжа-эли и пошли походом на Хиву. Самозванец был схвачен и убит [Султанов, 1999, с. 84–89]. Тохта-ханым также была казнена: ее привязали к коням, которые волочили ее. Из дарганских туркмен спаслась лишь сотая часть. Это событие произошло в 1106/1694-95 г. [Фирдаус ал-икбал, л. 69б–71б].

Абу-л-Гази — Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khan. Publiée, traduite et annotée par de P.Desmaisons. St.-Pbg., 1871. T. 1. Texte.

Ахмедов — *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Бартольд — *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1963–1977. Т. I–IX.

Бахр ал-асрар — Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар. Т. 6. Ч. 2, 3 (фотокопии рук.): рук. СПбФ ИВ РАН ФВ 82; т. 6, ч. 4 (ксерокопия рук.): рук. СПбФ ИВ РАН ФВ 337.

Богатова — *Богатова Г.А.* Золотая Орда // Русская речь. 1970. № 1.

де Бридиа — Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi. Ed. et annot. A.Önnerfors. B., 1967.

Григорьев — *Григорьев А.П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // Ученые записки ЛГУ. № 417. Серия востоковедческих наук. Вып. 27. Востоковедение. 11. Филологические исследования. 1985.

Джувейни — The Tarikh-i Jahan-gusha of Alaud-Din Ata Malik-i Juwayni. Ed. by Muhammad ibn Abdul-Wahhab-i Qazwini. Leyden; London, 1912. Pt. 1.

Егоров — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Зубдат ал-асар — *Абдаллах ибн Мухаммад.* Зубдат ал-асар. Рук. СПбФ ИВ РАН D 104.

Иоанн де Плано Карпини — Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. Ed. critica del testo latino a cura di E.Menestò; trad. italiana a cura di M.C.Lungarotti e note di P.Daffinà; introduzione di L. Petech; studi storico-filologici di C.Leonardi, M.C.Lungarotti, E.Menestò. Spoleto, 1989.

Малеин — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Пер. с лат. А. И. Малеина, ред., вступит. ст. и примеч. Н.П.Шастиной. М., 1957.

Митрошкина — *Митрошкина А.Г.* Термин «Золотая Орда» // Труды Иркутского гос. ун-та. Иркутск, 1968. Т. 65. Вып. 4. Серия языкознание.

Муизз ал-ансаб — Муизз ал-ансаб. Рук. Парижской национальной библиотеки Ancien fonds Persan. 67.

Мэн-да бэй-лу — Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа, пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н.Ц.Мункуева. М., 1975. (Памятники письменности Востока. XXVI).

Рашид ад-Дин, 1952 — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. Пер. с перс. Л.А.Хетагурова, ред. и примеч. А.А.Семенова; Т. I. Кн. 2. Пер. с перс. О.И.Смирновой, примеч. Б.И.Панкратова и О.И.Смирновой, ред. А.А.Семенова. М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин, 1960 — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. с перс. Ю.П.Верховского, примеч. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова, ред. И.П.Петрушевского. М.; Л., 1960. Т. II.

Сейфи Челеби — *Сейфи Челеби.* Китаб-и падшахан-и вилайет-и Хинд ва Хитай ва Хотан ва Кашмир. Рук. Лейденского университета № 917.

Страна в сердце Евразии — *Абылхожин Ж.Б., Бурханов К.Н., Кадырбаев А.Ш., Султанов Т.И.* Страна в сердце Евразии. Сюжеты по истории Казахстана. Алматы, 1998.

Султанов, 1994 — *Султанов Т.И.* «Муизз ал-ансаб» и Чингизиды — подпоручики «Киже» // Восток. 1994. № 6.

Султанов, 1999 — *Султанов Т.И.* Самозванцы на троне // Энергия Казахстана. 1999. № 3.

Тарих-и Абу-л-Хайр-хани — *Масуд ибн Усман Кухистани.* Тарих-и Абу-л-Хайр-хани. Рук. СПбФ ИВ РАН С 478.

Тизенгаузен — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

Фирдаус ал-икбал — *Мунис, Агахи.* Фирдаус ал-икбал. Рук. СПбФ ИВ РАН С 571.

Чингиз-наме — *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскр., текстол. примеч., исслед. В.П.Юдина, коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. А.-А., 1992.

МИКХ — Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.

ДЖ.Э.БОЙЛ
(Кембридж)

Посмертный титул Бату-хана[1]

Хорошо известно, что Бату (1208–1256) носил титул *Саин-хан* (Sayin-khan), т.е. «хороший хан». Так его называют персидские авторы Рашид ад-Дин, Вассаф и Ибн Биби, египетские историки Макризи и Нувайри, армянский хронист Григор Акнерци и венецианец Марко Поло, хотя последний ошибочно считал, что «царь Саин» и «царь Пату» являлись двумя разными правителями, которые последовательно были «царями Запада» [Yule, II, с. 492–493]. В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина сказано: «Бату появился на свет от Уки-фудж-хатун, дочери Ильчи-нойона из рода кунгират. Его называли Саин-хан. Он был очень влиятелен и всемогущ и ведал улусом и войском Джучи-хана и прожил целый век» [Рашид ад-Дин, с. 71]. По мнению переводчиков, *Саин-хан* означает «Высокородный хан». Нужно отметить, однако, что современники Бату никогда не использовали этот титул. Он не встречается в трудах Джувейни и Джузджани, Киракоса Гандзакеци и Вардана Аравелци или в сочинениях западных авторов — Иоанна де Плано Карпини, Симона де Сен-Кантена и Вильгельма де Рубрука. Данный факт, по-видимому, объясняется тем, что это был посмертный титул Бату, употреблявшийся с целью избежать упоминания его настоящего имени, как и в случае с его дядей Толуем и его отцом Джучи, первый из них имел титул *yeke noyan* «великий нойон», а второй — *ulus idi* «владыка улуса» [Boyle, с. 146–154].

Значение слова *sayin* в этом контексте интерпретировалось поразному. Чаще всего его понимали в смысле «добрый», по-видимому, на основании одного пассажа из книги Иоанна де Плано Карпини, приведенного Юлом [Yule, II, с. 492–493], а недавно — Дёрфером [Doerfer, с. 371–372]: «Predictus Bati hominibus suis est satis benignus...». В связи с

[1] *Boyle J. A.* The Posthumous Title of Batu Khan // Proceedings of the IXth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. Naples, 1970, с. 67–70. Перевод на русский язык П.О.Рыкина.

© Дж.Э.Бойл, 2002

этим В.В.Бартольд пишет: «Так, Батый в глазах русских летописцев был только „лютым зверем“*; между тем он не только получил от самих монголов прозвание „доброго хана“ (*саин хан*), но прославляется за свою кротость, справедливость и мудрость мусульманскими** и армянскими*** писателями, нисколько не расположенными хвалить монголов» [Бартольд, с. 526].

В том же духе высказывается Р.Груссе: «Монголы называли его *саин-хан*, „добрый правитель“, и действительно превозносили его добродушие и щедрость. Но для христианского мира, напротив, он был виновником неописуемых зверств, которыми были ознаменованы его походы 1237–1241 гг. на Русь, в Польшу и в Венгрию» [Grousset, с. 471–472]. Так считает и Б.Шпулер: «Русские и татары наделяли его образ прямо противоположными характеристиками. Первые, вероятно, видели в нем кару Божью и страшного тирана. А то, какой оценкой он пользовался в глазах своих соотечественников, видно из прозвища *саин-хан* (добрый хан), которое они прилагали к нему» [Spuler, с. 32].

С этим не согласен П.Пельо. Комментируя тот факт, что тюркское слово *edgü* в «Санглахе» толкуется не как «хороший» (в моральном смысле), а как «умный», он отмечает: «Этот нюанс присутствует также в значении монгольского *сайн*, „хороший“; прозвище Саин-хан, данное Бату, не является, в сущности говоря, намеком на его доброту» [Pelliot, 1949, с. 106]. Обе интерпретации подытоживает Г.В.Вернадский: «Указателем духовных качеств Бату является эпитет „саин“, который дается ему в некоторых восточных анналах, а также в тюркском фольклоре. Его переводят как „хороший“» [Вернадский, с. 147–148]. П.Пельо отмечает, однако, что это слово имеет также толкование «умный» и в случае с Бату его надо понимать именно в этом смысле. Таким образом, *саин-хан* может обозначать «благоразумный хан» или «мудрый хан».

Любопытно, что в своих «Заметках к Марко Поло», где Пельо интерпретирует это слово как «превосходный» (а не «хороший» в смысле «добрый», см. [Pelliot, 1963, с. 824]), он очень близок к тому, что, по моему мнению, является действительным значением этого слова. Пельо отмечает, что использование *sayin* в качестве эпитета относится не только к Бату. В неопубликованном письме хана Аргуна папе Николаю IV от 1290 г., написанном по-монгольски, Аргун называет своего отца и мать *sayin äčigä, sayin ämägä* — «превосходный отец», «пре-

---

* Карамзин. *История государства Российского*, т. IV, с. 10. — *Примеч. В.В.Бартольда.*

** Джузджани, пер. Раверти, II, 1171–1172. — *Примеч. В.В.Бартольда.*

*** Магакия, пер. Патканова, 18. — *Примеч. В.В.Бартольда.*

восходная мать». То же *sayin* несомненно стояло в монгольском оригинале более раннего письма Аргуна папе Гонорию IV (1285 г.), известного в грубом латинском переводе, там, где Аргун говорит о «nostrum bonum patrem Alaum» и о «bonus Abaga filius ejus». В своем письме от 1305 г. французскому королю Филиппу Красивому хан Улджэйту использует это же слово *sayin* при упоминании своего прадеда, деда и отца (*sayin älinǰäk, sayin äbügä, sayin äčigä*). Улджэйту употребляет его также применительно к своему старшему брату (*sayin aqa*), т.е. к Газану. Комментируя это слово, издатели данного письма, Мостэр и Кливз [Mostaert, Cleaves, 1962, с. 59], отсылают читателя к другой своей статье, в которой они замечают по поводу упомянутого выше отрывка из теперь уже опубликованного письма хана Аргуна папе Николаю IV, что «*sayin* в значении „хороший" — это устойчивый термин, который использовался для обозначения покойных членов семьи» [Mostaert, Cleaves, 1952, с. 455]. В статье 1962 г. Мостэр и Кливз добавляют, что этот термин употребляется так еще в наши дни. У Рашид ад-Дина персидское *nīkū* «хороший» используется аналогичным образом в передаче (или переводе) монгольского термина: *ǰadd-i-nīkū-yi-mā* «наш хороший дед» (Хайду о Чингис-хане); *pidar-i-nīkū* «хороший отец» (Абака о Хулагу); *pidar-i-nīkū-yi-xviš* «его хороший отец» (упоминание о Хулагу в ярлыке великого хана, адресованном Абаке); *pidar-i-nīkū-yi-mā* «наш хороший отец» (Абака о Хулагу) [Mostaert, Cleaves, 1962, с. 113, 139, 153; ср.: Van Loon, с. 83, 184]. Во всех этих случаях данное прилагательное относится к уже умершим личностям.

Это и есть смысл данного термина в выражении «саин-хан», а также в титуле другого монгольского правителя, на который я обратил внимание лишь недавно. В латинской версии письма ильхана Абаки Лионскому собору 1274 г., опубликованной Джино Боргезио в журнале «Roma», отец Абаки Хулагу дважды упоминается как «ныне называемый» Seynegen[2], что истолковывается в смысле «sui ipsius possessor» [Borghezio, с. 362]. Конечно, это перевод только второго элемента, т.е. *eǰen* «владыка», а первый элемент явно представляет собой *sayin*. Таким образом, в «саин-эджэн», посмертном титуле Хулагу, мы имеем точную аналогию «саин-хан», посмертного титула Бату (а также Гуюка, если верить свидетельству Григора Акнерци, см. [Blake, Frye, с. 312–315]): я полагаю, что в обоих случаях этот эпитет означает не «добрый» или «умный», а просто «покойный».

[2] Так по Ватиканской рукописи (в другом случае в ней: Sexnegen). В тексте Боргезио на основании Венской рукописи в одном случае — Seynegen, а в другом — Senegen. Об этом важном и интересном документе см.: Richard.

Бартольд — *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. I.

Вернадский — *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.

Рашид ад-Дин — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. с перс. Ю.П.Верховского, примеч. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова, ред. И.П.Петрушевского. М.; Л., 1960. Т. II.

Blake, Frye — History of the Nation of the Archers (the Mongols) by Grigor of Akanc', Hitherto Ascribed to Marak'ia the Monk. The Armenian text edited with an English translation and notes by R.P.Blake and R.N.Frye // Harvard Journal of Asiatic Studies, Harvard. 1949. Vol. 12.

Borghezio — *Borghezio G.* Un episodio delle relazioni tra la Santa Sede e i Mongoli (1274) // Istituto di Studi Romani. Atti del IV congresso nazionale di Studi Romani. Roma, 1938. Vol. I.

Boyle — *Boyle J.A.* On the Titles Given in Juvaini to Certain Mongolian Princes // Harvard Journal of Asiatic Studies, Harvard. 1956. Vol. 19.

Doerfer — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. I. Wiesbaden, 1963.

Grousset — *Grousset R.* L'Empire des Steppes: Attila, Gengis-Khan, Tamerlan. P., 1965.

Mostaert, Cleaves, 1952 — *Mostaert A., Cleaves F.W.* Trois documents mongols des Archives Secrètes Vaticanes // Harvard Journal of Asiatic Studies. Harvard, 1952. Vol. 15.

Mostaert, Cleaves, 1962 — *Mostaert A., Cleaves F.W.* Les lettres de 1289, et 1305 des ilkhan Aryun et Öljeitü à Philippe le Bel. Cambridge, Massachusetts, 1962.

Pelliot, 1949 — *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. P., 1949.

Pelliot, 1963 — *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. P., 1963. Vol. II.

Richard — *Richard J.* Le début des relations entre la papauté et les Mongols en Perse // Journal asiatique. 1949. Vol. 237.

Spuler — *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223–1502. Wiesbaden, 1965.

Van Loon — *Van Loon J.B.* Ta'rīkh-i Shaikh Uwais. The Hague, 1954.

Yule — The Book of Sir Marco Polo the Venetian, Concerning the Kingdoms and Marvels of the East. Transl. and ed., with extensive critical and explanatory notes, references, appendices and full indexes, preceded by an analytical and historical introduction, by H.Yule and H.Cordier. Vol. II. Amsterdam, 1965.

И.В.ЗАЙЦЕВ
(Москва)

Образование Астраханского ханства

Астраханское ханство — одно из государств, возникших в результате распада улуса Джучи (Золотой Орды). Просуществовавшее более полувека в низовьях Волги, Астраханское «царство» имело много общего с другими государственными образованиями, также отколовшимися от Золотой Орды (Казанское, Крымское, Сибирское ханства, Ногайская Орда). Общими были традиции государственного устройства и управления, религия и культура, близки были эти государства друг другу в этническом и языковом отношениях. В Казанском, Крымском и Астраханском ханствах правили представители одного рода — Джучидов, потомков сына Чингис-хана, Джучи. Однако каждое из этих государств обладало специфическими чертами. Это касалось особенностей хозяйственного уклада, образа жизни, состава населения.

По словам видного отечественного исследователя истории Золотой Орды М.Г.Сафаргалиева, вопрос об образовании Астраханского ханства «долгое время в нашей исторической литературе оставался неясным ввиду недостатка источников» [Сафаргалиев, 1996, с. 512]. Эти слова были написаны ученым в книге «Распад Золотой Орды», вышедшей в 1960 г. Но и ныне ситуация не изменилась: ранняя история Астраханского ханства остается практически неизученной. Не выяснена дата основания ханства, до конца неизвестна конкретная хронология правления ханов, не изучены политический строй Астраханского государства и особенности его внешней политики. Работ, посвященных ранней истории Астраханского ханства, по существу нет. Можно назвать лишь статью М.Г.Сафаргалиева, опубликованную в 1952 г. [Сафаргалиев, 1952], однако она уже не отвечает современному уровню наших знаний об истории этого государственного образования. Статья Р.Фахрутдинова, специально посвященная распаду Золотой Орды и образованию Астраханского ханства, фактически явля-

© И.В.Зайцев, 2002

ется повторением взглядов М.Г.Сафаргалиева и не вносит ничего принципиально нового в разработку темы [Фахрутдинов].

Обратимся к одному из аспектов этой истории — вопросу о времени образования ханства. К 831 г.х. (1427-28 г.) относил астраханские монеты хана Кучук-Мухаммеда А.К.Марков [Марков, с. 530], однако М.Г.Сафаргалиев предположил, что А.К.Марков имел дело с дефектными экземплярами, так как Кучук-Мухаммед упоминается в источниках только с 834 г.х. [Сафаргалиев, 1996, с. 488]. Во всяком случае, в 1437 г., во время войны с Улуг-Мухаммедом, Кучук-Мухаммед двинулся на запад из района Астрахани, где, возможно, пребывал с 1433 г. [Сафаргалиев, 1996, с. 488].

Кучук-Мухаммед, хан Большой Орды, был внуком Тимур-Кутлуга (от его сына Тимура). Астрахань как часть Большой Орды принадлежала ему до его смерти в 1459 г. [Сафаргалиев, 1952, с. 34; Лэн-Пуль, с. 193][1].

Пожалуй, первым обратился к специальному изучению истории государства в Астрахани Х.Ховорс. «Среди осколков Золотой Орды Астраханское ханство имело все основания, чтобы считаться законным наследником ее древнего могущества. В действительности это и была Золотая Орда со значительно уменьшившейся территорией[2], ограниченная современными (Ховорсу. — *И.З.*) Астраханским и Кавказским губернаторствами, но она была под властью князей того же рода и, очевидно, контролировала каспийскую торговлю. Вполне возможно, что после смерти Кучук Мухаммеда два его сына... Махмуд хан и Ахмед хан как-то разделили Орду между собой, и частью Махмуд хана оказалась нижняя Волга» [Howorth, с. 349]. Почти вся последующая научная (и ненаучная) литература, касающаяся Астраханского ханства, являлась, по сути, развитием (или повторением) этих положений британского востоковеда.

М.Г.Сафаргалиев в одной из своих статей считал именно 1459 год датой основания ханства [Сафаргалиев, 1952, с. 34] (см. также [Фах-

[1] В литературе упоминается о хаджитарханской монете 877 г.х. некоего Мухаммед-хана (клад села Заполье Спасского уезда Рязанской губернии), найденной в 1892 г. и хранящейся ныне в Рязанском музее [Федоров-Давыдов, 1960, с. 172]. Что это за Мухаммед-хан, мне неизвестно. Быть Кучук-Мухаммедом этот хан никак не мог. Учитывая то, что эта монета существует в единственном экземпляре и заново не прочитывалась, можно предположить, что имеет место неверное прочтение либо даты, либо имени хана (может быть, правильнее Махмуд?).

[2] Ср., например, с выводами Н.Н.Фирсова: эта татарская монархия (т.е. Астраханское ханство) «была в сущности тою же полукочевой Золотой Ордой, но в значительно меньшем масштабе, Золотой Ордой, потерявшей свое значение и пышный титул и передвинувшейся из зимней резиденции прежних золотоордынских ханов к бывшему центру прежнего хозарского общественного союза» [Фирсов, с. 58].

рутдинов, № 25 (36)]), однако в более поздней работе, используя новые источники, он назвал 1459 год началом политического кризиса, который привел к отпадению Астрахани от Большой Орды, а дату основания ханства отнес к 1466 г. [Сафаргалиев, 1996, с. 510, 512]. Надо сказать, что у М.Г.Сафаргалиева были предшественники: 1466 год (871 г.х.) как дату основания ханства назвал в статье «Астрахань» в турецкой «Энциклопедии ислама» Р.Рахмати Арат. Он считал основателем государства сына Махмуда, Касима, который правил до 1490 г., после чего престол занимал (до 1504 г.) его брат Абд ал-Керим [Rahmati Arat, с. 680]. Имя Касима как основателя ханства прочно вошло и в другие справочные издания (см., например, [Hofman, с. 290]). И.Б.Греков полагал, что к 1466 г. относится попытка османского султана Мехмеда II наладить отношения с Астраханью, из чего можно заключить, что, по мнению исследователя, Астрахань в это время представляла собой вполне самостоятельную силу на международной арене [Греков, с. 152]. Так же считает и А.А.Горский: конфликт племянника Ахмеда, Касима, с дядей в 1476 г. он расценивает как попытку поставить самостоятельного астраханского хана в зависимость от хана возрождаемой Золотой Орды, тогда как время обретения Астраханью независимости относит, видимо, к более раннему времени [Горский, 1997, с. 25 и примеч. 34] (см. также [Горский, 2000, с. 155]).

Более определенно высказывался Л.Е.Вереин: он относил к 1459–1460 гг. начало существования независимого Астраханского ханства, первым ханом которого был Махмуд, а после его смерти в 1461 г. его сын [Вереин, с. 11]. В Советской исторической энциклопедии начало независимости Астрахани связывалось с Хаджи-Черкесом (вторая половина XIV в.), а окончательное обособление и образование ханства относилось к 1459–1460 гг. Первым ханом в новом государстве назывался Махмуд [СИЭ, стб. 908]. Те же годы указывали Л.С.Семенов [Семенов, 1980, с. 43], С.Х.Алишев [Алишев, 1995а, с. 239; Алишев, 1995, с. 154] и Ю.А.Макаренко [Макаренко, с. 15]. В литературе можно встретить и менее конкретные даты. Например, А.Штылько думал, что Астрахань сделалась «резиденцией ханов вновь образовавшейся Астраханской Орды» в XIV в. [Штылько, с. 2]; П.П.Иванов писал, что Астраханское ханство образовалось к середине XV в., а родоначальником астраханской династии считал Уруса [Иванов, 1958, с. 16, 35]. Авторы «Очерков истории Ставропольского края» называли первую половину XV в.: когда «от Золотой Орды отпали Крым и Булгары, там образовались Крымское и Казанское ханства. В Нижнем Поволжье возникло Астраханское ханство» [Очерки, 1986, с. 113]. Е.В.Шнайдштейн относит возникновение самостоятельного государства в Астрахани ко времени после походов Тимура [Шнайдштейн, с. 142]. Турец-

кий историк М.Кафалы связывал образование Астраханского ханства с потомками Тимур-Кутлуга, в особенности с сыном Кучук-Мухаммеда Ахмедом [Kafalı, с. 31–32]. Некоторые историки не называют точных дат возникновения ханства, однако из их трудов можно сделать вывод о том, что, по их мнению, оно возникло в XV в. [Федоров-Давыдов, 1974, с. 211], во второй его половине (см., например, [Halperin, с. 29]) или даже в конце [Арзютов, с. 10].

В статье, посвященной Астрахани, опубликованной в первом издании «Энциклопедии ислама», В.В.Бартольд писал о появлении в Астрахани собственной правящей династии после падения Золотой Орды, не называя точной даты возникновения нового политического организма на карте Восточной Европы [Barthold, с. 494; Бартольд, с. 336]. Польский историк Л.Подгородецкий считал, что Астраханское ханство возникло в 1450–1464 гг. [Podhorodecki, с. 104].

Б.-А.Б.Кочекаев предлагал считать временем основания ханства 50-е годы XV в., «когда после смерти хана Большой Орды Кучук-Мухаммеда его дети разделили улусы, и Махмуду досталась Астрахань» [Кочекаев, с. 61]. И.В.Иванов и И.Б.Васильев полагают, что ханство возникло в 1450–1460 гг. [Иванов, Васильев, с. 175], а Л.Ш.Арсланов и В.М.Викторин писали о том, что столицей Астраханского ханства город стал в середине XV в. [Арсланов, Викторин, с. 338].

Выдающийся татарский историк Ш.Марджани относил начало правления хана Касима (сына Махмуда) в Астрахани к 870 г.х. (1465-66 г.) [Марджани, с. 134]. Г.Газиз (Г.С.Губайдуллин), не называя года основания ханства, писал: «Когда Золотая Орда стала слабеть, ее вассал — эмир города образовал Астраханское ханство. После взятия турками Босфора город полностью перешел во владение вассала Турции — Крымского ханства» [Газиз, с. 89]. Из этого утверждения можно сделать вывод о том, что Г.Газиз относил основание ханства ко времени до 1453 г.

Один из первых историков Золотой Орды, Й. фон Хаммер-Пургшталль, считал первым астраханским ханом Ямгурчи, зятя Кучук-Мухаммеда [Hammer-Purgstall, с. 409]. Б.Шпулер писал об образовании в Астрахани «татарской династии ногайских князей, ответвившихся от татарского хана Кучук Мехмеда» в 871/1466 г. [Spuler, 1960, с. 721], хотя в своей ранней работе не был столь категоричен [Spuler, 1940, с. 365]. О времени около 1466 г. как времени основания «ничтожного астраханского ханства», последнего владения дома Орды, писал С.Лэн-Пуль [Лэн-Пуль, с. 190]. Эту же точку зрения поддерживает и Лео де Хэртог [Hartog, с. 152]. К 1466 г. относили основание нового ханства и турецкие историки А.Н.Курат, С.К.Сефероглу и А.Мюдеррисоглу, Й.Озтуна, а также М.Сарай [Kurat, 1972, с. 274;

Seferoğlu, Müderrisoğlu, c. 118; Öztuna, c. 553; Saray, c. 269]. В литературе встречается утверждение, что Астраханское ханство возникло в 1495 г. (например, в исторической справке, приложенной к карте Астраханской области и изданной в Москве в 1997 г. Военно-топографическим управлением Генерального штаба). Авторы «Очерков по истории Волгоградского края» относили образование Астраханского ханства ко времени после гибели хана Ахмеда (1481 г.): «Золотая Орда теперь превратилась в обыкновенное Астраханское ханство, которое вплоть до ликвидации его Иваном IV находилось в зависимости от Крымского и Казанского ханства» [Очерки, 1974, с. 35][3].

Наконец, необходимо привести мнение В.Л.Егорова, который писал, что ханство образовалось в начале XVI в., после разгрома Большой Орды Крымским ханством (1502 г.) [Егоров, с. 130]. Эта совершенно справедливая точка зрения, к сожалению, никак не была аргументирована, однако утверждение В.Л.Егорова без изменений было повторено в энциклопедическом словаре «История Отечества» [История Отечества, с. 116] и скорее всего послужило источником для комментариев И.В.Кучумова и Ф.А.Шакуровой в переизданной «Топографии Оренбургской губернии» П.И.Рычкова [Рычков, 1999, с. 295], в которых начало XVI в. также фигурирует как время образования ханства. Одновременно подобные выводы (и тоже без аргументации) стали появляться и в западных работах по истории России [Martin, с. 204, 303, 322]. Мнение об образовании Астраханского государства именно после разгрома Большой Орды крымским ханом Менгли-Гиреем высказывалось впервые еще в начале XX в., однако, к сожалению, осталось почти незамеченным. Видный татарский историк Г.Ахмеров в работе «История Казани» (Казань, 1910) относил возникновение ханства именно к этому периоду, когда после победы Менгли-Гирея «часть ордынских татар присоединилась к Казани, а другая часть образовала отдельное небольшое ханство со столицей в Астрахани, которое по значимости и силе намного уступало Казани». Правда, Г.Ахмеров датировал этот разгром Большой Орды концом XV в., а ханство считал созданным ногаями, посадившими в городе своего хана [Ахмеров, с. 72–73, 75, 76].

Разброс во мнениях довольно значителен. Пожалуй, только точка зрения М.Г.Сафаргалиева подкреплена ссылками на источники, прочие же утверждения голословны.

Попробуем заново проанализировать источники по ранней истории Астраханского ханства. На всем протяжении второй половины XV в. Астрахань как *самостоятельное государство* (царство, ханство) ни в одном из известных мне источников не упоминается.

[3] Ту же точку зрения разделял, по всей видимости, и В.В.Похлебкин [Похлебкин, с. 9].

В сочинении Масуда б. Османа Кухистани «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» описывается сражение основателя государства кочевых узбеков Шибанида Абу-л-Хайра с некими ханами Ахмедом и Махмудом, «которые были из падишахов потомства Джучи» и, «подняв знамя мятежа и бунта, встали на путь непокорности и непослушания» Абу-л-Хайру[4]. Абу-л-Хайр «направил поводья решимости в сторону» братьев [Ибрагимов, с. 93–94], выступив против внушительной коалиции (союза Махмуда и Ахмеда, их отца Кучук-Мухаммеда и братьев Джавак-султана и Башйак-султана), и в сражении в местности Аикри-Туб[5] одержал победу (по Масуду Кухистани, благодаря силе волшебного камня «яда» поднялись ужасные ураган и буря, обратившие боевые порядки братьев в бегство). По сообщению Масуда Кухистани, Абу-л-Хайр Убайдаллах захватил ставку братьев Ордубазар, располагавшуюся в местности, где ранее была ставка Бату.

Отождествление этого места с реальным географическим пунктом затруднительно, однако некоторые замечания сделать все же можно. По мнению А.А.Семенова [Семенов, 1954, с. 25], Икри-Туб находился где-то в присырдарьинских степях. Без особого сомнения можно сопоставить вторую часть топонима с тюркским *туб/тун* — «дно, основа, подошва, основание, начало». Битва происходила около какой-то реки, поскольку при описании подвигов воинов Абу-л-Хайра несколько раз упоминается, что они переправлялись через воду [Ибрагимов, с. 94]. Большой рекой во владениях Ахмеда и Махмуда в то время мог быть Яик. Именно на Яике и находился скорее всего Ордубазар. У Масуда Кухистани Абу-л-Хайр после битвы «направился в сторону орды августейшей в Ордубазар, который был столицей Дешт-и Кипчака и славой султанов света, вошел в обладание наместников двора хана, убежища мира» [Ибрагимов, с. 94]. О Хаджи-Тархане как ставке Кучук-Мухаммеда и его сыновей не упоминается, хотя Б.А.Ахмедов предполагает, что братья после поражения бежали именно туда, укрывшись за стенами города [Ахмедов, с. 51]. По мнению П.П.Иванова, Ахмед и Махмуд, «оставшиеся непобежденными», были наиболее упорными из противников Абу-л-Хайра [Иванов, 1958, с. 36].

---

[4] По мнению М.Г.Сафаргалиева, Махмуд и Ахмед, воевавшие с Абу-л-Хайром, это не сыновья Кучук-Мухаммеда, «поскольку их отцу Кичи-Мухаммеду в 1437 г. едва ли было 20 лет, поэтому его сыновья в 1430 г. не могли быть объявлены ханами. Махмуд и Ахмед могли быть только сыновьями Хаджи-Мухаммед-хана (т.е. Махмуда-Ходжи. — *И.З.*), провозглашенными ханами в Сибири, на троне своего отца» [Сафаргалиев, 1996, с. 459]. Однако Махмуд ибн Вали в «Бахр ал-асрар» прямо пишет, что ханы были сыновьями Мухаммада, сына Тимура [Кляшторный, Султанов, с. 221]. Возможно, что в сочинении Кухистани просто имеет место анахронизм.

[5] А.А.Семенов по рукописи ИВ АН Узбекистана читал «Икри-Тур», но и в этом списке, и в других — Аикри-Туп [Семенов, 1954, с. 25; Ибрагимов, с. 93].

После смерти отца сыновья Кучук-Мухаммеда, Ахмед и Махмуд, начали борьбу за власть. До 1465 г. русские летописи не упоминают об Ахмеде как о хане Большой Орды; Махмуд же в последний раз в качестве хана Большой Орды упомянут в 1465 г., когда, идя походом на Русь, был разбит крымским ханом Хаджи-Гиреем. Неудача Махмуда, видимо, позволила Ахмеду перехватить инициативу и овладеть властью в Большой Орде. Махмуд, по мнению М.Г.Сафаргалиева, удалился в Астрахань и положил начало новому самостоятельному политическому объединению — Астраханскому ханству [Сафаргалиев, 1996, с. 511–513] (см. также [Фахрутдинов, № 25 (36)]). В нашем распоряжении есть один важный источник, который частично помогает при анализе сложившейся в то время ситуации. Это — письмо Махмуда османскому султану Мехмеду II от 10 апреля 1466 г. [Kurat, 1940, с. 37–45] с упоминанием «важных дел», помешавших Махмуду прислать своих людей султану ранее [Kurat, 1940, с. 38–39; Султанов, 1978, с. 240–241]. По М.Г.Сафаргалиеву (а также Р.Фахрутдинову), письмо Махмуда — свидетельство существования в это время независимого Астраханского ханства, но эта точка зрения не подкреплена доказательствами. Аргументация М.Г.Сафаргалиева представляется «неубедительной» и А.П.Григорьеву [Григорьев, 1987, с. 54]. В письме Махмуда Астрахань не упоминается: Orduy-u muazzam Ezoğlu (Azığlı, Izoğlu) Özen y(a)kasında irdi, т.е. «когда Великая Орда (т.е. Большая Орда русских источников. — *И.З.*) была на берегу Эзоглу Узеня» [Kurat, 1940, с. 170, 38–39; Султанов, 1978, с. 240–241].

Название Özen / Üzen отождествляется А.Н.Куратом с реками Малым или Большим Узенем, расположенными в междуречье Волги и Урала, а эпитет (?) Ezoğlu / Azığlı, даже при условии правильного прочтения, остается непонятым [Kurat, 1940, с. 42]. К такому же выводу склонялся и С.Е.Малов: «Место написания этого документа трудно определить — Узуглы (Азуглы), хотя оно и находится на берегу известной реки Узен» [Малов, с. 189]. Возможно, что именем собственным в данном сочетании является не *узен* (слово, которое и переводится как «река»), а определение azıklı «щедрый». Таким образом, всю фразу можно было бы перевести «на берегу реки Азуглы / Узуглы». Что это за река, неясно.

Иную реконструкцию событий предлагает А.П.Григорьев. В конце августа — конце сентября 1465 г. Хаджи-Гирей разбил не Махмуда, а Ахмеда. По сообщению русских летописей, летом 1465 г. Ахмед где-то на Дону готовился к вторжению в русские земли. Именно здесь он и подвергся нападению Хаджи-Гирея. «Возможно, крымский хан действовал в союзе с турецким султаном. Во всяком случае, письмо... Махмуда... Мехмеду II от 10 апреля 1466 г. воспринимается как ответ

на предложение дружбы с турецкой стороны. Наверное, после поражения Ахмата от крымцев Махмуду удалось в очередной раз свергнуть брата с престола и на какое-то время овладеть главной ставкой, о чем неопровержимо свидетельствуют и выходные данные его письма» [Григорьев, 1987, с. 53].

От обоих братьев сохранились выбитые в Хаджи-Тархане монеты без указания дат их чеканки [Савельев, с. 325, табл. X, рис. 146; Марков, с. 531–532, № 24, 25, 27 (с другой тамгой), 43]. Сохранились и монеты Махмуда, выбитые без обозначения дат в Ордубазаре, Крым ал-Мансуре, Бек Базаре, Укеке и Булгаре, а также монеты Ахмеда, лишенные дат, с местом чеканки: Тимур Бек Базар [Марков, с. 531, № 21–23, 28–35; 532, № 41, 42]. Таким образом, в Астрахани, как и в других городах Дешта, после смерти Кучук-Мухаммеда в разное время правили оба брата: и Махмуд, и Ахмед. Обозначение места чеканки не является доказательством образования нового политического организма, а лишь свидетельствует о подчинении данного города хану или о пребывании ставки хана именно в этом месте в данный момент. Говорить же о том, что сразу после 1459 г. было положено начало независимой астраханской династии, основателем которой был Махмуд, нельзя: в противном случае пришлось бы считать все упомянутые города чеканки монет столь же независимыми владениями.

Более того, в некоторых источниках астраханским ханом назван не Махмуд, а Ахмед: в «Бабур-наме» в повествовании о Тимуриде султане Хусейн-мирзе, правившем в Герате с 1469 по 1506 г., говорится, что он «в дни казачества» отдал свою сестру Бади ал-Джамал Бадке-биким замуж за Ахмеда, «хана Хаджи-тарханского» [Бабур-наме, с. 189–190]. Бадке-биким была старше Хусейн-мирзы, который родился в 1438 г. Женой Ахмеда она, таким образом, могла стать в 50-х годах XV в. У Ахмеда было двое сыновей от сестры Хусейн-мирзы, которые, «придя в Герат... долгое время служили Мирзе», т.е. своему дяде [Бабур-наме, с. 190]. Для одного из них, Бахадур-султана, Алишер Навои сочинил так называемое «Саки-наме» [Togan, с. 371], т.е. «Книгу виночерпия». Видимо, это свидетельство Бабура относится к тому времени, когда Астрахань была резиденцией Ахмеда.

Афанасий Никитин, проезжавший Астрахань летом 1468 г. (а не в 1466 г., как пишет М.Г.Сафаргалиев; см. [Семенов, 1980, с. 42])[6], упоминает царя (может быть, Махмуда), а также «Кайсым салтана», т.е.

[6] Общепринятые даты путешествия Афанасия Никитина (1466–1472) были впервые предложены И.И.Срезневским. Л.С.Семенов весьма убедительно пересмотрел традиционную хронологию странствий купца. Однако Г.Д.Ленхофф и Дж.Б.Мартин считают, что приводимые Л.С.Семеновым доказательства «недостаточны для какого-либо определенного вывода» [Ленхофф, Мартин, с. 95].

царевича (но никак не хана) Касима, сына Махмуда [Хожение, с. 5–6]. Однако Никитин нигде не называет этого царя (хана) астраханским. Выражение «своя орда» («царь послал за нами всю свою орду»), приводимое М.Г.Сафаргалиевым в качестве доказательства независимости Астрахани в то время, следует истолковать как обозначение воинского отряда, кинувшегося догонять тверского купца и ширванского посла Хасан-бека. Из сообщения Афанасия Никитина вытекает лишь то, что летом 1468 г. ставкой хана Большой Орды Махмуда была Астрахань (как за два года до этого ею были берега Азуглы Узеня) и жил он там вместе с сыном — царевичем Касимом.

Сколько лет и когда именно Махмуд был ханом, неизвестно; мы не знаем года его смерти. Можно предположить, учитывая выходные данные письма Махмуда Мехмеду II и сообщение Никитина, что он наверняка правил в 1466–1468 гг. (возможно, с перерывами). Утверждение Л.Е.Вереина, что Касим (Хасим, как называет его Л.Е.Вереин) стал «астраханским ханом» в 1461 г., после Махмуда, не подтверждено ссылками на источники и является, как вытекает из сказанного выше, бездоказательным [Вереин, с. 11]. Бесспорно, однако, то, что Астрахань впоследствии считалась уделом его детей; крымские ханы, например, называли астраханских правителей «Махмудовыми детьми» [РИО, 1895, с. 196, 206–207].

Амброджо Контарини, прибывший в Астрахань 30 апреля 1476 г., уже не упоминает о Махмуде. «Город Астрахань, — пишет Контарини, — принадлежит трем братьям; они сыновья родного брата главного хана, правящего в настоящее время татарами, которые живут в степях Черкесии и около Таны (т. е. сыновья Махмуда. — *И.З.*). Летом из-за жары они уходят к пределам России в поисках прохлады и травы. Зимой эти три брата проводят несколько месяцев в Астрахани, но летом они поступают так же, как и остальные татары» [Барбаро и Контарини, с. 220].

Контарини называет правителем Астрахани хана Касима; он был старшим из трех братьев — сыновей Махмуда [Барбаро и Контарини, с. 220]. Учитывая то, что Махмуд как «царь ординский»[7] последний раз упоминается русскими источниками в документе, датируемом мартом 1475 г. [РИО, 1884, с. 10], можно предположить, что умер он между мартом 1475 г. и апрелем 1476 г. Касим в это время находился в состоянии войны с Ахмедом: «Касим считал, что он сам должен быть главным ханом, так как таковым был его отец, раньше правивший Ордой, и потому между ними шла большая война» [Барбаро и Контарини, с. 221]. Скорее всего Ахмед в это время действительно не контролировал Астрахань. Во всяком случае, в выходных данных его

[7] Но не «астраханский»!

письма 881 г.х. (26 апреля 1476 г. — 17 марта 1477 г.) Мехмеду II указание на место написания вообще отсутствует [Halasi Kun, 1942, с. 151–154; Halasi Kun, 1949, с. 633–637; Зайцев, с. 8–9, 15; Zaitsev, с. 253].

Видимо, Касим какое-то время действительно правил городом самостоятельно, но и этот факт не может являться доказательством образования Астраханского ханства, а служит лишь свидетельством неурядиц в Орде и борьбы за главный престол. Контарини не говорит о самостоятельности Астрахани, ее независимости от основного юрта: смысл его свидетельств сводится к тому, что сыновья Ма́хмуда владели, видимо, лишь самим городом, получая с него большую часть доходов, несколько зимних месяцев проводили в городе, все остальное время кочуя вне его пределов. Сам термин «главный хан», употребляемый А.Контарини по отношению к Ахмеду, говорит о том, что Касим находился в зависимом положении по отношению к своему дяде. Интересно, что один из первых историков Астраханского ханства, П.И.Рычков, в отличие от последователей, приводя свидетельство А.Контарини, считал Астрахань не самостоятельным владением, а уделом. Во времена А.Контарини, писал историк, «в городе Астрахане особые были правители из родственников хана» [Рычков, 1774, с. 45].

Контарини упоминает и посла Касима в Москву к великому князю. Имя посла Контарини передает как *Анхиоли* (Anchioli) [Барбаро и Контарини, с. 198, 221]. Л.С.Семенов предположил, что Контарини принял за имя посла его звание — эльчи-ялу, а вызвано это посольство было конфликтом племянника с дядей и поисками союзника в их борьбе. «У нас есть основания усомниться в том, — пишет Л.С.Семенов, — что посольства из Астрахани носили в эти годы регулярный характер. Русские летописи вообще не сообщают о послах астраханского хана» [Семенов, 1980, с. 13]. Предположение Л.С.Семенова не лишено основания, ибо, по свидетельству А.Контарини, московского посла Марка Россо, с которым он прибыл в Астрахань, приняли там как «друга», т.е. как представителя союзника [Барбаро и Контарини, с. 217]. Ф.Конечны, основываясь на свидетельстве А.Контарини, относил это посольство к 1487 г. и считал, что его целью было получение хараджа (дани-«выхода») [Koneczny, с. 161], о чем А.Контарини не пишет.

О том, что конфликт между Ахмедом и Касимом действительно имел место, мы узнаем и из восточных источников. В «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», анонимном сочинении, написанном на тюркском языке и законченном в 1504 г., а также в «Фатх-наме» Шади и «Шайбани-наме» Бинаи — сочинениях, зависящих от «Таварих-и гу-

зида...», изложена история преследований сына Абу-л-Хайра, Шейх-Хайдара, со стороны коалиции хана Саид-Ибрахима[8] (Ибака) — сына (или внука) Хаджи-Мухаммеда[9], потомков Тукай-Тимура — Джанибека и Гирея (сыновей Барака) и ногайских мурз Аббаса (сына или брата Ваккаса б. Нур ад-Дина), Мусы и Ямгурчи (сыновей Ваккаса)[10]. По «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» и «Шайбани-наме», Ахмед с самого начала входил в эту коалицию. Шади в «Фатх-наме» излагает события иначе: поначалу Ахмеда не было в числе врагов Шейх-Хайдара, Ахмед даже «пособил их делу, на дорогу поднес им много даров» [МИКХ, с. 57], и только потом Шейх-Хайдар сразился и с ним [МИКХ, с. 65].

В 1469 г., согласно «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», «Ахмад-хан привел свое войско и Ибак-хан убил Шайх-Хайдар-хана» [МИКХ, с. 20]. По «Шайбани-наме», Ибак напал на Шейх-Хайдара, приведя с собой войско Ахмеда [МИКХ, с. 99].

Внуки Абу-л-Хайра во главе с их воспитателем Карачин-бахадуром (Дервиш-Хусейном, сыном кукельташа, т.е. молочного брата, Абу-л-Хайра) бежали к Касиму[11] и были поручены «находившемуся там» мангытскому беку Тимуру (внуку Эдиге), «эмиру эмиров» Касима. «В то время, когда Ахмад-хан, Ибак-хан и мангыт Аббас-бек, объединившись, пришли и осадили Касим-хана под Хаджи-Тарханом, Касим-хан, договорившись с Тимур-беком, сказал Карачин-бахадуру: „Возьмите ваших царевичей и отправляйтесь, уповая на Бога“, — и проводил [их] оттуда с почетом и уважением» [МИКХ, с. 20; Таварих, л. 96а]. Касим, таким образом, не решился воевать с дядей и его союзниками и не стал упорствовать в защите беглецов, проявив лояльность по отношению к Ахмеду — «главному» хану Орды. Это особенно хорошо видно из текста поэмы Моллы Шади «Фатх-наме» [МИКХ, с. 60–61].

Владение Касима названо в текстах вилайетом, но речь, видимо, опять идет не о ханстве, отдельном от Большой Орды, а о стране в

---

[8] Вопреки мнению составителей МИКХ, это один человек, а не два. См. [Семенов, 1954а, с. 41].

[9] Ш.Марджани считал, что Ибрагим (Бабак) — сын Махмутека, сына Хаджи-Мухаммеда [Марджани, с. 158]. Авторы «Древней Сибири» (Улан-Удэ, 1964) и «Истории Сибири» (Л., 1968) также считали Ибака внуком Хаджи-Мухаммеда [Древняя Сибирь, с. 500; История Сибири, с. 364]. Хотя существует мнение, что Ибак его сын [Нестеров, с. 13].

[10] Несколько иной перечень врагов Шейх-Хайдара (без Гирея и Аббаса, но с Ваккасом) см. [Иванов, 1958. с. 37].

[11] В рукописи «Шайбани-наме» ИВ АН Узбекистана он ошибочно назван сыном Тимур-Кутлуга [Семенов, 1954, с. 28].

целом[12]. Убеждает в этом и тот факт, что упомянутый в текстах мангытский глава Тимур, сын Мансура б. Эдиге, был беклербеком (или *амир ал-умара*[13], т.е. эмиром эмиров) Большой Орды [Howorth, с. 350; Сыроечковский, с. 32–33]. Это следует из письма главы рода Ширин, кафинского тудуна и крымского беклербека Аминека османскому султану Мехмеду II от 8–17 октября 1478 г. [Kurat, 1940, с. 107–115, 191–194; Le Khanat, с. 70–74], а также из письма самого Тимура королю Казимиру, в котором беклербек оценивал свое положение в государстве очень высоко: «А мене самого как цара вид» [Сборник Муханова, с. 36; Литовская метрика, с. 357]. Когда 28 апреля 1476 г. секретарь венецианского Сената Джан Баттиста Тревизан вернулся в Венецию после окончания своей дипломатической миссии к хану Ахмеду, его сопровождали два татарских посла — Тимур, отправленный самим Ахмедом, и «Брунахо Батыр», посланный военачальником Ахмеда Тимуром [Jorga, с. 168; Garbacik, с. 49–50; Пирлинг, с. 106–107]. Очевидно, последний — это тот же самый Тимур, который в 1469 г. был беклербеком Касима. Тимур после убийства Ахмеда в 1481 г. Ибаком и ногайскими мирзами «с Ахмата царевыми детьми и слугами» бежал в Крым к Менгли-Гирею [Литовская метрика, с. 340]. Дружба Тимура с Менгли-Гиреем, видимо, все-таки не сложилась. В 1486 г. Иван III в грамоте русскому послу в Крыму Семену Борисову писал, что, по сведениям русских гонцов, сопровождавших посольство в Крым и перехваченных ордынцами, «Муртоза и Седехмат цари и Темир князь хотят идти на Менли-Гирея на царя, толко не будет у него турского помочи; а будут деи турки у него, и им деи на него не идти, турков деи блюдутся добре» [РИО, 1884, с. 53].

Хондемир определенно называет Касима (Гасыма) «султаном», т.е. «царевичем», не самостоятельным ханом [Хондемир, с. 273]. То обстоятельство, что Касим назван ханом в «Шайбани-наме», «Фатх-наме» и «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», еще не свидетельствует определенно в пользу того, что Касим действительно правил независимо, как хан. Известны случаи, когда ханом назывался правитель, не правивший независимо, например Абу-Саид Джанибек [Султанов, 1993, с. 28].

Шахзаде отомстили Ибаку за Шейх-Хайдара, убив младшего брата и сына Ибака: как отмечает автор «Таварих-и гузида...», с момента

[12] Арабское по происхождению слово «vilayat» использовалось в Средней Азии в своем основном значении «(управляемая) область, провинция, наместничество, губерния». Имело место как сужение термина, так и его расширение (до понятий «чужая страна», «заграница» и вместе с тем «родина», «родная страна») [Оранский, с. 152]. См. также [Брегель; Кармышева].

[13] Аббасидский по происхождению титул *амир ал-умара* первоначально означал именно военачальника, главнокомандующего. См., например, [Yıldız].

смерти Шейх-Хайдара до этого времени прошло 80 дней; таким образом, внуки Абу-л-Хайра пользовались гостеприимством Касима очень недолго. После этого, безуспешно сразившись с Ахмедом, султаны-Шибаниды ушли в Туркестан — в окрестности Сыгнака и Саурана [МИКХ, с. 20; Ахмедов, с. 69; Сафаргалиев, 1952, с. 39].

Вражда Касима к дяде коренилась во взаимоотношениях Махмуда с Ахмедом, боровшихся за власть над Большой Ордой. О результатах этого конфликта ничего не известно, но уже в 1480 г. Касим совместно с Ахмедом и тем самым мангытским беком Тимуром, который вместе с Касимом приютил Мухаммеда Шейбани и его брата в 1469 г., принимает участие в военных действиях на Угре [РГАДА, ф. 181, оп. 1, ед.хр. 84, л. 52б; Временник, с. 130; Сафаргалиев, 1952, с. 39; Ischboldin, с. 83]. Таким образом, война дяди с племянником была не борьбой двух правителей независимых государств, а обычной династической распрей внутри Большой Орды.

По свидетельству Иосафата Барбаро, на следующий год после убийства Аминека и захвата Солхата и Кафы поход на Астрахань совершил Менгли-Гирей [Барбаро и Контарини, с. 156; Ischboldin, с. 83]. Городом владел тогда старший сын Ахмеда, Муртаза («Мордасса», по И.Барбаро). В Патриаршей (Никоновской) летописи об этом событии говорится под 6993 г. (1485 г.), причем Муртаза назван «царем Ординским», а не ханом Астрахани: «Тоя же зимы царь Ординский Муртоза, Ахматов сын, прииде к Мен-Гирею царю Крымскому, хоте зимовати у него, понеже глад бе велик во Орде. Мен-Гирей же Кримский, поимав его, посла в Кафу, к Турскому царю, и посла брата своего меншаго на князев Темирев улус и останок Орды розгонял... Того же лета Ординьский царь Махмут, Ахматов сын, со князем с Темирем иде изгоном на Мин-Гирея царя и брата своего отнем у него Муртозу, Ахматова сына; сам же Мин-Гирей з бою тайно утече ис своей рати, той же Махмут приведе Муртозу и посади на царстве. Мен-Гирей же посла к турскому; Турской же силы ему посла и к Нагаем посла, велел им Орду воевати» [ПСРЛ, 1904, с. 217]. Беклербеком Большой Орды по-прежнему был все тот же Тимур, а Астрахань, по-видимому, все еще составляла часть Большой Орды[14].

Вероятно, именно об этом походе крымского хана писал впоследствии Эвлия Челеби. Согласно этому османскому путешественнику и писателю, в поход Менгли-Гирей взял с собой 3000 воинов из племени бузудук (адыгское племя бжедуг), которые после захвата ханом Астрахани были поселены «под горой Обур в стране черкесов» [Эвлия Челеби, с. 52].

---

[14] Подробный разбор этого эпизода в истории Крыма и Большой Орды см. [Вельяминов-Зернов, с. 117]. О роли Тимура см. блестящий обзор [Григорьев, 1987а, с. 137–138].

Видимо, еще осенью 1485 г. между Менгли-Гиреем и Тимуром было достигнуто мирное соглашение [Григорьев, 1987а, с. 138]. В 1486 г. Менгли-Гирей пишет турецкому султану Баязиду II: «Что же касается Престольного [владения][15], то известно, что положение их весьма тяжелое» [Kurat, 1940, с. 96; Григорьев, 1987а, с. 129]. В том же, 1486 г. Иван III в грамоте русскому послу в Крыму Семену Борисову писал, что, по сведениям русских гонцов, сопровождавших посольство в Крым и перехваченных ордынцами, «Муртоза и Седехмат цари и Темир князь хотят идти на Менли-Гирея на царя, толко не будет у него турского помочи; а будут деи турки у него, и им деи на него не идти, турков деи блюдутся добре» [РИО, 1884, с. 53].

По мнению Б.Ишболдина, после пленения Муртазы Менгли-Гиреем астраханским ханом стал племянник Муртазы (сын его брата Саид-Ахмеда) Касай [Ischboldin, с. 83]. У Саид-Ахмеда действительно был сын Касим [Лэн-Пуль, табл. к с. 199; Zambaur, табл. S]. Таким образом, Б.Ишболдин, в отличие от М.Г.Сафаргалиева, считал Касима, правившего Астраханью после 1485 г., другим человеком. Г.Ахмеров предполагал, что астраханским ханом мог быть и еще один сын Ахмеда — Аллаяр (Авлеяр), отец касимовского и казанского хана Шах-Али (Шейх-Гали, как называл его исследователь). Г.Ахмеров сделал этот вывод на основе того, что Шах-Али якобы называется в русских летописях астраханским князем [Ахмеров, с. 97]. Подтверждения этому в известных мне источниках не содержится: Шах-Али ни разу не назывался в русских летописях астраханским князем или царевичем, да и сам Шейх-Авлеяр («Шигавлиар»), действительно попавший в Москву из Астрахани в 1502 г., не называется «астраханским царевичем». Он, а также его двоюродный брат Юсуф охарактеризованы как «Ахматовы царевы братаничи Болшиа орды» [ПСРЛ, 1904, с. 256]. Возможно, Г.Ахмеров сделал такой вывод на основании мнения, которое приведено Н.М.Карамзиным в «Истории государства Российского», а затем повторено В.В.Вельяминовым-Зерновым. Н.М.Карамзин действительно называл Шах-Али астраханским царевичем [Карамзин, с. 77, примеч. 150; Вельяминов-Зернов, с. 247–248], однако в тексте, на который ссылался историк (грамота Мухаммед-Гирея, доставленная в Москву ханским послом Абд ал-Вали шейх-заде, где говорится, что крымские карачи отказываются присягать в дружбе великому князю, пока на мещерском (касимовском) престоле находится Шах-Али), нет упоминания о том, что Шах-Али имеет какое-либо отношение к Астрахани [РИО, 1895, с. 388].

[15] «Престольное (тронное) владение» (Тахт эли) — так официально именовалась Большая Орда.

Согласно М.Г.Сафаргалиеву, после убийства Ахмеда Касим (сын Махмуда), вернувшись в Астрахань, совершает ряд набегов на ногайские улусы. В ответ на это в 1492 г. коалиция ногайских мурз во главе с ханами Ибаком и Мамуком предпринимает поход на город. В письме Ивану III, доставленном в Москву в октябре 1492 г., крымский хан Менгли-Гирей писал: «Из Орды человек наш приехал Шиг Ахмет да Сеит Магмут цари. А нагаи Муса да Ямгурчей мурза Ивака да Мамука цари учинити идут, в Астарахани были пошли, и как слышевши назад к Тюмени покочевали» [РИО, 1884, с. 168]. Астрахань не противопоставлена в письме Большой Орде, а выступает как ее часть. Из письма Менгли-Гирея казанскому хану Мухаммед-Амину, написанного 10 марта 1491 г., следует, что в Астрахани в это время был Абд ал-Керим: «А из Старханской, Абдыл Керим в головах, в Намаганском юрте все собрався, против нас стоят» [РИО, 1884, с. 109]. Из этого упоминания становится очевидным, что Астрахань была в то время частью «Намаганского юрта». Чтобы понять это место письма Менгли-Гирея, нужно выяснить, что такое «Намаганский юрт».

Данное название неоднократно упоминается в документах крымско-московской и ногайско-московской дипломатической переписки. В 1494 г. Шибанид Ибак (Саид-Ибрахим) писал в Москву великому князю Ивану: «Стоит промеж Ченгысовых царевых детей наш отец Шыбал царь, стоит с твоим юртом в опришнину, и друг и брат был, от тех мест межы нас ту Атамыров[16] да Номаганов юрт ся учинил, а мы ся учинили далече» [Посольская книга, с. 48]. Из этого текста можно сделать вывод, что некий «юрт», располагавшийся между Московским великим княжеством и государством сибирских Шибанидов, носил имена Туга-Темира и Номагана.

Имя «Номаган» действительно встречается среди Чингисидов. Так, Рашид ад-Дин упоминает сына Хубилай-каана от Чабун-хатун, Нумугана. Нумуган (в «Юань-ши» его имя употреблено в форме На-му-хань) был послан отцом против мятежного хана Хайду, схвачен двоюродными братьями и отправлен к правителю улуса Джучи, Менгу-Тимуру. Он вернулся домой только после смерти Менгу-Тимура (1280 или 1282 г.), а через год после возвращения скончался, видимо, убитый по приказу Хубилай-каана [Рашид-ад-Дин, с. 104, 127, 153–155, 168, 169, 171, 182, 193–194, 206]. Марко Поло упоминает его под именем Номоган [Марко Поло, с. 212]. Однако понятно, что этот человек вряд ли имеет отношение к названию джучидского юрта и Хаджи-Тархану. В сочинении Абу-л-Гази, в разделе, посвященном генеалогии среднеазиатских Аштарханидов, мы на первый взгляд не встречаем ничего по-

[16] Правильнее читать Туа-Тамыров, по имени одного из сыновей Джучи, Тукай-Тимура [Григорьев, 1985, с. 177].

хожего. Династия, по Абу-л-Гази, выглядит следующим образом: 1) Чингиз — 2) Джучи — 3) Токай-Тимур — 4) Уз-Тимур — 5) Ибай — 6) **Тумган** (выделено мной. — *И.З.*) — 7) Кутлук-Тимур-оглан — 8) Тимур-Бек-оглан — 9) Тимур-Кутлук — 10) Тимур-Султан — 11) Мухаммад — 12) Джавак — 13) Мангышлак — 14) Яр-Мухаммад — 15) Джани [Aboul-Ghazi, 1871, с. 179]. В несколько ином виде такая родословная представлена также в трудах позднейших историографов, например «Истории Абулфейз-хана» Абд ар-Рахман-и Тали [Тали, с. 13]. Эта генеалогия принята в справочной и специальной литературе [Hofman, с. 290; Burton, с. 482]. Среди этих Чингисидов есть уже знакомые нам. Мухаммед — это Кучук-Мухаммед, отец Ахмеда и Махмуда. Джавак (Чувак) — тот самый Джавак-султан, который воевал против Абу-л-Хайра. Как известно, в начальном написании *нун* и *та* очень легко спутать: отличие состоит всего лишь в одной точке. Если принять, что в начале слова стоит *нун,* то оно читается как Нумаган. П.Демезон, переводивший Абу-л-Гази, естественно, не мог предположить подобной конъектуры [Aboul-Ghazi, 1874, с. 188]. Таким образом, получаем имя зафиксированного тюркским источником хана-Джучида, которое и послужило названием «юрта». Номаган в данном случае — второе имя или прозвище хана Тимура б. Тимур-Кутлуга, а также его деда Тимур-Мелика [Тизенгаузен, с. 106]. Видимо, таким же образом понимал ситуацию с именем Номоган и А.П.Григорьев [Григорьев, 1985, с. 177].

Итак, попробуем разобраться, что же подразумевалось под Намаганским юртом. Очевидно, что это не Астрахань. Во-первых, Астрахань географически не могла препятствовать контактам Тюмени и ногаев с Москвой, о чем писал Ибак Ивану III (см. выше). Во-вторых, в этом убеждает тот факт, что в крымских документах, так или иначе упоминающих Шах-Али (сына Шейх-Авлияра, племянника Ахмеда), он назывался то царевичем Намаганского юрта, то просто ордынским царевичем. В-третьих, нетрудно заметить, что среди перечисленных Абу-л-Гази ханов *нет ни одного реально правившего в Астрахани.* Мухаммед Юсуф, который в принципе близок Абу-л-Гази в перечислении Аштарханидов, также не называет в этом списке ни одного хана, правившего Астраханью [Мухаммед Юсуф, с. 72]. Все это означает, что название «Намаганский юрт» — не что иное, как еще одно наименование Большой Орды.

Вернемся, однако, к письму Менгли-Гирея Мухаммед-Амину. Итак, воцарение Абд ал-Керима (а значит, и смерть Касима) следует отнести к 1490 г. или, по меньшей мере, к самому началу 1491 г. Ш.Марджани началом правления Абд ал-Керима считал 895 г.х. (1489-90 г.) [Марджани, с. 34]. Согласно хронологическим выкладкам

Й.Озтуна, Касим правил до 1490 г. [Öztuna, с. 553]. Так же думал и М.Сарай [Saray, с. 269]. Ногайские мурзы Муса и Ямгурчи, не будучи Чингисидами, формально не имели права на престол, однако были тесно связаны с потомками Махмуда. Например, Ямгурчи был женат на дочери Махмуда, Каракуш[17], и приходился Касиму, Абд ал-Кериму и Джанибеку шурином [Посольская книга, с. 53].

Таким образом, поход ногаев на Астрахань в 1492 г. не мог быть направлен против Касима. Скорее всего в Астрахани в то время правил Абд ал-Керим. Эта операция ногайских мурз подтверждает их враждебность сыновьям и племянникам Ахмеда. Попытки Ибака захватить Астрахань следует рассматривать в связи с его стремлением собрать в своих руках улус Джучи. Не случайно в 1494 г. он писал Ивану III: «Ино мне съчястье дал бог, Тимер Кутлуева сына убивши, Саинской есми стул взял» [Посольская книга, с. 48–49].

В 1490 г. турецкий султан Баязид попытался вмешаться в отношения между Крымом и Большой Ордой, однако его посредничество не увенчалось успехом. В упомянутом письме Мухаммед-Амину Менгли-Гирей писал: «С Намаганским юртом султан Баязыт султан меж их вступився, с суседстве жили бы есте молвил. И мы пак старую недружбу с сердца сложивши, на добре есмя стояли. И в то время от султана, Бакшеем князя зовут, посолством приехал Седихмат, Ших-Ахмат цари, Мангыт Азика князь в головах, от всех карачев и от добрых людей человек приехал, и шерть и правду учинили; и мы, роте их поверив, улусы свои на пашни и на жито роспустили. А послы их у нас были перед Крымом месяца сентября во второй день, Сидяхмет, Шиг-Ахмат и Азизка в головах, и сколко есь Намаганова юрта пришод, домы наши потоптали, слава Богу самих нас Бог помиловал» [РИО, 1884, с. 108].

В своем письме Ивану III от 26 апреля 1491 г. Менгли-Гирей писал, что Абд ал-Керим вместе с Шейх-Ахметом снова выступили против него [РИО, 1884, с. 110]. Нигде в источниках Абд ал-Керим не противопоставляется своим двоюродным братьям как независимый правитель, а скорее выступает в качестве одного из потомков Кучук-Мухаммеда.

Стремясь урегулировать отношения с Баязидом, обеспокоенным враждебными отношениями Менгли-Гирея с сыновьями Ахмеда, один из последних — Муртаза, явно напуганный известием о том, что султан высылает против Орды войска в помощь Менгли-Гирею, решает успокоить султана и предупредить участие турок во внутриджучидских неурядицах. Посол Муртазы к Баязиду называл Менгли-Гирея

[17] Хотя в источниках Каракуш упоминается также как дочь Ямгурчи и как жена казанских ханов — Али, а потом Мухаммед-Амина [Посольская книга, с. 55].

старшим братом Муртазы, а вину за враждебные действия сыновей Ахмеда против Менгли-Гирея целиком сваливал на своего брата Саид-Ахмата: «Тот с ним был не в миру, тот на него и приходил, да того нынечя не стало на царстве, и яз с ним (Менгли-Гиреем. — *И.З.*) с своим братом в братстве да и в миру» [РИО, 1884, с. 112]. По словам русского посла в Крыму В.Ромодановского, Муртаза лгал, однако добился желаемого результата: успокоенный мирными заверениями Муртазы, Баязид вернул войска [РИО, 1884, с. 112]. Муртаза, получив желаемую передышку, видимо, решил захватить власть в Орде. По сообщению В.Ромодановского, который получил сведения от бежавшего из Орды пленника, «Муртоза царь, пошол к Хазторокани на том: хочет привести Нагаев на Орду» [РИО, 1884, с. 113]. Скорее всего это означает, что Астрахань тогда контролировали ногаи, а Абд ал-Керим был смещен. По крайней мере летом 1491 г. Абд ал-Керима в городе не было. В октябре 1491 г. в Москву было доставлено письмо В.Ромодановского, в котором он сообщал Ивану III: «Обдыл-Керим царь пошол было к Азторокани, да наехал деи был, государь, на твоего царевича и на твою рать. И они деи его, государь, розгоняли, а что с ним было, а то поимали, а его самого застрелили, и прибежал деи, государь, в Орду ранен, да поимавши царици, да опять пошел к Хазторокань» [РИО, 1884, с. 118]. Речь в письме идет о войске под командованием служилого царевича Сатылгана (сына Нурдевлета, брата Менгли-Гирея), посланного великим князем на Орду в 1491 г. в помощь Менгли-Гирею.

Косвенно контроль ногайских мурз над Астраханью подтверждается сведениями письма Менгли-Гирея Ивану III, полученного в Москве в июне 1492 г. Менгли-Гирей сообщал великому князю о своих связях с ногаями, враждебными сыновьям Ахмеда: «Муса мырза да Ямгурчей мырза к нам, Мааметем зовут, слугу своего послали. На дорозе ординские люди поимав ограбили его, и он прибежал ко мне, от тех мест на дорозе недрузи есть Мусе мырзе да Ямгурчею мырзе нелзе ми было послати, и нынеча ещо на дорозе недрузи стоят, и на Астархань было нелзе отпустити» [РИО, 1884, с. 153].

Менгли-Гирей, нуждаясь в помощи Стамбула, активно пытался привлечь Баязида к войне против Ахматовичей, рисуя султану перспективу захвата Крыма Большой Ордой. В Стамбул был послан брат хана, Ямгурчи. Главной темой переговоров должно было стать оказание Турцией помощи Крыму в борьбе с сыновьми Ахмеда. В.Ромодановский доносил в Москву: «А речь... царева (Менгли-Гирея. — *И.З.*) к турьскому такова: переступят цари меня, ино от них будет и тебе недоброо» [РИО, 1884, с. 112]. Узнав о приезде Ямгурчи, Баязид отправил посла к кафинскому паше, которому приказывал говорить

Ямгурчи: «А рать ему у меня готова на помочь, того деля есми и на мисюрьского[18] не послал» [РИО, 1884, с. 112].

Просьбы Менгли-Гирея о помощи возымели действие: Баязид отправляет в Орду нового посла «о том, чтобы цари с того поля пошли прочь» [РИО, 1884, с. 118].

По мнению М.Г.Сафаргалиева, брат Касима, Абд ал-Керим, вступил на престол в Астрахани в 1495 г. В начале его правления в Астрахани были ограблены московские купцы, а вскоре он предпринял поход на Крым. Ш.Марджани, неверно называя Абд ал-Керима сыном Ахмеда и не упоминая своего источника[19], относит начало его правления к 895 г.х. (1489-90 г.) [Марджани, с. 134].

В нашем распоряжении имеется чрезвычайно важный для этой темы документ. Это — письмо короля польского и великого князя литовского Казимира IV хану Абд ал-Кериму с поздравлениями по поводу восшествия на престол. Из этого текста становится ясно, что Абд ал-Керим присылал к Казимиру своего посла Таира с известием о занятии трона. Казимир отправил своих послов, но из-за суровой зимы они не смогли добраться до хана. «Послы наши к тобе не доехали и к нам ся вернули пеши и голодны», — писал Абд ал-Кериму Казимир. Вторично отправить послов Казимир смог только через год [Литовская метрика, стб. 457]. Письмо не датировано, однако ясно, что оно не могло быть написано после 1492 г., когда Казимир умер. Казимир писал Абд ал-Кериму: «Дал тобе Бог сести на царстве, на стольцы отьца твоего, ино мы, то слышавшо, радовалися есмо». Точно такое же письмо («в тое ж слово, как до Абълумъкгирима») было послано и Саид-Ахмеду — двоюродному брату Абд ал-Керима [Литовская метрика, стб. 457]. Астрахань в тексте послания не упоминается. Речь, безусловно, шла о восшествии не на астраханский престол, а на престол Большой Орды двух двоюродных братьев — сыновей Махмуда и Ахмеда. Ф.Конечны датировал письмо 1488 г. на основании того, что посол Абд ал-Керима, Таир, упоминается в документе 1495 г. как находящийся уже восемь лет в Польше [Koneczny, с. 171]. Таким образом, даты Ш.Марджани и Ф.Конечны почти совпадают, и вероятнее всего, что Абд ал-Керим и Саид-Ахмед действительно начали править около 1488-89 г.

В письме Ивану III в 1498 г. Менгли-Гирей писал об «Ахматовых детях»: «В его улусе велми голод учинился, пошли под Шемахейскую

[18] Т.е. на египетского султана.

[19] Вопрос об источниках труда Ш.Марджани довольно детально рассмотрен М.А.Усмановым, а также М.Х.Юсуповым [Усманов, с. 144–151; Юсупов]. Несмотря на обилие неверной информации, Ш.Марджани пользовался не дошедшими до нас сведениями, а следовательно, его информация чрезвычайно интересна.

сторону. Сеит Махмут, брат его Багатырь из Гирей выбежали, пришод в Васторохани за городом стоят... на Бога надеяся, недругов наших, на Ахматовых детей, сторону на весне на конь хочю всести» [РИО, 1884, с. 277–278]. Из другого сообщения крымского хана становится понятным, что в сторону Шемахи пошел Шейх-Ахмед, а Бахадур и Саид-Ахмед направились к Астрахани, куда их не пустил Абд ал-Керим[20] [РИО, 1884, с. 279].

Астрахань, видимо, оставалась резиденцией Абд ал-Керима и позже. В октябре 1500 г. князь Кубенский сообщал из Крыма, что за год до этого Аблез-бакшей направил в Астрахань гонцов с письмом, в котором предлагал повлиять на Абд ал-Керима, «чтобы царь Абле-Керим послал царевичев на Дон стеречи посла великово князя да гостей» [РИО, 1884, с. 333].

Матвей Меховский также не упоминает об Астрахани как о владении, независимом от Большой Орды. В своем труде «Трактат о двух Сарматиях», составленном до 1514 г., Меховский пишет лишь о «Заволжской орде», владения которой простираются «от реки Волги до Каспийского моря... приблизительно на 30 дней самой быстрой верховой езды». «Земля хана и заволжских татар ограничена с востока Каспийским или Гирканским морем, с севера — степями, тянущимися на большое расстояние вширь и вдаль; а с запада — реками Танаисом и Волгой; с юга — частью морем Эвксинским или Понтом, частью высочайшими горами Иберии и Албании» [Меховский, с. 61]. В «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи сказано, что после освобождения плененного Шейх-Ахмеда из Литвы он «пришел в свой вилайет Хаджи-Тархан» [Утемиш-хаджи, л. 41а]. Ясно, что под названием Хаджи-Тархан автор имел в виду не независимое Астраханское ханство, а Большую Орду, частью владений которой был город Хаджи-Тархан. Блез де Виженер, повествуя об освобождении Шейх-Ахмада и его отправке в «заволжскую Татарию», упоминает о том, что брат хана «Солтан-Козик» (т.е. Хозяк) был послан вперед, «чтобы известить о его прибытии их дядю Албугера» [Виженер, с. 84]. Речь идет, безусловно, об Абд ал-Кериме, однако не упоминается о том, что он был ханом Астрахани; подразумевается «Заволжская Орда» в целом.

Осенью 1501 г. Астрахань в течение семи дней осаждают ногаи: «пять мурз приходили к Асторокани и улусы черные поимали» [РИО, 1884, с. 380–381]. М.Г.Сафаргалиев неверно относил эту осаду к 1502 г.

[20] М.Г.Сафаргалиев ошибался, когда писал: «Когда к нему (Абд-ал-Кериму. — *И.З.*) прибежали сыновья Ахмада Сейид-Ахмад и Бахтиар, Абдул-Керим не пустил их в Астрахань» [Сафаргалиев, 1952, с. 39]. Среди сыновей Ахмеда Бахтиара не было. Бахтиар был родным братом Ахмеда и Махмуда [Zambaur, табл. S], а к городу тогда пришли действительно дети Ахмеда — Саид-Ахмед и Бахадур.

[Сафаргалиев, 1952, с. 39]. По мнению М.Г.Сафаргалиева, одержавшие верх ногаи навязали хану соглашение, которое значительно укрепило их позиции в городе. «Хан обязался брать одного из ногайских мурз в качестве своего старшего эмира и платить ногайским мурзам ежегодно по 40 000 алтын деньгами, которые астраханцы платили до самого падения Астраханского ханства» [Сафаргалиев, 1952, с. 40]. М.Г.Сафаргалиев не называет источника этого утверждения, но думается, что таким источником была Никоновская летопись. При описании соглашения, заключенного в июле 1554 г. между Москвой и Дервиш-Али (посаженным на астраханский трон русско-ногайским ставленником), летопись сообщает, что Астрахань обязывалась платить Москве ежегодно 40 000 алтын и 3000 рыб [ПСРЛ, 1904, с. 244]. Однако события эти слишком далеки друг от друга, чтобы можно было сделать вывод о неизменности суммы выплаты с начала века до 1554 г. Ничем не подтверждается мнение П.П.Иванова о существовании «торговой пошлины с провозимых по Волге товаров», которую собирали в свою пользу ногайские «князья», и о столкновениях с Астраханским ханством «на почве распределения собираемых сумм» [Иванов, 1935, с. 27].

Видимо, события начала XVI в. (установление ногайского «сюзеренитета») нашли отражение в «Михман-наме-йи Бухара» Фазлаллаха б. Рузбихана Исфахани, сочинении, законченном в 1509 г. О дешт-и кипчакских племенах там сказано так: «Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингиз-хана. Ныне одно [из них] — шибаниты и его ханское величество (т. е. Мухаммад Шейбани. — *И.З.*) после ряда предков был и есть их повелитель. Второе племя — казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третье племя — мангыты, а [из] них цари астраханские» [Фазлаллах, с. 62].

Как свидетельствует Никоновская летопись, «та Большая Орда им (Иваном III. — *И.З.*) порушилася и почали те цари Ординьские жити в Азторохани, а Болшая Орда опустела, а место ея во области близ города Азторохани, два днища по Волге вверх именуется Сараи Болшие» [ПСРЛ, 1904, с. 237]. Свидетельство летописи не оставляет сомнения в том, что Астрахань стала резиденцией ханов Большой Орды после их разгрома, причем речь идет не об образованиии нового государства, а лишь о смене резиденции.

Еще в позапрошлом веке В.В.Григорьев сопоставил это свидетельство летописца с событиями 1480 г. Исследователь опирался в своих построениях на сообщение «Казанского летописца» о походе звенигородского воеводы Василия Ноздроватого и царевича Нурдевлета на Орду во время «стояния на Угре» [Казанская история, с. 310].

В.В.Григорьев считал, что, «кроме похода воеводы звенигородского, мы не знаем никакого другого, в силу которого Никоновская летопись могла бы приписать Иоанну III „порушение Большой Орды“» [Григорьев, 1876, с. 278]. К мнению В.В.Григорьева склонялись и некоторые современные исследователи (Л.С.Черепнин, В.В.Каргалов [Каргалов, с. 86–87]). Однако это утверждение не бесспорно: сведения о походе содержатся только в «Казанском летописце», источнике весьма ненадежном и изобилующем неточностями и вымыслами. В.В.Вельяминов-Зернов испытывал затруднения в решении вопроса о достоверности этого сообщения «Казанского летописца» [Вельяминов-Зернов, с. 132–138].

События 1480 г., когда Иван III отправил в тыл Ахмеду свое войско (если они имели место), не единичны. Например, в 1491 г., как сообщает Никоновская летопись, великий князь в помощь Менгли-Гирею также посылал на Орду армию под командованием Сатылгана (сына Нурдевлета), князей П.Н. и И.М.Оболенских. В походе могли участвовать и казанские отряды Мухаммед-Амина. Воеводы великого князя «возвратися в свояси без брани»: узнав о приходе союзного войска, сыновья Ахмеда предпочли отойти от Перекопа. Мне представляется, что повествование Никоновской летописи о разрушении Иваном III Орды и переносе столицы ханов в Астрахань можно отнести к 1491 г.

Если мы, следуя В.В.Григорьеву, принимаем сведения «Казанского летописца» и верность их отождествления с сообщением Никоновской летописи, то дата образования Астраханского ханства отодвигается ко времени не ранее 1480 г. До этого Астрахань была лишь одним из городов Большой Орды, а после разгрома Сарая в 1480 г. стала на некоторое время новой резиденцией все тех же ордынских ханов. Видимо, именно в этом смысле говорится об «астраханских царях» (т.е. ордынских ханах, живущих в Астрахани) в письме Менгли-Гирея Ивану III от 1498 г. [РИО, 1884, с. 271].

В Москве прекрасно знали о преемственности власти между Большой Ордой и Астраханским ханством. Об этом свидетельствует так называемая родословная татарских царей, опубликованная по двум спискам (Синодальному и архива МИД) в 1851 г. Временником Московского общества истории и древностей российских, а затем с прибавлением Копенгагенского списка — В.В.Вельяминовым-Зерновым. Все три списка (восходящие к одному общему источнику) при перечислении царей Большой Орды и астраханских ханов практически повторяют те же имена потомков Тимур-Кутлуга. «Темир Кутлуй царь, первой царь на Астрахани», он же — основатель рода «царей Болшие Орды» [Временник, с. 127–130, 221–222; Вельяминов-Зернов, с. 43–49].

После разгрома Менгли-Гиреем Большой Орды в 1502 г. часть родственников Ахмеда спешит покинуть город. Видимо, еще какое-то время в Астрахани оставались племянники Ахмеда и Махмуда, Юсуф (сын Якуба[21]) и Шейх-Авлияр (сын Бахтиара), которые в тот же год бежали в Москву «служити» великому князю [ПСРЛ, 1959, с. 296; 1963, с. 336; Howorth, с. 351]. Зная о враждебных отношениях Абд ал-Керима к Бахтиару (он не пустил его в город незадолго до этого), трудно предположить, что Абд ал-Керим сам в это время был там. Вероятно, после катастрофы власть в теперь уже независимом городе восстановилась далеко не сразу: часть потомков Кучук-Мухаммеда предпочла бегство в сопредельные государства, а часть — создание нового государства, являвшегося прямым наследником разгромленной Большой Орды.

Видимо, к 1502 г. и относится образование Астраханского ханства — наследника разгромленной объединенными усилиями Менгли-Гирея и Ивана III Большой Орды.

Не случайно специальная дипломатическая документация, фиксирующая отношения Москвы с вновь возникшим государством, появляется только в начале XVI в. В архиве Посольского приказа хранились «Книги астороханские с лета 7016-го [1508] по лето 7025-го [1517], при великом князе Василье Ивановиче всеа Русии, как был в Асторохани Обдыл-Керим царь. Книги астороханские с лета 7029-го [1521] по лето 7042-го [1534], при великом князе Василье Ивановиче всеа Русии и после его при сыне его при великом князе Иване Васильевиче всеа Русии до царского имянованья (т.е. до венчания Ивана IV на царство в 1547 г. — *И.З.*), как был в Асторохани Яныбек царь» [Опись, с. 106]. Эти книги не сохранились. В посольской книге по связям России с Ногайской Ордой 1548–1549 гг. имеется запись о приезде от астраханского царя посла Халкомана «лета 7058». При этом отмечено, что его приезд «писан в астароханских книгах». Следовательно, исчезли эти книги позднее [Рогожин, с. 53]. Еще два упоминания «астраханских книг» в описи Царского архива [Опись, с. 20, 30], видимо, относятся к более поздним документам. Очевидно, до правления Василия Ивановича никаких «астраханских книг» не было: существовали «ордынские» тетради или книги, в которых отражалось развитие отношений с Большой Ордой. 11 июня 1508 г. из Москвы был отпущен посол ногайского мурзы Ян Магмета (т.е. Джан-Мухаммеда) Исень Бахты, «а отпустил князь велики того Ян Магметева человека Исень Бахтыа вместе с азтороканскими послы, а толмача с ними по-

[21] Вероятно, Юсуф — четвертый сын Кучук-Мухаммеда, брат Махмуда, Ахмеда и Бахтиара. Именно как сын Кучук-Мухаммеда он упомянут в «Джами ат-таварих» Кадыр-Али-бека [Джами ат-таварих, с. 159; Вельяминов-Зернов, с. 224].

слал одного до Новагорода до Нижнего». Если послы были отпущены из Москвы в начале июня, следовательно, прибыли они в нее скорее всего весной. Это первое зафиксированное источниками *астраханское* посольство в Москву. Интересно, что пропускная грамота послам через русские города и Казань была записана в канцелярии великого князя в «ординских татратех» [Посольская книга, с. 76]. Возможно, это косвенное свидетельство того, что отдельных астраханских тетрадей тогда еще не было. С другой стороны, «Книги астороханские», как указывалось выше, начинались «с лета 7016-го», т.е. начальным их годом был все тот же, 1508-й. Вполне вероятно, что специальные книги, отражавшие развитие отношений Москвы и Астрахани, и появились в 1508 г. (возможно, после июня).

Сам термин «астраханский царь» появляется в материалах несостоявшегося посольства Ивана III к Менгли-Гирею от февраля 1503 г. В наказе послу И.Н.Беклемишеву ему предписывалось говорить хану, что астраханские «сего лета царевичи и азтороканских царей люди» на Дону «посла нашего Александра, которого есмя послали к кафинскому салтану, да и его посла Алакозя пограбили и людей наших торговых да и турков многих до смерти побили, а иных поимав, свели, а рухляди у них много поимали. И где было тебе за то на азтороканских царей и царевичев со мною стояти содинова, и ты их людей у нас просишь, а яз их держу того деля: хочу свое взяти» [РИО, 1884, с. 462].

Именно в начале XVI в. в Москве начинают расценивать Астрахань как самостоятельное государство. В двух сборниках Софийского собрания Российской национальной библиотеки сохранилась статья, начинающаяся словами «Татарским землям имена...» и являющаяся перечнем различных мусульманских стран. Источником статьи была «Повесть о Темир-Аксаке» (начало XV в.), где приводится список земель, завоеванных Тимуром. Список «Повести...» был переработан с учетом политических реалий начала XVI в., когда создавалась статья «Татарским землям имена...». Он был дополнен рядом названий «татарских» земель, которые отсутствовали в источнике статьи. В число этих названий наряду с Большой Ордой, Крымом, Азовом, Казанью, калмыками, ногаями, Сараем и «Шибанами» (Сибирью) была включена и «Васьторокан» [Казакова, с. 253–254], т.е. Астрахань[22].

[22] Не Тмутаракань, как предполагала Н.А.Казакова [Казакова, с. 254]. Надо добавить, что книжность, как и канцелярия, не сразу реагировала на изменение внешнеполитической обстановки. Например, несмотря на многолетний опыт контактов с несколькими постзолотоордынскими государствами (прежде всего с Казанью, Касимовым и Крымом), первый актовый документ, в котором появляется множественное чис-

Наконец, еще одно свидетельство в пользу образования ханства именно в начале XVI в., а не ранее — духовная грамота Ивана III. Иван умер 27 октября 1505 г., оставив завещание, в котором среди ордынского выхода, оцененного в 1000 рублей, наряду с Крымом, Касимовым и Казанью, числилась и Астрахань [Духовные, с. 362; Соловьев, с. 144–146]. Духовная Ивана III датируется не позднее 16 июня 1504 г. по докончанию великого князя Василия Ивановича с князем Юрием Ивановичем, в котором также упоминается о выходе и «проторах» в Астрахань [Духовные, с. 365, 367, 369]. Как показал С.М.Каштанов, проект завещания был составлен в начале ноября 1503 г., до смерти князя Ивана Борисовича Рузского, а окончательный вариант появился после смерти последнего, наступившей 28 ноября [Каштанов, с. 200]. Безусловно, в это время Хаджи-Тархан был самостоятельным юртом и как наследник Орды имел право на свою долю выхода. Какова была эта доля, сказать трудно. Рядовые поминки начала века могли составлять и меньшую сумму (например, 500 рублей). Можно попытаться сопоставить размеры этой суммы, учитывая колебания курса, с надбавками к наибольшему размеру поминок, на которые согласилась крымская сторона после завоевания Москвой Казани и Астрахани (как бы в уплату за согласие на переход ханств под русскую юрисдикцию) [Фаизов, с. 53]. Ни в одном из документов предшествующего времени, регулирующих взаимоотношения великих и удельных князей с Ордой, Астрахань как самостоятельный агент отношений не выступает (хотя, например, Казань и Касимов упоминаются именно в этом качестве). Неясно, на чем основана позиция Ч.Гальперина, который, видимо, считал Астрахань получателем великокняжеской дани после убийства Ахмеда ногаями [Halperin, с. 59–60]. Астрахань появляется в духовной Ивана (вероятно, в 1504 г.) потому, что до 1502 г. Астраханского ханства просто не было.

Таким образом, из сказанного выше можно сделать следующие выводы:

1. Говорить о создании Астраханского ханства в 50–60-е годы XV в. (1459, 1466 гг. и др.) неправомерно.

2. В 50–70-х годах XV в. город представлял собой один из центров Большой Орды.

3. Не ранее начала 80-х годов в Астрахань после разгрома Сарая перемещается столица Большой Орды. Город продолжал оставаться

ло от слова «Орда» («Орды»), — договор Ивана III с его братом, волоцким князем Борисом, заключенный в 1473 г. [Горский, 1997, с. 27–28; Горский, 2000, с. 165]. То, что Астрахань появляется в книжных памятниках как самостоятельное царство не в самом начале XVI в., а, вероятно, в 1510-х годах, неудивительно.

ею до разгрома Большой Орды в 1502 г. крымским ханом Менгли-Гиреем.

4. Не ранее 1502 г. Астрахань становится политической наследницей разгромленной Большой Орды. При этом не происходит ни смены династии, ни изменения внутреннего строя государства: старая столица Большой Орды становится столицей Астраханского ханства.

Возможно, что единственным изменением в этом континуитете власти стало изменение границ: можно предположить, что Астраханское ханство было несколько меньше по территории.

Как следует из источников, о самостоятельном существовании Астрахани как отдельного государственного образования можно говорить лишь со времени не ранее 1502 г., т.е. со времени разгрома Большой Орды Менгли-Гиреем. До этого Астрахань представляла собой часть юрта Большой Орды и не выступала как самостоятельное государство, обладающее собственным правящим домом, границами, проводящее самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику.

Алишев, 1995 — *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995.

Алишев, 1995а — *Алишев С.Х.* Завоевание татар Русским государством // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.

Арзютов — *Арзютов Н.* Золотая Орда. Саратов, 1930.

Арсланов, Викторин — *Арсланов Л.Ш., Викторин В.М.* Астраханские татары. История и этнический состав населения Астраханской области // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.

Ахмедов — *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Ахмеров — *Ахмеров Г.* Избранные труды. Казань, 1998.

Бабур-наме — Бабур-наме: Записки Бабура / Пер. М.Салье. Таш., 1958.

Барбаро и Контарини — Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступит. ст., подготовка текста, пер. и коммент. Е.Ч.Скржинской. Л., 1971.

Бартольд — *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1965. Т. III.

Брегель — *Брегель Ю.Э.* Термин «вилайет» в хивинских документах // Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1968. М., 1970.

Вельяминов-Зернов — *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1.

Вереин — *Вереин Л.Е.* Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству: Начало строительства русской Астрахани. Астрахань, 1958.

Виженер — *Блез де Виженер.* Извлечение из записок // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890. Вып. 1.

Временник — Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10.

Газиз — *Газиз Г.* [*Губайдуллин Г.С.*] История татар. М., 1994.

Горский, 1997 — *Горский А.А.* О времени и обстоятельствах освобождения Москвы от власти Орды // ВИ. 1997. № 5.

Горский, 2000 — *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000.

Греков — *Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963.

Григорьев, 1985 — *Григорьев А.П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // Уч. зап. ЛГУ. № 417. Серия востоковедческих наук. 1985. Вып. 28. Востоковедение. № 11.

Григорьев, 1987 — *Григорьев А.П.* Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1987. Вып. 10.

Григорьев, 1987а — *Григорьев А.П.* Письмо Менгли-Гирея Баязиду II (1486) // Уч. зап. ЛГУ. № 419. Серия востоковедческих наук. 1987. Вып. 29. Востоковедение. № 13.

Григорьев, 1876 — *Григорьев В.В.* Россия и Азия. СПб., 1876.

Джами ат-таварих — Библиотека восточных историков, издаваемая И.Березиным (Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием). Казань, 1854. Т. II. Ч. 1.

Древняя Сибирь — Древняя Сибирь. Макет 1-го тома «Истории Сибири». Улан-Удэ, 1964.

Духовные — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Егоров — *Егоров В.Л.* Астраханское ханство // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1994. Т. 1.

Зайцев — *Зайцев И.В.* Письмо хана Большой Орды Ахмада турецкому султану Мехмеду II Фатиху (881 г.х.) // Восточный архив. 1999. № 2–3.

Ибрагимов — *Ибрагимов С.К.* Сочинение Мас'уда бен Османи Кухистани «Тарихи Абулхаир-хани» // Известия АН Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. А.-А., 1958. Вып. 3 (8).

Иванов, 1935 — *Иванов П.П.* Очерк истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков. М.; Л., 1935 (Труды Ин-та востоковедения. Т. VII).

Иванов, 1958 — *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958.

Иванов, Васильев — *Иванов И.В., Васильев И.Б.* Человек, природа и почвы Рынпесков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.

История Отечества — История Отечества с древнейших времен до наших дней. Энциклопедический словарь. М., 1999.

История Сибири — История Сибири. Л., 1968. Т. 1: Древняя Сибирь.

Казакова — *Казакова Н.А.* «Татарским землям имена» // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34.

Казанская история — Казанская история // ПЛДР. Середина XVI в. М., 1985.

Карамзин — *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1817. Т. VII.

Каргалов — *Каргалов В.В.* Конец ордынского ига. М., 1980.

Кармышева — *Кармышева Б.Х.* Таджикско-узбекский народный географический термин *вилаят* // Этнография имен. М., 1971.

Каштанов — *Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967.

Кляшторный, Султанов — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан: летопись трех тысячелетий. А.-А., 1992.

Кочекаев — *Кочекаев Б-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. А.-А., 1988.

Ленхофф, Мартин — *Ленхофф Г.Д., Мартин Дж.Б.* Торгово-хозяйственный и культурный контекст «Хожения за три моря» Афанасия Никитина // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47.

Литовская метрика — Литовская метрика. Отд. 1. Ч. 1. Книги записей. СПб., 1910. Т. 1 (РИБ. Т. XXVII).

Лэн-Пуль — *Лэн-Пуль С.* Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими сведениями / Пер. с англ. с примеч. и доп. В.В.Бартольда. СПб., 1899.

Макаренко — *Макаренко Ю.А.* Астрахань — три города в одном // Астраханский край: история и современность (к 280-летию образования Астраханской губернии). Материалы Всероссийской научной конференции. Астрахань, 1997.

Малов — *Малов С.Е.* Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А.Гордлевскому к его семидесятипятилетию. Сборник статей. М., 1953.

Марджани — *Марджани Ш.* Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар. Казан, 1885.

Марко Поло — Книга Марко Поло. Пер. старофр. текста И.П.Минаева, ред. и вступит. ст. И.П.Магидовича. М., 1956.

Марков — *Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896.

Меховский — *Меховский Матвей.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.

Мухаммед Юсуф — *Мухаммед Юсуф Мунши.* Муким-ханская история. Пер. с тадж., предисл., примеч. и указ. А.А.Семенова. Таш., 1956.

Нестеров — *Нестеров А.Г.* Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв.: археология и история. Автореф. канд. дис. М., 1988.

Опись — Опись царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.

Оранский — *Оранский И.М.* О терминах *vilayat, vilayati* в Средней Азии и сопредельных странах // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1973. М., 1979.

Очерки, 1974 — Очерки по истории Волгоградского края. Волгоград, 1974.

Очерки, 1986 — Очерки истории Ставропольского края (С древнейших времен до 1917 года). Ставрополь, 1986. Т. I.

Пирлинг — *Пирлинг П.* Россия и Восток. СПб., 1892.

Посольская книга — Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. М., 1984.

Посольские книги — Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Махачкала, 1995.

Похлебкин — *Похлебкин В.В.* Все ханы Золотой Орды. 1236–1481: Хронологическая таблица (история исследования). М., 1999.

Рашид ад-Дин — *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. с перс. Ю.П.Верховского, примеч. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова, ред. И.П.Петрушевского. М.; Л., 1960. Т. II.

Рогожин — *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV — начала XVI в. М., 1994.

Рычков, 1774 — *Рычков П.[И].* Введение к астраханской топографии... М., 1774.
Рычков, 1999 — *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999.
Савельев — *Савельев П.С.* Монеты ханов джучидские, джагатаиские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Записки Императорского Археологического общества. СПб., 1865. Т. XII.
Сафаргалиев, 1952 — *Сафаргалиев М.Г.* Заметки об Астраханском ханстве // Мордовский государственный педагогический институт им. Полежаева. Сборник статей преподавателей института. Саранск, 1952.
Сафаргалиев, 1996 — *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996.
Сборник Муханова — Сборник Муханова. СПб., 1866.
Семенов, 1954 — *Семенов А.А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Сталинабад, 1954. Вып. 1.
Семенов 1954а — *Семенов А.А.* Шейбани-хан и завоевание империи Тимуридов // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Сталинабад, 1951. Вып. 1.
Семенов, 1980 — *Семенов Л.С.* Путешествие Афанасия Никитина. М., 1980.
Соловьев — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. III (тома 5–6).
Султанов, 1978 — *Султанов Т.И.* Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. 1975. М.. 1978.
Султанов, 1993 — *Султанов Т.И.* Правители первого Казахского государства (1470–1718). Алматы, 1993.
Сыроечковский — *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Уч. зап. МГУ. 1940. Вып. 61. История. Т. II.
Таварих — Таварих-и гузида — Нусрат-наме. Таш., 1967.
Тали — Абдуррахман-и Тали. История Абулфейз-хана. Таш., 1959.
Татищев — *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1966. Т. VI.
Тизенгаузен — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.; Л., 1941.
Усманов — *Усманов М.А.* Источники книги Ш.Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар». Ч. 1. Казань, 1885 // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1969. Вып. II–III.
Утемиш-хаджи — *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме. Факс., пер., транскр., текстол. примеч., исслед. В.П.Юдина. Коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. А.-А., 1992.
Фазлаллах — *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Пер., предисл. и примеч. Р.П.Джалиловой, под ред. А.К.Арендса. М., 1976.
Фаизов — *Фаизов С.Ф.* Поминки — «тыш» в контексте взаимоотношений Руси–России с Золотой Ордой и Крымским юртом // Отечественные архивы. 1994. № 3.
Фахрутдинов — *Фахрутдинов Р.* Золотая Орда и образование Астраханского ханства // Идел (Газета Астраханского областного общества татарской национальной культуры «Дуслык»). Астрахань, 1992. № 21 (32)–23 (34), 25 (36), 26 (37).
Федоров-Давыдов, 1960 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1.

Федоров-Давыдов, 1974 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Три средневековых нижневолжских города // ВИ. 1974. № 3.

Фирсов — *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань,1920.

Хожение — Хожение за три моря Афанасия Никитина. Изд. подгот. Я.С.Лурье и Л.С.Семенов. Л., 1986.

Хондемир — *Хондемир Гийас ад-Дин ибн Хамам ад-Дин Мохаммад.* Тарих-и хабиб ас-сийар фи ахбар-и афрад-и башар. Джилд 4. Техран, 1334 (1955).

Чхао — *Чхао Чху-Ченг.* Распад Монгольской империи: основные причины (опыт анализа источников и научной литературы). АКД. Казань, 1995.

Шнайдштейн — *Шнайдштейн Е.В.* О давнем прошлом Астраханского края // Природа и история Астраханского края. Астрахань, 1996.

Штылько — *Штылько А.* Астраханская летопись. Исторические известия, события, постановления правительственных и других учреждений и факты из общественной жизни г. Астрахань с 1554 по 1896 г. включительно. Астрахань, 1898.

Эвлия Челеби — *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 3: Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М., 1983.

Юсупов — *Юсупов М.Х.* Шигабутдин Марджани как историк. Казань, 1981.

Aboul-Ghazi, 1871 — Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Bèhâdour Khan. St.-Pbg., 1871. T. I. Texte.

Aboul-Ghazi, 1874 — Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Bèhâdour Khan. St.-Pbg., 1874. T. II. Traduction.

Barthold — *Barthold W.* Astrakhan // E. J. Brill's First Encyclopaedia of Islam. Leiden; New York; København; Köln, 1987. Vol. 1.

Burton — *Burton J.A.* Who Were the First Ashtarkhanid Rulers of Bukhara? // BSOAS. 1988. Vol. LI, Pt. 3.

Garbacik — *Garbacik J.* Kallimach jako dyplomata i polityk. Kraków, 1948.

Halasi Kun, 1942 — *Halasi Kun T.* Monumentes de la langue tatare de Kazan // Analecta Orientalia memoriae Alexandri Csoma de Koros dicata (Bibliotheca Orientalis Hungarica. V). Budapestini, 1942. Vol. I.

Halasi Kun, 1949 — *Halasi Kun T.* Philologica III. Kazan Türkçesine ait dil yadigârları // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1949. Cilt VII. Bölüm 4.

Halperin — *Halperin Ch.J.* Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1985.

Hammer-Purgstall — *Hammer-Purgstall J.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth, 1840.

Hartog — *Hartog Leo de.* Russia and the Mongol Yoke. 1221–1502. London; New York, 1996.

Hofman — *Hofman H.F.* Turkish Literature: A Bio-Bibliographical Survey. Section III. Utrecht, 1969. Pt. I. Vol. 1.

Howorth — *Howorth H.H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Pt. II. Division I. L., 1880.

Ischboldin — *Ischboldin B.* Essays on Tatar History. New Delhi, 1963.

Jorga — *Jorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1909. Bd. 2 (bis 1538).

Kafalı — Kafalı M. Altın Orda Hanlığının Kuruluş ve Yükseliş Devirleri. İstanbul, 1976.
Le Khanat — Le Khanat de Crimée dans les archives du Musée du palais de Topkapi. P., 1978.
Koneczny — *Koneczny F.* Sprawy z Mengli-Girejem 1473–1504 // Ateneum Wilenskie. Wilno, 1927. Rok IV. Zeszyt 12.
Kurat, 1940 — *Kurat A.N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yarlık ve Bitikler. İstanbul, 1940.
Kurat, 1972 — *Kurat A.N.* IV–XVIII Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara, 1972.
Martin — *Martin J.* Medieval Russia. 980–1584. Cambridge, 1995.
Öztuna — *Öztuna Y.* İslâm Devletleri: Devletler ve Hanedan. Ankara, 1989. Cilt 1.
Podhorodecki — *Podhorodecki L.* Chanat krymski i jego stosunki z Polska w XV–XVIII w. Warszawa, 1987.
Rahmati Arat — [*R.Rahmati Arat*] Astırhan // İslâm Ansiklopedisi. Cilt 1. İstanbul, 1940.
Saray — *Saray M.* The Hanate of Astrahan // A Short History of Turkish-Islamic States (Excluding the Ottoman Empire). Ankara, 1994.
Seferoğlu, Müderrisoğlu — *Seferoğlu S.K., Müderrisoğlu A.* Türk Devletleri Tarihi (etnolojik bir deneme). Ankara, 1986.
Spuler, 1940 — *Spuler B.* Die Aussenpolitik der Goldenen Horde: Die Horde als Glied des osteuropäischen Staatensystems // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1940. Jahrgang 5.
Spuler, 1960 — *Spuler B.* Astrakhan // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. 1. Leiden; London, 1960.
Togan — *Togan A.Z.V.* Umumî Türk Tarihine Giriş. Cilt 1: En Eski Devirlerden 16. Asra Kadar. İstanbul, 1946.
Yıldız — *Yıldız H.D.* Abbasiler'de Emirülümerâlığın Ortaya Çıkışı // Tarih Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1981. Sayı X–XI (ayrı basım).
Zaitsev — *Zaitsev I.* Osmanlı İmparatorluğu ve Taht Eli: Siaysî Münasebetler (XV–XVI Yüzyıllar) // Osmanlı. Ankara, 1999. Cilt 1. Bölüm 3.
Zambaur — *Zambaur E.* Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam. Osnabrück, 1955.

ВИ — Вопросы истории. М.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
МИКХ — Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси.
ПСРЛ, 1904 — Полное собрание русских летописей. СПб., 1904. Т. 13; М.: Л., 1959. Т. 26; М.; Л., 1963. Т. 28; М., 1965. Т. 30.
РИБ — Русская историческая библиотека. СПб.
РИО, 1884, 1895 — Сборник Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41; 1895. Т. 95.
СИЭ — Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы. Л.
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London.

Д.М.ИСХАКОВ
(Казань)

О родословной хана Улуг-Мухаммеда

Фигура основателя Казанского ханства хана Улуг-Мухаммеда хорошо известна по достаточно обширному корпусу источников, однако его родословная до сих пор окончательно не выяснена. Линия его потомков более или менее исследована, но и тут есть некоторые трудности. В частности, недавно при анализе источников обнаружено упоминание ранее неизвестного сына хана Улуг-Мухаммеда. Что касается родословной самого Улуг-Мухаммеда, то она остается во многом дискуссионной.

В историографии по этому вопросу существуют разные точки зрения. Одна из них, характерная для татарской национальной историографии, первоначально была высказана Шигабутдином Марджани, согласно которому родословная Улуг-Мухаммеда восходит к Урус(Орыс)-хану: Орыс-хан → Кутлуг-Тимер-хан → Тимер-хан → Улу-Мухаммед-хан [Мәрҗани, с. 162]. Большинство дореволюционных татарских историков придерживались этой позиции [Атласи, с. 203; Биккулов, с. 65; Фәхретдин, с. 38; Ахмеров, с. 86; Вәлиди Туган, с. 284, 289–290]. Р.Фахрутдинов и А.-З.Валиди слегка модифицировали *шеджере* (родословную) хана, добавив к нему одно спорное звено — сына Уруса, Тимур-Мелика.

Другая точка зрения была сформулирована В.В.Вельяминовым-Зерновым, полагавшим, что родословная Улуг-Мухаммеда выглядела следующим образом: Туляк-Тимур → Хине → Хасан (Ичкиле Хасан) → Улуг-Мухаммед [Вельяминов-Зернов, с. 234–235]. По мнению этого исследователя, цепочка, начинающаяся с Урус-хана, принадлежала предкам хана Кучук-Мухаммеда [Вельяминов-Зернов, с. 243–244]. Позднее к такому же выводу пришел С.Лэн-Пуль. В его исследовании, посвященном мусульманским генеалогиям, шеджере интересующего нас хана представлено в таком виде: Джучи → Тука-Тимур → Уренг-

© Д.М.Исхаков, 2002

Тимур → Сарыча → Тулек-Тимур → Алибек → Хасан → Улуг-Мухаммед [Лэн-Пуль, с. 199].

Обе названные работы не привлекли внимания дореволюционных татарских историков, за единственным исключением: во втором издании своей книги по тюрко-татарской истории (1917 г.) А.-З.Валиди согласился с позицией В.В.Вельяминова-Зернова [Вәлиди, с. 78, 105]. Кроме того, он также полагал, что генеалогическая линия, связанная с Орыс (Ырыс) ~ Урус ханом, должна быть отнесена к Кучук-Мухаммеду [Вәлиди, с. 71, 78, 104].

В советский период того же мнения о генеалогии хана Улуг-Мухаммеда придерживался и М.Г.Сафаргалиев, предложивший такой вариант его родословной: Кунчек-Оглан → Тулук-Тимур → Дервиш → Ичкел-Хасан → Улуг-Мухаммед [Сафаргалиев, с. 196].

В числе потомков Урус-хана он видел Кучук-Мухаммеда, а отнюдь не основателя династии казанских ханов [Сафаргалиев, с. 186, 196, 237]. В 1969 г. турецким историком Х.Иналджиком была опубликована статья о крымских ханах Гиреях. К статье автор приложил большую генеалогическую таблицу, в которой была выделена и линия Улуг-Мухаммеда [İnalcık, с. 369–370]. По мнению турецкого исследователя, родословная Улуг-Мухаммеда выглядела так: Кунчек (Кунче) → Токкул → Тулек-Тимур → Чигей (Чинсе) → Ичкиле Хасан → Улуг-Мухаммед. Как видим, Х.Иналджик придерживается мнения, в целом близкого взглядам ученых из второй группы.

Со статьи В.В.Бартольда, опубликованной в одном из недоступных нам изданий «Энциклопедии ислама» (см.: Bennigsen, с. 849), начинается еще одна историографическая традиция, связанная с родословной Улуг-Мухаммеда. Так, например, М.Г.Худяков не сомневался в том, что «хан Мухаммед, имевший прозвище *Улу*, был внуком знаменитого Тохтамыша и сыном Сарайского хана Джелаль-уддина» [Худяков, с. 20]. Позже к этой точке зрения присоединились турецкий историк татарского происхождения Рашит Рахмати Арат [Rahmati Arat, с. 505], а затем известный французский исследователь А.Беннигсен [Bennigsen, с. 849].

Таким образом, в литературе представлены три версии родословной хана Улуг-Мухаммеда. Одна из них, восходящая к работе Ш.Марджани, сегодня уже может быть признана устаревшей. Две другие версии шеджере хана, несмотря на их взаимоисключающий характер, продолжают свое существование. Какая из них соответствует истинному положению дел? Поиску ответа на этот вопрос и посвящена настоящая статья.

В процессе поиска источников, адекватно отражающих генеалогию Улуг-Мухаммеда, мое внимание привлекло известие из Патриаршей

(Никоновской) летописи о царевиче Мустафе. Речь идет о событии, датированном 1444 г.: «...того же лета царевича Мустафу убили на Резани» [ПСРЛ, т. 11–12, с. 12–13]. Чуть ранее, под 1443 г., приводится более подробное известие об этом царевиче: «Мустафа царевич прииде на Рязань со множеством татар ратию... и много зла учини; и отъиде с полоном многим и ста на Поле, и посылаше в Рязань, продая им полон... Мустафа же паки прежде в Рязань на миру, хотя зимовати в Резани; бе бо супротивно на Поли, а Поле все в осень пожаром погоре, а зима люта и велми зла, и снези велици и ветры силны». Далее в тексте говорится о том, что войско Мустафы расположилось для зимовки в г. Переяславле Рязанского княжества. Когда весть об этом дошла до московского великого князя Василия Васильевича, тот послал войско против Мустафы. Летопись сообщает: «Рязанцы же выслаша его (Мустафу) из града, он же вышед из града и ста туто же под градом Переславлем». Войско царевича было обессилено: «...татарове конми обмерли, и от мраза и студени великиа померзли». Далее описание этого события получает логическое завершение — на поле брани Мустафа терпит поражение и погибает, многие из его татар попадают в плен [ПСРЛ, т. 11–12, с. 12–13].

Если довериться этим сведениям, то получается, что до осени 1443 г. некий царевич Мустафа успешно действовал на территории Рязанского княжества, а зимой 1444 г. погиб во время боя с русскими войсками. Почему стоит обратить особое внимание на фигуру этого царевича? Дело в том, что в некоторых летописях под 1474 г. появляется известие о прибытии на службу в Москву «Муртозы царевича, Мустофина сына царя Казанского», а первое сообщение о нем относится к 1471 г. [ПСРЛ, т. 11–12, с. 141, 154].

В истории Казанского ханства хан Мустафа неизвестен. Приведенный выше фрагмент из Патриаршей (Никоновской) летописи о гибели царевича Мустафы требует объяснения, поскольку в других летописях царевича Муртазу называют сыном Мустафы, «царя Крымского» [ПСРЛ, т. 37, с. 144], хотя такого крымского хана восточные источники также не знают.

Для решения этой исторической загадки следует обратиться к татарскому краеведческому сочинению, в котором сообщается о ногайцах, живших в период Казанского ханства в районе Алатского городка и подчинявшихся ханскому сыну по имени Мустафа [Әхмәтҗанов]. В описании событий 1443–1444 гг., имеющих отношение к царевичу Мустафе, есть одна подробность, которая, как кажется, позволяет установить связь между летописным царевичем и семьей правителя Казанского ханства. Дело в том, что во время зимнего сражения 1444 г. в составе московских войск против татар воевала и «Мордва на ртах»

[ПСРЛ, т. 11–12, с. 62]. А осенью 1445 г., возможно в сентябре (летописных сообщений два: в первом говорится о том, что в сентябре 1445 г. «приходиша Татарове на Рязанскиа украины», а во втором — «тоя же осени воеваша Татарове Мордву»), состоялся поход татар против мордвы, похожий на ответное действие за участие мордвы в сражениях зимы 1444 г. В летописном сообщении вслед за этими известиями говорится: «Тоя же зимы царь Улу-Махаметъ приходилъ ратью к Мурому» [ПСРЛ, т. 11–12, с. 62]. Возникает впечатление, что не только в последнем случае, но и в предыдущем действовало войско хана Улуг-Мухаммеда, находившееся и зимой 1444 г. недалеко от Рязанского княжества — в районе Нижнего Новгорода [Вельяминов-Зернов, с. 7]. Такую же трактовку событий осени 1445 г. предлагал в свое время М.Г.Сафаргалиев [Сафаргалиев, с. 258].

Ясность в этот вопрос вносит перечень сыновей хана Улуг-Мухаммеда, имеющийся в таком интересном источнике, как «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», ранее не привлекавшийся для исследования генеалогии основателя династии казанских ханов. Мустафа назван в перечне семерых сыновей хана четвертым [Таварих, с. 40–41]. Таким образом, получается, что у Улуг-Мухаммеда действительно существовал сын по имени Мустафа. Хотя он явно не занимал казанский престол, его принадлежность к правящему дому Казанского ханства, надо полагать, позволила летописцу говорить о нем как о «Казанском царе».

Как уже сказано, сообщения русских летописей о царевиче Мустафе заставляют обратить особое внимание в источниковедческом плане на «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме». Это сочинение следует анализировать вкупе с другими источниками, содержащими сведения о генеалогии Улуг-Мухаммеда. Что касается последних, то к ним специально обращались только два исследователя: В.В.Вельяминов-Зернов и М.Г.Сафаргалиев. Рассмотрим подробнее их источниковедческие изыскания.

В.В.Вельяминов-Зернов в качестве источника для своих построений родословной Улуг-Мухаммеда называет «старую родословную царей Татарских», которая ему была известна в трех редакциях [Вельяминов-Зернов, с. 143–145]. Он замечает, что «родословие царей Астраханских и Казанских во всех трех списках довольно схоже» [Вельяминов-Зернов, с. 146]. Кроме того, он использовал французское издание труда Абу-л-Гази-хана «Родословное древо тюрков» и отмечал, что «в происхождении Улуг-Мухаммеда наши родословные согласны с Абул-Газыем» [Вельяминов-Зернов, с. 235]. Использовал он и «Казанскую историю». Из-за противоречий в источниках, особенно по вопросу о родстве Кучук-Мухаммеда и Улуг-Мухаммеда, этот исследователь временами колебался в выборе того или иного варианта

родословной основателя династии казанских ханов. Вот одно из размышлений историка: «...если бы принимаемое мною объяснение слов Барбаро было верно, то вышло бы, что Улуг-Мухаммед и отец Кичи-Мухаммеда, Тимур, были родными братьями, и что, следовательно, Улуг-Мухаммед был сыном Тимур-Кутлука. Вывод этот был бы весьма правдоподобным» [Вельяминов-Зернов, с. 235]. Но, опираясь на другие источники, Вельяминов-Зернов остановился все же на другом варианте родословной хана.

М.Г.Сафаргалиев, безусловно, опирался на источниковедческие изыскания В.В.Вельяминова-Зернова. Но кроме «русской редакции родословной ханов» — источника, который был главным для В.В.Вельяминова-Зернова, — он привлекает для анализа «генеалогические таблицы» [Сафаргалиев, с. 196]. Под последними имеются в виду опубликованные В.Г.Тизенгаузеном родословные «монгольских ханов» из персидского сочинения «Муизз» [Тизенгаузен, т. II, с. 60–61]. М.Г.Сафаргалиев считал этот источник «безупречным в вопросах генеалогии ханов». В необходимых случаях он обращался и к русским изданиям сочинения Абу-л-Гази-хана; последнее издание труда хивинского хана вышло в Казани в 1906 г. в переводе Г.С.Саблукова. Но с «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» исследователь, по-видимому, не был знаком; во всяком случае, ссылки на это сочинение отсутствуют.

Итак, круг источников по интересующей нас теме относительно небольшой: из русских источников это родословные «царей казанских»; из восточных — «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», «Муизз» и «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази-хана. Для наглядности все сведения из указанных источников сведены в табл. 1, которая достаточно ясно демонстрирует картину исследуемого вопроса, позволяя выявить противоречия, имеющиеся между разными версиями родословных хана Улуг-Мухаммеда.

Как видно из таблицы, историческая «память» русских источников не уходит вглубь дальше отца Улуг-Мухаммеда — Хасан-оглана (Ичкиле-Хасана). В.В.Вельяминов-Зернов указывает дополнительно, что в Синодальном списке в разделе «Род царей Болшие Орды» есть примечание: «...третий сын Туатемиров Асан улан, а Асан-Уланов сын Улу-Махмет Улан» [Вельяминов-Зернов, с. 235]. Исследователь понимает это следующим образом: речь идет о происхождении Асан углана от Туатемира (Асан как «потомок» последнего). Но кто подразумевался под Туатемиром — неизвестно; им может быть как дед Хасана, Тулек-Тимур, так и его предок Тука(й)-Тимур. Приведенные сведения тем не менее свидетельствуют о том, что в отдельных русских источниках сохранялись фрагменты более обширной родословной Улуг-Мухаммеда.

Сведения восточных источников гораздо более представительны и в целом, за исключением звена Дервиш-хана по «Муизз», идентичны. Как же быть с этим «лишним» звеном генеалогии Улуг-Мухаммеда? По всей видимости, это звено в генеалогию попало по ошибке. Во-первых, в известном сочинении Мирзы Улугбека (1394–1449) «Тарих-и ʻарба улус», недавно изданном на узбекском языке, в разделе, посвященном правителям Дешт-и Кипчака, про Дервиш-хана сказано, что он был сыном Илохий Углана [Улугбек, с. 236]. Гаффари в «Списках устроителя мира» также признает его сыном «Алахи» [Тизенгаузен, т. II, с. 210–212].

Таблица 1

Варианты генеалогий хана Улуг-Мухаммеда
по русским и восточным источникам

По русским редакциям родословных «казанских царей»*	По «Муизз»	По Абу-л-Гази	По «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме»
	Джучи	Джучи	Йоджи-хан
	Тука-Тимур	Тукай-Тимур	Тука-Тимур
	Урунг-Тимур	Уз(Уран)-Тимур	Уз-Тимур
	Сарича	Сарича	Сариджа
	Кунчек	Кюньджак углан	Кончак
	Тулек-Тимур	Тулюк-Тимур	Тулек-Тимур
	Дервиш хан	—	—
	Джанса	Хине	Джине
Зекилъ-Асан улан, Зече Асан Уланъ, Зегенъ Асан Уланъ	Хасан	Хасан углан, Ичкиле-Хасан	Хасан
Улумахметъ царь, Улу Ахметъ царь, Улу-махмедъ царь	Мухаммед-хан	Мухаммед-хан	Мухаммед-хан

Еще в одном источнике — «Шаджарат ал-атрак» (не ранее середины XV в.), также опубликованном В.Г.Тизенгаузеном, — Дервиш назван сыном «Шахи оглана» [Тизенгаузен, т. II, с. 209]. В «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» он признается сыном Алты-Куртка [Таварих, с. 41]. Точное имя этого оглана скорее всего было Илохи ~ Алахи (а имена

* Варианты написания по: Синопсису 1676 г. (Копенгагенская редакция); Списку Синодальной библиотеки; списку Московского архива МИД (взяты из работы В.В.Вельяминова-Зернова).

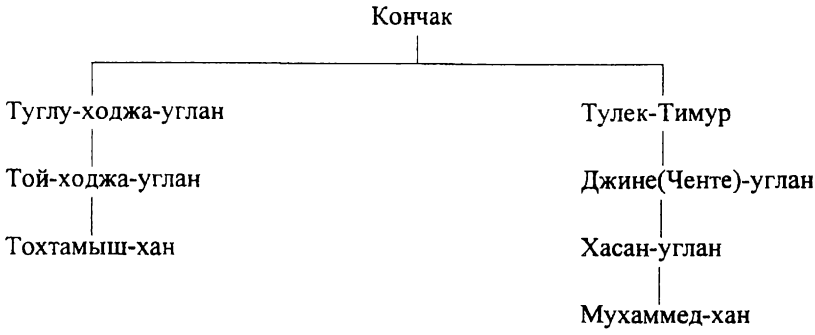
Шахи и Алты-Куртка, вероятно, искажены). В любом случае при наличии этих источников у нас нет оснований считать Дервиш-хана сыном Тулек-Тимура. Источник ошибки автора «Муизз», вероятно, следующий: у Мирзы Улугбека, у Шереф ад-Дина Йезди [Тизенгаузен, т. II, с. 145–146], в «Шаджарат ат-атрак» вслед за Дервиш-ханом (Дервиш-огланом), правителем Дешт-и Кипчака, назван Мухаммед-хан, т.е. Улуг-Мухаммед. Это позволяет предположить, что в «Муизз» порядок престолонаследия перепутан с родственными связями разных линий Чингисидов.

Мы приходим к следующему заключению: во всех источниках отцом хана Улуг-Мухаммеда признается Хасан-оглан, прозванный «Ичкиле-Хасаном». Таким образом, те исследователи, которые пытались возвести родословную Улуг-Мухаммеда к хану Тохтамышу (через его сына Джелал ад-Дина), были не правы. На возможных причинах возникновения этого заблуждения мы остановимся ниже, сейчас же необходимо сказать об отце хана Улуг-Мухаммеда, Хасан-оглане, и его деде, варианты написания имени которого: Джине ~ Джанса ~ Хине.

О первом из них Абу-л-Гази пишет: «Хасан углан, которого также зовут Ичкилий Хасан» [Абу-л-Гази, с. 157]. Об этой же личности речь идет и в «Дастан-и Тохтамыш-хан», входящем в состав «Сборника летописей» Кадыр-Али-бека. В сборнике рассказывается о том, как сын Тохтамыша Кадыр-Берди в возрасте 11 лет напал на Идегея (Эдиге) и во время сражения ранил его. Тогда «некто именем Хасан сын Ичкиля выдал бежавшего Идигэ его противнику» [Усманов, с. 78]. Несмотря на легендарный характер этого свидетельства, оно все же позволяет предположить, что Хасан-оглан был еще жив в 1419–1420 гг. (именно в этом году погиб Идегей, см. [Сафаргалиев, с. 227]). Других упоминаний о Хасан-оглане письменные источники не содержат. Отец же его известен, кажется, по двум независимым друг от друга источникам, в которых он фигурирует как Ченте-оглан — в «Книге побед» Шереф ад-Дина Йезди в 1391 г., в составе войск Тохтамыша [Тизенгаузен, т. II, с. 168] и как Чинтек-оглан — в «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» Натанзи (после поражения Тохтамыша от Тимура в 1395 г., см. [Тизенгаузен, т. II, с. 133]). Так как это имя практически идентично имени отца Хасана (Джине ~ Джанса ~ Хине), а хронологически Ченте ~ Чинтек-оглан жил в тот же период, что и отец Хасан-оглана, то можно допустить, что в лице сторонника хана Тохтамыша Ченте-оглана мы имеем дело с отцом Хасана. При рассмотрении этого вопроса следует иметь в виду, что Ченте-оглан был довольно близким родственником хана Тохтамыша, приходясь ему дядей по отцу (см. табл. 2). Поэтому неудивительно, что он упоминается в войсках Тохтамыш-хана во время сражений 1391 и 1395 гг.

Таблица 2

Родственные отношения предков Улуг-Мухаммеда
с предками хана Тохтамыша*



В связи с фигурой Хасан-оглана в специальном обсуждении нуждается еще один вопрос. Известно, что в 1370 и 1376 гг. в русских летописях упоминается некий Болгарский (Блъгарский) князь Асан (Осан), именуемый в некоторых летописях «князем Казаньским» [ПСРЛ, т. 11–12, с. 12; т. 15, вып. 1, с. 92; т. 8. VII, с. 17; т. 30, с. 118]. К этой личности исследователи проявили особое внимание. Так, М.Г.Сафаргалиев полагал, что Асан (он называл его Хасаном) являлся ханом Хасаном, правившим в 1368 г. в г. Сарае, а затем, через год, бежавшим к булгарам и ставшим в 1369 г. во главе «Булгарского княжества». По его мнению, указанного хана можно отождествить с султаном Хасан-огланом из потомков Шибана [Сафаргалиев, с. 125–126]. А.Г.Мухаммадиев считает «князя Хасана» «наместником Булгара» или «эмиром Булгара», не уточняя, что это за личность [Мухаммадиев, с. 95–96; Мөхәммәдиев, с. 164]. Р.Г.Фахрутдинов также называет Асана «правителем Булгара», полагая, что тот был князем, «сбежавшим из Орды» [Фахрутдинов, с. 25, 120, 123].

Несмотря на интересные наблюдения, высказанные представленными выше авторами, большая часть их заключений относится к разряду предположений. Например, вызывает сомнение попытка отождествить «булгарского (казанского) князя» Асана (Осана) с ханом или

* При составлении генеалогии использованы: «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме»; «Муизз»; «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази хана. Имя Туглу-ходжи дается в вариантах: Тук-кул ходжа и Кутлуг-ходжа, а имя Той-ходжи — как Туй-ходжа. В «Муизз», как уже сказано, после Тулек-Тимура идет звено Дервиш-хана, в этой таблице исключенное из родословной.

султаном Хасаном, потомком Шибана. Она не может быть принята по следующим причинам.

Во-первых, примерно в тех же хронологических рамках, когда известен «булгарский (казанский) князь» Асан (Осан), жили еще двое знатных татар по имени Хасан: первый из них — Хасан-оглан (Ичкиле-Хасан) был жив в 1419–1420 гг.; второй — сын наместника Крыма (Зайнетдина) Рамазана, Хасан, в 786/1384-85 г. находившийся в числе послов Тохтамыша в Египет [Тизенгаузен, т. I, с. 350, 450]. Он же мог быть тем Хасаном (Асаном), который в 1365 г. входил в состав посольства во главе с Барам-хозей как представитель «царицы». Это посольство приходило для того, чтобы посадить на княжение Бориса Константиновича [ПСРЛ, т. 11–12, с. 5].

Во-вторых, неясно, мог ли Чингисид носить титул «князь» (болгарский; казанский). Этому сложному вопросу посвящена моя статья «О титуле „князь Болгарский“ и „князь Казанский“», находящаяся в печати; пока замечу следующее: в 1370 г. поход был явно инициирован из «Орды», так как в составе многочисленного русского войска находился и «посол царев именем Ачихожа» [ПСРЛ, т. 8. VII, с. 17; т. 11–12, с. 12; т. 15, вып. 1, с. 92; т. 30, с. 118]. Возможно, этот поход состоялся по приказу Мамая [Сафаргалиев, с. 126; Мухаммадиев, с. 95–96]. В итоге «Асан посла противу ихъ съ молениемъ и съ челобитьем и со многими дары; они же дары взяша, а на княжении посадиша Солтана Бакова сына». Целью похода было посажение на княжение именно «Солтана Бакова сына» (варианты написания имени: Солтанбакова, Солтан Бакова), о чем говорит и присутствие в войсках ханского посла. Но тут важно другое: у нового «князя» наличествует титул *султан*. В описании событий 1376 г. это еще более очевидно, так как в летописях говорится: «князи Казанстии (или Болгарьстии. — *Д.И.*) Осан (Асан. — *Д.И.*) и Маахмат (Махматъ, Махмат) Солтан (Салтан)» [ПСРЛ, т. 11–12, с. 25; т. 30, с. 122]. Как видим, у Махмата титул *солтан* ~ *салтан* достаточно выражен. В таком случае получается, что титул «князя Болгарского ~ Казанского» могли иметь и султаны. Однако спешить с таким выводом не стоит. Причина тому — некоторые источниковедческие трудности. В ряде русских летописей, рассказывающих о походе русских войск «на Болгары» в 1376 г., эпизод выхода местных правителей с изъявлением покорности описывается так: «И высла из городы князь Болгарьскыи Осан и Махметъ Солтанъ и добиста челом» [ПСРЛ, т. 8. VII, с. 25; т. 15, вып. 1, с. 116–117; Приселков, с. 401]. Из текста следует, что князь был один, так как Махмет солтан как бы выводится за рамки причастных к титулу «князь Болгаръскыи».

Ранее «князем Болгарским ~ Казанским» интересовался Ш.Марджани, которому принадлежит следующее наблюдение. Напомнив, что

в ряду «падишахов» Булгара после эмира Булат-Темира идет эмир Габдулла, а после него — эмир Хасан, этот историк указал на чеканенные от имени Хасана монеты за 1368–1376 гг. [Мәржани, с. 151]. Затем Ш.Марджани задается вопросом: «В Казани в начале озера Кабан у ворот архиерейской дачи имеется большое надгробие; не является ли оно памятником, поставленным на могиле этого человека?» (т.е. Хасана) [Мәржани, с. 151]. Упомянутое надгробие, дата на котором не прочитывается, сохранилось до сих пор. Специалист по булгаро-татарской эпиграфике Г.В.Юсупов по внешним признакам относит его предположительно к концу XIII в. [Юсупов, табл. 2]. Содержание эпитафии наталкивает на размышления — прежде всего потому, что данное надгробие поставлено на могиле Х(а)с(а)н б(е)к(а) б(и)н Мир М(а)хмуд(а) [Юсупов, табл. 2]. Имена, как видим, совпадают с именами двух знатных лиц из г. Булгара, упомянутых в летописном сообщении за 1376 г. Далее, Ш.Марджани указал, что выражение «әмир вә солтан вә зыйльлуллаіе лил-галәмәен» свидетельствует о том, что погребенный был «самостоятельным падишахом», однако при отсутствии у него титула «хан» его нельзя считать принадлежащим к числу «татарских ханов» [Мәржани, с. 151]. О высоком статусе этой личности свидетельствует и ряд других выражений из эпитафии [Юсупов, табл. 2; Мәржани, с. 151]. Сочетание «самостоятельности» и отсутствия символа суверенности — титула «хан» — как нельзя лучше отражает статус Булгарского вилайета в составе Золотой Орды, и во второй половине XIV в. тоже.

Приведенные данные показывают, что нельзя исключать идентичности летописного «князя Болгарского (Казанского)» с Хасан-беком, погребенным в Казани. Но отождествление последнего с Хасан-огланом, отцом хана Улуг-Мухаммеда, вызывает трудности. Первая из них — наличие титула *бек* у казанского Хасана. Однако по отношению к нему используются термины *эмир*, а также *султан*, что делает первый пункт возражений несущественным, тем более что слово «бек» может быть и частью составного личного имени (Хасанбек). Вторая проблема более сложна: имя погребенного дается как Хасан бек бин Махмуд. Если бы речь шла о Хасан-оглане, то на месте Махмуда стояло бы имя Ченте(Джинте)-оглана. Есть еще одна трудность чисто хронологического плана. Как известно, Улуг-Мухаммед погиб в 1445 г. Ханом он стал в 1421 г. Если допустить, что он родился около 1366 г., то в 1445 г. ему было бы 90 лет, что едва ли возможно. Поэтому линия «булгарского князя» Асана (Осана) скорее всего не была связана с линией Хасан(Ичкиле-Хасан)-оглана: такое допущение было сделано мной в одной из публикаций научно-популярного характера (см. [Исхаков, с. 42–48]).

Требует рассмотрения и вопрос о причинах смешения исследователями генеалогических линий Улуг-Мухаммеда и Тохтамыша. Прежде всего, такому смешению явно способствовали трудности источниковедческого характера. Дело в том, что в двух известных источниках XV–XVI вв. среди сыновей хана Тохтамыша фигурирует Мухаммед-хан, или Мухаммед(Махмуд)-султан. Первый источник — «Списки устроителя мира» Гаффари (дата завершения — 1564-65 г.). Там среди братьев сына Тохтамыша Джелал ад-Дин-султана фигурируют Керим-Берди, Кепек-хан, Джаббар-Берди и Мухаммед-хан. Про последнего сказано, что он — «сын Тохтамыша» [Тизенгаузен, т. II, с. 210–212]. Второй источник — «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» Натанзи (редакция 1413-14 г.), в котором среди сыновей Тохтамыша перечислены Джелал ад-Дин-султан, султан Хусейн и Мухаммед, с примечанием, что «Джелал ад-Дина убил его брат султан Махмуд» [Тизенгаузен, т. II, с. 133]. Кажется, в данном случае Мухаммед и Махмуд — одно и то же лицо, обладавшее титулом *султан*. Сравнение двух рассмотренных источников не оставляет сомнения в том, что в них речь идет об одном человеке — султане (затем хане) Мухаммеде, т.е. Улуг-Мухаммеде. Но каким же образом он попал в число сыновей хана Тохтамыша? Я полагаю, что в данном случае авторов средневековых сочинений ввели в заблуждение близкородственные отношения Тохтамыша и Улуг-Мухаммеда. Как уже было показано, первый приходился дядей (по отцу) второму. Между тем по тюркской системе родства родные и двоюродные братья терминологически могут не различаться. В этом обстоятельстве и скрывается возможная основа ошибок в источниках. Действительно, внимательное ознакомление с соответствующими местами трудов Гаффари и Натанзи показывает, что в них Мухаммед неизменно выступает как «брат» сыновей хана Тохтамыша — он и был им братом, только двоюродным. В такой ситуации, если более точные сведения отсутствовали, и могла родиться следующая конструкция: человек, считавшийся «братом» сыновьям Тохтамыша, должен был рассматриваться в их числе. Тем более что все они относились к одному поколению.

Абу-л-Гази — Родословное древо тюрков. Сочинение Абу-л-Гази, хивинского хана. Пер. Г.С.Саблукова. Казань, 1906.

Атласи — *Атласи Һ.* Себер тарихы. Сөембикә. Казан ханлыгы. Казан, 1993.

Ахмеров — *Ахмеров Г.* История Казани // Избранные труды. Казань, 1998.

Биккулов — *Биккулов К.* Татар ханнары. Казан, 1911.

Вәлиди — *Вәлиди Туган Әхмәтзәки.* Башкорттарзың тарихы. Төрк һәм татар тарихы. Өфө, 1994.

Вельяминов-Зернов — *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1.

Исхаков — *Исхаков Д.* Казан ханлыгы тарихының билгесез битләре // Мирас. 1993. № 10.

Лэн-Пуль — *Лэн-Пуль С.* Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими сведениями. СПб., 1899.

Мәрҗани — *Мәрҗани Ш.* Мөстафадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан, 1989.

Мухаммадиев — *Мухаммадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983.

Мөхәммәдиев — *Мөхәммәдиев Ә.Г.* Борынгы хазар һәм болгар акчалары. Казан, 1986.

Сафаргалиев — *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Приселков — *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

Таварих — Таварих-и гузида-йи нусрат-наме // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.

Тизенгаузен, т. I — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских, собранные В.Г.Тизенгаузеном. СПб., 1884.

Тизенгаузен, т. II — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.; Л., 1941.

Улугбек — *Мирзо Улугбек.* Тўрт улус тарихи. Тошкент, 1994.

Усманов — *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.

Худяков — *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1990.

Фахрутдинов — *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.

Фәхретдин — *Фәхретдин Р.* Казан ханнары. Казан, 1995.

Юсупов — *Юсупов Г.В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960.

Әхмәтҗанов — *Әхмәтҗанов М.* Арча ягының борынгы тарихы // Коммунизмга. 1975, № 70.

Bennigsen — *Bennigsen A.* Kazan // The Encyclopedia of Islam. New edition. Leiden, 1973. Vol. 4.

İnalcık — *İnalcık H.* Giray // Türk ansiklopedisi. Ankara, 1969.

Rahmati Arat — *Rahmati Arat R.* Kazan // İslâm ansiklopedisi. İstanbul, 1967. C. 6.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 1–12; М., 1965. Т. 15. Вып. 1; СПб., 1858. Т. 8; М., 1965. Т. 30; Л., 1982. Т. 37.

Е.И.КЫЧАНОВ
(Санкт-Петербург)

О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад
(по материалам «Юань ши»)

В настоящее время значительная часть исследователей разделяет мнение о том, что в эпоху китайской империи Тан (VII–IX вв.) монголы были частью племен шивэй, живших в северо-западной части Маньчжурии и в районах к югу от верхнего и среднего течения р. Амур. В X в. под вольным или невольным покровительством киданей монголы освоили половину Халхи, войдя в конфликтное соприкосновение с татарами. Монгольские легенды рассказывают о передвижении на запад зооморфных предков монголов Борте-Чино (Пегого Волка) и Гоа-Марал (Прекрасной Лани). Их потомок Батачи родился, по сведениям Рашид ад-Дина, за четыреста лет до появления на свет Темучжина (будущего Чингис-хана), т.е. в VIII в. Прародительница клана Темучжина, Алан-Гоа, жила на рубеже X–XI вв., т.е. за триста лет до того, как эти легенды были записаны Рашид ад-Дином. Монголы из местности Эргунэ (р. Аргунь и северная часть Большого Хингана) постепенно внедряются в Халха-Монголию.

Мы не знаем точно этнической принадлежности татар, которые населяли юго-восточную область Халхи, но в период Тан татары были самым сильным народом Халхи, за исключением тюрков и уйгуров, и потому значительная часть населения Халхи была известна тюркам, китайцам, тангутам под именем *татар*. Лишь усиление монголов и появление государства Чингис-хана привели к замене у китайцев этнонима «дада», «дадань» (татары) на «мэн-да» (монголо-татары).

Продвигаясь на запад, монголы вступали в контакт с тюркоязычным населением. Подлинная природа этих контактов неизвестна; очевидно, они были и мирными и немирными. Если обратиться к эпохе молодости Темучжина, т.е. ко второй половине XII в., то и для этого времени нельзя определенно утверждать: были ли тюркоязычными или

© Е.И.Кычанов, 2002

монголоязычными другие крупные, кроме татар, этносы Халха-Монголии — кереиты и найманы. Единственное, в чем можно не сомневаться, так это в столкновениях и вражде монголов с различными тюркоязычными этносами (о монголо-татарской вражде хорошо известно). Эти столкновения в известной степени стали давней причиной не столь доброжелательных отношений монголов с тюрками и последующей откровенной вражды Чингис-хана с кипчаками-половцами.

Что касается походов монголов на запад, то дальнее и ближнее окружение Темучжина никогда не было исключительно монгольским. И в движении монголов на запад всегда участвовали представители иной, чем монголы, этнической принадлежности. Обратимся к некоторым примерам из «Юань ши», свидетельства которой, при всех недостатках этого источника, весьма красноречивы.

Хэсымайли — человек из окружения кара-китайского (кара-киданьского) гур-хана, добровольно подчинился монголам и служил в армии знаменитого полководца Чжэбе. Именно он казнил Кучлука найманского, участвовал в походах на кипчаков, грузин, асу (осетин) [Юань ши, цз. 120, с. 8б].

Джабар-ходжа — попал в армию Темучжина во время войны того с кереитами. Отличался храбростью, был отличным наездником и стрелком из лука. Именно ему было приказано доставить к Чингисхану даосского монаха Чань Чуня в бывшие владения хорезмшаха [Юань ши, цз. 120, с. 3б–4а].

Чаосы — найман, сын Кучлука, подчинился Чингису вместе со своей матерью [Юань ши, цз. 121, с. 11а].

Тататунга (Тататунъа) — уйгур на найманской службе, человек образованный, хорошо знавший уйгурскую письменность, служил найманскому Таян-хану, был хранителем золотой печати Таян-хана. Попал к монголам в плен. Его допрашивал лично Темучжин: «Люди и земли Таяна — все вернулось ко мне. Зачем же ты носишь печать?» Тататунга ответил: «Я служу. Хотелось до смерти сберечь то, что я получил от покойного государя. Как я осмелюсь иметь другого?» Темучжин сказал: «А ты верный и почтительный человек. Как пользоваться этой печатью?» — «Печать, — сказал Тататунга, — используется во всех делах для удостоверения выдачи денег, зерна и при назначении на должности людей». Если верить «Юань ши», именно после этого Темучжин приказал своим чиновникам пользоваться упомянутой печатью и, кроме того, завел собственные печати. Темучжин также спросил Тататунга: «Ты хорошо знаешь письменность своего государства?» — и, получив утвердительный ответ, приказал ему обучить уйгурскому письму своих чиновников и «использовать уйгурское письмо для записи языка государства» [Юань ши, цз. 124, с. 3б].

Чингису служили еще несколько грамотных уйгуров, среди них, например, Мэнсусы, который «хорошо знал письменность своего государства» и очень нравился Чингис-хану. Чингис говорил: «У этого парня в глазах огонь, от него будет большая польза» [Юань ши, цз. 124, с. 9а].

Тюйчи-карлук служил в армии Чингис-хана.

Мача-найман был поставлен командовать воинскими подразделениями, сформированными из китайцев [Юань ши, цз. 131, с. 2б].

Немало тангутов служило Чингис-хану еще до гибели государства Великое Ся (982–1227). Ели Ганьбу подчинился Чингису со своими войсками, и Чингис «внес его войска в списки монгольской армии», назначив Ганьбу тысячником. Хододу был сотником в отряде гвардии *турхах*, сформированном из заложников [Юань ши, цз. 132, с. 5а]. Тысячником в гвардии Чингис-хана был и тангут Чахань [Юань ши, цз. 120, с. 1б]. Он брал Бухару, был в числе тех командиров армии Чингис-хана, которые преследовали Джелал ад-Дина и загнали его в Северо-Восточную Индию. Тангут Вачжацзэ, историограф тангутского государства, почетный гражданин г. Увэй (Лянчжоу), сдал город монголам. Во время походов на запад служил провиантмейстером монгольской армии, «непрерывно снабжал войска продовольствием, ничего не присваивая себе» [Юань ши, цз. 134, с. 7а]. Тангут Сяоню стал сотником ремесленников — изготовителей луков [Юань ши, цз. 134, с. 12б]. Канглы Хашиболо служил управляющим кочевий [Юань ши, цз. 134, с. 12б].

Хорошо известно, сколько киданей, чжурчжэней, китайцев перешло на сторону монголов. Кидани, родственные монголам этнически, во время войны монголов с государством Цзинь считались чжурчжэньскими властями особо неблагонадежными. Был отдан приказ «каждый двор Ляо блокировать двумя чжурчжэньскими, проживающими по соседству, и охранять его» [Юань ши, цз. 134, с. 12б]. Однако кидани все равно восстали, и в 1212 г. их вожди заключили клятвенный союз с монголами.

Список людей самой разной этнической принадлежности, служивших Чингис-хану не только лично, но и вместе со своими воинскими подразделениями и подчиненными людьми, можно было бы продолжить. Уже в 1211 г., ко времени начала войны с государством Цзинь, в монгольской армии имелось немало иноплеменников, которые воевали на стороне монголов.

Походу Чингисидов на запад предшествовало завоевание государства хорезмшаха, осуществленное лично Чингис-ханом. После этих походов на стороне монголов также оказалось немало иноплеменников.

Причиной, по которой монгольские армии вышли за пределы Центральной Азии, послужило не только преследование хорезмшаха Му-

хаммеда, но и давняя вражда монголов с соседними кочевыми народами, прежде всего с кипчаками. Известно, что в молодые годы Чингис-хану досаждали меркиты. В 1219 г. меркиты были разгромлены армией под командованием Субутай-багатура. Ходу, правитель меркитов, бежал к кипчакам. Правитель кипчаков Инасы принял его. Чингис потребовал выдачи Ходу: «„Ты почему прячешь оленя, в теле которого моя стрела? Срочно верни его, иначе беды обрушатся и на тебя!“ Инасы ответил: „Спасшийся от ястреба воробей спрятался в зарослях, и [у него] появилась возможность спасти свою жизнь. Разве моя забота [о Ходу] хуже [заботы] трав и деревьев о воробье!“» [Юань ши, цз. 128, с. 7б–8а]. Субутай получил приказ выступить против кипчаков и нанес им поражение. Отныне кипчаки стали личными врагами Чингис-хана и его окружения.

В 1223 г. Субутай и Чжэбе были отправлены преследовать кипчаков. Кипчаки запросили помощи у русских князей. Как известно, многие русские князья пришли им на помощь [Романов, с. 79–103]. В битве при р. Калке объединенные силы половцев и русских были разгромлены (подробнее об этом событии в «Юань ши» см. [Кычанов, 1999, с. 160–169]). Интересно, что в следующем, 1224 г. Субутай был назначен тысячником корпуса, сформированного из бывших врагов монголов — меркитов, найманов, кереитов и кипчаков [Юань ши, цз. 120, с. 9б]. Из жизнеописания Хэсымайли известно, что, одержав победу над половецко-русской коалицией, монгольская армия напала на канглы и разгромила их под Бешбалыком, а затем еще раз нанесла поражение кипчакам, их восточной ветви. Вскоре после того, как армия вернулась в Монголию, Чжэбе умер.

Первым русским княжеством, подвергшимся нападению монголов, было княжество Рязанское, находившееся «на Русской украйне», его южные и юго-восточные земли постепенно переходили в безлесные степи. Рязанские князья были тесно связаны с половцами. В 1217 г. половцы помогли рязанскому князю Глебу Владимировичу «избить сородичей» [ПСРЛ, т. 1, с. 440–441].

Нет сомнения, что русско-половецкие связи были для монголов естественным поводом для походов на Русь. Это предположение отчасти подтверждают и русские летописи. Так, до событий на р. Калке монгольские послы объявили русским князьям, что ищут мира с ними. «Тогда же уведавъше Татари, оже идуть русстии князи противу имъ, и прислаша послы, къ русскымъ княземъ: Се слышимъ, оже идете противу насъ, послушавше половьць; а мы вашей земли не заяхомъ, ни городъ вашихъ, ни селъ вашихъ, ни на васъ придохомъ, нъ придохомъ Богомъ пущени на холопы и на конюси свое на поганыя Половче; и вы възмите с нами миръ; аже выбежать къ вамъ, а биите ихъ от-

толе, а товары емлите к собе: занеже слышахомъ яко и вамъ много зла створиша; того же деля и мы биемъ» [НІЛ, с. 62].

Чингис выделил в удел старшему сыну Джучи западные земли до тех мест, куда ступит копыто монгольского коня. Но решение о походе на запад, за пределы Центральной Азии было принято после смерти Чингис-хана в 1227 г. Судя по тексту «Юань ши», это случилось в правление Угедея на двух курултаях — в 1234 и 1235 гг. В 1234 г., когда окончательно погибло чжурчжэньское государство Цзинь, у монголов были высвобождены некоторые силы и обеспечен в известной мере тыл. Столица империи была перенесена в г. Каракорум, тогда же город был обнесен стеной.

В 1234 г. приказ от Угедея выступить в западный поход получили Бату (Батый) и Субутай-багатур (о биографии Субутай-багатура в «Юань ши» см. [Кычанов, 1998, с. 43–46]). В 1235 г. присоединиться к ним было приказано Гуюку и Мункэ. Бату как сын Джучи был наследником Джучиева улуса. В 1234 г. были в живых два сына Чингиса — Угедей и Чагатай. В борьбу за власть, за Чингисово наследие постепенно включались внуки — Бату, Гуюк, Мункэ, Бури и др. И Угедей отправил их всех в западный поход, как писали китайцы, «более чем за десять тысяч ли». При этом Бату и Мункэ открыто враждовали с Гуюком и Бури. Таким образом, поход на запад решал и некоторые внутренние проблемы монгольского двора.

И в этот раз армии монгольских принцев и Субутая в первую очередь обрушились на кипчаков. В хронике царствования Мункэ достаточно подробно рассказывается о поимке предводителя одной из кипчакских групп, Бачиманя. Преследуемый монголами Бачимань, как и хорезмшах Мухаммед до него, бежал на остров в Каспийском море. Как раз в то время, когда подошли монгольские войска, «поднялся большой ветер и погнал морскую воду. Стало так мелко, что можно было переправиться на [остров, где скрывался Бачимань]. Император (Мункэ) радостно сказал: „Это Небо открыло для меня путь!“ Затем двинулся вперед и уничтожил их (кипчаков) войско. Взял в плен Бачиманя и приказал ему встать на колени. Бачимань сказал: „Я — государь государства. Разве я могу просить сохранить мне жизнь! При этом я и не переметнулся сам на сторону врага. Как же мне, встав на колени, остаться человеком?“ Тогда приказали заточить его. Бачимань говорил охране: „Убежав в море, чем я отличаюсь от рыбы? В конце концов поймали и меня. Это Небо! Сейчас приближается время возврата воды. Армия должна бы загодя возвратиться!“». Услышав об этом, император тотчас повернул войска обратно. А вода уже подступала. В арьергарде армии оказались и такие, кто уже переправлялся вплавь». Бачимань же в итоге перешел на сторону монго-

лов. Он участвовал в походе на русских, а позже какое-то время даже управлял русскими и асами [Юань ши, цз. 63, с. 486][1]. Таким образом, часть кипчаков шла вместе с монголами против половцев и русских.

Приведем примеры участия в походе на запад представителей других народов. Тангут Сили Цяньбу переметнулся к монголам еще до похода Чингис-хана на Великое Ся. При сражении за г. Шачжоу он спас командующего монгольскими войсками, отдав ему свою лошадь, когда лошадь монгола споткнулась и упала. Был принят лично Чингисом, который спросил его: «„Ты сам, будучи близок к гибели, тем не менее сменил лошадь и отдал ее (свою лошадь) другому человеку. Почему?“ Цяньбу ответил: „Если бы [ваш] ничтожный слуга погиб в бою, потеря была бы невелика. Командующий же — способный и опытный полководец, которого нельзя потерять!“ Император оценил его преданность и отправил его с войсками на осаду г. Сучжоу». «Позже Цяньбу сопровождал великого князя Бату в карательном походе на русских. Подошли к г. Елицзянь (Рязани). Семь дней длилось великое сражение, [после чего] взяли его (город Рязань)». В боях с асу Цяньбу снова отличился и был пожалован титулом *баду* — «богатырь», должностью тысячника. Карьера Цяньбу на этом не закончилась, он был судьей, затем служил как дарухачи (дарга) и имел пайцзу с гравировкой в форме тигра. Во время завоевания Китая снабжал армию продовольствием. Но к старости ушел в отставку, болел и даже обеднел [Юань ши, цз. 122, с. 916].

Арслан из асу сдался Мункэ, ему оставили половину его войска, и он руководил людьми асу на монгольской службе. Любопытно, что Мункэ одарил его собственноручно написанным указом [Юань ши, цз. 123, с. 923]. Это говорит о том, что внуки Чингис-хана уже хорошо овладели уйгурским письмом, используя его, очевидно, применительно к родному языку.

Канглы Аймяо воевал с кипчаками на стороне монголов [Юань ши, цз. 123, с. 924].

Китаец Гао Мин был на службе у внука Чингис-хана, Сюрету, может быть, в качестве советника. Он предложил великому князю Сюрету более двадцати планов действий. Сюрету отзывался о нем очень одобрительно [Юань ши, цз. 160, с. 1140].

Потомки знаменитого полководца времен династии Тан Го Цзыи были командирами монгольской армии. Гао Дэхуй вместе с монгольскими войсками «перевалил снежные горы и [прошел] на северо-запад расстояние в десять тысяч ли» [Юань ши, цз. 149, с. 1070]. Китайца Ши Тяньлиня, «когда великие князья совершали поход в западные

[1] Юань ши. Далее мною использовано издание в серии «Сы бу бэйяо». Шанхай, 1935.

края, они назначали судьей» [Юань ши, цз. 153, с. 1095]. Ян Вэйчжун «был грамотен, расчетлив и умен», «в возрасте двадцати лет он по приказу императора (Угедея) в качестве посла посетил более тринадцати государств» [Юань ши, цз. 146, с. 1054].

Таким образом, в завоевательных походах Чингис-хана участвовало множество племен и народов. Этот факт был отмечен средневековыми наблюдателями. В частности, францисканец Бенедикт Поляк так характеризует политику Чингис-хана: «Он привык побежденных всегда присоединять к себе, чтобы доблестью большей силы превосходить другие земли, как это со всей очевидностью проявляется в его потомках, которые суть последователи самого коварства» [де Бридиа, § 4]. В сочинении Фомы Сплитского в главе «О свойствах татар» сообщается: «У них имеется великое множество воинов из разных покоренных ими в войнах народов, прежде всего куманов, которых они насильно заставляют сражаться» (Фома Сплитский. XXXVII). Включение иноплеменников в состав монгольских армий имело давнюю традицию. Например, основные силы кара-киданей, сведенные монголами в отдельный корпус под командованием киданьского военачальника Хэсымайли (Исмаил), в западном походе прославились так, что их командир в 1226 г. был лично представлен Чингис-хану; после разгрома чжурчжэней Хэсымайли получил звание «полководца, покорителя западных стран» [Кычанов, 1999, с. 160–169].

На Волжскую Булгарию и Рязанское княжество шла не просто монгольская армия, а армия, состоявшая из монголов, китайцев, киданей, тангутов, кипчаков, канглы и целого ряда других народов. В 1236 г. эта армия вышла на берега Волги и Камы и разорила Булгарское государство, «и взявша славный великый город болгарьскый и избиша оружьем от старца и до унаго и до сущаго младенца, и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем, и всю землю их плениша» [ПСРЛ, т. 1, с. 460]. В Софийской Первой летописи (по списку И.Н.Царского, начало XVI в.) об осаде Рязани сказано: «Тогда иноплеменници оступиша град Рязань декабря въ 16 день и острогомъ оградиша. Князь же рязаньстии затворися в граде с людми. Татарови же взяша градъ Рязань того же месяца в 21 день и пожгоша весь град» [ПСРЛ, т. 39, с. 77; ср.: Кузьмин, с. 55–70]. Обращает внимание совпадение сроков падения Рязани в обоих источниках, русском и китайском.

На материалах «Юань ши» мы еще раз пытались показать, что в объединении Монголии под властью Чингис-хана, в войнах Чингис-хана после провозглашения его таковым, в завоевательных походах его потомков самое активное участие принимали представители разных народов. Говоря о походе на запад, мы не знаем точно соотнесенности руководящего монгольского начала с вольными и невольными

союзниками монголов. Но в любом случае это была хорошо организованная и дисциплинированная многоязычная лавина, которая катилась с востока на запад. В полиэтничности монгольской армии, в том, что подчинившихся гнали на подчинение других, был секрет того, что немногочисленные монголы за сравнительно короткий срок сумели завоевать половину известного им мира. Но в этом была и их слабость. Монгольские отряды и их лидеры, оседая на чужих землях, в иноэтничной среде, как правило, утрачивали свою веру, свой язык и свои обычаи. Монголия же осталась страной монголов с малочисленным населением, удивляя историков тем, как такое незначительное число монголов смогло завоевать Китай, Центральную Азию, часть Ближнего Востока и Восточную Европу.

Основанное Батыем государство Золотая Орда было полиэтничным. Однако постепенно усилились роль и влияние того кипчакско-половецкого этноса, тех половцев и прочих тюркских народов, которых монголы поначалу преследовали, но которые, оказавшись в большом числе и ведя похожее кочевое хозяйство, в конечном счете ассимилировали монголов. На территории Среднего Поволжья, на базе коренного для региона финно-угорского населения, тюркоязычного булгарского этноса, этноса кипчакско-половецкого, не исключая и других тюркоязычных и иноязычных групп населения государства Батыя и его преемников, стал формироваться будущий татарский этнос. Этнической консолидации способствовала исламизация. В Русской земле противостояние кочевого и оседлого населения было осложнено еще и противостоянием исламского и христианского миров. Процесс тюркизации финно-угров — мордвы, марийцев-черемисов, вотяков-удмуртов продолжался не только в годы существования Казанского ханства, но даже и после того, как оно было присоединено к Московскому государству. Так создавался многочисленный и активный татарский этнос, у которого с древними татарами из далекого юго-восточного угла Монголии нет и не было ничего общего, кроме названия.

де Бридиа — Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi. Ed. et annot. A.Önnerfors. B., 1967.

Кузьмин — *Кузьмин А.Г.* Летописные известия о разорении Рязани Батыем // Вестник МГУ. 1963. Сер. IX. История. № 2.

Кычанов, 1998 — *Кычанов Е.И.* Субудай-боходур // Кюнеровские чтения. 1995–1997. Краткое содержание докладов. СПб., 1998.

Кычанов, 1999 — *Кычанов Е.И.* Сведения «Юань-ши» о завоевании Руси монголами // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1999. Вып. XVIII.

Романов — *Романов В.К.* Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. М., 1980.
Фома Сплитский — *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. Вступит. ст., пер. и коммент. О.А.Акимовой. М., 1997.
Юань ши — Юань ши (История династии Юань). Шанхай, 1936.

НІЛ — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А.Н.Насонова. М.; Л., 1950.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1; М., 1994. Т. 39.

В.Я.РОМАНИВ
(Санкт-Петербург)

Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству

Согласно Джувейни, 5 джумада II 639 г.х. (11 декабря 1241 г.) в Монголии умер великий хан всех монголов Угедей-каан. Империя, которая вела боевые действия в Центральной Европе и на Ближнем Востоке и территория которой простиралась от Амура до Днепра, оказалась без политического и сакрального лидера, носителя харизмы Чингис-хана и посредника между Небом и монгольским социумом. С позиции политической мифологии смерть Угедей-каана поставила под угрозу распада существующий миропорядок и социальную гармонию, так как великий хан мыслился главным гарантом стабильности в новой мировой иерархии власти (ср. [Скрынникова, с. 118]). Чтобы избежать политического хаоса, первоочередной задачей монгольской элиты стало избрание нового великого хана. На этом пути возникли неожиданные трудности.

Одной из причин смут в Монгольской империи, как считал В.В.Бартольд, было отсутствие закона о престолонаследии. После смерти каждого хана подвергался долгому обсуждению вопрос о его преемнике; требовалось признание его всеми членами ханского рода и торжественное возведение его на престол при их участии, для чего созывался курултай; воля предшествующего хана принималась во внимание, но не связывала безусловно царевичей. Между смертью хана и курултаем, на котором происходило восшествие на престол его преемника, проходило несколько лет; правительницей в это время считалась вдова умершего, но ее власть признавалась не всеми, и многие царевичи произвольно распоряжались в своих областях, не считаясь с правами главы империи. Таким смутным периодом было время после смерти Угедея и до возведения на престол его сына Гуюка в 1246 г. [Бартольд, т. VIII, с. 147].

© В.Я.Романив, 2002

Действительно ли отсутствовал закон о престолонаследии или у нас отсутствуют сведения об этом законе? Участники дипломатической миссии 1247 г., нунций апостольского Престола брат Иоанн де Плано Карпини и переводчик миссии Бенедикт Поляк, сообщают в своих донесениях о нескольких законах и постановлениях Чингисхана, один из которых касался правил престолонаследия. Высокий статус папских посланников и элитарный круг общения, в первую очередь с представителями высшей администрации империи, не позволяют усомниться в достоверности полученных ими сведений. Так, в донесении брата Бенедикта сказано: «Если кто-нибудь, движимый гордыней, по собственной воле захочет стать каном, то он должен быть немедленно убит. По этой причине перед избранием Куйука-кана племянник Чингис-кана был убит, потому что возжелал [захватить] власть» [де Бридиа, § 41][1]. Большинство исследователей полагают, что в данном случае речь идет не о племяннике, а о брате Чингис-хана, Отчигине. Западным дипломатам, участвовавшим в церемонии возведения на трон Гуюка, придворное окружение хана настойчиво внушало, что претендент на трон был избран при всеобщем согласии. Требование присутствия и согласия всех принцев, т.е. потенциальных претендентов на власть, звучит как одно из предписаний Ясы. Брат де Бридиа, сделавший копию с донесения брата Бенедикта, пишет в связи с этим: «После смерти Оккодай-кана тартары были лишены кана в течение семи лет, и поэтому они совсем не воевали в западном направлении. Сына его, Куюка, избрали каном единогласным решением, когда наши братья присутствовали [при этом в орде]» [де Бридиа, § 33].

Косвенным свидетельством того, что закон о престолонаследии существовал в письменном виде, является следующее сообщение Джувейни о законотворчестве Чингис-хана: «Положил он для каждого дела законы, и для каждого обстоятельства правило, и для каждой вины установил кару, а как у племен татарских не было письма, повелел он, чтобы люди из уйгуров научили письму монгольских детей, и те ясы и приказы записали они на свитки, и называются они Великой Книгой Ясы. Лежит она в казне доверенных царевичей, и в какое время станет хан на трон садиться, или посадит [на конь] войско великое, или соберутся царевичи и станут советоваться о делах царства и их устроении, — те свитки приносят и по ним кладут основу дел; построение ли войска, или разрушение стран и городов по тому порядку выполняют» (цит. по [Вернадский, 1939, с. 40]).

Равенство сил претендентов на престол великого хана привело Монгольскую империю к длительному внутриполитическому кризису,

[1] Перевод цитат из труда [де Бридиа] принадлежит С.В.Аксенову и А.Г.Юрченко.

краеугольным камнем которого стало противостояние главы улуса Джучи Бату-хана и «центрального монгольского правительства», как условно можно назвать великоханский двор в Монголии. Во главе «центрального монгольского правительства» попеременно стояли Туракин-хатун (старшая жена Угедей-каана и мать Гуюк-хана), Гуюк-хан и Огул-Гаймыш (жена Гуюк-хана). Кризис окончился только с избранием великим ханом Менгу в 1251 г.

Ряд исследователей полагают, что противостояние главы улуса Джучи и двора великого хана было обусловлено в первую очередь личными неприязненными отношениями между Бату-ханом и Гуюк-ханом, возникшими еще во время похода монголов на запад. Как показывают дальнейшие события, противостояние привело к гибели значительной части правящей элиты Монгольской империи. Поэтому сводить конфликт только к личной ссоре двух реальных претендентов было бы непростительной ошибкой. За каждым из претендентов стояла организованная сила.

Вплоть до избрания Менгу глава улуса Джучи не шел на сотрудничество с «центральным монгольским правительством». Для выяснения причин этих обстоятельств и проведено данное исследование.

Смерть Угедей-каана (1241 г.) поначалу не привела ни к каким серьезным последствиям, ибо еще при жизни великий хан назначил преемником своего сына Кучука, а после его смерти — своего внука Ширемуна, сына Кучука [Рашид ад-Дин, с. 118], и «хранитель Ясы» Чагатай готов был выполнить волю усопшего. Однако скорая смерть Чагатая (1242 г.), последнего из оставшихся в живых сыновей Чингис-хана, помешала «хранителю Ясы» осуществить волю брата и положила начало кризису. Смерть Чагатая привела к ситуации, с которой Чингисидам еще не приходилось сталкиваться: на великоханский престол претендовало сразу пять кандидатов, тогда как перед курултаями 1206 и 1229 гг. было только по одному реальному кандидату — Темучжин и Угедей-каан соответственно. Более того, у каждого из пяти соперников имелись основания для избрания великим ханом. По мнению В.В.Бартольда, «вопрос о престолонаследии на этот раз представлял некоторые затруднения; среди потомков Чингиз-хана уже не было такого лица, который мог бы привлечь на свою сторону всех» [Бартольд, т. I, с. 553].

Ширемун. Сын Кучука имел право на великоханский престол благодаря завещанию своего деда Угедей-каана, тем более что прецедент перехода власти от деда к внуку уже имелся: Чагатай при жизни назначил преемником своего сына Мутугэна, а после его смерти — Хара-Хулагу, младшего сына Мутугэна, и после смерти «хранителя Ясы» главой Чагатаева улуса стал Хара-Хулагу, а не один из сыновей Чагатая [Рашид ад-Дин, с. 93].

Гуюк-хан. Сына великого хана, имевшего поддержку своей матери Туракин-хатун, возглавившей подготовку курултая после смерти Угедея, само положение обязывало не оставаться в стороне от происходящих событий. К тому же традиция перехода власти от отца к сыну была закреплена на курултае 1229 г., когда великим ханом был избран сын Чингис-хана, а не один из его братьев или внуков. Положение Гуюк-хана было прочным по той причине, что его мать «пленила различными дарами и подношениями сердца родных и эмиров, все склонились на ее сторону и вошли в ее подчинение» [Рашид ад-Дин, с. 115].

Бату-хан. После отказа Орду-Эджена от своего старшинства [Тизенгаузен, с. 210] Бату-хан стал главой многочисленного клана Джучидов, а со смертью последнего из сыновей Чингис-хана и носителем родовой харизмы всех Чингисидов [Скрынникова, с. 118] и, по мнению современников, самым влиятельным человеком в империи [Путешествия, с. 71].

Менгу-хан. Сын младшего из сыновей Чингис-хана, Тулуя, и Соркуктани-беги, которая уступала по силе влияния только Туракин-хатун [Путешествия, с. 49] и «щедростью и умением покорила и привлекла (на свою сторону) воинов и чужестранцев» [Рашид ад-Дин, с. 128]. Менгу-хан был «могущественнее всех, за исключением Бату» [Путешествия, с. 49], и претендовал на власть в силу своей популярности в войсках.

Тэмугэ-отчигин. Младший брат Чингис-хана, «хранитель родового очага» [Скрынникова, с. 36], претендовал на верховную власть в империи не как Чингисид, каковыми были остальные претенденты, а как представитель старшего поколения борджигидов, к которому принадлежал Чингис-хан. Тэмугэ-отчигин пытался, воспользовавшись отсутствием в Монголии крупных военных сил, захватить власть вооруженным путем [Рашид ад-Дин, с. 116], и в случае его успеха Чингисиды лишились бы монополии на власть.

В силу ряда причин два кандидата в 1242 г. выбыли из борьбы за титул великого хана: Ширемун не смог соперничать со своим дядей из-за малолетнего возраста, а Тэмугэ-отчигин, потерявший время в бесплодных переговорах с Туракин-хатун, с приходом Гуюк-хана в Монголию отказался от попытки вооруженного переворота [Рашид ад-Дин, с. 117, 119].

Среди оставшихся претендентов Гуюк-хан имел больше шансов на избрание, как прямой наследник Угедей-каана, поэтому Бату-хан и Менгу-хан объединили свои усилия в борьбе с ним. Если противостояние Гуюк-хана и Менгу-хана носило политический характер, то противостояние с Бату-ханом имело еще личную подоплеку: во время похода на запад у Бату-хана произошел конфликт из-за старшинства

с Гуюк-ханом, Бури (внук Чагатая) и Арсагуном (сын Эльчидай-нойона). Угедей-каан и Чагатай приняли сторону главы улуса Джучи, отдав виновных под суд [Сокровенное сказание, § 275–277].

Разногласия между Гуюком и Бату унаследовали старую вражду, а после восшествия Гуюка на престол приобрели особо острый характер [Rossabi, с. 10]. Об этом были хорошо осведомлены участники францисканской миссии 1247 г. В частности, в донесении брата Бенедикта сказано: «А когда Бати был в Венгрии и узнал о смерти Оккодай-кана, который умер, отравленный [своей] сестрой, и похоронен „с богатым в аду", то он немедленно вернулся в Команию. Его также видели и братья [францисканцы], возвращаясь к Господину папе от тартар. Кроме того, братья говорят, что из своих владений он уже направляется к Куюк-кану. К тому же между ними возник большой разлад, и если бы он имел продолжение, [то] христиане смогли бы получить в течение многих лет передышку от тартар» [де Бридиа, § 30]. Дело шло к междоусобной войне, но этому помешала странная смерть Гуюка. Версия этих событий у Рашид ад-Дина выглядит так: на следующий год после коронации Гуюк с войском направился в сторону родового юрта. «Соркуктани-беги, поскольку она была очень умной и догадливой, поняла, что поспешность его [отъезда] не без задней мысли. Она послала тайком нарочного к Бату [передать]: „Будь готов, так как Гуюк-хан с многочисленным войском идет в те пределы". Бату держал [наготове] границы и вооружался для борьбы с ним. Когда Гуюк-хан достиг пределов Самарканда, откуда до Бишбалыка неделя пути, [его] настиг предопределенный смертный час и не дал ему времени ступить шагу дальше того места, и он скончался. Продолжительность его царствования была около года» [Рашид ад-Дин, с. 121]. Сведения Рашид ад-Дина показывают, что францисканцы получили достоверные известия о факте разногласий между Гуюком и Бату и, следовательно, имели основания полагать, что этот разлад на какое-то время отвлечет монголов от внешних завоеваний.

Ситуация, сложившаяся во время правления Туракин-хатун, ознаменовалась общей слабостью власти и ростом сепаратизма в отдельных областях империи. Так, глава монгольских войск на Ближнем Востоке Бачу-нойон и Алтан-хатун, жена Чормоган-нойона, попытались сделать Закавказье пятым улусом империи во главе с сыновьями Чормоган-нойона. Потребовалось личное вмешательство монгольского наместника на Ближнем Востоке Куркуза, чтобы не допустить этого [Али-заде, с. 115].

Слабостью правительства Туракин-хатун не замедлил воспользоваться Бату-хан. Опираясь на свое положение среди Чингисидов, он существенно расширил свое влияние внутри империи за счет недавно завоеванных территорий.

В 1243 г. великий князь владимирский Ярослав Всеволодович отправился к Бату-хану и, признав его главенство, был назначен старшим «всех князей в Русском языце» [ПСРЛ, т. 1, стб. 470]. Назначение владимирского князя произошло без согласования с Туракин-хатун (Ярослав Всеволодович не был отправлен Бату-ханом в Монголию). Небольшой уступкой «центральному монгольскому правительству» была поездка в Монголию Константина, сына Ярослава Всеволодовича. В том же году после переписки с Бату-ханом Аваг Мхардзели, чьи земли в Армении с согласия Бачу-нойона забрал себе шахиншах [Бабаян, с. 129], по приказу главы улуса Джучи получает свои владения обратно и вместе с представителем Бату-хана Тонгуз-агой отправляется к грузинской царице Русудан, которая вела переговоры о мире с посланцами Бачу-нойона.

Прибыв к Русудан, Тонгуз-ага заключает с ней мирный договор, минуя посланцев Бачу-нойона [Киракос Гандзакеци, с. 169], и сын грузинской царицы Давид Нарин отправляется к Бату-хану, где, как и в случае с владимирским князем, получает инвеституру на грузинский трон [Киракос Гандзакеци, с. 195], что включило Грузинское царство в сферу влияния Бату-хана. В ретроспективном восприятии Киракоса Гандзакеци фигура Бату-хана выглядит следующим образом: «Он очень усилился, возвеличился над всеми и покорил всю вселенную, обложил данью все страны. И даже его сородичи почитали [Батыя] больше всех остальных, и тот, кто царствовал над ними (коего они величают ханом), садился на престол по его приказу. Случилось умереть Гиуг-хану. В царском их роде началась распря о том, кому сесть на престол. И все нашли, что он (Батый) достоин сесть [на престол] или же станет царем тот, кого пожелает [Батый]... Затем начали являться к нему цари и царевичи, князья и купцы — все огорченные тем, что были лишены вотчин своих. И [Батый] судил по справедливости и возвращал каждому, кто просил его, все области, вотчины и владения и снабжал специальными грамотами, и никто не смел противиться приказам его» [Киракос Гандзакеци, с. 218].

Главой улуса Джучи была предпринята попытка распространить свое влияние на монгольские владения в Мазандеране и Хорасане, где во время наместничества Чин-Тимура везиром со стороны Бату-хана был Шараф ад-Дин Хорезми. Когда после смерти Чин-Тимура наместником был назначен Куркуз, Бату-хан через своего эмиссара Тунгуза выдвинул на эту должность Онгу-Тимура, сына Чин-Тимура. В начавшейся борьбе за власть, в которой обе стороны не брезговали никакими методами (так, в Бухаре был убит сторонник Онгу-Тимура Кул-Пулад, а Шараф ад-Дин Хорезми смещен и арестован), в конечном счете победил Куркуз. Сам он вскоре вступил в конфликт с вдо-

вой Чагатая Эргэнэ-хатун [Рашид ад-Дин, с. 48]. По приказанию «центрального монгольского правительства» (вероятно, арест произошел в период регентства Туракин-хатун) Аргун и Картака-ильчи схватили Куркуза и, доставив в Монголию, казнили. Аргун стал монгольским наместником на Ближнем Востоке [Рашид ад-Дин, с. 116]. Обстоятельный анализ этих событий по материалам сочинения Джувейни выполнен С.Хатиби [Хатиби].

В Малой Азии вскоре после своего поражения от войск Бачу-нойона в долине Кеседаг султан Иконийского султаната Гийас ад-Дин Кай Хосров II, стремясь ослабить свою зависимость от Бачу-нойона и стоявшего над ним «центрального монгольского правительства», признает верховную власть Бату-хана [Шукуров, с. 180], и Рум, как и Грузинское царство и Северо-Восточная Русь, выходит из сферы влияния Туракин-хатун.

Политика Туракин-хатун помогла Бату-хану расширить свое влияние. Преследования по отношению к приближенным Угедей-каана вынудили их бежать под защиту Чингисидов, оппозиционно настроенных по отношению к Туракин-хатун. Чинкай и Махмуд Ялавач нашли поддержку у Кудэна, а хаким Туркестана и Мавераннахра, Масуд бек, предпочел защиту Бату-хана [Рашид ад-Дин, с. 115, 116].

Единственным способом остановить расширение влияния Бату-хана были сбор всемонгольского курултая и избрание нового великого хана, которым в силу сложившихся обстоятельств стал бы Гуюк-хан. Скорее всего глава улуса Джучи хорошо понимал это, и на неоднократные приглашения прибыть в Монголию для участия в курултае отвечал отказом, аргументируя это своим недомоганием [Рашид ад-Дин, с. 80]. Однако в 1246 г. Туракин-хатун удалось пригласить достаточно представительное число Чингисидов для начала курултая и последующего избрания великого хана. Трудности в организации курултая вполне осознавались современниками, причастными к этим событиям. В письме армянского дипломата Смбата Спарапета, отправленного из Самарканда кипрскому королю Генри Лузиняну, сообщается: «Мы узнали также достоверно, что вот уже пять лет прошло с тех пор, как скончался отец ныне царствующего хана. Но бароны и вельможи татарские были так рассеяны повсюду, что они едва смогли собраться в течение этих пяти лет в одном месте, чтобы посвятить и короновать последнего, ибо одни находились в Индии, другие — в Китае, иные — на Руси, а остальные — в стране Гасрат (Гейрат) и Гангат, которая является землей, откуда вышли три царя, чтобы приветствовать Иисуса Христа, и все народы этой страны — христиане» [Смбат Спарапет, с. XIX].

Как показано в исследовании А.Г.Юрченко, курултай 1246 г. был приурочен к дням середины лунного года и проводился по специально

разработанному сценарию. Сверхпышный церемониал предусматривал смену цвета одежд в каждый из первых четырех дней. Белый цвет маркировал ситуацию неопределенности, поскольку решалась судьба многих претендентов на власть, тогда как завершение выбора и демонстрация новой иерархии происходили в золотых одеждах. Изменение облика участников ритуала, реализованное в переодевании, означало обновление знаковости, обретение нового статуса [Юрченко, с. 186–192]. За праздничными церемониями скрывалась практическая цель: путем вовлечения всех участников в грандиозный ритуал придать легитимность вновь избранному хану. Курултай в июле 1246 г. был столь представителен по той причине, что был призван разрешить проблему междуцарствия и указать истинного наследника трона Монгольской империи. На протяжении всего XIII века скрытая мотивация подобного рода мероприятий останется неизменной: непосредственный, личный контакт верховного правителя со своими наместниками из отдаленных областей для подтверждения последними лояльности к центральной власти.

На курултае 1246 г. присутствовали представители всех улусов и областей империи: все сыновья Угедей-каана и Тулуя, Соркуктанибеги, Тэмугэ-отчигин и Эльчидай-нойон с сыновьями; Чагатаиды: Хара-Хулагу, Йису-Менгу, Бури, Байдар, Йисун-Бука и другие; Джучиды: Орду-Эджен, Шибан, Берке, Беркечар, Тангут, Тукай-Тимур; наместник Аргун, эмир Масуд-бек, из Иконийского султаната Рукн ад-Дин Кылыч Арслан IV и другие вельможи [Рашид ад-Дин, с. 118]; грузинские цари Давид Нарин и Давид Улу [Киракос Гандзакеци, с. 195], а также великий владимирский князь Ярослав Всеволодович [ПСРЛ, т. I, стб. 471].

Отсутствие старшего в роду Чингисидов, Бату-хана, на избрании нового великого хана, кроме его собственной отговорки, связанной с болезнью, имеет несколько объяснений. Л.Н.Гумилев полагал, что отсутствие главы улуса Джучи на курултае объясняется боязнью Бату-хана не вернуться из Монголии живым в случае избрания Гуюк-хана [Гумилев, с. 172]. По мнению В.В.Трепавлова, начиная с правления Чингис-хана Монгольская империя была разделена на две части и управлялась в восточной части великим ханом, а в западной — соправителем, причем последний лишь формально подчинялся великому хану. Поэтому Бату-хан, ставший после смерти Чагатая соправителем, мог не присутствовать на курултае, а ограничиться посылкой своих представителей [Трепавлов, с. 95].

В 1251 г. Бату-хан тоже отсутствовал на курултае, хотя опасаться Менгу-хана ему не приходилось. Что касается версии В.В.Трепавлова: во время правления Чингис-хана Джучи подчинялся ему в первую

очередь как сын отцу; Чагатай участвовал в церемонии возведения на каанский трон Угедея и лично подал пример полного подчинения, преклонив перед ним колени. После смерти Угедея среди Чингисидов наступает время разногласий. В междуцарствие и после избрания Гуюк-хана между ним и Бату-ханом шла борьба за влияние в империи.

Отсутствие Бату-хана на курултае 1246 г. можно объяснить нежеланием участвовать в процессе интронизации нового великого хана, когда участники ритуала должны были по обычаю снять шапки, развязать кушаки и посадить Гуюк-хана на царский престол [Рашид ад-Дин, с. 119]. Этим действием участники коронации признавали за ним политическое и сакральное лидерство. Участие Бату-хана в этом ритуале заставило бы его отказаться от роли старшего в роду Чингисидов (старшим стал бы Гуюк-хан) и уподобило бы его одному из многочисленных потомков Чингис-хана. Хотя Бату-хан сохранил свое положение, избрание великого хана отодвинуло главу улуса Джучи на второе место в империи [Рашид ад-Дин, с. 119] и ослабило его влияние на местах.

Двухлетнее правление Гуюк-хана ознаменовалось активными действиями против бывших кандидатов на место великого хана. Тэмугэ-отчигин был отдан под суд за попытку вооруженного переворота. Примечательно, что против Тэмугэ-отчигина выступили (забыв о своих разногласиях) единым фронтом все Чингисиды: Гуюк-хан поручил расследовать дело Тэмугэ-отчигина Орду-Эджену и Менгу-хану, и те осудили брата Чингис-хана на смерть [Рашид ад-Дин, с. 119]. Монополия Чингисидов на верховную власть была подтверждена казнью Тэмугэ-отчигина.

По приказу Гуюк-хана в Чагатаевом улусе был смещен сторонник Менгу-хана, Хара-Хулагу, а на его место был поставлен Йису-Менгу, старший из сыновей Чагатая [Рашид ад-Дин, с. 96]. Гуюк объявил, что при жизни сына внуку нельзя наследовать престол [Рашид ад-Дин, с. 119]. Тогда же из улуса Тулуя были переданы две тысячи войска под власть семьи Кудэна [Рашид ад-Дин, с. 112]. Эти действия должны были ослабить влияние Менгу-хана в империи.

Для укрепления своей власти Гуюк-хан приказал казнить приближенных своей матери — Фатиму-хатун и Абд ар-Рахмана, а также младшую дочь Чингис-хана, Чаур-сечен; Чинкая же и Махмуда Ялавача он назначил на их прежние должности [Рашид ад-Дин, с. 117, 120]. По сведениям брата Иоанна, была схвачена по обвинению в отравлении Угедей-каана некая тетка императора; над ней и очень многими другими был произведен суд в красном шатре, и они были убиты [Путешествия, с. 79]. Однако если опираться на персидские источники, то оказывается, что францисканцы передают лишь слухи и версия об

отравлении Угедея распространялась противниками вновь избранного хана. По сообщению Рашид ад-Дина, болезнь и смерть Угедея наступили от чрезмерного употребления вина, а слухи о «коварной» женщине — всего лишь злая сплетня. Он пишет: «У каана был баурчи (стольник), сын Абикэ-беги, сестры Соркуктани-беги, которую Чингиз-хан выдал за Кяхтей-нойона. Каждый год Абикэ-беги по совету Соркуктани-беги приезжала из китайской страны, где был ее юрт, на служение [к каану] и, устраивая пир, потчевала [его]. На тринадцатый год по восшествии его на престол она по обыкновению приехала и вместе со своим сыном, который был баурчи каана, поднесла каану чашу [с вином]. Ночью во время сна каан от чрезмерного [количества] выпитого вина скончался. Стали злословить при содействии хатун и эмиров, что Абикэ-беги и ее сын подносили чашу [с вином] и, наверное, дали каану яду. Илджидай-нойон, который был молочным братом каана и влиятельным эмиром из рода джелаир, сказал: „Что за вздорные слова? Сын Абикэ-беги — баурчи, он ведь всегда подносил чашу, и каан всегда пил вина слишком много. Зачем [нам] нужно позорить своего каана, [говоря], что он умер от покушения других? Настал его смертный час. Надо, чтобы больше никто не говорил таких слов". Так как он был умным человеком, то понимал, что причина этой смерти — излишества и постоянное опьянение» [Рашид ад-Дин, с. 42].

Таким образом, версия Рашид ад-Дина показывает, что у францисканцев был надежный источник при дворе; другое дело, что проверить эти сведения им было невозможно. Тот, кто поддерживал слух о насильственной смерти Угедея, скорее всего принадлежал к коалиции противников избрания Гуюка. Следовательно, францисканцы пользовались неявным покровительством со стороны людей Бату. Соперничество за власть между этими родами общеизвестно. В красном шатре на самом деле судили Фатиму-хатун, обвиненную в колдовстве и смерти Кудэна, сына Угедея [Рашид ад-Дин, с. 117, 119]. Для увеличения популярности в войсках и в народе новый великий хан применил традиционный способ раздачи населению части имущества из казны [Рашид ад-Дин, с. 121].

Основным соперником Гуюк-хана остался глава улуса Джучи, и новый великий хан пытался ослабить влияние Бату-хана, назначая на ключевые посты в империи своих сторонников. Масуд-бек был снова назначен эмиром Туркестана и Мавераннахра, что вывело его из рядов оппозиции великоханскому двору, в которую он входил во время регентства Туракин-хатун. Для усиления власти великого хана на Ближнем Востоке главою дел по Руму, Грузии, Мосулу, Халебу и Диярбекру был отправлен близкий друг Гуюк-хана Эльчидай-нойон [Рашид ад-Дин, с. 120]. Для ослабления влияния Бату-хана на внут-

реннюю политику Грузинского царства спор о власти между сыном Русудан Давидом Нарином (имел поддержку Авага Мхардзели) и внебрачным сыном Георгия IV Лаши, Давидом Улу (имел поддержку Ваграма Гагели и Бачу-нойона), был решен в пользу последнего [Григор Акнерци, с. 119; Киракос Гандзакеци, с. 195; Бабаян, с. 126]. Гуюк-хан аргументировал свое решение старшинством соперника Давида Нарина по возрасту [Путешествия, с. 60].

Возможно, после своего избрания на курултае великим ханом Гуюк-хан среди прочих покоренных владетелей стал привечать владимирского князя Ярослава Всеволодовича, ставя его выше остальных приехавших владык подвластных территорий [Путешествия, с. 77]. Этим великий хан выводил из сферы влияния Бату-хана западную окраину империи — Северо-Восточную Русь. Как показывают дальнейшие события, даже смерть Ярослава Всеволодовича на обратном пути из Монголии [ПСРЛ, т. 1, стб. 471], в которой, по сообщению Иоанна де Плано Карпини, была повинна Туракин-хатун, не остановила сближение детей умершего князя с «центральным монгольским правительством». Заметим, что у Н.М.Карамзина сообщение об отравлении владимирского князя вызвало недоумение [Карамзин, с. 283]; возможно, слухи об отравлении Ярослава Всеволодовича были специально распространены сторонниками Бату-хана для предотвращения сближения русских князей с Гуюк-ханом. Существует также мнение, что Туракин-хатун отравила Ярослава Всеволодовича назло Гуюк-хану, который был не согласен с политикой времен регентства [Вернадский, 1997, с. 149].

Узнав о смерти Ярослава Всеволодовича, его брат Святослав по праву старшего в роду Всеволода Большое Гнездо сел на великий стол во Владимире, не встретив противодействия со стороны Бату-хана, так как Ярослав Всеволодович назначил Святослава своим преемником в 1245 г., перед поездкой в Монголию. Когда сыновья покойного князя, Александр и Андрей, приехали к Бату-хану, чтобы просить у него отцовский престол, глава улуса Джучи отказался решать этот вопрос, и Ярославичи отправились в Монголию [ПСРЛ, т. 1, стб. 471]. В Монголии Гуюк-хан принял сыновей Ярослава Всеволодовича и для ослабления влияния Бату-хана дал им ярлыки на княжение: Андрей стал князем во Владимире, а Александр был назначен великим князем Киевским и Новгородским [ПСРЛ, т. 1, стб. 472]. В 1249 г. Ярославичи вернулись на родину, Святослав Всеволодович с Бату-ханом исполнили волю великого хана, и русские земли вышли из-под влияния главы улуса Джучи. Святослав Всеволодович до своей смерти в 1252 г. находился при дворе Бату-хана, надеясь вернуть владимирское великое княжение.

В 1247 г. из Монголии в Закавказье приехали наместник Аргун и баскак Буга. Основным полем деятельности последнего стало Грузинское царство. Буга схватил Гасана Джалала и подвергал его пыткам, пока не получил богатый выкуп; одновременно отряды Буги разрушили крепости во владениях Гасана Джалала; позже баскак предпринял попытку сделать то же самое с Авагом Мхардзели, и лишь наличие у того большого конвоя остановило Бугу [Киракос Гандзакеци, с. 193]. Это событие получило в исследовательской литературе название первого армянского восстания [Степанян, с. 15], на самом же деле произошедшее было лишь эпизодом в истории противостояния Бату-хана с Гуюк-ханом. Оба армянских владетеля поддерживали ставленника главы улуса Джучи, Давида Нарина, и оба на правах «младших родственников» были, по терминологии Т.Д.Скрынниковой, частью монгольского этносоциального объединения: Гасан Джалал — благодаря браку своей дочери и Бора-нойона, сына Чормоган-нойона; Аваг Мхардзели — благодаря своей женитьбе на монголке [Киракос Гандзакеци, с. 168, 395]. Именно причастность к монгольскому этносоциальному объединению стала причиной репрессий в Армении: Аргун и Буга готовили почву для приезда на родину Давида Улу, и события 1247 г. ничем не отличаются от репрессий против оппозиции Гуюк-хану в Монголии и в Средней Азии.

В 1248 г. в Грузию вернулись оба грузинских царя, однако Давид Нарин не захотел подчиняться сыну Георгия IV Лаши и ушел в Сванетию [Киракос Гандзакеци, с. 195], чем положил начало институту «провинциальных царей» [Нинидзе, с. 15].

В том же, 1248 г. из Монголии, имея на руках ярлык от Гуюк-хана на верховную власть, в Иконийский султанат вернулся Рукн ад-Дин Кылыч Арслан IV, который сместил правившего страной с 1246 г. Азз ад-Дина Кай Кавуса II, ориентировавшегося, как и его отец, на Бату-хана. Хотя был найден компромисс (оба брата стали править вместе), влияние Бату-хана в Руме оказалось ослаблено, и был убит представитель улуса Джучи в Иконийском султанате сахиб Шамс ад-Дин [Шукуров, с. 180].

Таким образом, к 1248 г. Гуюк-хан существенно снизил долю влияния Бату-хана в империи и получил возможность разгромить своего соперника, когда отправился в поход против главы улуса Джучи. Однако благодаря информации от Соркуктани-беги Бату-хан был предупрежден об этом. Гуюк-хан вскоре умер. Предположительно он был или отравлен, или убит братом Бату-хана, Шибаном [Путешествия, с. 132]. Во главе «центрального монгольского правительства» оказалась вдова Гуюк-хана, Огул-Гаймыш; основной ее задачей стали проведение курултая и избрание нового великого хана.

Опять, как и перед курултаем 1246 г., на место великого хана претендовали несколько человек.

Ширемун. После смерти Гуюк-хана его сыновья и люди «хотели посадить на каанство Ширемуна», опираясь на волю Угедей-каана [Рашид ад-Дин, с. 112].

Бату-хан. «Был стар и уважаем и был старше всех царевичей, ему наступил черед царствовать» [Рашид ад-Дин, с. 113].

Менгу-хан. Опирался, как и перед курултаем 1246 г., на популярность своей матери Соркуктани-беги и искал поддержку у Бату-хана [Рашид ад-Дин, с. 113].

Ходжа-Огул и Нагу. Сыновья Гуюк-хана пытались войти во власть благодаря сложившейся традиции перехода великого ханства от отца к сыну и опирались на поддержку Йису-Менгу [Рашид ад-Дин, с. 122].

Согласно Джузджани, ситуация выглядела так: «Когда Гуюк переселился из мира сего и сошел в ад, то все, кроме сыновей Чагатая, согласились возвести на царство Бату. Они обратились к Бату с просьбой принять престол монгольский и сесть на царство; все они подчинятся его велению. Бату не согласился. [Тогда] они возвели [на царство] Менгу-хана» [Тизенгаузен, с. 15]. По словам Рашид ад-Дина, благодаря умной политике Соркуктани-беги Бату-хан отказался от великого ханства в пользу Менгу и стал активно его поддерживать в борьбе с другими претендентами на власть. Образовался мощный блок Чингисидов во главе с Бату-ханом, выдвинувший Менгу-хана на великое ханство. В блок вошли Джучиды, Тулуиды, Чагатаид Хара-Хулагу и потомки брата Гуюк-хана, Кудэна [Рашид ад-Дин, с. 113]. Этому блоку противостояли «часть царевичей из дома каана и Гуюк-хана, Йису-Менгу и Бури, потомки Чагатая», считая, «что ханское достоинство должно [принадлежать] дому каана и Гуюк-хана» [Рашид ад-Дин, с. 130], а именно Ширемуну.

В монгольской политической культуре существовал такой любопытный феномен, как «отказ от власти» [Дмитриев]. В 1249 г. у Бату-хана состоялась встреча части представителей Чингисидов, на которой было принято решение сделать Менгу великим ханом, причем, когда Менгу стал отказываться по существующей традиции от этой чести, его брат Мука-Огул заявил, что «на этом собрании все мы заключили условия и дали подписку, что не выйдем из повиновения хану Бату; как же Менгу-каан ищет [пути] уклоняться от того, что им признано за благо?». Менгу после этого согласился участвовать в избрании, но перед окончанием собрания «Бату... поднялся, а все царевичи и нойоны в согласии, распустив пояса и сняв шапки, стали на колени. Бату взял чашу и установил ханское достоинство в свое место; все присутствующие присягнули [на подданство]». Лишь после этого

изъявления покорности со стороны Менгу-хана Бату-хан отправил в Монголию три тумена войска во главе с Берке, Бука-Тимуром и Сартаком [Рашид ад-Дин, с. 80, 130].

В том же, 1249 г. в Грузинском царстве произошло событие, получившее название Тбилисского заговора: Давид Нарин в Тбилиси вербовал своих сторонников среди восточногрузинской знати и по доносу в заговоре против монголов был арестован вместе со своими сторонниками и приговорен к смерти [Киракос Гандзакеци, с. 197; Григор Акнерци, с. 22]. Однако заступничество Авага Мхардзели спасло арестованных не только от смерти, но и от ареста. Финал заговора заставляет думать, что это была неудачная попытка Эльчидай-нойона объединить Грузинское царство под властью Давида Улу и ликвидировать влияние Бату-хана в Закавказье.

В 1250 г., еще до возвращения в Монголию Менгу-хана вместе с войсками улуса Джучи, в районе оз. Иссык-Куль (улус Чагатая) состоялся курултай с участием потомков Угедей-каана и Чагатаидов (кроме Хара-Хулагу, бывшего с Менгу-ханом), но отсутствие сильного лидера привело курултай к нулевому результату [Вернадский, 1997, с. 74].

В 1251 г., опираясь на вооруженные силы Джучидов, Менгу-хан организовал новый курултай «в местности Онон и Келурен» [Рашид ад-Дин, с. 81]. На курултае присутствовали: Берке и Сартак от улуса Джучи; эмир Хоркасун; сыновья Джучи-Касара и Йисунке, Эльчидай-нойон, Тачар, сын Оточи-нойона, сыновья Таку-нойона — все это племянники Чингис-хана; Хара-Хулагу — из Чагатаидов; братья Менгу-хана — Хулагу, Хубилай, Мука-Огул, Ариг-Буга. В конце церемонии «все сняли шапки и повесили пояса (себе) на плечи» [Рашид ад-Дин, с. 131]. Огул-Гаймыш, Ходжи-Огул, Нагу, Йису-Менгу и ряд других Чингисидов из родов Угедей-каана и Чагатая на курултае отсутствовали, что давало им моральное право не признавать избрание нового великого хана.

Попытка Ширемуна, Нагу, Тутака и других царевичей физически расправиться с Менгу-ханом сорвалась и привела к началу массовых репрессий против оппозиции великому хану [Рашид ад-Дин, с. 133]. Вильгельм де Рубрук сообщает о 300 умерщвленных знатных татарах; по данным Рашид ад-Дина, были казнены 77 вельмож — в их числе два сына Эльчидай-нойона, Джини, Кулджай, Бубал-старший, Саркан, Туган, Бубал-младший, Йисур и другие эмиры [Путешествия, с. 132; Рашид ад-Дин, с. 136–137]. Эльчидай-нойон был схвачен, доставлен к Бату-хану и казнен. После расправы над недовольными эмирами пришел черед Чингисидов из родов Чагатая и Угедея. По повелению Менгу-хана главой улуса Чагатая стал Хара-Хулагу, кото-

рый, находясь в Монголии, казнил Йисун-Буку и его жену Тагашей [Рашид ад-Дин, с. 137], но воспользоваться ярлыком хана Хара-Хулагу не удалось, так как он, «не дойдя до улуса, скончался в пути». Его жена Ургана-хатун казнила Йису-Менгу и сама царствовала вместо мужа [Рашид ад-Дин, с. 97].

В самой Монголии были казнены Огул-Гаймыш [Рашид ад-Дин, с. 138] и старший сын Гуюк-хана, Ходжа-Огул [Путешествия, с. 132]. Ожесточение во время репрессий дошло до того, что Чингисидов стали казнить «с пролитием крови». Так был казнен Чагатаид Бури, который по приказу Менгу-хана был доставлен Мункесарнойоном к Бату [Рашид ад-Дин, с. 90], и по приказу последнего ему отрубили голову [Путешествия, с. 123].

Результатом курултая 1251 г. и последующих событий стали раздел Монгольской империи на две части и появление института соправителей. В восточной части правил Менгу, в западной — Бату-хан. В частности, о переходе некоторых полномочий от центра к соправителю свидетельствуют: а) приезд к главе улуса Джучи посольства из Рума, которое вновь признало верховную власть Бату-хана и выдало непосредственных участников убийства Шамс ад-Дина [Шукуров, с. 180]; б) участие представителей улуса Джучи в переписи на территории Грузинского царства в 1254 г. В.В.Трепавлов считает, что соправитель, в данном случае Бату-хан, номинально подчинялся великому хану [Трепавлов, с. 95]. Скорее всего ситуация выглядела несколько иначе. По наблюдению брата Вильгельма, люди Бату-хана по положению стояли выше людей Менгу [Путешествия, с. 123], так как Менгу-хан еще до курултая 1251 г. признал главенство старшего Чингисида. Положение Менгу-каана, несмотря на поддержку Бату-хана, было шатко. Поэтому Ширемун, как наследник, назначенный Угедей-кааном, не был казнен (хотя Вильгельм де Рубрук сообщает о его казни в 1251 г.), а взят Менгу в свою ставку как «его наследник и [его] заместитель». Ширемун был казнен по приказу Менгу-каана только во время похода монголов против Южного Китая в 1258 г. [Рашид ад-Дин, с. 12].

Одно из последних проявлений конфронтации монгольских партий, как ни странно, произошло в Северо-Восточной Руси. В 1252 г. ставленник Гуюк-хана великий князь владимирский Андрей Ярославич отказался «царям служити» (царем на Руси считался великий хан). Узнав об этом, другой ставленник Гуюк-хана, великий князь киевский и новгородский Александр Ярославич, отправился к главе улуса Джучи и получил от Бату-хана ярлык на Владимир (князь Святослав Всеволодович, находившийся в Орде с 1249 г., справедливости так и не дождался). Вслед за этим войска Бату-хана во главе с Неврюем, Олабугой и Котиаком вторглись во владимирскую землю, и Андрею Яро-

славичу пришлось бежать [ПСРЛ, т. 15, стб. 396], а Александр Ярославич стал великим князем владимирским. По мнению некоторых историков, события 1252 г. были антимонгольским восстанием [Егоров, с. 53; Феннел, с. 148], однако ни Андрей Ярославич (с 1255 г. княжит в Городце и Нижнем Новгороде), ни Ярослав Ярославич (с 1263 г. великий князь владимирский) не были казнены. Причиной похода Неврюя против Андрея Ярославича стало не его антимонгольское выступление, а нежелание получить новый ярлык у Бату-хана.

Противостояние Бату-хана и «центрального монгольского правительства» было обусловлено противоборством различных кланов Чингисидов, обладавших равными правами на наследование верховной власти в Монгольской империи. Бату-хан в своих действиях представлял принцип родового наследования, тогда как остальные претенденты на верховную власть опирались на принцип передачи власти от отца к сыну (Гуюк-хан), на назначение преемника великим ханом (Ширемун), на избрание курултаем (Менгу-хан). В случае если великоханский двор не шел на компромисс с Бату-ханом, империю раздирал внутриполитический кризис, но стоило великому хану формально признать главу улуса Джучи по положению выше себя, как кризис закончился, чтобы снова разразиться в 1260 г. уже с новыми участниками: Хубилаем, Ариг-Бугой, Хайду, Алгуем и др.

Али-заде — *Али-заде А.А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956.

Бабаян — *Бабаян Л.О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV вв. М., 1969.

Бартольд— *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1963. Т. I; М., 1972. Т. VIII.

де Бридиа — Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi. Ed. et annot. A.Önnerfors. B., 1967.

Вернадский, 1939 — *Вернадский В.В.* О составе Великой Ясы Чингис-хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В.Ф.Минорского. Bruxelles, 1939.

Вернадский, 1997 — *Вернадский В.В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.

Григор Акнерци — История монголов Инока Магакии. XIII в. Пер. и объяснение К.П.Патканова. СПб., 1871.

Гумилев — *Гумилев Л.Н.* В поисках вымышленного царства: Легенда о «государстве пресвитера Иоанна». СПб., 1994.

Дмитриев — *Дмитриев С.В.* Отказ от власти как культурно-политическое явление (к постановке проблемы) // Этнические аспекты власти. СПб., 1995.

Егоров — *Егоров В.Л.* Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2.

Карамзин — *Карамзин Н.М.* Предание веков. М., 1988.

Киракос Гандзакеци — *Киракос Гандзакеци.* История Армении. Пер., предисл. и коммент. Л.А.Ханларян. М., 1976.

Нинидзе — *Нинидзе Д.В.* Внутриполитическая борьба и «провинциальные цари» Грузии в XIV–XV вв. Автореф. канд. дис. Тб., 1992.

Путешествия — *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов * *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны * Книга Марко Поло. М., 1997.

Рашид ад-Дин — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. с перс. Ю.П.Верховского, примеч. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова, ред. И.П.Петрушевского. М.; Л., 1960. Т. II.

Скрынникова — *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингиз-хана. М., 1997.

Смбат Спарапет — *Смбат Спарапет.* Летопись. Пер. с др.-арм., предисл. и примеч. А.Г.Галстяна. Ер., 1974.

Сокровенное сказание — *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.

Степанян — *Степанян Г.А.* Борьба армянского народа против татаро-монгольского ига. Автореф. канд. дис. Ер., 1986.

Тизенгаузен — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.; Л., 1941.

Трепавлов — *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Феннел — *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси: 1200–1304 гг. М., 1989.

Хатиби — *Хатиби С.* Из истории Туркменистана и некоторых сопредельных стран в первой половине XIII столетия // Известия АН ТССР. Сер. общ. наук. 1961. № 3.

Шукуров — *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и «Синопский вопрос» в 1254–1277 гг. // Причерноморье в средние века. М.; СПб., 2000. Вып. 4.

Юрченко — *Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи: время праздников // Altaica. М., 2000. IV.

Rossabi — *Rossabi M.* Khubilai Khan: His Life and Times. Berkeley; Los Angeles; London, 1988.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1; М., 1965. Т. 15.

М.А.УСМАНОВ
(Казань)

Об особенностях раннего этапа этнической истории улуса Джучи

Время начала самостоятельности улусов Монгольской империи следует отсчитывать не с 1224 г., когда Чингис-хан выделил автономные уделы своим сыновьям, и не с 40-х годов XIII в., как это иногда предлагается относительно улуса Джучи (характерный пример см. [Буганов, с. 700]). Подлинная самостоятельность улусов наступила после известной борьбы между Хубилаем и Ариг-Бугой в первой половине 60-х годов XIII в., поражения последнего, начала чеканки монет от имени улусных ханов и признания их суверенности со стороны других государств. Существует ли взаимосвязь между политической историей империи и этнической историей отдельных регионов, некогда входивших в единое этнополитическое пространство Великого монгольского государства? Для улуса Джучи обозначенная проблема сводится к выяснению следующего вопроса: как выглядело взаимодействие доминирующей в политическом плане малочисленной группы монголов с тюрками, составлявшими реальное большинство населения улуса? Можно предположить, что в улусе Джучи, или Золотой Орде, как стали именовать державу Джучидов начиная с XVI столетия, процесс растворения монголов в тюркской среде отличался особой интенсивностью.

Предпочтение редко употребляемому в русской и европейской исторической литературе названию западного улуса Монгольской империи в форме «улус Джучи» отдается нами по ряду причин. Во-первых, это название соответствует терминологии того времени, когда существовало данное государство. Во-вторых, такой подход позволяет рассматривать проблемы средневековой истории многих народов Евразии на широком историческом фоне [Усманов, 1979а, с. 16–17]. Злоупотребление же вторичным термином «Золотая Орда» и игнорирова-

© М.А.Усманов, 2002

ние первичного названия ведут к сужению предмета исследования как хронологически, так и территориально, ибо под «Золотой Ордой» в русской исторической традиции подразумевается прежде всего западная часть улуса Джучи, точнее, владения наследников Бату-хана с центром в Сарае на нижней Волге.

Во всех исследованиях, более или менее подробно освещающих историю улуса Джучи, авторы отмечают многоэтничность этого государства и признают тюркоязычность большей части его населения [Греков, Якубовский, с. 65–66; Сафаргалиев; Федоров-Давыдов, 1966, 1973, 1976; Егоров; Hammer-Purgstall; Spuler, с. 282–283; DeWeese]. Анализ письменных документов, в первую очередь ярлыков, выданных правителями улуса Джучи, подтверждает ведущую роль тюркского языка в сфере административного управления [Березин; Радлов; Малов, с. 187–195; Боровков, с. 13–24; Наджип, 1970, с. 87–92; Наджип, 1979, с. 31–150; Султанов, с. 53–61; Усманов, 1979а, с. 94–111; Усманов, 1979б, с. 218–244; Кононов, с. 249, 318; Melek Öztegin].

По завершении западной кампании 1236–1243 гг. последовало возвращение значительной части монгольских армий под предводительством Гуюка и Мункэ в Центральную Азию. Оставшаяся же в степной зоне Восточной Европы армия Бату-хана на протяжении нескольких поколений подвергалась ассимиляции в тюркоязычной среде Дешт-и Кипчака. Это обстоятельство было отмечено современниками. Учтем также, что монголы в тюркской и мусульманской среде, равно как и в Китае, именовались татарами. Это тюркское обозначение монголов привилось не только в Средней Азии и на Ближнем Востоке, но и на Руси и в Западной Европе, вопреки тому, что сами монголы себя татарами не называли (см. [Кляшторный, с. 140–141]). Ал-Умари, секретарь мамлюкского султана ан-Насира, хорошо осведомленный о взаимоотношениях Египта с улусом Джучи, передает следующее: «В древности это государство было страною кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (монголы) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их и все они стали точно кипчаки, как будто они одного рода, оттого что монголы поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и остались жить на их земле» [Тизенгаузен, с. 235] (об ал-Умари см. [Крачковский, с. 405–411; Закиров, с. 115–116]). Сообщение ал-Умари относится к середине XIV в. и отражает наблюдения мусульманских дипломатов, традиционно интересовавшихся происхождением и реальным положением дел той или иной правящей династии. Если довериться сообщению ал-Умари, то следует признать, что процесс растворения монголов в кипчакской среде завершился к середине XIV в.

Насколько нарисованная арабским автором картина подтверждается лингвистическими фактами? Как считают лингвисты, на XIII–XIV столетия приходится третий этап проникновения тюркизмов в русский язык. Видный знаток русско-тюркских языковых контактов Н.А.Баскаков пишет, что этот период «характеризуется широким проникновением в русскую лексику тюркских и в меньшей степени монгольских слов» [Баскаков]. По мнению В.Д.Аракина, подавляющее большинство тюркизмов русского языка «было заимствовано из кипчакского наречия Золотой Орды... начиная со второй половины XIII в.» [Аракин, 1973, с. 28–37; Аракин, 1974, с. 146]. Опираясь на результаты этих исследований, можно утверждать, что в первой половине XIV в. во владениях наследников Бату-хана носители монгольского языка в количественном отношении не являлись доминантной группой. Иными словами, монголы в улусе Джучи составляли этническое меньшинство, которое, несмотря на свое бесспорно ведущее военно-административное положение в государстве, не оказывало существенного влияния на языковую, а следовательно, и на этническую ситуацию. Образно говоря, победители оказались побежденными. Такова была своеобразная метаморфоза.

Советские исследователи, освещая эти моменты истории, как на исчерпывающую истину опирались на одно из теоретических положений Ф.Энгельса. По мысли Ф.Энгельса, «менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому „хозяйственному положению“ завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания; он ассимилируется покоренным народом и большей частью вынужден усваивать даже его язык» [Энгельс, с. 188].

В доперестроечной России при освещении истории Золотой Орды данное высказывание Ф.Энгельса стало обязательным для цитирования (см., например, [Гимади, с. 195; Греков, Якубовский, с. 62; История, с. 88; Сафаргалиев, с. 37; Тихвинский, с. 11; Усманов, 1979а, с. 100]). Традиционная ссылка на классика марксизма освобождала исследователей от решения ряда сложных вопросов описанной выше этнической метаморфозы. К тому же акцент на «бескультурье» завоевателей как бы компенсировал поражение своих, хоть и проигравших, но все же «более культурных» предков. Противопоставление «культурного превосходства» побежденных «дикости и варварству» победителей лишь затемняло сущность ряда трудных вопросов в истории монгольских завоеваний. В частности, вопрос о соотношении уровней культуры монголов и тюрков Дешт-и Кипчака даже не был поставлен. Мои сомнения относительно таких упрощенных толкований истории монголов, особенно однобокого подхода к информации

источников, были в позволительной в условиях СССР форме высказаны еще в 1971 г. в рецензии на книгу «Татаро-монголы в Азии и Европе» [Усманов, 1971, с. 182–185]. Наконец, при абсолютизации теоретического положения Ф. Энгельса вне поля зрения исследователей оставался количественный фактор, сыгравший скорее всего главную роль при ассимиляции монголов тюрками.

Дело в том, что в процессе покорения монголами евразийских просторов от Алтая до Дуная (в 1218–1239 гг.) в составе войск Джучи и Бату-хана заметно увеличился удельный вес тюркского компонента. Хлынувшие в Восточную Европу завоеватели, «татары», не были в этническом отношении исключительно монголами. Монгольские армии были конгломератом, в котором при организующем, руководящем положении монгольской элиты и ханской гвардии количественно преобладающим оказался тюркский компонент. Этим скорее всего и можно объяснить отмеченную выше особенность соотношения тюркских и монгольских заимствований русской лексики XIII–XIV вв. Этим же, наконец, была обусловлена отмеченная ал-Умари быстрая тюркизация монголов Джучиева улуса.

Правомерен вопрос: почему побежденные в военном отношении тюрки в улусе Джучи оказались победителями в этническом и культурном плане? Отвечая на этот вопрос, можно было бы вспомнить факты, свидетельствующие о влиянии на монголов уйгурской культуры (принятие уйгурской письменности, привлечение образованных уйгуров в качестве чиновников и учителей и т.д.). Как указывал В.В.Бартольд, такому влиянию способствовала близость образа жизни, обычаев и мировоззренческих традиций этих народов [Бартольд, т. V, с. 264]. В составе самого Монгольского государства еще до начала внешних завоеваний (примерно до 1206–1207 гг.) были отдельные тюркоязычные племена [Кара, с. 17], а с 1209 г. в его состав «добровольно» вошли уйгуры, далее были насильно включены киргизы, урянхайцы и др. [Кутлуков, с. 46–61]. По мнению Б.Шпулера, еще во времена Чингис-хана монгольские войска более чем наполовину состояли из тюрков [Spuler, с. 281].

Однако эти обстоятельства не могли оказать решающего влияния на этнические процессы в улусе Джучи. Как уже говорилось, увеличение числа тюрков в составе монгольских армий, действовавших в западном направлении, существенно усилилось после их выхода на просторы Дешт-и Кипчака. Известно, что эта часть евразийских просторов была заселена тюркоязычными племенами, говорившими преимущественно на кипчакском, огузском и родственных с ними наречиях. Эти племенные союзы без особого сопротивления влились в состав войска или, выражаясь словами Л.Н.Гумилева, «народа-войска» монголов [Гумилев, с. 172–175].

Во время движения завоевателей от Алтая до Поволжья, точнее, от Отрара до булгарских земель монголы почти не встречали серьезного сопротивления. Напротив, имеются свидетельства того, что предводители ряда тюркских племен предпочли хорезмшаху Мухаммеду Чингис-хана. И.П.Петрушевский признавал, что тюркские племена империи хорезмшаха не проявляли рвения в противоборстве, хотя и не уступали монголам «по своим боевым качествам и храбрости» [Петрушевский, с. 113]. После известной битвы на Калке в 1223 г. и первого сопротивления монголам со стороны булгар источники не упоминают о сколько-нибудь значимых сражениях тюрков с монгольскими завоевателями. На Русь войско Бату-хана пришло, существенно пополнив свой состав за счет населения кипчакских степей. Согласно Рашид ад-Дину, войско Джучи-хана, полученное им в удел, составляло 4 тысячи человек, «а что прибавилось [к ним] за последнее время, то — из войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним» [Рашид ад-Дин, с. 275]. О войске, приведенном Бату-ханом в Венгрию, современник событий архидьякон Фома Сплитский сообщает: «У них имеется великое множество воинов из разных покоренных ими в войнах народов, прежде всего куманов, которых они насильно заставляют сражаться. Если же они видят, что кто-либо из них немного страшится и не бросается в исступлении навстречу гибели, они немедленно отрубают ему голову» [Фома Сплитский XXXVII].

Каков был «механизм» включения тюркского населения евразийских степей в состав армий Джучи и Бату-хана? Ответ следует искать в особенностях системы господства/подчинения в кочевых сообществах. В любых обществах, независимо от их социального строя, существовали различные, иногда свойственные только им, формы зависимости между представителями разных групп.

В кочевых обществах, как было показано в свое время Б.Я.Владимирцовым и С.П.Толстовым, зависимость простых скотоводов от родоплеменной аристократии проявлялась опосредованно, т.е. через собственность на скот. Кто был владельцем скота, тот и являлся в конечном счете реальным пользователем-владельцем земли [Владимирцов; Толстов]. Вместе с тем земля считалась общей собственностью всего рода, всего племени, независимо от имущественного положения любого члена конкретного общества [Марков, с. 278–313]. Далее, родоплеменные вожди находились в той или иной степени «в кровном родстве» со всем племенем. Все это, вместе взятое, создавало и укрепляло идею единства всего племени со своими вождями, со своей аристократией. Поэтому, как правило, племя следовало за своим вождем. У кочевников признание родоплеменным вождем зависимости от дру-

гого, более могущественного предводителя влекло за собой подчинение всего рода, всего племени новому верховному вождю, что приобретало обычно массовый характер. Такая особенность сохранивших родоплеменную структуру кочевых обществ прослеживается в более поздней истории кочевых и полукочевых народов, например у башкир XVIII в. (см. [Воззвания, с. 12]).

Этот своеобразный «механизм» способствовал относительно легкому и быстрому включению тюрков кипчакских степей в состав войск Джучи и Бату-хана. Именно такой мощный рычаг стал также основной и решающей причиной сравнительно быстрой ассимиляции монголов на западе их великой империи. В конечном же счете своеобразие системы господства/подчинения у кочевников стало причиной как быстрого образования, так и быстрого распада кочевых империй Евразии.

В советской исторической науке высказывание Ф.Энгельса о судьбе «менее культурных завоевателей» использовалось для обоснования монголофобских представлений. Мысль Энгельса, вполне применимая для других конкретных условий (Китая, Ирана), вряд ли приемлема для объяснения тюрко-монгольской этнической интеграции XIII–XIV вв. Уклад жизни, бытовые условия, социальное развитие монголов и тюрков Дешт-и Кипчака в это время находились примерно на одинаковом уровне. Более того, монголы, активно освоившие опыт, накопленный в сфере управления империей, оказались на более высоком уровне, чем разобщенные тюрки кипчакских степей. Таким образом, можно подвергнуть сомнению общепринятый штамп советской исторической литературы.

Быстрота анализируемого этнического процесса подтверждается результатами многолетних археологических изысканий. По мнению Г.А.Федорова-Давыдова, «пришедшее в степи Дешт-и Кипчака монгольское население было сравнительно незначительным», а основные «степные территории сохраняли старое кочевое население, сменившее только свою родоплеменную аристократию на новых хозяев — степных ханов Золотой Орды и их эмиров» [Федоров-Давыдов, 1966, с. 247]. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что процесс тюркизации монголов в улусе Джучи произошел в сравнительно короткие исторические сроки. Сошлемся на некоторые дополнительные факты. Сторонник монголоязычности Джучидов С.Закиров, описывая прием ханом Берке (1257–1266) послов из Египта, привел следующее свидетельство ал-Муфаддала, который пользовался материалами Ибн Абд аз-Захира [Закиров, с. 48]. По свидетельству египетских послов, привезенное ими письмо султана главный кадий перевел с арабского на тюркский язык, а везир прочитал его Берке. Хан и все присутст-

вующие были чрезвычайно довольны его содержанием [Тизенгаузен, с. 194]. Если для хана Берке и его окружения тюркский язык был вполне доступен, то для последующих Джучидов он стал, надо полагать, еще более близким, возможно родным. И это подтверждается почти документально. Например, как специально отметил В.В.Бартольд, арабский путешественник Ибн Баттута, благосклонно принятый ханом Узбеком (1312–1342), описывая быт и нравы ханского двора, привел значительное количество местных слов тюркского происхождения [Бартольд, т. V, с. 139–140].

В Джучиевом улусе монгольский язык не сразу вышел из употребления. Скорее всего Джучиды оставались двуязычными [Бартольд, т. I, с. 452–455]. На монгольском языке писались послания из Сарая великим ханам в Каракорум и Ханбалык (Пекин), а также ранним Хулагуидам, которые дольше Джучидов употребляли язык своих предков. На этом языке, отдавая дань традиции, писали тексты на пайцзах — своеобразных «охранных грамотах» [Усманов, 1979а, с. 100–101]. Монгольский язык мог дольше сохраняться в быту отдельных семейств, осевших в степях. Имеются документальные факты, свидетельствующие о бытовом двуязычии некоторой части населения Джучиева улуса [Поппе, с. 81–134].

Аракин, 1973 — *Аракин В.Д.* Тюркские лексические элементы в русских повестях и сказаниях XIII–XIV вв. // Советская тюркология. 1973. № 3.

Аракин, 1974 — *Аракин В.Д.* Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974.

Бартольд — *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1963. Т. I; М., 1968. Т. V.

Баскаков — *Баскаков Н.А.* Предисловие // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974.

Березин — *Березин И.Н.* Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань, 1851.

Боровков — *Боровков А.К.* Опыт филологического анализа тарханных ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1966. Т. 25. Вып. 1.

Буганов — *Буганов В.И.* Золотая Орда // Советская историческая энциклопедия. М., 1964. Т. 5.

Владимирцов — *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Воззвания — Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье. Казань, 1988.

Гимади — *Гимади Х.Г.* Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. I.

Греков, Якубовский — *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Гумилев — *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства: Легенда о «государстве пресвитера Иоанна». М., 1970.

Егоров — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Закиров — *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.

История — История Татарской АССР. Казань, 1955. Т. I.

Кара — *Кара Д.* Книги монгольских кочевников (Семь веков монгольской письменности). М., 1972.

Кляшторный — *Кляшторный С.Г.* Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993.

Кононов — *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. 2-е изд., доп. и испр. Л., 1982.

Крачковский — *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. 4.

Кутлуков — *Кутлуков М.* Монгольское господство в Восточном Туркестане // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Малов — *Малов С.Е.* Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А.Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953.

Марков — *Марков Г.Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

Наджип, 1970 — *Наджип Э.Н.* О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках // Советская тюркология. 1970. № 1.

Наджип, 1979 — *Наджип Э.Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. М., 1979. Кн. 1.

Петрушевский — *Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Поппе — *Поппе Н.Н.* Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. 1941. № 2.

Радлов — *Радлов В.В.* Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1889. Т. 3. Вып. 1–2.

Рашид ад-Дин — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. Пер. с перс. О.И.Смирновой. Примеч. Б.И.Панкратова и О.И.Смирновой, ред. А.А.Семенова. М.; Л., 1952.

Сафаргалиев — *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Султанов — *Султанов Т.И.* Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975.

Тизенгаузен — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских.

Тихвинский — *Тихвинский С.Л.* Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Толстов — *Толстов С.П.* Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.; Л., 1934. Вып. 103.

Усманов, 1971 — *Усманов М.А.* [Рец. на:] Татаро-монголы в Азии и Европе // Народы Азии и Африки. 1971. № 5.

Усманов, 1979а — *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

Усманов, 1979б — *Усманов М.А.* Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева Улуса // Актовое источниковедение. М., 1979.

Федоров-Давыдов, 1966 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М., 1966.

Федоров-Давыдов, 1973 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Федоров-Давыдов, 1976 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976.

Фома Сплитский — *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. Вступит. ст., пер. и коммент. О.А.Акимовой. М., 1997.

Энгельс — *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 20.

DeWeese — *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde. University Park (Pennsylvania). 1994.

Hammer-Purgstall — *Hammer-Purgstall J.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist der Mongolen in Russland. Pesth, 1840.

Melek Öztegin — *Melek Öztegin A.* Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yarlık ve bitiklerin dil ve üslûp incelemesi. Ankara, 1996.

Spuler — *Spuler B.* Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland (1223–1502). Lpz., 1943 (2. erweiterte Auflage: Wiesbaden, 1965).

А.Г.ЮРЧЕНКО
(Санкт-Петербург)

Францисканская миссия 1247 г. во владениях Бату-хана

5 марта 1245 г. в Лионе папа Иннокентий IV подписал буллу к «царю и народу тартарскому». Доставить послание папы по адресу было поручено францисканцу брату Иоанну де Плано Карпини, который, в связи с возложенной на него миссией, получил широкие полномочия папского легата. Брату Иоанну шел 64-й год. Очевидно, что дипломатическое путешествие в Центральную Азию не планировалось. Папа не передал с послами ни одного подарка. Посланник должен был доехать до ближайшего местонахождения монгольского войска, и для этого был выбран путь через Восточную Европу. Участники миссии покинули Лион 16 апреля и направились в Богемию. По пути в Польше к ним присоединился брат Бенедикт Поляк. О важной роли этого участника миссии говорит в прологе своей книги брат Иоанн: «У нас было повеление Верховного Первосвященника все тщательно исследовать и рассмотреть; это делали ревностно как мы, так и брат Бенедикт Поляк, [принадлежащий к] тому же ордену, который был [нам] в нашей нужде спутником и переводчиком» [Иоанн де Плано Карпини. Пролог]. Выбор был сделан исключительно удачно. Брат Бенедикт проявил самый живой интерес к различным аспектам жизнедеятельности Монгольской империи, а фиксация им полученных сведений отличается меньшим количеством оплошностей и ошибок. Долгое время в науке был известен только короткий рассказ брата Бенедикта о его впечатлениях о путешествии к монголам, записанный неким кельнским схоластом [Sinica Franciscana. Relatio Fr. Benedicti Poloni]. Схоласт, стремясь блеснуть классической образованностью, украсил рассказ причудливыми подробностями, что окончательно лишало возможности по достоинству оценить наблюдения брата Бенедикта.

В 1965 г. американский историк Дж.Пейнтер опубликовал по кодексу XV в. текст «Истории Тартар» брата де Бридиа [Painter, с. 51–

© А.Г.Юрченко, 2002

104]. В 1967 г. немецкий филолог Олаф Оннерфорс подготовил второе, исправленное издание этого текста [де Бридиа, с. 3–37]. «История Тартар» брата де Бридиа является не чем иным, как сокращенным переложением донесения брата Бенедикта. Более правильно утверждать, что брат де Бридиа тщательно и без сокращений переписал ту часть донесения, где излагалась вымышленная история рождения империи Чингис-хана (которую принято называть «Романом о Чингис-хане», см. [Guéret-Laferté, с. 261–262; Rachewiltz, с. 59–74; Yourtchenko, с. 45–85]), но опустил сведения об оружии, одежде кочевников, женских головных уборах и прочие подробности, показавшиеся ему скорее любопытными, чем полезными. Учитывая то обстоятельство, что брат Бенедикт был переводчиком миссии и, следовательно, стоял ближе к информаторам, не будет слишком смелым следующее предположение: все отчетные материалы миссии, и в полном объеме, были подготовлены именно им. В известном смысле, чтобы получить полную картину сведений, которыми обладала миссия, мы должны «суммировать» донесение брата Иоанна и «Историю Тартар» брата де Бридиа. Речь идет о создании и последующем анализе общего фонда сведений францисканской миссии 1247 г. Подобная задача была поставлена и отчасти выполнена польскими историками, издавшими в 1993 г. полную подборку материалов, связанных с историей дипломатического странствия брата Иоанна [SDŚ]. Следующим шагом является тематическое структурирование материалов миссии. Необходимость разбивки материалов по темам осознавалась самими францисканцами. Донесение брата Иоанна, поделенное им на девять глав с последующей разбивкой глав на подтемы, лучший тому пример.

В настоящем исследовании мы рассмотрим три темы, или сюжета: описание владений Бату-хана; использование францисканцами термина *орда*; известие о битве на Калке, записанное братом Бенедиктом со слов участника битвы. Какие перспективы открывает такой подход к материалам миссии? В первую очередь он позволяет отвергнуть «этнографический» характер собранных францисканцами сведений. Францисканцев интересовало иное: механизм функционирования империи (униформа, исполняемость приказов, наказание за проступки); ресурсы империи, отсюда интерес к обыденной реальности кочевого быта; организация и мобильность армий; идеология и верования. Перед нами с необходимостью встает вопрос о характере содержания донесений. Сопоставив выделенные темы с параллельными восточными известиями, легко убедиться, что францисканцы передают имперский миф, который и был той единственной реальностью, которую зафиксировали папские послы, стремясь проникнуть в тайны кочевой культуры. Например, описывая со слов своих информаторов устрой-

ство монгольской армии, разделенной на десятки, они сообщают не о реально функционирующей системе, а о том, как она должна была бы функционировать.

Принимать брата Иоанна или брата Бенедикта за авторов тех или иных сведений, отраженных в их отчетах, было бы сегодня непростительной ошибкой. Несомненно, францисканцы являлись лишь авторами донесений, тогда как сведения получены ими из рук весьма осведомленных людей на территории империи. Папские послы добросовестно зафиксировали то, что им сообщалось. На их счет мы можем отнести лишь ошибки и искажения при записи полученных сведений. Вопрос об источниках миссии далеко не праздный. Например, подробная и ясная картина погребальных ритуалов монгольской знати, отраженная в донесениях, не имеет аналогов в других средневековых источниках. Исключено, что францисканцы лично наблюдали подобные ритуалы, поскольку в противном случае их, по причине ритуальной нечистоты, не допустили бы в течение года к аудиенции с великим ханом. Вместе с тем известно, что погребальные ритуалы монгольской знати были окружены глубокой тайной. Брат Вильгельм де Рубрук не смог выяснить и малой толики подобных сведений. Несомненное достоинство участников первой дипломатической миссии к монголам — это умение находить важные источники информации.

Сравнивая две версии одного и того же отчета — «Историю Тартар» брата де Бридиа и «Книгу о Тартарах» брата Иоанна, — мы можем оценить механизм отсеивания той или иной информации. Например, брат Иоанн умолчал о том, что на аудиенцию к великому хану они должны были явиться в шитых золотом монгольских халатах, однако рассказал об этом в частной беседе брату Салимбене из Пармы [Salimbene de Adam, л. 296б]. Брат Бенедикт, участвовавший в церемонии приветствия великого хана, кажется, воспринял облачение в халаты с иронией. Напомню, что францисканцы, вступая в орден, давали обет бедности, а это исключало ношение дорогих одежд. На приеме у великого хана францисканцы проявили удивительную дипломатическую гибкость. С точки зрения организаторов ритуала, облачение участников в праздничные одеяния символизировало их включенность в космос империи и определяло их место в иерархии власти. И одновременно призвано было продемонстрировать лояльность представителей еще не покоренных территорий новому владыке мира. Другими словами, послы папы (а в их лице и сам папа) мыслились как подданные империи. Отчасти эта же идея отразилась в тексте ответного послания великого хана папе, оригинал которого был обнаружен в 1920 г. в архивах Ватикана [Pelliot, 1923, с. 3–30]. Видимо, это обстоятельство ускользнуло от внимания францисканцев. Ср.: секре-

тарь султана Джелал ад-Дина, ан-Насави, с осуждением пишет о правителе Хамадана, который подчинился монголам во время их войны с хорезмшахом: «Он вступил с ними в переписку, выказывая покорность, послушание и объявляя о своем подчинении. Татары прислали ему татарскую почетную одежду, известную злополучием и скроенную подлостью и позором. И он надел ее, выказывая им дружелюбие, и очернил свое лицо краской отступничества» [Насави, с. 111].

Показательна позиция брата де Бридиа, опустившего описание женского головного убора *бокка* и скорее всего даже не догадывавшегося, что речь идет не о женской моде, а об имперской униформе. В тех случаях, когда брат Иоанн ссылается на русских священников, брат Бенедикт говорит о рассказчиках-татарах. Брат Бенедикт владел русским языком и поэтому несколько ближе стоял к цепочке переводчиков. Так или иначе, сегодня изучение и использование «Книги о Тартарах» брата Иоанна без учета параллельных известий брата Бенедикта невозможно. Оба письменных памятника дополняют друг друга и, что важно, позволяют оценить дистанцию между средневековым наблюдателем и материалом. То, что было интересно брату Бенедикту, например монгольские термины, напрочь отсутствует в донесении брата Иоанна. Наличие параллельных сюжетов, авторство которых ранее безоговорочно приписывалось брату Иоанну, позволяет поставить вопрос об общих источниках информации участников миссии.

Иоанн де Плано Карпини назвал свое донесение *Liber Tartarorum* («Книга о Тартарах»). Один из ученых переписчиков XIV в. уточнил это название, и получилось следующее: «История Монгалов, именуемых нами Тартарами» (*Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus*). В 1247 г. брат де Бридиа, переписавший с сокращениями донесение брата Бенедикта Поляка, дал своему труду название *Historia Tartarorum* («История Тартар»). Энциклопедист Винцент из Бове (ум. в 1264 г.) почти целиком переписал доненесение брата Иоанна, когда работал над составлением своей энциклопедии *Speculum historiale* («Историческое зерцало») (см. [Vincencius Bellovacensis]). Выборка материалов из труда Винцента, связанных с монгольской тематикой, издана Дж.Ришаром [Simon de Saint-Quentin].

Итак, францисканцы-дипломаты и их современники восприняли донесения, привезенные из Азии, как исторические повествования. Донесения францисканской миссии 1247 г. являются литературными сочинениями, призванными ответить на ряд ключевых для Запада вопросов, где доминирующее положение занимает тема божественной санкции на существование ранее неизвестных Западу народов. Материалом же послужили сведения, полученные на территории империи от представителей высшей административной элиты, и лишь отчасти

собственные наблюдения францисканцев. Вновь открытая культура носила ярко выраженный имперский характер, где управление было построено по военно-административной вертикали. Отчеты миссии являются своеобразным зеркалом, в котором отразились разнообразные проявления имперской культуры. Этнографическая реальность посланников вообще не интересовала. Они не сочли нужным описать даже собственный маршрут от ставки Бату-хана до Каракорума. Лишь по возвращении, уступая настоятельной просьбе папы, брат Иоанн написал девятую, дополнительную главу, в которой рассказал о маршруте и своем участии в курултае летом 1246 г. Поскольку францисканцы являлись «наблюдателями», представлявшими интересы другой культуры, созданные ими сочинения неизбежно являются текстами-посредниками, призванными обрисовать реальность азиатского мира в категориях, понятных их европейским адресатам.

Сегодня мы можем уточнить параметры этих текстов и выявить их многоуровневый характер. В донесениях брата Иоанна и его спутника брата Бенедикта содержатся два совершенно различных описания Монгольской империи. Назовем их условно «реальное» и «фантастическое». «Реальная» картина, рисуемая францисканцами, коррелирует с широким кругом восточных источников, в том числе и с монгольскими идеологическими представлениями. В определенном смысле, как указывалось выше, западные дипломаты пересказывают имперский миф. При этом в их донесениях нет места легендам имперского характера, рожденным в низовой культуре (например, отсутствуют сведения о рождении основателя империи от солнечного луча или вручении Ясы Чингис-хану ангелом, явившимся ему в виде златокрылого орла, о чем сообщают армянские историки XIII в.).

Второй парадокс миссии связан с переводом необычного восточного сочинения, в котором изображается фантастическая империя Чингис-хана. В этом тексте параметрам Монгольской империи придан гипертрофированный и инвертированный характер. В свою очередь, «фантастическое» описание империи может быть понято лишь при сопоставлении с сюжетами из персидских и арабских космографий и восточных версий поэмы об Искандере [Юрченко, 1998, с. 109–116]. Францисканцы зафиксировали перевод этого сочинения, не разгадав его истинный смысл. Мотивацией для включения его в донесения послужило отсутствие других источников, раскрывающих раннюю историю происхождения империи и легендарных деяний Чингис-хана. Перевод был невозможен без участия русских священников, а последние внесли свои интерпретации в переводной текст. Так появилась история мнимого похода Джучи в северные пределы мира, закончившегося покорением самоедов, паросситов (*parossiti*, букв. «паром сытые»),

быченогих и песьелицых. Последние два легендарных народа в донесении брата Бенедикта фигурируют под монгольскими названиями: *укорколоны* (быченогие) и *нохойтеримы* (песьелицые). Убедительная интепретация монгольских терминов из отчетов францисканской миссии дана Д.Синором [Sinor, 1970].

Сведения францисканской миссии 1247 г. разительно отличаются от европейских апокалиптических описаний азиатских кочевников, собранных в «Великой хронике» бенедиктинского монаха Матфея Парижского, имевшего доступ к архиву английского короля Генриха III [Матузова, с. 134–140]. Францисканцы принесли в Европу новую картину Монгольской империи, которая во многом совпадает с собственным монгольским мифом. Заключительный аккорд этой темы особенно ярко прозвучит в книге Марко Поло (ср. [Котрелев, с. 77–85]). Один из парадоксов миссии 1247 г. заключается в том, что францисканцам известны обе картины: и «европейская» и «монгольская». Несомненно, папские послы осознавали степень неосведомленности Запада относительно восточных реалий. Сложнее ответить на вопрос, как далеко готовы были пойти они в скрытой полемике с ложными представлениями современников. Культурная задача миссии была связана со сменой ирреальной картины новой картиной, основанной на наблюдениях и сведениях, полученных на территории империи. Францисканцы справились с этой задачей. С какой целью они подробно описали монгольскую мужскую прическу, женский головной убор (*бокка*), большие неразборные юрты, устройство орды, обычаи, магические запреты, церемониалы и т.п.? Менее всего в этом следует видеть этнографический интерес западных дипломатов к диковинкам чужой культуры. Известно, что в средневековых обществах знаковая сущность явлений и вещей доминировала над их реальной сущностью. И одновременно мир высокой знаковости воспринимался как социально организованный. Внешним наблюдателям бросалась в глаза не странная форма прически или головного убора, но их однообразие. Описывая форму мужской прически, францисканцы на самом деле описывают имперскую униформу [Юрченко, 2001]. Сведения о неразборных юртах показывали современникам мобильный характер кочевой культуры, открытой к экспансии. Францисканцы описывают империю как высокоорганизованный социальный мир, а не мир хаоса, в чем были убеждены их западные современники.

Какие термины используют францисканцы, описывая владения Бату-хана? Для ответа на этот вопрос приведем запись рассказа брата Бенедикта, выполненную кельнским схоластом. Итак, аноним передает: «При посредстве Конрада, герцога Польского, послы достигли Киева, города Русии, который ныне находится под тартарским влады-

чеством. Правители этого города дали им проводников на шесть дней, до первой тартарской стражи, находящейся подле удела Комании». Зависимость Киева от монголов обозначена термином *servitus* «подчиненность, подвластность, покорность». Степное пространство, которое контролируют монголы, «организовано» определенным образом, поскольку пересечь его можно, лишь перемещаясь от одной стражи (*custodis*) к другой. Мир, открывшийся взору послов, был социально упорядоченным. Отметим, что послам гарантировалась безопасность и скорость передвижения в обмен на подарки. В качестве подарков использовались шкуры бобров и барсуков. «Когда начальствующие этой стражи узнали, что они являются послами Папы, то запросили и получили подарки. Оба упомянутых брата, Иоанн и Бенедикт, оставив там, как им было приказано, заболевшего третьего брата с лошадьми и слугами, коих они привели с собою, на лошадях, принадлежавших тартарам, вместе со своими вещами, невредимые были отвезены ко второй страже. И так на многочисленных стражах лошади переменялись». На третий день послы прибыли к предводителю войска, который начальствовал над восьмью тысячами воинов. Звали его Коренца (*Cureniza*). В русских летописях он известен как Коуремса [ПСРЛ, т. 2, стб. 806]. Улус Куремсы располагался в западной части владений Бату, соприкасаясь с территорией русских княжеств. По мнению П.Пелльо, речь идет о Курумиши (монг. Qurumši), третьем сыне Орду, внуке Джучи [Pelliot, 1973, с. 38–39; ср.: Рашид ад-Дин, т. II, с. 66]. Куремса расспросил послов о цели путешествия и о роде занятий; затем он приставил к ним трех проводников, которые заботились о конях и пропитании до тех пор, пока они не прибыли в орду Бату-хана. Служители Бату запросили и получили подарки, а именно: 40 шкурок бобров и 80 шкурок барсуков.

Любопытно, что земли, подвластные монголам, именуются францисканцами Команией, по имени прежних владельцев этой территории — команов (так в западных источниках называли кипчаков). В пути от Киева до лагеря Бату-хана на р. Итиль (Волге) послы провели более пяти недель. «Далее Бату, выслушав послание и взвесив слово за словом, со своим письмом через пять дней, а именно на третий день Пасхи, отправил их вместе с... тартарами, их проводниками, в родную землю Тартар к сыну великого Императора, а имя этого сына — Куйюк-кан». Брат Бенедикт полагает, что за две недели они пересекли Команию. По словам схоласта, на границе Комании они перешли реку, называемую Яик, за которой начиналась земля кангитов (*канглы*). По ней они ехали 20 дней, не встречая людей. Земля кангитов была покрыта многочисленными солеными болотами и потоками, которые схоласт ошибочно принял за Меотидские болота. Монгольское присутствие в степях между Днепром и Волгой несомненно.

Что свидетельствует, на взгляд сторонних наблюдателей, о включенности этих территорий в политическое пространство Монгольской империи? Западные дипломаты отмечают два обстоятельства. Во-первых, произошла смена кочевых элит: то, что раньше принадлежало кипчакским ханам, теперь находится в распоряжении монгольских ханов и царевичей. Кочевая орда Бату-хана совершала сезонные перемещения вдоль восточного берега Волги, а вдоль западного берега кочевала орда Сартака, сына Бату-хана. Другие члены рода Джучи кочевали со своими ордами вдоль Дона и Яика. Как образно отметил брат Вильгельм де Рубрук, «они поделили между собою всю Скифию, которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север в более холодные» [Путешествия, с. 91]. Осведомленному в монгольских делах Марко Поло владения потомков Джучи представлялись так: «Первым царем западных татар был Саин; был он сильный и могущественный царь. Этот царь Саин покорил Росию, Команию, Аланию, Лак, Менгиар, Зич, Гучию и Хазарию; все эти области покорил царь Саин. А прежде нежели он их покорил, все они принадлежали команам, но не были они дружны между собою и не составляли одного царства, а потому команы потеряли свои земли и были разогнаны по свету; а те, что остались на месте, были в рабстве у этого царя Саина» [Марко Поло, с. 227–228].

Второе обстоятельство, отмеченное францисканцами, условно говоря, связано со сменой «святилищ». На смену бесчисленным половецким статуям, портретно изображавшим умерших предводителей и навечно установленным на высоких курганах, пришла единственная золотая статуя Чингис-хана. Кланяться этой статуе должны были все иноземцы, прибывающие в орду к Бату-хану. По свидетельству францисканцев, статуя Чингис-хана находилась на специальной повозке и, следовательно, выступала в роли «мобильного святилища» (подробнее см. мою статью «Золотая статуя Чингис-хана» в настоящем сборнике).

Сведения западных наблюдателей о монгольском дипломатическом церемониале могут быть использованы для описания статусной включенности «новых» подданных в имперскую иерархию. На ханских приемах иноземные правители и послы располагались далеко от центра и, как сообщают францисканцы, за спинами сопровождающих их монголов по той причине, что чужестранцы не входили в круг подданных великого хана. Порядок мест отражал устройство монгольского социума, а иноземные правители, чья политическая судьба еще не

была решена великим ханом, и послы из дальних стран находились за пределами этого социума. Южносунский дипломат Пэн Дая (1233 г.), сообщая о значимости того или иного места во время церемоний у монголов, обращает внимание на другую особенность: «Что касается [различия между] местами у них [по почетности], то самым почетным считается центр, за ним идет правая [сторона], а левая [сторона] считается еще ниже» [«Хэй-да ши-люе», с. 141]. По свидетельству брата Иоанна (IX, 17), чужеземные послы, еще не побывавшие в ставке великого хана, во время встречи с Бату-ханом должны были находиться в левой половине юрты, тогда как на обратном пути их всегда сажали справа. Эта перемена была связана не только с повышением статуса послов, но и со своеобразным их приобщением к имперскому социуму. После церемонии представления монгольскому императору послы становились его «подданными» и поэтому на них распространялось его покровительство. Право занять положение «по правую руку» великого хана означало обретение конкретного места в монгольской «табели о рангах», тогда как нахождение «по левую руку» символизировало чужеродность и знаковую размытость иноземного посла (ибо мужчина находился на «женской» стороне).

Для сравнения приведем сведения из другого источника. Египетские послы, прибывшие в ставку Берке в 1263 г., войдя в ханский шатер, должны были остановиться на левой стороне, а вручив послание, перейти на правую сторону. По предписаниям церемониала оружие они должны были сложить на левой стороне [Тизенгаузен, с. 62–63]. Заметим, что послы из Египта прибыли специально к Берке, именно ему были предназначены послание и подарки султана, иными словами, двор Берке был конечным пунктом маршрута послов, и именно поэтому после прочтения султанского послания их заставили перейти с левой стороны шатра на правую.

Все описанные ритуалы совершались в ханской орде. Орда была политическим, административным и сакральным центром, доминантой, организующей жизненное пространство кочевого мира. Не случайно папские послы включили это слово в свой обиходный словарь (наряду с двумя другими терминами: титулом *кан*, толкуя его как «император», и самой крупной войсковой единицей, обозначенной как *тумен*, тюрк. и монг. *tümen* «десять тысяч»). *Кан* (хан), *орда* и *тумен* — три термина, которые сразу же обрели свое место в донесениях средневековых европейских дипломатов.

Термин *орда* (*orda*) активно используется в донесениях францисканской миссии 1247 г. В разных контекстах *орда* означает «стойбище, ставку, шатер монгольского хана или членов его семьи» (ср. [Севортян, с. 470–472]). Так, например, в донесении брата Бене-

дикта сказано: *Staciones can et principum ordea Tartarice appellantur* «Стойбища кана и принцев называются по-тартарски *орды*» [де Бридиа, § 38]. Брат Иоанн пишет: *Vnde, cum essemus ante Ordam (sic enim stationes imperatoris apud eos et principium appellantur)* «Когда мы находились перед Ордой (так ведь называются у них стойбища императора и принцев)» [Иоанн де Плано Карпини I, 5]. По мнению Д.Синора, *орда* в данном случае означает дом — *domus* или шатер — *tentorium* [Sinor, 1970, с. 546]. Очевидно, что это лишь одно из значений слова *орда*, поскольку место, где находился хан, включало жилища его жен, а также свиты и гвардии, которая несла дневную и ночную охрану ханского шатра. Желтой Ордой (*sira orda*) брат Иоанн именует большой двор императора (I, 5; IX, 32). Подобным же образом характеризует «большую орду» южносунский дипломат Пэн Дая, говоря о шатрах императриц и стойбищах других подданных (см. ниже). В другом месте брат Иоанн пишет, что орда есть двор: *orda sive curia* [Иоанн де Плано Карпини IX, 25].

Проблема, однако, заключается в трактовке термина *stacio*, который в зависимости от контекста использовался францисканцами для обозначения жилища (юрты или шатра), стойбища либо походного лагеря кочевников. Латинскому термину *stacio* наиболее соответствует слово «становище» (перс. *угрук*), употребляемое Рашид ад-Дином, когда речь идет о сыновьях Чингис-хана [Рашид ад-Дин, т. I, ч. 2, с. 257]. С помощью термина *stacio* описывается определенным образом организованное пространство, внутри которого и располагалась орда. Вместе с тем брат Иоанн называет золотой шатер Гуюка, в котором происходила церемония коронации великого хана, «золотой ордой» (IX, 32: *orda aurea*). Наименование золотого шатра «золотой ордой» отражает реалии монгольского имперского быта [Serruys, с. 356–378]. Так, например, в 1224 г. Чингис-хан, возвращаясь из похода в Среднюю Азию и дойдя до пределов своих родовых владений, «повелел разбить большую золотую орду, устроить [многолюдное] собрание и сделать великое пиршество» [Рашид ад-Дин, т. I, кн. 2, с. 230]. В тексте букв. *урду-и заррин-и бузург* — Большая Золотая Ставка[1].

Орда всегда связана с фигурой хана, о чем, собственно, и сообщают францисканцы. Для того чтобы представить себе, как выглядела *орда*, т. е. «ставка» монгольского императора или «принца», уместно привести описание ставки Батыя из сочинения брата Вильгельма де Рубрука. В отличие от первой миссии странствие брата Вильгельма по этому же маршруту в 1255 г. и его донесение являются идеальным объектом для этнографического исследования. Брат Вильгельм не был

[1] Подробнее см. статью Т.И.Султанова в настоящем сборнике.

дипломатом и вел образ жизни странствующего проповедника. «Когда я увидел двор[2] Баату, то содрогнулся, потому что его собственные дома[3] выглядели как некий большой город, вытянутый в длину и окруженный со всех сторон людьми на целых три или четыре левки[4]. И так же, как народ Израиля знал, в какую сторону от шатра[5] должен был каждый ставить палатки[6], они знают, в какую сторону от двора они должны становиться, когда устанавливают дома. Поэтому они называют на своем языке двор [словом] *орда*, что означает середину, так как [хозяин двора] всегда находится в середине, [окруженный] своими людьми, за тем исключением, что точно на юг [от шатра] никто не становится, так как в эту сторону открыты ворота двора. Но направо и налево растягиваются настолько, насколько хотят, в соответствии с требованиями местности, только бы не расположиться точно перед двором или с противоположной стороны двора» [Sinica Franciscana XIX, 4]. Библейский текст, на который ссылается брат Вильгельм, — это Чис. 1, 50-54; 2, 1-31. Не случайно поэтому употребление здесь библейской лексики — *tabernaculum* и *tentoria* (в русском синодальном переводе Библии: *скиния* и *стан*).

Первая фраза процитированного фрагмента не сразу понятна; казалось бы, городом должна была выглядеть вся ставка в целом, а не только «собственные дома» Батыя. Разъяснение вносится другой цитатой из брата Вильгельма: «У Баату двадцать шесть жен, у каждой из которых один большой дом, не считая других, маленьких [домов], которые ставят сзади больших; они представляют собой как бы комнаты[7], в которых живут рабыни, причем к каждому из этих домов могут прилегать и двести парных повозок. А когда они устанавливают дома, первая жена устанавливает свой двор первым с запада, а затем другие — согласно их положению, так что последняя жена будет находиться на восточном конце, а расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться броску одного камня. Поэтому двор одного богатого моала будет выглядеть как некий большой город, [и] однако в нем будет чрезвычайно мало мужчин» [Sinica Franciscana II, 4]. Слово *curia* у брата Вильгельма соответствует монгольскому *ordu*. Что касается ошибочного перевода братом Вильгельмом монгольского слова *orda* как «середина», то П.Пельо предполагает, что наш автор перепутал монг. *ordu* «palais, campement central» и тюрк.

[2] *Двор — curia.*
[3] *Дома — domus.*
[4] Примерно 11,5–15,5 км.
[5] *Шатер — tabernaculum.*
[6] *Палатки — tentoria.*
[7] *Комнаты — camere.*

urta или *orta* «середина», что, по его мнению, является дополнительным доказательством тюркского языкового окружения брата Вильгельма [Pelliot, 1973, с. 106]. Круг как кочевое поселение и как способ построения войска кроме монголов отмечен у многих кочевников евразийских степей [Руденко, с. 16; Плетнева].

Южносунский дипломат Пэн Дая писал в 1233 г.: «Шатер правителя располагается один впереди всех, [входом] к югу, за ним — [шатры] его жен и наложниц, а за ними — [шатры] незаконных [членов] свиты и телохранителей, а также незаконных чиновников. Вообще место расположения охотничьего шатра татарского правителя всегда называется „волито". Что касается его золотого шатра (стойки [внутри] сделаны из золота, поэтому [шатер] называется золотым), то когда [вместе с ним] ставятся шатры всех незаконных императриц вместе со стойбищем [других подданных], только [это] называется „большой ордой"» [«Хэй-да ши-люе», с. 138]. *Волито* — китайская транскрипция монгольского *ordu* или *ordo*, термина, заимствованного монголами из древнетюркского. Значение его — «лагерь» или «дворец». *Ordu* в китайских источниках XIII в. имеет значение «походный шатер», «лагерь» и «дворец» [«Хэй-да ши-люе», с. 150, примеч. 54]. Автор описания путешествия даосского монаха Чань Чуня на Запад отметил, что в орде одной из жен Чингис-хана было более тысячи телег и юрт и что «орда по-нашему сказать — походный дворец» [«Си ю цзи», с. 291–292]. В современном монгольском языке *орд*, *ордон* — «дворец». В «Сокровенном сказании» слово *орда* отсутствует. Первое упоминание *ordu* в Центральной Азии встречается в орхонских надписях [Малов, с. 42]. Ее описание в китайских источниках впервые дается в «Ляо-ши». Назначение орды было связано с охраной императора. В компиляции китайского автора XIII в. Е Лун-ли сказано: «Когда император пребывал во дворце, охрана защищала, а когда выезжал, сопровождала его. После похорон императора она продолжала охранять его могилу»; «После усиления государства Ляо в нем была установлена еще более тщательная система защиты. В местах постоянного жительства императора существовала охрана дворцов, называемая *олудо* (орда), при выездах устраивались походные лагеря, называемые *найбо*, границы защищались племенами» [Е Лун-ли, с. 517].

Термином *орда* обозначалась кочевая ставка хана [Кычанов, 1997, с. 21–22]. Быт монгольской аристократии был связан с перекочевками ханских и улусных резиденций — орд. В Средней Азии XIV в. сохранять верность кочевому быту для каждого султана или эмира было делом обязательным. Сын Казагана был низложен после того, как сделал Самарканд своей резиденцией; внук Казагана Хусейн повторил судьбу отца, сделав резиденцией Балх, не послушав совета Тимура.

Только Тимуру удалось сделать своей столицей город Самарканд и остаться у власти [Бартольд, т. V, с. 173–174].

Персидские и арабские источники XIII — первой половины XIV в. знают только одно значение термина *орда*. Для них это кочевая ставка, кочевая резиденция каана, хана или улусного держателя. Рашид ад-Дин употребляет термин *орда* в значении «ставка». Орда для него — всегда политический государственный центр [Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, с. 197; т. I, ч. 2, с. 19, 89]. Рашид ад-Дин сообщает, что у Чингис-хана было четыре главные «орды» [Рашид ад-Дин, т. I, ч. 1, с. 98; т. I, ч. 2, с. 258, 266]. Арабские источники редко употребляют термин *орда*, например у Ибн Абд аз-Захира, ан-Нувейри, Рукн ад-Дина Бейбарса, у Ибн Баттуты *орда* упомянута как местный термин, незнакомый арабам [Тизенгаузен, т. I, с. 63, 108, 158, 289]. Ибн Баттута так описывает орду хана Узбека: «Подошла ставка, которую они называют урду... и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары, да дым от кухонь взвивается по воздуху... Мимо нас проехали жены султана, каждая из них со своими людьми отдельно... подъехал султан и расположился в своей ставке отдельно».

В таком же значении слово *орда* («ставка, дворец») встречается и в древнетюркских надписях [Мусабаев, с. 49], и в словаре «Codex Cumanicus» (1303 г.). Перевод *ordu* латинским словом *curia* означает, что составители словаря понимали термин *орда* как «двор хана». Характерно, что в персидской колонке словаря этому слову не нашлось другого эквивалента и там стоит то же слово *ordu* [Pelliot, 1949, с. 49].

Русским средневековым источникам также был известен термин *орда*, см., например, в «Житии князя Федора Смоленского»: «Начаша ходити русстии князи и болгаре в Орду ко царю отчин своих просити у царя на столованиа своа» [Великие Четьи-Минеи, сентябрь, дни 14–24]. В наиболее ранних летописных сводах название «Орда» впервые отмечено под 1257 г. [ПСРЛ, т. 1, с. 475; Егоров, с. 152–153]. В значении «ставка хана» термин *орда* употребляется в ханских ярлыках и их русских переводах в течение всего XIV века [Березин, с. 15; Радлов, с. 6]. Кочевые города назывались *орда-базар*; ср.: «И стоял царь Ивак 5 дней на ахматове орде и поиде прочь, а ордобазар с собою поведе в Тюмень, не грабя, а добра и скота и полону литовскаго бесчисленно поимал и за Волгу перевел» [Устюжский свод, с. 94].

Латинские источники XIII–XIV вв. называют *ордой* ставку хана и военный лагерь. На итальянских картах близ *Saray Grando* «Новый Сарай» показана *L'ordo de Saray*, т.е. «Присарайская орда» [Чекалин]. Венецианский дипломат и путешественник XV в. Иосафат Барбаро поясняет, что *орда* — это народ, находящийся под управлением хана, — «lordò zoè populo» [Иосафат Барбаро, с. 140, 168, примеч. 40].

Барбаро находит интересный образ для орды как «города на колесах»: «За исключением того, что их станы не окружены стенами, — они представляются [нам] огромнейшими и красивейшими городами»; «...лишь только правитель остановился, они сразу же раскидывают базары, оставляя широкие дороги... Тут же, немедленно после того как поставлены базары, они устраивают свои очаги, жарят и варят мясо и приготовляют свои кушанья из молока, масла, сыра. У них всегда бывает дичина, особенно же олени. В их войске есть ремесленники — ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла» [Иосафат Барбаро, с. 471–472]. Испанский посол Руи Гонсалес де Клавихо, прибывший ко двору Тимура в 1404 г., пишет, что словом *орда* «они называют стан» [Руи Гонсалес де Клавихо, с. 116]. Поражают порядок и четкая организация пространства внутри орды: «Когда были поставлены шатры сеньора, уже каждый знал, где должен ставить свои, от старшего до младшего каждый соблюдает свое место, и все делается по порядку и без шума. И не прошло трех или четырех дней, как были установлены вокруг царских шатров около двадцати тысяч [других], и каждый день стекались сюда люди со всех сторон. И вместе с этой его ордой всегда кочуют мясники и повара, торгующие жареным и вареным мясом, и другие люди, продающие ячмень и плоды, и пекари, [разжигающие] свои печи, замешивающие и продающие хлеб. Всевозможных умельцев и мастеров можно найти в его орде, и все распределены по определенным улицам... И таким образом каждый, кто приходил [в орду], уже знал свое место» [Руи Гонсалес де Клавихо, с. 114–115].

Австрийский дипломат XVI в. Сигизмунд Герберштейн пишет в «Записках о Московии»: «Татары разделяются на орды (hordae) [называют свою страну или царство ордой], первое место среди которых и славой и многочисленностью заняла Заволжская орда... *Орда* же на их языке значит „собрание“ или „множество“» [Герберштейн, с. 167]. Излагаемая Герберштейном этимология тюркского слова *орда* верна; в русском же языке оно означало сначала «шатер», «ставка хана», «центр улуса», а затем «центр всего государства» — улуса Джучи (ср. [Богатова, с. 70–77; Федоров-Давыдов, 1970, с. 75–86; Федоров-Давыдов, 1973, с. 63–65; Благова]). На карте Московии Антония Дженкинсона (1562 г.) к рисунку, отображающему религиозные обычаи киргизов, есть надпись: «Киргизский народ живет толпами, т.е. ордами» [Дженкинсон, с. 307]. Для английского посланника Джильса Флетчера, побывавшего в России в 1588 г., *орда* означает уже «вооруженный отряд». Флетчер пишет об организации войска у крымских татар: «Первые у них лица после их царя суть некоторые князья, называемые ими *мурзами* или *дивей-мурзами*, из коих каждый имеет в

своем распоряжении отдельный отряд, известный под именем *орды* и состоящий из 10, 20 или 40 тысяч человек» [Флетчер, с. 113–114].

Брат Бенедикт в какой-то мере владел русским языком и не допускал тех ошибок и пропусков при переводе и фиксации сведений, какие встречаются у брата Иоанна. Характерный пример: брат Иоанн ошибочно утверждает, что команы называют Бога *Кам*, вместо правильного варианта у брата Бенедикта — *Кодар* (*Codar*, точнее, *Codai* в тюркском языке является заимствованием из перс. *Khudā* «Бог»). Скорее всего брат Бенедикт как переводчик миссии имел больше «вторичной» информации. Благодаря его открытости и несомненным лингвистическим способностям сохранилось уникальное сообщение о битве при Калке. У нас нет оснований сомневаться в утверждении францисканца, что сведения получены им от участников этой битвы. Дело в том, что его собеседники кроме Калки знают название второй речки — Кониуззу. Помнить такую подробность мог только участник события, хорошо знавший эту местность. Скорее всего речь идет о половцах, поскольку в сообщении дается правильное объяснение тюрко-монгольского названия *coniuxzu* — «овечья вода». Подобное название для степной речки тривиально; для кочевника любой водный источник, около которого он пасет своих овец, является «овечьей водой» (ср. [Навширванов, с. 88–89]). Другие имена этого параграфа также имеют тюркскую огласовку (Тоссук-кан; Куспкас, т.е. Комания).

Считается, что битва на Калке произошла 31 мая 1223 г. С момента события до его фиксации в донесении брата Бенедикта прошло примерно двадцать три года. Выглядит сообщение следующим образом: «А команы, объединившись со всеми русскими [князьями], бились с тартарами между двумя ручейками — название одного из них Калк, а другого Кониуззу (*Coniuxzu*), то есть „вода овец", ведь *кони* потартарски означает на латыни *oves* (овцы), а *уззу* — *aqua* (вода), и они были разгромлены тартарами. Крови с обеих сторон было пролито до самых конских уздечек, как передавали те, кто участвовал в сражении» [де Бридиа, § 20]. Д.Синор разделяет мнение Дж.Пейнтера, первого издателя этого текста, что *uzzu* отражает общемонгольское *usu(n)* «вода», а тюркское *qoy* означает «овца» [Sinor, 1970, с. 550–551]. Ср.: монг. *qoni* «овца»; ср. xön < xoin < xoyin < xonin в современных ойратских диалектах [Санжеев, с. 79; Щербак, с. 110, 113]; в «Сокровенном сказании» (§ 222) упоминается «овечий пастух Дегай» — Degei qonici. Выражение «крови с обеих сторон было пролито до самых конских уздечек» следует сопоставить с формулой, отмеченной А.С.Орловым в древнерусских воинских повестях: «Кровь лилась по удолиям, как река, и обагрила оружие» [Орлов, с. 21–22]. Большинство исследователей летописной статьи 1224 г. о битве при Калке в Ипатьевской ле-

тописи согласны с двумя обстоятельствами: первоначальная запись рассказа была сделана очевидцем, сама же статья имела в дальнейшем сложную литературную историю [Романов, с. 79–103].

Река Калка в русском известии является важным ориентиром для рассказчика. В данном случае нас интересует один частный вопрос: в каких еще источниках сохранилось название этой реки? В сочинении Ибн ал-Асира (ум. в 1233 г.) подробно описывается поход русских и кипчаков против монголов в глубь кипчакских степей на 12 дней пути и битва, длившаяся несколько дней, но о местности, где происходило столкновение, ничего не сообщается [Тизенгаузен, с. 27]. В «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского также говорится о первом столкновении половцев и русских с монголами, однако никаких упоминаний о месте битвы нет [Генрих Латвийский XXVI, 1; ср.: Куник, с. 317–330]. Сведения о битве при Калке отразились в ряде западноевропейских хроник, но без указания географии похода [Caesarius von Heisterbach X, 47; Ryccardus de S.Germano, с. 209 и сл.; анализ этих источников см.: Sinor, 1956, с. 40].

Преследуемый монгольским разведывательным отрядом под командованием Субутая и Джебе половецкий хан Котян обратился за помощью к русским через своего зятя, галицкого князя Мстислава Мстиславича. Объединенные русские и половецкие полки встретились с монголами у Днепра. Затем двенадцать дней следовали за ложно отступающим противником в глубь причерноморских степей.

В изложении Рашид ад-Дина этот поход выглядел так: монголы «напали на страну урусов (Русь) и на находящихся там кипчаков. К этому времени те уже заручились помощью и собрали многочисленное войско. Когда монголы увидели их превосходство, они стали отступать. Кипчаки и урусы, полагая, что они отступили в страхе, преследовали монголов на расстоянии двенадцати дней пути. Внезапно монгольское войско обернулось назад и ударило по ним и прежде, чем они собрались вместе, успело перебить [множество] народу. Они сражались в течение одной недели, в конце концов кипчаки и урусы обратились в бегство. Монголы пустились их преследовать и разрушали города, пока не обезлюдили большинство их местностей» [Рашид ад-Дин, т. I, кн. 2, с. 299].

Ср. с сообщением Галицко-Волынской летописи о битве на реке Калке: «Дошла до стана весть, что пришли татары посмотреть на русские ладьи; услышав об этом, Даниил Романович погнался, вскочив на коня, посмотреть на невиданную рать; и бывшие с ним конники и многие другие князья поскакали посмотреть на нее. Татары ушли... Все князья, Мстислав, и другой Мстислав, Черниговский, перешли через реку Днепр, к ним перешли и другие князья, и все они пошли в половецкую

степь. Они перешли Днепр во вторник, и встретили татары русские полки. Русские стрелки победили их, и гнали далеко в степь, избивая, и захватили их скот, и со стадами ушли, так что все воины обогатились скотом. Оттуда они шли восемь дней до реки Калки. Встретили их татарские сторожевые отряды... Татары отъехали; около самой реки Калки встретились татары с русскими и половецкими полками... Когда татары обратились в бегство, Даниил избивал их со своим полком, и Олег Курский крепко бился с ними, но новые полки сразились с нами. За грехи наши побеждены были русские полки» [ПЛДР, с. 259–261].

В жизнеописании Субутая в династийной китайской хронике «Юаньши» (цз. 121) представлено не только описание битвы при Калке, но и названия двух рек: «...когда достиг земель кипчаков, то сошелся с их предводителями Юйлицзи и Татахаром. Войска кипчаков были сосредоточены у реки Буцзу. [Субутай] бросил свои войска в атаку, их (кипчаков) войско рассеялось и бежало. Стрелой был поражен сын Юйлицзи, он бежал и укрылся в лесу. Его раб пришел и донес об его местонахождении, и его схватили. Оставшееся войско и народ сдались. После этого захватили их территорию. После этого дошли до реки Алицзи (Калки) и сошлись со старшими и младшими русскими Мичисылаво (Мстиславовичами). С первого боя покорили их. Разбили асов и возвратились» [Кычанов, 1999, с. 161].

Очевидно, единственным ориентиром при описании военных действий в причерноморских степях могли быть только реки, что и подтверждают два известия, одно из которых сохранилось в донесении брата Бенедикта, другое — в «Истории династии Юань». Ни в одном из средневековых западных и восточных источников о битве при Калке, кроме донесения брата Бенедикта, не сообщается о такой подробности, как название второй реки.

Бартольд — *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1968. Т. V.

Березин — *Березин И.Н.* Ханские ярлыки. Казань, 1851. Вып. II.

Благова — *Благова Г.Ф.* Опыт ареального изучения тюркизмов (орду/орда, сарай, кошк/киоск в тюркских языках, в русском, украинском) // Советская тюркология. М., 1975. № 4.

Богатова — *Богатова Г.А.* Золотая Орда // Русская речь. 1970. № 4.

де Бридиа — Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi. Ed. et annot. A.Önnerfors. B., 1967.

Великие Четьи-Минеи — Великие Четьи-Минеи. СПб., 1869.

Генрих Латвийский — *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. Изд. С.А.Аннинский. М.; Л., 1938.

Герберштейн — *Герберштейн С.* Записки о Московии. Пер. с нем. А.И.Малеина и А.В.Назаренко. Вступит. ст. А.Л.Хорошкевич. Под ред. В.Л.Янина. М., 1988.

Дженкинсон — Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. с англ. Ю.В.Готье. М., 1937.

Егоров — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Е Лун-ли — *Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введ., коммент. и прил. В.С.Таскина. М., 1979.

Иоанн де Плано Карпини — *Giovanni di Pian di Carpine.* Storia dei Mongoli. Ed. critica del testo latino a cura di E. Menestò; trad. italiana a cura di M.C.Lungarotti e note di P.Daffinà; introduzione di L.Petech; studi storico-filologici di C.Leonardi, M.C.Lungarotti, E.Menestò. Spoleto, 1989.

Иосафат Барбаро — Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Вступит. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч.Скржинской. Л., 1971.

Котрелев — *Котрелев Н.В.* Восток в записках европейского путешественника («Миллион») // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.

Куник — *Куник А.А.* Выписки из Генриха Латышского о русских событиях 1221–1223 годов // Уч. зап. Имп. Академии наук по I и III отделениям. СПб., 1853. Т. II. Вып. 2.

Кычанов, 1997 — *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Кычанов, 1999 — *Кычанов Е.И.* Сведения «Юань-ши» о завоевании Руси монголами // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1999. Вып. XVIII.

Малов — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951.

Марко Поло — Книга Марко Поло. Пер. старофр. текста И.П.Минаева; ред. и вступит. ст. И.П.Магидовича. М., 1956.

Матузова — *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.

Мусабаев — *Мусабаев Г.Г.* Некоторые сведения из жизни Махмуда Кашгарского // Исследования по тюркологии. А.-А., 1969.

Навширванов — *Навширванов З.Ш.* Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывающих на юге Руси и в Крыму // Известия Таврического об-ва истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Т. III (60).

Насави — *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Изд. критич. текста, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указ. З.М.Буниятова. М., 1996 (Памятники письменности Востока. CVII).

Орлов — *Орлов А.С.* Об особенностях формы русских повестей. М., 1902.

Плетнева — *Плетнева С.А.* Построение кочевнического лагеря — вежи // Советская археология. 1964. № 3.

Путешествия — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Ред., вступит. ст. и примеч. Н.П.Шастиной. М., 1957.

Радлов — *Радлов В.В.* Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // ЗВОРАО. 1889. Т. III. Вып. 1–2.

Рашид ад-Дин, т. I — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. Пер. с перс. Л.А.Хетагурова, ред. и примеч. А.А.Семенова; Т. I. Кн. 2. Пер. с перс. О.И.Смирновой, примеч. Б.И.Панкратова и О.И.Смирновой. Ред. А.А.Семенова. М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин, т. II — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Пер. с перс. Ю.П.Верховского, примеч. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова, ред. И.П.Петрушевского. М.; Л., 1960. Т. II.

Романов — *Романов В.К.* Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980. М., 1980.

Руденко — *Руденко С.И.* Очерк быта казахов бассейна рек Уила и Сагыза // Казахи: Антропологические очерки. Л., 1927. Т. 1.

Руи Гонсалес де Клавихо — *Руи Гонсалес де Клавихо*. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). Пер. со староиспанск., предисл. и коммент. И.С.Мироковой. М., 1990.

Санжеев — *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. Т. 1.

Севортян — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

«Си ю цзи» — *Палладий* [*Кафаров П.И.*]. Си ю цзи, или Описание путешествия на Запад // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1866. Т. IV.

Сокровенное сказание — *Козин С.А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.

Тизенгаузен — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских, собранные В.Г.Тизенгаузеном. СПб., 1884.

Устюжский свод — Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950.

Федоров-Давыдов, 1970 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевая орда в улусе Джучи // Вестник МГУ. 1970. Сер. 9: История. № 5.

Федоров-Давыдов, 1973 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Флетчер — *Флетчер Дж.* О государстве Русском. 1591 г. Под ред. князя Н.В.Голицына. СПб., 1911.

«Хэй-да ши-люе» — «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй-Тина. Публ. и коммент. Линь Кюн-и и Н.Ц.Мункуева // Проблемы востоковедения. М., 1960. № 5.

Чекалин — *Чекалин Ф.Ф.* Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра-Мауро // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1890. Т. II. Вып. 2.

Щербак — *Щербак А.М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Юрченко, 1998 — *Юрченко А.Г.* Чингис-хан в стране «шумящего солнца» // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1998. Вып. 12.

Юрченко, 2000 — *Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи: время праздников // Altaica. IV. М., 2000.

Юрченко, 2001 — *Юрченко А.Г.* Монгольская мужская прическа XIII века // Mongolica. VI. 2001 (в печати).

Caesarius von Heisterbach — *Caesarius von Heisterbach.* Dialogus miraculorum. Ed. J.Strange. Köln, 1851. II.

Guéret-Laferté — *Guéret-Laferté M.* Sur les routes de l'Empire Mongol. Ordre et rhétorique des relations de voyage aux XIIIe et XIVe siècles. P., 1994.

Painter — The Vinland Map and the Tartar Relation. Ed. by R.A.Skelton, Th.E.Marston, and G.D.Painter, foreword by A.O.Vietor. New Haven; London, 1965.

Pelliot, 1923 — *Pelliot P.* La lettre du Grand Khan Güyük à Innocent IV // Revue de l'Orient Chrétien. 3e série. Vol. XXIII. P., 1922–1923.

Pelliot, 1949 — *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. P., 1949.

Pelliot, 1973 — *Pelliot P.* Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient. Opera postuma pubblicata a cura di J. Dauvillier e L.Hambis. P., 1973.

Rachewiltz — *de Rachewiltz I.* Prester John and Europe's Discovery of East Asia // East Asian History. № 11. June 1996.

Ryccardus de S.Germano — *Ryccardus de S.Germano.* Chronica zu 1223. Ed. C.A.Garufi. Bologna, 1936–1938 (L.A.Muratori. Rerum Italicarum Scriptores. 2. Aufl., Bd. VII, 2).

Salimbene de Adam — Chronica Fratris Salimbene de Adam. Ed. O.Holder-Egger // Monumenta Germaniae Historica, Scriptores. Hannover; Leipzig, 1905–1913. T. XXXII, pars 1, c. 209.

Serruys — *Serruys H.* Mongol *Altan* 'Gold' = 'Imperial' // Monumenta Serica. XXI. 1962.

Simon de Saint-Quentin — *Simon de Saint-Quentin.* Histoire des Tartares. Publiée par J. Richard. P., 1965. (Documents relatifs a l'historie des croisades publiés par l'Accadémie des Inscriptions et Belles-Lettres, VIII).

Sinica Franciscana — Sinica Franciscana. Vol. I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M.Quaracchi-Firenze, 1929.

Sinor, 1956 — *Sinor D.* Les relations entre les Mongols et l'Europe jusqu'à la mort d'Arghoun et de Béla IV // Cahiers d'historie mondiale. III. 1956. 1.

Sinor, 1970 — *Sinor D.* Mongol and Turkic Words in the Latin Versions of John of Plano Carpini's *Journey to the Mongols* (1245–1247) // Mongolian Studies edited by Louis Ligeti. Budapest, 1970.

Vincencius Bellovacensis — *Vincencius Bellovacensis.* Speculum maius. Vol. 4: Speculum Historiale. Straßburg, 1473 (Neudruck Graz, 1965).

Yourtchenko — *Yourtchenko A.* Ein asiatisches Bilderrätsel für die westliche Geschichtsschreibung: Ein unbekanntes Werk aus dem 13. Jahrhundert (Der "Tschingis Khan-Roman") // Zentralasiatische Studien. Bonn, 1998. Bd. 28.

ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества. СПб.

ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1; М., 1962. Т. 2.

SDŚ — Spotkanie dwóch światów: Stolica apostolska a świat mongolski w połowie XIII wieku: Relacje powstałe w związku z misją Jana di Piano Carpiniego do Mongołów. Pod red. J. Strzelczyka. Poznań, 1993.

А.А.ГОРСКИЙ
(Москва)

Ногай и Русь

В последние два десятилетия XIII в. в западной части Золотой Орды существовало фактически независимое политическое образование, во главе которого стоял Ногай — внучатый племянник Батыя. Ногай пользовался огромным влиянием в Юго-Восточной Европе и сопредельных регионах — в зависимости от него временами были правители Болгарии и Сербии, с ним считались в Византии, Венгрии, Иране, Египте.

Отношения Ногая с русскими княжествами, находившимися в зависимости от Орды, изучены пока недостаточно. В двух работах, специально посвященных Ногаю — архим. Леонида и Н.И.Веселовского, — только пересказываются известия летописей о контактах с ним русских князей [Леонид, архим., с. 37–41; Веселовский, 1922, с. 23–24, 27–28, 31–32, 34–37]. Влияние Ногая на междукняжеские отношения в Северо-Восточной Руси было проанализировано А.Н.Насоновым. Он выявил связь происходившей здесь в 80–90-е годы XIII в. междоусобной борьбы русских князей с фактическим расколом Орды на две части (по терминологии автора — Волжскую Орду и Орду Ногая). А.Н.Насонов выдвинул также предположение, что именно во владениях князей, ориентировавшихся на Ногая, совершился переход от взимания дани ордынскими чиновниками к ее сбору самими русскими князьями — порядок, позже распространившийся на всю Северо-Восточную Русь [Насонов, 1940, с. 69–80]. Отношения Ногая с князьями юго-востока Черниговской земли были проанализированы В.А.Кучкиным при изучении так называемой «Повести о баскаке Ахмате», дошедшей до нас в составе летописей Северо-Восточной Руси [Кучкин, 1996]. Политика Ногая в других русских землях (даже Галицко-Волынской, в летописании которой он упоминается чаще всего) специально не изучалась.

Ногай был внуком седьмого сына Джучи — Бувала (вариант: Мовала) (см. [Тизенгаузен, т. II, с. 41; Рашид ад-Дин, т. 2, с. 75]). Матерью

© А.А.Горский, 2002

Бувала была одна из наложниц Джучи; Н.И.Веселовский полагал, что именно по этой причине Ногай не мог занять золотоордынский престол [Веселовский, 1922, с. 3]. Но такое допущение выглядит необязательным: достаточно было и того, что Ногай принадлежал к младшей линии Джучидов, ведь за период от смерти брата Батыя, Берке (1266 г.), до усобицы в Орде второй половины XIV в. трон занимали только потомки Батыя (ср. [Трепавлов, с. 89–90]). Выдвинулся Ногай в начале 60-х годов, когда проявил себя искусным военачальником в боях с войсками монгольского правителя Ирана Хулагу [Веселовский, 1922, с. 3–19]. С тех же, 60-х годов XIII в. Ногай стал управлять землями улуса Джучи, расположенными западнее Днепра. Ядром его владений было Нижнее Подунавье и Поднестровье, а ставка располагалась в районе г. Исакчи в низовьях Дуная [Егоров, с. 33–34, 200] (кроме того, у Ногая были владения на Яике [Тизенгаузен, т. I, с. 117]). Кочевое население этих территорий считалось, в соответствии с монгольской традицией дуального военно-территориального деления, «правым крылом» Орды, и Ногай являлся его предводителем [Федоров-Давыдов, с. 58–60].

Первое известие о контактах Ногая с русскими князьями относится к 1277 г. и касается Галицко-Волынской Руси, чья территория непосредственно граничила с его улусом. Согласно Галицко-Волынской летописи, тогда «присла оканьныи безаконьныи Ногаи послы своя с грамотами Тегичага, Коутлоубоугоу и Ешимоута ко Львови, и Мьстиславоу, и Володимѣрю (галицкому князю Льву Даниловичу, луцкому — Мстиславу Даниловичу и владимиро-волынскому — Владимиру Васильковичу. — *А.Г.*), тако река: „Всегда мь жалоуете на Литвоу. Осе же вы далъ есмь рать, и воеводоу с ними Мамъшѣя, поидете же с ним на вороги своѣ“». После этого был осуществлен поход на литовские владения в районе Новогрудка, в ходе которого русские и золотоордынские войска действовали раздельно [ПСРЛ, т. 2, стб. 876–878]; о хронологии см. [Грушевський, 1901, с. 49][1].

Зимой 1279/80 г. Лев Данилович «еха к Ногаеви, оканьномоу, проклятомоу, помочи собѣ прося у него на ляхы. Онъ же да ему помочь оканьного Кончака, и Козѣя, и Кубатана». Кроме Льва и его сына Юрия в поход на Польшу отправились Мстислав Данилович с сыном и Владимир Василькович («поидоша неволею татарьскою», отметил летописец). Поход не был удачным — повоевав возле Сандомира,

[1] В Густынской летописи XVII в. под 1259 г. Ногай упоминается как второй после Бурундая предводитель ордынского (с участием русских князей) похода на Польшу [Густынская летопись, с. 342]. Однако участие Ногая в этих событиях — домысел позднего автора [Веселовский, 1922, с. 24–26].

русские войска и татары[2] ушли, понеся серьезные потери [ПСРЛ, т. 2, стб. 881–882]. Не исключено, что первый из воевод, посланных Ногаем, — Кончак — может быть Кунчаком, одним из племянников хана Менгу-Тимура [Літопис, с. 432, примеч. 2]. Менее вероятны предположения о тождестве Козея с Газаном, правнуком Орды (старшего брата Батыя), а Кубатана — с Кудуканом, сыном Менгу-Тимура [Літопис, с. 432, примеч. 2]; в этих случаях придется предположить слишком сильные искажения имен. Вновь налицо тесные связи Ногая с галицко-волынскими князьями, причем если Лев был инициатором войны, то Мстислав и Владимир двинулись в поход по воле Ногая — очевидно, что последний, как глава «правого крыла» Орды, имел определенные властные прерогативы в отношении князей Юго-Западной Руси. Владимиро-волынский летописец, перу которого принадлежит текст, наделяет Ногая, как и в рассказе о событиях 1277 г., негативными характеристиками и с нескрываемым злорадством говорит о гибели воинов Льва и татар: «Богъ учини над нимъ (Львом. — *А.Г.*) волю свою, убиша бо ляховѣ от полку его многы бояры и слуги добрыѣ, и татаръ часть убиша. И тако возвратися Левъ назадъ с великымъ бещестьем» [ПСРЛ, т. 2, стб. 882].

В 1281 г., после смерти хана Менгу-Тимура (троюродного брата Ногая), на престол вступил его брат Туда-Менгу [Тизенгаузен, т. I, с. 104]. И зимой 1281/82 г. по его повелению был совершен поход в Северо-Восточную Русь. Младший брат великого князя владимирского и князя переяславского Дмитрия Александровича, городецкий князь Андрей Александрович, отправился в Орду и привел оттуда войско против Дмитрия. Целью похода являлся Переяславль. К татарам, возглавляемым Ковадыем и Алчедаем, присоединились князья Федор Ростиславич Ярославский, Михаил Иванович Стародубский и Константин Борисович Ростовский. Были опустошены Муром, окрестности Владимира, Юрьева, Суздаля, Переяславля, Ростова и Твери. Дмитрий Александрович покинул Переяславль, и 19 декабря город был взят; великий князь бежал в Псков. Андрей Александрович, отпустив татар в Орду, приехал в феврале 1282 г. в Новгород, где был посажен на новгородский стол [Приселков, с. 339; ПСРЛ, т. 18, с. 78 — под 6789 г.; НІЛ, с. 324 — под 6790 г. ультрамартовским; т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 244 — под 6789–6790 гг.; т. 5, с. 199 — под 6789–6790 гг.; т. 1, стб. 525; Горский, 2000, с. 13–14, 17]. К нему, таким образом, переходили прерогативы великого князя владимирского, т.е. верховного правителя княжеств Северо-Восточной Руси, чей сюзеренитет признавал Новгород Великий.

[2] В употреблении этнонима «татары» автор следует терминологии русских и западных средневековых источников.

Но вскоре Андрей уезжает из Новгорода во Владимир, а оттуда отправляется в свой удельный Городец и затем в Орду; Дмитрий Александрович сумел собственными силами восстановить свои великокняжеские права [НІЛ, с. 325; Горский, 1996а, с. 74–75; Горский, 2000, с. 14–15]. Андрею в Орде была дана новая рать — на сей раз под командованием Туратемира и Алыня [Приселков, с. 339; ПСРЛ, т. 18, с. 78 — под 6790 г.; т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 245 — под 6790 г.; т. 5, с. 199 — под 6790 г.]. В условиях второго вторжения Дмитрий Александрович «съ своею дружиною отъѣха в Орду к царю татарскому Ногою» [ПСРЛ, т. 18, с. 78; ср.: т. 1, ч. 1, вып. 1, с. 245; т. 5, с. 200].

В следующем, 1283 г. Дмитрий вернулся на Русь. Андрей, несмотря на поддержку его новгородцами, вынужден был уступить великое княжение («съступися брату своему»). Боярин Семен Тонильевич, один из зачинщиков и руководителей обоих походов против Дмитрия, был убит по его приказу в Костроме. В самом конце года «приде Дмитрии князь с братомъ своимъ Андрѣемъ, ратью к Новугороду и с татары и со всею Низовьскою землею, и много зла учиниша, волости пожгоша... и створиша миръ; и сѣде Дмитрии в Новѣгородѣ на столѣ своемъ» [НІЛ, с. 325–326 — под 6792 г. ультрамартовским; Приселков, с. 340; ПСРЛ, т. 18, с. 79]. Из этого сообщения прямо следует, что Дмитрий вернулся от Ногая с ордынским отрядом, присутствие которого и вынудило Андрея отказаться от борьбы с братом и даже демонстрировать показное единство с ним, выступив против сочувствующего Андрею Новгорода.

Итак, в 1282–1283 гг. произошли события, немыслимые в правление Менгу-Тимура: сильнейший князь Владимиро-Суздальской земли отправился за помощью против занявшего его место по воле Орды брата не ко двору сарайского хана, а к главе одного из улусов, входивших в Орду; он получил требуемую поддержку, а его соперник вынужден был подчиниться.

Очевидно, что с воцарением Туда-Менгу Ногай стал еще более самостоятельной политической фигурой. Новый хан Орды не интересовался государственными делами: по свидетельству Рукн ад-Дина Бейбарса, Туда-Менгу «привязался к шейхам и факирам, посещал богомолов и благочестивцев, довольствуясь малым после большего» [Тизенгаузен, т. I, с. 105]. По-видимому, поддержка того или иного князя зависела от влияния на хана разных группировок ордынской знати. Одна из таких группировок сделала ставку на Андрея Александровича. Ногай, напротив, решил поддержать Дмитрия и скорее всего за длительное (около года) время пребывания последнего в степях сумел добиться от Туда-Менгу подтверждения ярлыка на великое княжение, выданного Дмитрию Менгу-Тимуром (по которому он княжил во Вла-

димире с 1277 г.). Полагать, что Ногай выдал собственный ярлык, оснований нет: это означало бы открытую узурпацию ханских прерогатив и должно было привести к конфронтации с Сараем; между тем такая конфронтация, как увидим далее, началась позже и имела иные причины.

Можно полагать, что помимо силы и авторитета Ногая и его желания иметь на Руси свою сферу влияния имелась и другая причина, по которой Дмитрий Александрович и Ногай оказались взаимно заинтересованы друг в друге. По пути на юг во владения Ногая Дмитрий должен был скорее всего проезжать через Киев. Судьба киевского стола во второй половине XIII в. остается неясной. Согласно известию Лаврентьевской летописи, в 1249 г. Киев был пожалован в Каракоруме Александру Невскому [ПСРЛ, т. 1, стб. 472]. В Густынской летописи киевским князем называется брат и преемник Александра на владимирском великом княжении (1263–1271) Ярослав Ярославич [Густынская летопись, с. 344]. Но этот источник слишком поздний (XVII в.), чтобы можно было доверять его сообщению. Следующее и несомненно достоверное летописное известие о князе в Киеве относится только к 1331 г. [НІЛ, с. 343–344; ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 263–265; т. 5, с. 219]. На основе сведений Любецкого синодика можно предположить, что за некоторое время до этого в Киеве стали княжить представители путивльской ветви черниговского княжеского дома [Зотов, с. 115–118].

Что касается последней трети XIII столетия, то высказывалось предположение, что тогда в Киеве вообще не было князей [Грушевський, 1905, с. 167–171]. Это представляется сомнительным, так как Киев, хотя и перестал быть столицей всей Руси, сохранял значение важного экономического и культурного центра (ср. [Ивакин]); во второй половине XIV — XV в., после его включения в состав Великого княжества Литовского, здесь постоянно существовал княжеский стол, занимаемый видными представителями династии Гедиминовичей. Полагаю вероятным, что после смерти Александра Невского киевское княжение продолжало считаться принадлежностью великих князей владимирских. Если Дмитрий Александрович являлся киевским князем, то его поездка в кочевья Ногая (отстоявшие от Северо-Восточной Руси на гораздо большее расстояние, чем Сарай) не выглядит авантюрой: владения временщика располагались по соседству с Киевским княжеством. Ногай, став сюзереном Дмитрия, приобретал, возможно, влияние не только на владимирское, но и на киевское княжение.

Зимой 1284/85 г. Ногай отправился в поход на Венгрию. Вместе с ним шли войска Телебуги (Тула-Буги) — племянника хана Туда-Менгу: «...пришедшу оканьномоу и безаконьномоу Ногаеви и Телебоузѣ с

нимь на Оугры в силѣ тяжцѣ во бещисленомъ множьстве. Вѣлѣша же с собою поити роускимъ княземь: Лвови, Мьстиславоу, Володимѣроу, Юрьи Львовичь». Все галицко-волынские князья подчинились, кроме Владимира Васильковича, отговорившегося болезнью ноги. Воспользовавшись отсутствием Льва Даниловича, мазовецкий князь Болеслав повоевал его владения. В связи с этим «Левъ отпоущенъ бысть, вшед в Оугорьскоую землю». Далее Галицко-Волынская летопись повествует об ответных действиях Льва и Владимира против Болеслава, а затем возвращается к рассказу о венгерском походе: «Бысть идоущоу оканьномоу и безаконьномоу Ногаеви и Телебоузѣ с нимь, воевавшима землю Оугорьскоую: Ногаи поиде на Брашевъ, а Телебоуга поиде поперекъ гору, што бяшеть переити треими деньми, и ходи по 30 днии, блудя в горахъ, водимъ гнѣвомъ Божиимъ. И бысть в них голодъ великъ, и начаша людие ѣсти, потом же начаша и сами измирати, и оумре ихъ бещисленое множьство. Самовидчи же тако реша: оумерших бысть сто тысячь. Оканьныи же и безаконьныи Телебоуга выиде пѣшь со своею женою, об однои кобыле, посрамленъ от Бога» [ПСРЛ, т. 2, стб. 888–891]; о дате см. [Грушевський, 1901, с. 52].

В историографии последний фрагмент традиционно рассматривается как повествование о движении ордынских войск через Карпаты в Венгрию [Пашуто, с. 297; Вернадский, с. 187; Егоров, с. 191]. В этом случае следует предположить, что Ногай шел от своего главного юрта, с низовьев Дуная (так как именно оттуда, перейдя через Карпаты, можно выйти к Брашову, расположенному на юго-востоке Трансильвании), а Телебуга, переходивший горы где-то севернее, до Венгрии так и не дошел. Но тогда неясно, кто «отпустил» Льва: из текста следует, что галицкий князь находился в этот момент уже в Венгрии («вшед в Оугорьскую землю»). Допущение, что он со своими отрядами сначала отправился к устью Дуная и вошел на венгерскую территорию с юго-востока вместе с Ногаем, выглядело бы натяжкой. Между тем фразу «Бысть идуоущоу оканьномоу и безаконьномоу Ногаеви и Телебоузѣ с нимъ, воевавшима (т.е. повоевавшие) землю Оугорьскоую» гораздо вероятнее трактовать как вводную к рассказу об обратном пути татар из Венгрии. Сопоставление со сведениями иностранных источников о походе 1285 г. не оставляет сомнений, что так оно и есть (без развернутой аргументации сведения Галицко-Волынской летописи о движении Ногая на Брашов и о злоключениях Телебуги как относящиеся к обратному пути ордынцев из Венгрии расценили П.Ямбор [Iambor, с. 219] и П.Ф.Параска [Параска, с. 46]).

Согласно венгерским и немецким хроникам, к организации похода приложили руку половцы, бежавшие из Венгрии после поражения, нанесенного им королем Ладиславом (Ласло) IV в 1282 г. Ордынские

отряды пребывали на венгерской территории с января по март. Они причинили стране жестокое разорение вплоть до Пешта, но встретили упорное (особенно в Трансильвании) сопротивление: венгры, а также население Трансильвании — секеи и саксы (немцы), опираясь на систему крепостей, наносили противнику чувствительные локальные удары (о них упоминает серия грамот венгерских королей Ладислава IV и Андрея III). В результате огромное множество татар погибло, причем пострадали они и от стихии — обильных снегов и дождей [SRH, т. I, с. 213, 472; т. II, с. 44; Catalogus, с. 277, 474, 514, 591, 787; Fejer, т. V, 3, с. 282, 394–396, 399, 452–454; т. VI, 2, с. 151; Documente, с. 462, 502, 504, 520–522].

Картину довершает рассказ египетского хрониста Рукн ад-Дина Бейбарса: «Тулабуга... снарядился в поход и отправился с войсками своими в землю Краковскую (Крулевскую?) для опустошения ее и войны с жителями ее. Он послал (также) к Ногаю, приказал ему двинуться с находящимися у него войсками, чтобы сообща напасть на землю Краковскую. Ногай отправился с теми десятками тысяч, которые были у него. Сошлись они оба в предположенном месте, разлили повсюду опустошение, грабили что хотели, убивали кого хотели и (затем) вернулись. Между тем уже настала зима, выпало множество снега и стали затруднительны пути. Ногай с бывшими при нем (войсками) отделился от него (Тулабуги), отправился в свои зимовья и невредимо добрался (до них) со всеми своими. Тулабуга же пошел по бесприютным пустыням и непроходимым степям[3] и сбился с главной дороги. Его (самого) и войско его постигли чрезвычайное затруднение и бедствие; большая часть их погибла от сильной стужи и недостатка сил. Уцелели лишь немногие из них. Это крайне огорчило Тулабугу, и он заподозрил Ногая в том, что все это случилось по его козням и интригам, из-за того, чтобы погубить войско его и извести род его. В него закралась вражда и вселилась злоба за то, что его и войско его постигла сильнейшая беда, которая довела их до того, что они ели мясо животных, служивших им для верховой езды, и собак, которых они взяли с собой, да мясо тех из них, которые умирали от голода» [Тизенгаузен, т. I, с. 106].

В этом описании смешаны два похода Ногая и Телебуги — на Венгрию 1285 г. и на Польшу 1287 г. (см. [Веселовский, 1922, с. 32–33]). Но, кроме даты (686 год хиджры — с 16.II.1287 по 5.II.1288 г.), указания на Телебугу как инициатора похода и наименования госу-

[3] Н.И.Веселовский отметил, что арабский термин, переведенный В.Г.Тизенгаузеном как «степи», скорее обозначает неровности почвы и может относиться к горам, что в данном случае вернее, так как в степи кочевники заблудиться не могут [Веселовский, 1922, с. 33, примеч. 2].

дарства-жертвы «землей Краковской», все реалии явно относятся к венгерскому походу: в походе на Польшу Ногай и Телебуга с самого начала действовали раздельно; Телебуга вернулся благополучно, не блуждал, на обратном пути еще поживился за счет грабежа русской территории (см. ниже). Свидетельство о голоде, доведшем до поедания тел своих умерших, совпадает с указанием Галицко-Волынской летописи, о снегах — с данными хроники Леобенского Анонима [Catalogus, с. 277].

Сопоставление сведений русского, западных и восточного источников о событиях начала 1285 г. позволяет восстановить их ход следующим образом. Ногай, побуждаемый бежавшими в его улус из Венгрии половцами, принял решение совершить масштабное вторжение в эту страну. Собственных его сил, видимо, оказалось недостаточно, и были привлечены войска во главе со вторым после хана в Орде человеком — Телебугой. Согласно Галицко-Волынской летописи, в поход отправился Ногай и Телебуга «с ним»; о польском походе, где инициатива принадлежала Телебуге, говорится совсем иначе: «Хотящоу поити оканьномоу и безаконьномоу Телебоузѣ на ляхы» [ПСРЛ, т. 2. стб. 891–892]. Оба войска совместно вышли к венгерской границе через Галицкую Русь (где к ним присоединились отряды русских князей), т.е. атаковали Венгерское королевство с северо-востока. Венгры применили тактику локальных ударов с опорой на крепости; татары повоевали Потисье и левобережье Дуная (до Пешта), но переходить на его правый берег не решились. Они двинулись на восток, рассчитывая поживиться в Трансильвании, но здесь столкнулись с еще более серьезным сопротивлением. Тогда Ногай отделился от Телебуги, увел свои войска на Брашов и затем через Южные Карпаты ушел в свои нижнедунайские владения. Телебуга же попытался перейти Восточные Карпаты (скорее всего в районе р. Быстрицы), его войско заблудилось в горах и пострадало от разыгравшейся стихии: к потерям, понесенным в ходе военных столкновений, добавились жертвы голода и погодных условий. О действиях в Венгрии отрядов русских князей источники не сообщают. Ясно, что, когда Телебуга и Ногай уходили из Венгрии, русских войск с ними уже не было; знание летописцем того, что Ногай, отделившись от Телебуги, пошел именно «на Брашев», подсказывает, что скорее всего русские покинули татар в момент разделения войск Ногая и Телебуги в Трансильвании, после чего двинулись на север к галицким пределам и возвратились домой. События начала 1285 г. вызвали гнев Телебуги на Ногая, вполне естественный: Ногай привлек его к злосчастному походу и оставил в самый ответственный момент. Обострение с весны 1285 г. отношений между Ногаем и Телебугой очень быстро сказалось на русских делах.

В том же, 1285 г. «князь Андрѣи приведе царевича, и много зла сътворися крестьяномъ. Дмитрии же, съчтався съ братьею, царевича прогна, а боляры Андрѣевы изнима» [ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 246; т. 5, с. 201; т. 1, с. 526] («царевичами» на Руси именовали представителей правящей в Орде династии Чингисидов, не обладающих верховной властью). Еще зимой 1283/84 г. Андрей проявлял вынужденную лояльность к брату; теперь же он попытался вновь свергнуть Дмитрия с ордынской помощью. Очевидно, поездка Андрея в Орду была следствием получения им сведений о разладе между двумя самыми влиятельными в ней лицами — Ногаем и Телебугой. Группировка, возглавляемая последним, и решила использовать Андрея для нанесения удара по ставленнику Ногая в Северо-Восточной Руси; с этой целью было послано войско под началом одного из родственников Телебуги. Однако Дмитрию и его союзникам удалось нанести ордынскому войску поражение. А.Н.Насонов полагал, что «братьями», выступившими в союзе с Дмитрием, были его родной брат, московский князь Даниил (младший из трех Александровичей), и двоюродный брат, тверской князь Михаил Ярославич [Насонов, 1940, с. 73]; данные, которые можно почерпнуть из сведений источников о позиции Москвы и Твери в предшествующие и последующие годы, позволяют считать такое предположение весьма вероятным [Горский, 1996а, с. 76].

В 1285 г. имел место еще один конфликт между русскими князьями: «Роман князь Брянскыи приходилъ ратью к Смоленску и пожже пригороды и отиде в своя си» [ПСРЛ, т. 1, стб. 482]. Смоленским князем был Федор Ростиславич, одновременно являвшийся князем ярославским и живший в основном в Северо-Восточной Руси. Федор в 1281 г. был главным союзником Андрея Александровича; оставался он им и позже, вплоть до своей смерти в 1299 г. Очень вероятно, что Роман Михайлович Брянский (одновременно являвшийся князем черниговским [Зотов, с. 26, 82–83], т.е. сюзереном всех князей Черниговской земли) действовал как союзник Дмитрия Александровича [Горский, 1996б, с. 77–78]. Брянск был ключевым пунктом на пути из Северо-Восточной Руси в Южную [ПСРЛ, т. 1, стб. 485; НІЛ, с. 344]; маршруты поездки Дмитрия к Ногаю в 1282 г. и возвращения его год спустя с ордынским отрядом, а также маршруты последующих поездок к Ногаю князей Северо-Восточной Руси и походов войск из Орды Ногая в противоположном направлении (о них см. ниже) проходили через Брянское княжество (как и путь, по которому отвозилась в Орду Ногая дань с владений ориентировавшихся на него на Северо-Востоке князей), так как западнее Черниговщины находились владения Федора Ростиславича — союзника Андрея Александровича, а восточнее —

степи, контролируемые Волжской Ордой. Можно полагать, что Роман Михайлович с 1282–1283 гг. имел союзнические отношения с Дмитрием Александровичем и, следовательно, вошел в сферу влияния Ногая. В пользу этого говорят также зависимость от Ногая «Курского княжения» и продвижение в 1290 г. туда войск Ногая (см. об этом ниже). Это было бы маловероятно, если бы расположенный западнее Чернигов (которым владел брянский князь) не подчинялся Ногаю.

В следующем, 1286 г. к Ногаю ездил владимиро-волынский князь Владимир Василькович. Об этом говорится в записи на Кормчей: «Въ лѣто 6794 списан бысть сии Номоканонъ боголюбивым князем Владимиром сыном Васильковым... Пишущимъ же нам сиа книги поехал господь нашь к Нагаеви...» [Столярова, с. 314]. Л.В.Столярова связывает поездку с готовившимся ордынским походом на Польшу. Но поход имел место в конце 1287 (т.е. 6795) г. (об этой датировке, которую разделяет и Л.В.Столярова, см. ниже), и Владимир ходил тогда с войском Телебуги; запись же может быть отнесена самое позднее к февралю 1287 г. (последнему месяцу 6794 г.). Вероятнее всего, этот визит был связан с желанием Ногая укрепить свое влияние среди князей Юго-Западной Руси в условиях назревающей конфронтации с Телебугой.

В 1287 г. группировка Телебуги (в которую входили его брат Кунчек и сыновья Менгу-Тимура — Алгуй, Тогрылча, Мулакан, Кадан и Кудукан) добилась ухода Туда-Менгу с престола. Ханом стал Телебуга [Тизенгаузен, т. I, с. 105–106; Рашид ад-Дин, т. 2, с. 83]. В том же году он и Ногай совершили походы на Польшу.

Польские источники датируют это событие 1287 г. [МРН, т. 2, с. 852, 940; т. 3, с. 51, 76]. В Галицко-Волынской летописи об ордынском походе рассказывается дважды (в Ипатьевском списке, где даты были проставлены в тексте не имевшего вначале хронологической сетки свода с ошибками — под 6791 и 6795 гг.), причем во втором случае о Ногае не говорится, упоминаются только Телебуга с Алгуем и действия в Польше не описываются (о движении ордынских войск сказано в связи с внутриволынскими делами [ПСРЛ, т. 2, стб. 891–895, 897–902]). В отечественной историографии вслед за М.С.Грушевским, датировавшим первое сообщение зимой 1286/87 г., а второе — концом 1287 г. [Грушевський, 1901, с. 52–56], распространилось мнение о двух походах на Польшу — в 1286 и в 1287 гг. [Пашуто, с. 297–298; Крип'якевич, с. 105; Егоров, с. 191–192]. Однако Л.Е.Махновец отметил, что в тексте первого рассказа говорится о выступлении ордынцев от Владимира-Волынского в воскресенье после «Микулина дня» (6 декабря), который приходился на субботу в 1287-м, а не в 1286 г.; на этом основании оба рассказа были отнесены к одному походу — зимы 1287/88 г. [Літопис, с. 435, 437]. Недавно к такому же

выводу пришел В.А.Кучкин — на основании того же наблюдения о дне недели, совпадения перечня русских князей — участников похода и наличия в обоих рассказах сообщения о том, что Владимир Василькович из-за болезни возвратился от р. Сан [Кучкин, 1996, с. 33–35]. К этим соображениям можно добавить, что оба рассказа говорят о приходе Телебуги на обратном пути к г. Львову [ПСРЛ, т. 2, стб. 894, 900]. Таким образом, под 6791 и 6795 гг. перед нами явно два известия об одном и том же ордынском походе на Польшу, состоявшемся зимой 1287/88 г.

В историографии текст Галицко-Волынской летописи за 70–80-е годы относят к летописцу Владимира Васильковича [Пашуто, с. 109–130; Котляр, с. 151–161]. Но наличие двух сообщений об одном и том же походе на Польшу означает, что они восходят к двум разным источникам. Поскольку во втором (под 6795 г.) рассказе в центре внимания оказывается князь Владимир, очевидно, что это сообщение принадлежит перу владимиро-волынского летописца. В первом же рассказе наблюдается сочувствие Льву Даниловичу Галицкому (владимирскому летописцу не свойственное, см. [Котляр, с. 154–155]): описывается разорение «Львовой земли», говорится, как Лев после ухода татар считал погибших и умерших в его земле людей [ПСРЛ, т. 2, стб. 894–895]. Отнести этот рассказ к владимирскому летописанию мешает и такая деталь: автор не знает, побывал ли Телебуга во Владимире («Телебоуга же еха обьзирать города Володимѣря, а дроугии молъвять, оже бы и в городѣ былъ, но то не вѣдомо» [ПСРЛ, т. 2, стб. 892]). Поэтому можно полагать, что рассказ о походах Телебуги и Ногая на Польшу, который в Ипатьевском списке помещен под 6791 г., восходит к галицкому источнику.

Примечательно, что предводители ордынских войск в двух рассказах характеризуются совершенно различно. В первом рассказе Телебуга именуется «окаянным» и «беззаконным» («Хотящоу поити оканьномоу и безаконьномоу Телебоузѣ на ляхы»). Ногай же поначалу фигурирует без эпитетов — «приде к Ногаеви», «Ногаи передилъ его» [ПСРЛ, т. 2, стб. 892–893]. Лишь в конце, когда специально рассказывается о действиях Ногая в Польше, он однажды назван «оканьным» [ПСРЛ, т. 2, стб. 894]. Но не исключено, что этот фрагмент является вставкой владимирского сводчика. В нем говорится о вражде Ногая и Телебуги («бысть межи има нелюбье велико»), хотя об этом выше было уже сказано дважды — в начале рассказа о польском походе («Бѣше же межи има нелюбовье велико») и после сообщения о том, что Ногай опередил Телебугу в движении к Кракову («И про се бысть межю има болше нелюбье») [ПСРЛ, т. 2, стб. 892, 894–895]. Владимирский летописец и ранее, повествуя о событиях 1277 и 1285 гг.,

именовал Ногая «оканьным». Что касается Телебуги, то если в рассказе о походе на Венгрию он называется (как и Ногай) «окаянным и безаконным», то теперь, когда Телебуга стал ханом, отрицательные эпитеты у владимирского автора исчезли. Во втором рассказе о польском походе Телебуга и Алгуй именуются «цесарями», на их волю Владимир и Мстислав Данилович Луцкий ссылались в переговорах, которые они вели между собой и с Львом Даниловичем и его сыном Юрием [ПСРЛ, т. 2, стб. 897–900, 902, 929].

Из галицкого рассказа следует, что Телебуга и Ногай в 1287 г. действовали раздельно. Слова о том, что Телебуга перед походом на Польшу «приде к Ногаеви», означают, что он пришел в улус Ногая — это было неизбежно, так как владения Ногая граничили с Галицкой землей, через которую надо было пройти, чтобы попасть в Польшу. Тут же летописец подчеркивает, что между Ногаем и Телебугой было «нелюбовье велико» [ПСРЛ, т. 2, стб. 892][4]. Именно Телебуга привлек к участию в походе русских князей — Льва и Мстислава Даниловичей, Владимира Васильковича, Юрия Львовича. Послал он и за какими-то «заднепровскими» князьями, однако пришли они или нет, неясно — в дальнейшем повествовании названы только галицко-волынские князья. По пути в Польшу войска Телебуги разграбили окрестности Владимира-Волынского. Перейдя границу Польши, татары вместе с отрядами русских князей подступили к Сандомиру, но не смогли его взять. Тем временем Ногай, действуя отдельно («а с Телебугою не снимася»), опередил Телебугу и вышел к Кракову. Он также не преуспел, ограничившись разорением окрестностей. На обратном пути войска Телебуги опустошили местность вокруг галицкого города Львова [ПСРЛ, т. 2, стб. 891–895]. Похоже, что хан не имел реальных рычагов воздействия на Ногая: тот действовал абсолютно самостоятельно, более того, выступал как соперник Телебуги, стремясь достигнуть большего, чем последний, военного успеха.

В начале 1289 г., после смерти Владимира Васильковича, возник конфликт между Мстиславом Даниловичем, которому покойный князь завещал свои владения, и сыном Льва Даниловича Юрием, занявшим один из волынских городов — Берестье. Мстислав послал князя Юрия Поросского «возводить татар» на Юрия Львовича и сообщил об этом его отцу; «Левъ же оубояся того велми, и еще бо емоу не сошла оскомина Телебоужины рати» и заставил сына отступиться [ПСРЛ, т. 2, стб. 928–931]. Очевидно, что «татары», которых собирался привести Мстислав, относились к Волжской Орде, так как завеща-

[4] По мнению В.А.Кучкина, эта фраза является позднейшей вставкой, так как «нелюбовье» началось после польского похода [Кучкин, 1996, с. 35]. Но, как было показано выше, вражда Ногая и Телебуги восходит к событиям похода на Венгрию 1285 г.

ние Владимира оглашалось в присутствии «цесарей» Телебуги и Алгуя во время их похода на Польшу [ПСРЛ, т. 2, стб. 897–898].

Известия об отношениях галицко-волынских князей с Ордой в 1287–1289 гг. позволяют сделать вывод, что позиция их была различной. Лев явно ориентировался на Ногая: его летописец не употребляет по отношению к Ногаю негативных определений, в то время как Телебуга, верховный правитель Орды, не только не называется «цесарем», но и характеризуется как «окаянный и беззаконный». Возможно, и разорение земли Льва войском Телебуги на обратном пути из Польши связано с его близостью к Ногаю, который перед этим опередил Телебугу в движении к Кракову. Тем не менее под угрозой разорения своих владений Лев был вынужден участвовать в походе Телебуги. Владимир Василькович и Мстислав Данилович Луцкий, напротив, были ориентированы на Телебугу: Ногай для владимирского летописца (как и прежде) «окаянный», а Телебуга и Алгуй — «цесари»; с их санкции принимается решение о завещании Владимиром своего княжества Мстиславу, новой «Телебужиной ратью» угрожает Мстислав Льву. Очевидно, поездка Владимира Васильковича к Ногаю в 1286 г. не привела к включению Владимиро-Волынского княжества в сферу его влияния: во всяком случае, после воцарения Телебуги Владимир и Мстислав держали его сторону. Разумеется, выбор сюзерена был для князей выбором «меньшего зла»; чего стоят красноречивые слова Владимира после его отъезда из войска Телебуги: «...досадила мь погань си (вар.: дѣла мь с погаными нѣт), а человѣкъ есмь боленъ, ни я с ними могоу повѣстити. А прояли мь уже и на печенехъ...» [ПСРЛ, т. 2, стб. 899, примеч. 9].

Тем временем в Северо-Восточной Руси продолжалась междоусобная борьба князей. В 1288 г. «седе Андрѣи Александрович на Ярославлѣ, а Олександръ Федорович на Углечѣ полѣ» [ПСРЛ, т. 1, стб. 526; Насонов, 1955, с. 297] (Александр Федорович — сын Федора Ростиславича Ярославского). До него Угличем, после прекращения местной княжеской ветви, два года владел князь из ростовской династии Дмитрий Борисович. Он, в отличие от своего брата, ростовского князя Константина, склонялся к союзу с Дмитрием Александровичем [Горский, 1996а, с. 76–77]. Смена князя на углицком столе на сына верного вассала Сарая Федора Ростиславича не могла не быть санкционирована Ордой. Очевидно, после воцарения Телебуги и возвращения его из польского похода в начале 1288 г. Андрей Александрович и Федор приехали ко двору нового хана, предполагая, что он предоставит им возможность расширить свои владения за счет земель князей, ориентировавшихся на Ногая. Великое княжение владимирское Телебуга Андрею не передал, а санкционировал обмен княже-

ниями между Андреем и Федором (Городца на Ярославль) и отнятие Углича у Дмитрия Борисовича с передачей его сыну Федора. Андрей получил таким образом более богатое в то время княжество, а потери Федора от обмена с лихвой компенсировались приданием его семье Углицкого княжества.

Но в следующем, 1289 г. «седе Дмитрии Борисович Ростовѣ, тогда же бѣ много татаръ в Ростовѣ, и изгнаша их вечьем, и ограбиша их; того же лѣта князь Костянтинъ иде въ Орду» [ПСРЛ, т. 1, стб. 526; Насонов, 1955, с. 296]. Согласно другому летописному источнику, Дмитрий в 1289 г. «нача ведати всю свою очиноу» [ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 247; т. 5, с. 201], т.е. и Ростов, и Углич. Таким образом, он вернул себе в 1289 г. Углич и вытеснил брата Константина из Ростова. Объяснить эти успехи можно только поддержкой со стороны великого князя Дмитрия Александровича и Ногая. Татары, «умножившиеся» в Ростове с вокняжением Дмитрия, это, очевидно, отряд, присланный Ногаем. Скорее всего именно присутствие в Северо-Восточной Руси на стороне Дмитрия и его союзников ордынского воинского контингента вынудило Андрея Александровича выступить в том же, 1289 г., как и в 1283 г., в союзе с Дмитрием (а также Даниилом Московским и Дмитрием Ростовским) против Михаила Александровича Тверского (конфликт закончился миром у г. Кашина). Константин Борисович Ростовский в этой ситуации отправился за помощью к Телебуге. Тем временем восстание ростовцев привело к разгрому находившегося в Ростовском княжестве ордынского отряда, что изменило соотношение сил в борьбе за ростовский стол. По возвращении Константина из Волжской Орды Дмитрию Борисовичу пришлось согласиться на совместное с ним княжение в Ростове, а Углич, по-видимому, был возвращен Александру Федоровичу [Горский, 1996а, с. 77–79, 88, примеч. 46].

В летописании Северо-Восточной Руси сохранились сведения о связанных с деятельностью Ногая событиях, происходивших в 1289–1290 гг. на крайнем юго-востоке Руси — в Курском Посемье («Повесть о баскаке Ахмате»). Здесь, на территории «Курского княжения», заправлял ставленник Ногая баскак Ахмат. Местные князья, Олег Рыльский и Святослав Липовичский, чьи владения страдали от его бесчинств, попытались заручиться поддержкой Телебуги. Слободы, устроенные Ахматом на территориях Рыльского княжества, были разогнаны. Ответом стал жестокий карательный поход войска, посланного Ногаем (последний, как и Телебуга, именуется «цесарем»). Из текста «Повести» следует, что в податном и судебном отношении «Курское княжение» (включавшее Рыльское и Липовичское княжества) подчинялось Ногаю, но при этом Телебуга признавался верховным сюзереном, к которому в случае необходимости можно было апелли-

ровать [ПСРЛ, т. 1, стб. 481–482; т. 18, с. 79–81; Приселков, с. 340–343; Кучкин, 1996].

В 690 г. хиджры, т.е. в 1291 г., Ногаю удалось хитростью заманить Телебугу в ловушку. Верховный правитель Орды, а также Алгуй, Тогрылча, Мулакан, Кадан и Кудукан были убиты [Тизенгаузен, т. I, с. 106–108; Рашид ад-Дин, т. 2, с. 83–84; НІЛ, с. 327]. При поддержке Ногая ханом стал Тохта, сын Менгу-Тимура, ранее вынужденный скрываться от Телебуги. Ногай рассчитывал, что троюродный племянник подчинится его воле как старшего в роде — «аки́», будучи обязан ему воцарением [Тизенгаузен, т. I, с. 108–111; Рашид ад-Дин, т. 2, с. 83]. Первоначально расчет Ногая вроде бы оправдывался. В 1293 г. по его требованию Тохта казнил 23 эмира, служивших Телебуге [Тизенгаузен, т. I, с. 108–109]. Среди казненных был Туратемир, очевидно, тот самый, что возглавлял поход против Дмитрия Александровича в 1282 г. Ко времени вскоре после воцарения Тохты следует отнести и расширение владений великого князя Дмитрия Александровича и его сторонников за счет территорий, принадлежавших князьям — вассалам Телебуги. Именно тогда, по-видимому, Углич был передан в состав великого княжения владимирского, а Можайск, принадлежавший Смоленскому княжеству Федора Ростиславича, включен во владения Даниила Александровича Московского [Горский, 1996а, с. 78–81]. В «Курском княжении» после устранения Телебуги брат убитого с его санкции Олегом Рыльским Святослава Липовичского, Александр, убил Олега и двух его сыновей (см. [Кучкин, 1996, с. 38]).

Казнь эмиров в 1293 г. была последним действием Тохты в пользу Ногая. После того как в том же году к нему приехали Андрей Александрович, Федор Ростиславич, Дмитрий и Константин Борисовичи Ростовские, хан послал на Дмитрия Александровича и его союзников войско во главе со своим братом Туданом (Дюденем). Великий князь бежал в Псков. Были взяты города Владимир, Суздаль, Муром, Юрьев, Переяславль, Коломна, Москва, Можайск, Волок, Дмитров, Углич [ПСРЛ, т. 18, с. 82; НІЛ, с. 327]. Андрей Александрович стал великим князем владимирским, Федор Ростиславич получил Переяславль — столицу собственного княжества Дмитрия Александровича, Углич достался сыну Константина Борисовича Александру. Одновременно Андрей и Федор произвели обратный обмен своими удельными княжествами — Федору возвращался Ярославль, а Андрею — Городец [Горский, 1996а, с. 78–80; Горский, 2000, с. 21]. Крайней западной точкой продвижения татар стал Волок; оттуда они отправились восвояси, а Андрей двинулся в Новгород и 28 февраля 1294 г. взошел в качестве нового великого князя владимирского на новгородский стол. Вскоре Дмитрий сумел перебраться из Пскова в Тверь (к своему со-

юзнику Михаилу Ярославичу), откуда начал переговоры с Андреем. В источниках зафиксирован один пункт заключенного тогда мирного соглашения: «А Волокъ опять Новугороду» [ПСРЛ, т. 18, с. 83; т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 248; т. 5, с. 202; т. 1, стб. 483, 527; Приселков, с. 346–347; НІЛ, с. 328].

Перечень взятых Дюденем и союзными Тохте русскими князьями городов позволяет расширить представления о сфере влияния Ногая на северо-востоке Руси (города, принадлежавшие князьям «проволжской» группировки, естественно, не разорялись). В коалицию его вассалов входили кроме Дмитрия и Даниила Александровичей и Михаила Тверского князья суздальский, юрьевский и дмитровский. К ней же следует отнести правителей Муромского и Рязанского княжеств (Коломна была тогда рязанским городом). В то же время среди не тронутых Дюденем городов помимо принадлежавших Ярославскому, Городецкому и Ростовскому княжествам наличествует Стародуб. В 1281 г. стародубский князь был союзником Андрея Александровича. Очевидно, он сохранил принадлежность к этой группировке.

Традиционное представление о полной победе в результате похода Дюденя «просарайской» группировки князей сталкивается с непреодолимыми противоречиями. Еще в то время, когда татары находились в Москве, в Тверь вернулся из Орды (несомненно Ногаевой) местный князь Михаил Ярославич; узнав об этом, Дюдень и Андрей не решились напасть на Тверь [ПСРЛ, т. 1, стб. 483; т. 18, с. 82–83; Насонов, 1940, с. 76–77; Горский, 1996а, с. 81, 89, примеч. 65]. Но ведь Михаил не был сильнее Даниила Московского или тем паче великого князя Дмитрия Александровича, а их стольные города пали. Весной 1294 г., после переговоров с Андреем, Дмитрий возвращался в Переяславль, т.е. отчинное княжество было ему возвращено [ПСРЛ, т. 1, стб. 483]. Более того, разные летописные памятники рассматривают Дмитрия вплоть до его смерти в том же, 1294 г. в качестве великого князя владимирского [ПСРЛ, т. 1, стб. 483; т. 18, с. 82–83]. Все эти факты получают объяснение при должном внимании к известию, сообщающему о приходе в Северо-Восточную Русь той же зимой 1293/94 г. еще одного татарского войска: «Тое же зимы цесарь татарскыи приде въ Тфѣръ, имя ему Токтомѣрь, и много тягости людем учинивъ, поиде в своя си» [ПСРЛ, т. 1, стб. 483; ср.: Приселков, с. 346].

Обычно поход Токтомера трактуется как военная акция Волжской Орды против Тверского княжества [Насонов, 1940, с. 77; Spuler, с. 74; Вернадский, с. 192; Феннел, с. 195–196; Кучкин, 1984, с. 108; Егоров, с. 186–187]. Казалось бы, это логично: ведь Тверь не была взята Дюденем, для приведения тверского князя в покорность был нужен еще один поход. Но по времени появление Токтомера совпадает с уходом

из Северо-Восточной Руси Дюденя: войско последнего отправилось восвояси от Волока через Переяславль в феврале (Андрей, поехавший из Волока в противоположном направлении, в Новгород, был возведен на новгородский стол 28 февраля), а поход Токтомера состоялся еще зимой, т.е. не позднее того же февраля. Между тем, как уже отмечалось в литературе [Борзаковский, с. 89; Клюг, с. 94, примеч. 142], ранние летописи указаний на военные действия Токтомера в Тверском княжестве не содержат; они говорят лишь о «тягости» [ПСРЛ, т. 1, стб. 483; Приселков, с. 346], а так именовалось не военное разорение, а поборы (см. [ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 42, 48; НІЛ, с. 97])[5]. Кроме того, если бы речь шла о военном походе против тверского князя, следовало бы ожидать предлог «на» или «к» (ср.: ПСРЛ, т. 1, стб. 482 — «к Смоленску», 483 — «на Тфѣрь», 484 — «на Переяславль», «к Смоленску»; 486 — «на Рязань»), а в летописном известии говорится о приходе Токтомера «в» Тверь. Следовательно, остается полагать, что войско Токтомера пришло не из Волжской Орды, а из Орды Ногая. Оно двигалось вслед за поехавшим вперед Михаилом Тверским; именно приближение Токтомера заставило Дюденя отказаться от похода на Тверь (судя по хронологии, Токтомер продвигался на тверскую территорию практически одновременно с отходом Дюденя от Волока), а на плечи населения Тверского княжества легла «тягость» — обязанность содержать отряд Токтомера (а также, возможно, побор в счет платы за оказанную военную помощь).

Присутствие на стороне Дмитрия Александровича и его союзников в марте 1294 г. татарского отряда объясняет последующие события. В руках противников Андрея, Даниила Московского и Михаила Тверского, оказался Волок — город, находившийся в совместном владении Новгорода и великого князя и в географическом отношении отделенный от Новгородской земли тверской территорией. Дмитрий Александрович соединился со своими союзниками, и Андрей был вынужден, ввиду присутствия на стороне его противников татарских сил, пойти на заключение мира: он вернул Дмитрию великое княжение и Переяславль, сохранив за собой взамен новгородский стол (о сохранении за Андреем Новгорода говорит тот факт, что новгородский посадник возвращается после заключения мира в Новгород по его пове-

[5] В.С.Борзаковский и Э.Клюг сделали из этого неверный вывод: Токтомер ходил на Тверь для взимания побора, которым Михаил оплатил ярлык на тверское княжение, добытый в Волжской Орде [Борзаковский, с. 89; Клюг, с. 94, примеч. 142]. Если бы Михаил возвращался от Тохты с ярлыком, Дюдень и Андрей не собирались бы нападать на Тверь, а Михаилу при прохождении через Московское княжество не надо было бы укрываться от татар (см. [ПСРЛ. т. 1, стб. 483; т. 18, с. 83]) — его бы сопровождал ханский посол с отрядом.

лению [НІЛ, с. 328]), князья «проногаевской» коалиции возвратили Новгороду также Волок. Таким образом, вопреки обычному взгляду, поход Дюденя благодаря контрдействиям Ногая имел ограниченный конечный успех — из-под власти Дмитрия Александровича удалось изъять только Новгородскую землю.

Имя «Токтомер» Н.И.Веселовский трактовал как *Ток-Темир* (отмечая, что идентификация этого лица остается неясной) [Веселовский, 1915, с. 14–15]. *Ток-Темир* соответствует монгольскому *Тук-Тимур* или *Тука-Тимур*. Так звали четверых потомков Джучи (коль скоро «Токтомер» назван «цесарем», искать его следует среди представителей ханского рода), чья деятельность приходится на рассматриваемый период: правнука Орды (старшего брата Батыя), внука Беркечара (младшего брата Батыя) и двух внуков еще одного из младших братьев Батыя — Шибана [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 71, 73–74]. Возможно, один из них и есть «Токтомер» (можно в связи с этим вспомнить, что в конце 80-х годов Тохта, скрываясь от Телебуги, нашел убежище у Билыкчи, брата Тук-Тимура, внука Беркечара; находясь у него, он связался с Ногаем — Рашид ад-Дин, т. 2, с. 83). Но в древнерусской транскрипции тюркских имен с составной частью «Темир» первая гласная обычно не искажалась (ср.: «Туратемерь» похода 1282 г.). Поэтому вероятным кажется другой вариант. Одного из внуков Шибана звали Токта-Муртад (он же — Тама-Токта). Его кочевья располагались близ Дербента, на границе Орды с хулагуидским Ираном [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 74]. Во второй половине 90-х годов, когда между Тохтой и Ногаем шла дипломатическая борьба, последний требовал выдать ему Токта-Муртада [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 85]. Это требование было вызвано скорее всего тем, что ранее он какое-то время служил Ногаю. Имя Токта-Муртад на Руси вполне могло трансформироваться в «Токтомер» — путем сокращения за счет последнего слога и мены *у* на *е* (при «русификации» в конечных слогах, как правило, *у* не сохранялось — ср. трансформацию тюрко-монг. *bagatur* в «богатырь» [Фасмер, с. 183]).

Дмитрий Александрович фактически не успел вновь вступить в свои права великого князя владимирского и князя переяславского — он умер по дороге из Твери в Переяславль [ПСРЛ, т. 1, стб. 484 — под 6793 г. ультрамартовским]. Теперь Андрей уже с полным правом, как старший из потомков Ярослава Всеволодича, отца Александра Невского (за которыми был закреплен великокняжеский стол), занимал владимирское великое княжение. В течение двух лет такое положение дел князьями, ориентировавшимися на Ногая, не оспаривалось. Не исключено, что именно к этому времени надо отнести переход Киева под власть князей путивльской ветви. Не желая, чтобы киевским кня-

жением овладел враждебный ему новый великий князь владимирский, Ногай мог передать Киев своим вассалам из Черниговской земли (напомним, что главный князь Черниговщины — брянский — был скорее всего союзником Ногая).

В конце 1295 или начале 1296 г. Андрей Александрович отправился к Тохте с притязаниями на Переяславское княжество, которое после смерти Дмитрия унаследовал его сын Иван [ПСРЛ, т. 1, стб. 484, 527–528; т. 4, ч. 1, вып. 1, с. 249; т. 5, с. 202; Горский, 2000, с. 25, 27]. Тогда противники Андрея перешли (в его отсутствие на Руси) в контрнаступление: Иван Дмитриевич в 1296 г. также оказался «в Орде» — нет оснований сомневаться, что это была Орда Ногая [Кучкин, 1995, с. 107; Горский, 2000, с. 27], а Даниил Александрович Московский (следующий за Андреем по старшинству претендент на Владимир) при поддержке Михаила Ярославича Тверского завладел новгородским столом, присвоив таким образом часть великокняжеских прерогатив [Кучкин, 1995, с. 99–101; Горский, 2000, с. 25].

Зимой 1296/97 г. Андрей пришел от Тохты с сильным ордынским отрядом, возглавляемым Олексой Неврюем, и двинулся к Переяславлю. Даниил и Михаил выступили навстречу. Завязавшиеся переговоры приняли форму княжеского съезда во Владимире — стольном городе Андрея. Новгородское княжение было возвращено великому князю, но Переяславль остался за Иваном Дмитриевичем [ПСРЛ, т. 1, стб. 484; т. 18, с. 83–84; Приселков, с. 347 — везде под 6805 г. ультрамартовским] (о дате см. [Бережков, с. 121, 351])[6]. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что зимой 1296/97 г. во Владимире старшие князья «проногаевской» группировки «отступились» от своего сюзерена, не оказавшего им на сей раз своевременной помощи, признали себя вассалами Тохты и обязались не оспаривать великокняжеских прерогатив Андрея (что выразилось в возвращении ему новгородского стола); благодаря этому волжский хан по приезде их младшего союзника от Ногая не стал отнимать у него княжение.

Не исключено, что одним из пунктов соглашения, заключенного во Владимире зимой 1296/97 г., было сохранение за московским, тверским и переяславским князьями права на самостоятельный сбор дани, которое, согласно выводу А.Н.Насонова [Насонов, 1940, с. 77–78], они приобрели, будучи вассалами Ногая. А.Н.Насонов полагал, что такое соглашение с Тохтой заключил Михаил Тверской при получении им ярлыка на великое княжение в 1305 г., после смерти Андрея Александ-

[6] В Троицкой и Симеоновской летописях приведены два разных известия о событиях зимы 1296/97 г., из-за чего в историографии сложилось ошибочное представление о двух подряд междукняжеских конфликтах в Северо-Восточной Руси в это время (см. об этом [Горский, 2000, с. 26–27]).

дровича [Насонов, 1940, с. 77]. Но в этом случае остается неясным, как собиралась дань с Московского, Тверского и Переяславского княжеств в 1297–1305 гг. Если сбор (как в «доногаевскую» эпоху) осуществляли ордынские чиновники, то чтó заставило Тохту в 1305 г. пойти на уступку (ведь Ногая давно не было в живых, Орда вновь стала единым государством, Михаил последние годы был союзником Андрея Александровича; на уступки мог тогда идти скорее тверской князь, так как у него был серьезный соперник в борьбе за великое княжение — Юрий Данилович Московский)? Вероятнее всего, Тохта пошел на сохранение принятого в этих княжествах порядка сбора дани зимой 1296/97 г. в качестве одной из уступок за признание его сюзереном.

К середине 90-х годов относятся и серьезные перемены в Юго-Восточной Руси. Брянский и черниговский князь Олег Романович (сын Романа Михайловича, который под 1285 г. упомянут в летописях последний раз) постригся в монахи [Зотов, с. 26, 82–83], после чего Брянское княжество перешло под власть смоленских князей (вассалов Волжской Орды). Произошло это не позднее 1297 г. (см. [Горский, 1996б, с. 77]). Поскольку в начале 1294 г. в Северо-Восточную Русь прошло (надо полагать, обычным путем — через Киев и Брянск) войско Токтомера (а до этого проехал от Ногая Михаил Тверской), можно думать, что тогда Брянском еще владел вассал Ногая. Переход крупнейшего княжества Черниговской земли, территория которой исстари была владением княжеского рода Ольговичей, в руки иной княжеской ветви (при наличии у Олега Романовича и родных племянников, и двоюродных братьев) — факт беспрецедентный. Это не могло произойти без санкции Орды. Время же данного перехода — между 1294 и 1297 гг. — подсказывает, что передача Брянска лояльным Волжской Орде смоленским князьям являлась частью наступления Тохты на сферу влияния Ногая в русских землях. Таким образом блокировались связи Ногая с его сторонниками на Севере Руси, а Черниговское княжество фактически рассекалось надвое и лишалось перспектив политической интеграции. Очевидно, и на черниговский стол, освободившийся вместе с брянским, был в это время посажен князь, лояльный Тохте. Возможно, принуждение Олега Романовича к уходу с политической сцены имело место одновременно с акцией Неврюя или перед ней: памятуя, что в 1294 г. в Северо-Восточную Русь прошло войско Токтомера, помешавшее Дюденю выполнить возложенную на него задачу, Тохта мог теперь подстраховаться и направить войска в Брянское княжество, «перерезая» путь для возможного вмешательства Ногая.

Помимо соперничества за влияние в русских землях между Ногаем и Тохтой в середине 90-х годов шла нарастающая дипломатическая борьба, каждый стремился переманить на свою сторону часть пред-

ставителей ордынской знати, служивших другому. Наконец, в 697 г.х. (19.X.1297–8.X.1298 г.) начались — по инициативе Тохты — открытые военные действия. Первоначально успех был на стороне Ногая, но в 699 г.х. (28.IX.1299–15.IX.1300 г.) в решающей битве Тохта наголову разбил его войско. Ногай обратился в бегство, но был настигнут и убит. По иронии истории он пал от руки русского воина, сражавшегося в войсках Тохты. Держава Ногая прекратила существование — его старший сын, Джеке, наследовавший отцу, не смог предотвратить ее развал и вскоре, в 700 г.х. (16.IX.1300–5.IX.1301 г.), погиб [Тизенгаузен, т. I, с. 109–117; Рашид ад-Дин, т. 2, с. 84–86; Ников, с. 134–136].

В Северо-Восточной Руси коалиция князей, бывших прежде вассалами Ногая, после его гибели распалась: в 1300 г. Михаил Тверской перешел на сторону Андрея Александровича [ПСРЛ, т. 1, стб. 485–486; Кучкин, 1967, с. 63] (о дате см. [Бережков, с. 119–120, 122–123]). То, что этого не случилось до краха Ногая, показывает, что члены группировки ждали окончания борьбы Тохты с Ногаем и в случае победы последнего рассчитывали вернуться под его власть.

В Южной Руси в 1299 г. подвергся «татарскому насилью» Киев, в результате чего митрополит Максим вынужден был переехать оттуда во Владимир-на-Клязьме [ПСРЛ, т. 1, стб. 485] (о дате см. [Бережков, с. 122]). Предположение, что древняя столица Руси пострадала от войск Тохты по причине своей принадлежности к сфере влияния Ногая [Ставиский, с. 47; Шабульдо, 1990, с. 39], является вполне вероятным[7].

Подводя итоги, следует отметить, что в усилиях Ногая по строительству на юго-востоке Европы полиэтничной державы «русское направление» политики постоянно находилось в фокусе внимания. Тесные отношения с князьями Юго-Западной Руси установились у Ногая еще в правление Менгу-Тимура. При Туда-Менгу (1281–1287), когда

[7] Более гадательный характер носит предположение, что галицко-волынские князья в решающий момент конфликта Ногая с Тохтой перешли на сторону сарайского хана [Шабульдо, 1987, с. 15–22; Ставиский, с. 97]. Его могло бы подкрепить известие Рукн ад-Дина Бейбарса о походе «на земли валахов и русских», в который собирались в 700 г.х. (16.IX.1300–5.IX.1301 г.) главный эмир Джеке Тунгуз и Таз, зять Ногая [Тизенгаузен, т. I, с. 116]. Если речь идет о двух землях — волошской и русской, в которые последовательно предполагали вторгнуться войска, то направление похода могло быть только одно — из Нижнего Подунавья через Восточное Прикарпатье (где существовало волошское население) в Верхнее Поднестровье, входившее в состав Галицкого княжества: тогда эту акцию можно расценить как попытку мести галицким князьям за поддержку ими в предыдущем году Тохты (и далее предположить, что убийца Ногая был не русским наемником в войске хана, а воином галицкого отряда, присоединившегося к Тохте). Но возможно, что в арабском тексте говорилось об одной земле — «стране валахов и русских» — и имелись в виду Карпато-Днестровские земли со смешанным волошско-русским населением вне пределов собственно русских княжеств (см. [Коновалова, 1991, с. 91–92]).

Ногай сделался фактически независимым правителем, он стал создавать свою сферу влияния в Северо-Восточной и Юго-Восточной Руси. На Северо-Востоке это соответствовало интересам великого князя владимирского Дмитрия Александровича и его союзников, так как позволяло противостоять притязаниям князей-соперников и сопровождалось смягчением форм зависимости.

К началу 90-х годов в сферу влияния Ногая в Северо-Восточной Руси входили великое княжество Владимирское, княжества Московское, Тверское, Суздальское, Юрьевское и Дмитровское. К ней же относились Муромское и Рязанское княжества. В Юго-Восточной Руси зависимость от Ногая признавал князь брянский (он же черниговский). На него ориентировался и сильнейший князь Юго-Западной Руси Лев Данилович Галицкий. В сфере влияния Ногая находился, видимо, и Киев (если верно предположение, что киевским князем считался Дмитрий Александрович). Князья юго-востока Черниговщины — рыльский и липовичский — колебались между Ногаем и Волжской Ордой, но дань с их земель собирал Ногай. Непосредственно от Волжской Орды зависели княжества Ярославское, Городецкое, Ростовское, Стародубское, Смоленское, Владимиро-Волынское и Луцкое. Неясной остается ориентация князей верховских княжеств Черниговской земли.

При этом решительного разрыва между Ордой Ногая и Волжской Ордой не было: из восточных источников следует, что формальное верховенство сарайского хана Ногаем признавалось (см. [Тизенгаузен, т. I, с. 107–111; Рашид ад-Дин, т. 2, с. 83–86]). Как показывают события в Галицко-Волынской земле 1287–1288 гг. и в «Курском княжении» 1289–1290 гг., его признавали и русские вассалы Ногая. Этому вроде бы противоречит именование Ногая «цесарем» (в летописании Северо-Восточной Руси под 1282 г. и в «Повести об Ахмате», а также в НІЛ под 1291 г. [НІЛ, с. 327]), т.е. термином, которым на Руси называли верховного правителя Орды — хана. Однако четкая иерархия русского варианта титулатуры Джучидов: хан — «цесарь» («царь»), другие члены династии — «царевичи» — прослеживается только с конца XIV в. Для XIII же столетия упоминание «царевича» в рассмотренном выше известии о событиях в Северо-Восточной Руси в 1285 г. — единственное[8]. Что касается термина «цесарь»/«царь», то

[8] Известие о «царевиче» 1285 г. дошло в составе летописей XV в. Оно восходит к ростовскому источнику конца XIII столетия, вошедшему в ростовский свод начала XV в., который затем был использован в дошедших до нас Новгородской IV, Софийской I, Московской Академической летописях и сокращенном ростовском своде второй половины XV в. (см. [Лурье, с. 196, 199]). Возможно, термин «царевич» — следствие редактуры сводчика начала XV в.

им в XIII в. помимо монгольского великого хана и верховного правителя Орды (см. сводки случаев употребления царского титула в XIII в. [Насонов, 1940, с. 30; Кучкин, 1990, с. 30, 39, 59, примеч. 38, 39; с. 62, примеч. 61]) именуются также Алгуй [ПСРЛ, т. 2, стб. 898, 929; НІЛ, с. 327] и «Токтомер»[9]. Если о первом допустимо полагать, что его на Руси воспринимали как соправителя Телебуги (хотя восточные источники указаний на подобный статус Алгуя не содержат), то «Токтомер» при любой гипотетической его идентификации не может расцениваться как носитель ханского титула. В условиях, когда терминология для обозначения Джучидов еще не устоялась, именование Ногая, второго по силе и значению представителя этого рода, «царем» было вполне естественным и не означало, что его статус признается полностью равным ханскому.

Что касается фактического соотношения сил в Орде, то ханы Туда-Менгу и Телебуга не могли ничего поделать с ростом влияния Ногая. Причем на северо-востоке Руси его позиции в конце 80-х — начале 90-х годов выглядят даже более прочными, чем на юго-западе (этот факт косвенно подкрепляет предположение, что крупнейшие княжества на пути из степей правобережья Днепра в Северо-Восточную Русь — Киевское и Черниговское с Брянским — находились в сфере влияния Ногая). Пик могущества Ногая, в том числе в русских землях, пришелся на 1291–1293 гг. Затем в течение трех лет Тохте удалось резко сузить сферу влияния его противника на Руси, приведя под свою власть все княжества Владимиро-Суздальской и Черниговской земель. Примечательно, что именно после этого, в 696 г.х. (30.X.1296–18.IX.1297 г.), в Исакче стали чеканиться монеты, в легенде которых рядом с именем Ногая помещался титул *хан,* что означало открытый разрыв с Тохтой (см. [Oberländer-Tarnoveanu, с. 252–255]). Очевидно, к этому времени Ногаю стало ясно, что он не сможет играть ведущую роль во всей Орде, что и побудило его окончательно встать на путь формирования в Нижнем Подунавье и Северном Причерноморье собственной независимой державы[10]. После этого открытое военное столкновение с Тохтой стало неизбежным.

---

[9] Возможно, в НІЛ назван «цесарем» и Дюдень, брат Тохты: «Новгородци... дары послаша цесарю Дюденю на Волокъ: „воспяти рать с Волока“» [НІЛ, с. 327]. Но не исключено, что летописец имел в виду отправление к Дюденю на Волок даров для «цесаря», т.е. для Тохты (который там же выше дважды назван этим титулом); ср. под 1257 г.: «даша дары цесареви» — имелось в виду вручение даров для хана через его послов [НІЛ, с. 82].

[10] Полагать, что присвоение Ногаем ханского титула говорит о его стремлении самому захватить сарайский престол, нет серьезных оснований, так как инициатива в развязывании военных действий между Ногаем и Тохтой принадлежала последнему.

Деятельность Ногая объективно имела два важных последствия для дальнейшего развития Северо-Восточной Руси (одно — прямое, другое — опосредованное). Во-первых, при нем произошел переход к сбору дани самими князьями — вассалами Ногая, и такой порядок позже сохранился и распространился на все северо-восточные княжества. Во-вторых, после перехода Брянска, Чернигова и Киева под власть князей — ставленников Тохты — внушительные контингенты служилых людей из Черниговской и Киевской земель отъехали на службу к московскому князю Даниилу Александровичу, главе «проногайской» группировки князей Северо-Восточной Руси. Во многом благодаря такому притоку воинских сил Московское княжество выстояло в неблагоприятной для него политической обстановке первых лет XIV в. и сумело стать равным соперником княжества Тверского (см. [Горский, 1997; Горский, 2000, с. 31–42]).

Бережков — *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
Борзаковский — *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. СПб., 1876.
Вернадский — *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь; Москва, 1997.
Веселовский, 1915 — *Веселовский Н.И.* Заметки по истории Золотой Орды // Изв. ОРЯС. Пг., 1915. Т. 21. Кн. 1.
Веселовский, 1922 — *Веселовский Н.И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Пг., 1922.
Горский, 1996а — *Горский А.А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3.
Горский, 1996б — *Горский А.А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. 1.
Горский, 1997 — *Горский А.А.* К вопросу о причинах «возвышения» Москвы // Отечественная история. 1997. № 1.
Горский, 2000 — *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000.
Грушевський, 1901 — *Грушевський М.С.* Хронольогія подій Галицько-волинської літописи // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. XLI. Кн. 3.
Грушевський, 1905 — *Грушевський М.С.* Історія України — Руси. Львів, 1905. Т. 3.
Густынская летопись — Полное собрание русских летописей. СПб., 1843. Т. 2.
Егоров — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
Зотов — *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
Ивакин — *Ивакин Г.Ю.* Киев в XIII–XIV веках. Киев, 1982.
Клюг — *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.

Коновалова — *Коновалова И.Г.* Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // Древнейшие государства на территории СССР. 1990. М., 1991.

Котляр — *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М., 1997.

Крип'якевич — *Крип'якевич І.П.* Галицьке-Волинське князівство. Київ, 1984.

Кучкин, 1967 — *Кучкин В.А.* Роль Москвы в политическом развитии Северо-Восточной Руси конца XIII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.

Кучкин, 1984 — *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Кучкин, 1990 — *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. М., 1990. Вып. I.

Кучкин, 1995 — *Кучкин В.А.* Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1.

Кучкин, 1996 — *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. М., 1996. Вып. I.

Леонид, архим. — *Леонид, архимандрит.* Хан Нагай и его влияние на Россию и южных славян // ЧОИДР. 1868. Кн. 3.

Літопис — Літопис руський. Київ, 1989.

Лурье — *Лурье Я.С.* Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 40.

Насонов, 1940 — *Насонов А.Н.* Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.

Насонов, 1955 — *Насонов А.Н.* Летописный свод XV века (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2.

Ников — *Ников П.* Българи и татари въ средните векове // Българска историческа библиотека. София, 1929. Год 2. Т. 3.

Параска — *Параска П.Ф.* Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, 1981.

Пашуто — *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Приселков — *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

Рашид ад-Дин — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. Пер. с перс. Ю.П.Верховского, примеч. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова, ред. И.П.Петрушевского. М.; Л., 1960.

Ставиский— *Ставиский В.И.* «Киевское княжение» в политике Золотой Орды (первая четверть XIV в.) // Внешняя политика древней Руси. М., 1988.

Столярова — *Столярова Л.В.* Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998.

Тизенгаузен — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I; М.; Л., 1941. Т. II.

Трепавлов — *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. I.

Федоров-Давыдов — *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Феннел — *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси: 1200–1304. М., 1989.

Шабульдо, 1987 — *Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

Шабульдо, 1990 — *Шабульдо Ф.М.* Галицко-Волынское княжество и Тырновская Болгария на пути к политическому сотрудничеству в начале XIV в. // Культурные и общественные связи Украины со странами Европы. Киев, 1990.

Catalogus — Catalogus fontium historiae Hungariae. Budapestini, 1937. T. I.

Documente — Documente privitóre la istoria Românilor. Bucuresti, 1887. T. 1.

Fejer — *Fejer G.* Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Budae, 1830. T. V, 3; t. VI, 2.

Iambor — *Iambor P.* Atacurile cumano-tătare asurpa Transilvaniei în a doua jumătate a veacului al XIII-lea // Anuarul Institutului de istorie şi arheologie Cluj-Napoca. Cluj-Napoca, 1974. T. XVII.

Oberländer-Tarnoveanu — *Oberländer-Tarnoveanu E.* Numismatical Contributions to the History of the South-Eastern Europe at the End of the 13th Century // Revue roumaine d'histoire. Bucarest, 1987. № 3.

Spuler — *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223–1502. Lpz., 1943.

НІЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Имп. Академии наук.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1; М., 1962. Т. 2; Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1; СПб., 1851. Т. 5; СПб., 1913. Т. 18.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

MPH — Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1872. T. 2; Lwów, 1878. T. 3.

SRH — Scriptores rerum Hungaricarum. Budapestini, 1937. T. I; Budapestini, 1938. T. II.

Ю.В.КРИВОШЕЕВ, Р.А.СОКОЛОВ
(Санкт-Петербург)

Русская церковь и ордынские власти
(вторая половина XIII — первая четверть XIV в.)

Институт церкви в Древней Руси был частью общественно-общинного устройства. Во многих случаях церковь напрямую зависела от деятельности и решений общины. Древняя Русь, согласно своим традиционным представлениям, не видела в церкви и ее служителях какой-то надстройки, стоящей над обществом, а тем более главенствующей над ним. Система архаического сознания воспринимала христианство и его институты в свете традиционных воззрений, понимая их как нечто такое, что просто сменило организацию и культ язычества, заняв их место. Поэтому общество и относилось к церкви так, как этого требовала организация доклассового общества, т.е. церковные институты считались непременным атрибутом этого общества (подробнее см. [Кривошеев, 1993, с. 44 и сл.]).

Насколько изменились внутреннее состояние церкви и проводимая ею политика с началом зависимости от монголов — эти и другие вопросы, в общем, не новы для историографии. Многие исследователи пытались ответить на них. В частности, эти проблемы ставились и решались в фундаментальных трудах по истории русской церкви, вышедших из-под пера архиепископа Филарета, митрополита Макария, Е.Е.Голубинского, П.Соколова, А.В.Карташева. Обращались к ним и современные отечественные историки: Б.Д.Греков, А.Н.Насонов, В.А.Кучкин, А.С.Хорошев, Н.С.Борисов. Общим выводом последних стало признание стабилизации положения церкви с установлением зависимости от Орды. Льготы, данные русским клирикам ханской властью, как полагают эти и другие ученые, позволили создать мощную материальную базу для обеспечения высокого экономического и политического положения церкви в будущем. По их мнению, такая ситуация резко контрастировала с состоянием других общественных институтов и слоев населения

© Ю.В.Кривошеев, Р.А.Соколов, 2002

в монгольский период. Представляется, что далеко не со всеми выводами подобного рода можно согласиться. Рассмотрению ряда спорных вопросов и посвящается данная статья.

Последствия походов Бату-хана. Церковь, как и другие общественные институты древнерусских княжеств, безусловно, серьезно пострадала в результате монгольского разорения. Это отражают источники (см., например, [ПСРЛ, т. 1, стб. 460–465])[1]. Церковные иерархи вдохновляли народ на борьбу с захватчиками: так, епископ Владимирский Митрофан призывал паству оборонять свой город [ПСРЛ, т. 2, стб. 779–780]. В Переяславле Русском погиб другой епископ — Симеон [ПСРЛ, т. 1, стб. 469; т. 2, стб. 782]. Но не все иерархи решились разделить судьбу паствы. Е.Е.Голубинский писал, что если признать обязанностью епископов вдохновлять народ на борьбу, «то летописи не дают права нам сказать, чтобы епископы наши оказались на высоте своего призвания» [Голубинский, 1900, с. 14]. Покинул город перед нашествием епископ Рязани [НІЛ, с. 75, 287; ПСРЛ, т. 1, стб. 515]. Едва ли заслуживает доверия сообщение «Повести о разорении Рязани Батыем» о смерти епископа Рязанского в зажженной татарами церкви. Тем более что известие о гибели Рязанского владыки есть не во всех списках этого памятника [Повесть о разорении, с. 12, 26]. Д.И.Иловайский считал, что епископом Рязани был в это время Ефросин Святогорец, а укрылся он от монголов в Муроме [Иловайский, с. 63, 72]. Конечно, для владыки гибель вместе с защитниками русских городов была почетна, но кто бы ставил священников, если бы на Руси не осталось епископов? [Голубинский, 1900, с. 15]. В областях, где епископы погибли, долгое время особенно остро ощущался недостаток в священниках [Голубинский, 1998, с. 86, примеч. 2].

Незадолго до разгрома монгольскими войсками Киева туда прибыл из Никеи митрополит Иосиф, грек по национальности [НІЛ, с. 74, 285; ПСРЛ, т. 1, стб. 514]. Его имя не упоминается в связи с падением Киева. О нем нам больше ничего не известно [Доброклонский, с. 102; Макарий, с. 13]. Мнение о том, что Иосиф бежал из Руси, кажется весьма вероятным [Будовниц, с. 324; Голубинский, 1900, с. 15; Охотина, с. 68; Хорошев, с. 73]. Г.В.Вернадский полагал, что митрополит Иосиф скончался в Киеве в 1240 г. [Вернадский, с. 153]. Н.С.Борисов при-

[1] Помимо гибели людей особо чувствительной для церковной жизни стала потеря книг и утвари, а храмы можно было довольно быстро отстроить вновь [Голубинский, 1900, с. 16]. Впрочем, А.С.Хорошев полагает, что церковная организация, «несмотря на тяжелейшие бедствия, потрясшие страну, выжила без особых потерь» [Хорошев, с. 73]. На наш взгляд, это мнение несправедливо.

числяет Иосифа к той части духовенства, которая до конца выполнила свой пастырский долг. То есть ученый считает, что митрополит погиб, подобно Митрофану Владимирскому [Борисов, 1988, с. 18]. Кроме страха перед надвигавшейся монгольской угрозой Иосифом могли руководить дипломатические расчеты: Византия желала иметь с ханами мир и даже династическое родство [Карташев, с. 290].

Уход никейского ставленника дал Руси возможность поставить на митрополию соотечественника. «То был первый, хотя едва заметный шаг к ослаблению зависимости нашей церкви от византийской кафедры» [Макарий, с. 13]. Греки могли посчитать зазорным посылать митрополита в покоренную Русь, да и их собственные дела в связи с потерей Царьграда шли не лучшим образом [Карташев, с. 290–291]. Русские князья попытались возвести своих претендентов на митрополичий пост. Так, Михаил Всеволодович Черниговский, желавший видеть верховным пастырем Руси «своего» человека, провозгласил митрополитом Петра Акеровича — игумена монастыря Спаса на Берестове [Пашуто, 1948, с. 302], «не считаясь с дезертировавшей греческой властью» [Карташев, с. 293]. При этом князь должен был мириться с тем, что границы его власти и власти Петра совпадали: нового пастыря не признал Даниил Романович, вероятно, его кандидатура не получила поддержки и в Северо-Восточной Руси [Пашуто, 1948, с. 302].

Монгольская угроза волновала и западные страны. Синибальдо Фиески, ставший в 1243 г. папой Иннокентием IV, считал борьбу с этой угрозой одной из основных задач [Пашуто, 1948, с. 299; Пашуто, 1949, с. 66]. Посланный к нему Михаилом Черниговским за помощью против монголов, нареченный митрополит Петр был выслушан на Лионском соборе 1245 г. О Лионском соборе сообщают Матфей Парижский и анонимная хроника Бертонского монастыря [Матузова, с. 124, 151, 178, 180; Пашуто, 1948, с. 300; Пашуто, 1949, с. 66–67]. Заслуживающее, на наш взгляд, признания мнение В.Т.Пашуто о тождественности Петра Акеровича с «архиепископом Руссии» Петром, который выступал на Лионском соборе, вызвало сомнение у Н.А.Охотиной. Исследовательница полагает, что «гипотеза эта очень интересна, но из-за недостатка источников маловероятна, так как вся аргументация строится на совпадении имени Петра, его незнании иностранных языков и „теологической образованности“» [Охотина, с. 68]. Вероятно, миссия Петра не была удачной, так как его «патрон» Михаил Черниговский к тому времени потерял свое прочное положение на Руси: Ярослав Всеволодович получил от монголов старшинство над всеми князьями, Даниил Галицкий на юге стремительно набирал силу, курии было невыгодно делать ставку на

далеко не самого сильного князя и его митрополита, не имевшего поддержки в русских землях.

Митрополит Кирилл и князья. Верховным пастырем Руси стал другой человек — Кирилл. Он был ставленником Даниила Галицкого. Согласно Ипатьевской летописи, он был митрополитом уже в 1243 г. [ПСРЛ, т. 2, стб. 794]. В 1250 г. Кирилл был «послан Даниломъ и Васильком на поставление митрополье Рускои» [ПСРЛ, т. 2, стб. 809]. Е.Е.Голубинский считал датой отъезда Кирилла 1246 год, полагая, что Даниил Галицкий не хотел посылать своего кандидата к грекам, не уладив отношений с монголами [Голубинский, 1900, с. 53–54]. Византийские власти были вынуждены возвести Кирилла на высший церковный пост Руси, создав тем самым прецедент. До сих пор они считали, что Русский митрополит должен быть обязательно греком; если русские ставили митрополитов из своей среды, то это утверждение не санкционировалось Константинополем. Первое исключение греки сделали по своей воле: на место бежавшего Иосифа у них не нашлось охотника [Голубинский, 1998, с. 11–12]: греки в Никее не интересовались разоренным Киевом [Соколов, с. 161]. Церковная власть Константинополя (или Никеи) на Руси заключалась главным образом в поставлении митрополита [Голубинский, 1998, с. 16]. Митрополита Кирилла иногда отожествляют с печатником Даниила Галицкого, упоминающимся в летописи [ПСРЛ, т. 2, стб. 791–792]. Представляется, что эта точка зрения бездоказательна: кем был Кирилл до своего назначения — неизвестно [Макарий, с. 413]. Е.Е.Голубинский считал, что Кирилл мог быть до своего поставления одним из простых игуменов, но, во всяком случае, не печатником [Голубинский, 1900, с. 53]. Вероятно, изначально церковная власть Кирилла не распространялась на северорусские земли [Голубинский, 1900, с. 54; Карташев, с. 291; Макарий, с. 16], после же утверждения патриархом он решил поехать на север Руси. Его предшественники этого не делали [Карташев, с. 291].

Частые разъезды по подвластным землям — особенность правления митрополита Кирилла [Голубинский, 1900, с. 55]. Разъезды в те времена были очень затруднительны и даже опасны. «Надобно удивляться трудам митрополита Кирилла, который в долголетнее правление свое едва ли один год провел на одном месте» [Филарет, с. 264]. Нам кажется неслучайным тот факт, что именно русский по происхождению митрополит начал практиковать объезд подвластной территории. Здесь невольно напрашивается аналогия с полюдьем — объездом русскими князьями своих земель (подробнее об этом см. [Фроянов, 1996, с. 448–484]). Данное явление было распространено во всех регионах Руси [Фроянов, 1996, с. 464]. Греческих ие-

рархов, очевидно, смущал сакральный, языческий характер полюдья, Кирилл же был хорошо знаком с ним, он понимал: этот сбор утрачивал свои языческие признаки (что наблюдалось уже начиная с рубежа XI–XII вв. [Фроянов, 1996, с. 484]) — и решил использовать полюдье для нужд своей кафедры. Тем самым место одного из пережитков древней эпохи заняла освященная церковной молитвой практика.

Очевидно, новый русский митрополит хотел распространить свою власть на север Руси, ведь Киев потерял прежнее значение. Видимо, южные земли Руси подверглись большему разорению, чем северные. Степи были более благоприятны для монгольских военных экспедиций, чем леса русского Севера. О плачевном состоянии русского Юга свидетельствует, в частности, Иоанн де Плано Карпини [Путешествия, с. 51]. На Севере же можно было получить и финансовую поддержку; кроме того, митрополит вершил свой апелляционный суд, что было его долгом и одновременно источником дохода — за совершение суда полагались кормления [Карташев, с. 291]. Митрополит завел тем самым новую форму апелляционного суда — теперь не к нему ехали, а он сам объезжал свою паству [Голубинский, 1900, с. 56–57]. Нельзя забывать, что киевским князем в тот период был Александр Невский, получивший от монголов «Кыев и всю Русьскую землю» [ПСРЛ, т. 1, стб. 472][2].

В это время на Руси начал складываться союз Даниила Галицкого и Андрея Ярославича, направленный против монголов. Эта коалиция была скреплена браком Андрея Ярославича с дочерью Даниила; венчал молодых сам митрополит Кирилл [ПСРЛ, т. 1, стб. 472]. Значит, перед нами еще одна причина поездки пастыря на север: он был посредником в заключении союза между князьями — сторонниками вооруженной борьбы с монголами. Вероятно, в то время Кирилл был врагом ордынской власти [Охотина, с. 75]. И.У.Будовниц полагал, что митрополит переехал на Север, так как не был согласен с прозападной политикой Даниила Галицкого [Будовниц, с. 327]. Но вряд ли Даниил послал бы на утверждение в Никею человека, не разделявшего его взгляды. Находясь на Севере, митрополит в сопровожде-

[2] «Церковь, конечно, может существовать и в совершенной отдельности от государства, но древние времена наши не были такими временами, когда могло бы это быть и когда митрополиты наши могли бы не осознавать нужды в тесных связях с великими князьями как с охранителями Церкви» [Голубинский, 1900, с. 55]. А.П.Григорьев полагает, что титул Киевского князя был нужен Александру Ярославичу, так как он имел «дальний политический прицел — переместить церковный центр в Северо-Восточную Русь», и позже это ему позволило «взять под свою руку Киевского митрополита Кирилла» [Григорьев, с. 55].

нии епископа Кирилла Ростовского посетил Новгород, где поставил архиепископом Далмата [НІЛ, с. 80, 304; ПСРЛ, т. 1, стб. 472]. Очевидно, во время этого визита Александр Ярославич смог расположить к себе митрополита своими антикатолическими воззрениями, что обеспечило ему в будущем поддержку главы русской церкви [Григорьев, с. 58]. Изначально целью посещения северной метрополии Кириллом могло быть желание привлечь к антимонгольскому союзу и Новгород [Каргалов, 1998, с. 26]. То, что Александр имел поддержку церкви, говорит и о взаимопонимании между ним и Никеей [Пашуто, 1949, с. 72; Пашуто, 1950, с. 271]. Сам Кирилл почувствовал опасность сближения с папской курией в Никее; там же он, вероятно, получил и антипапские инструкции от патриарха [Карташев, с. 293]. После падения Константинополя латиняне пытались вовлечь в унию русских князей, но считали более целесообразным сноситься с Никеей [Пашуто, 1950, с. 243]. У Кирилла не могла вызывать симпатии ориентация Даниила Галицкого на союз с Римом. Возможно, именно благодаря усилиям митрополита Даниил первоначально отказался принять королевскую корону от папы [Карташев, с. 292].

Как известно, антимонгольская коалиция русских князей потерпела крах. Вернувшегося из Орды великим князем Владимирским Александра Ярославича встречали у Золотых ворот Владимира «митрополит и вси игумени и гражане» [ПСРЛ, т. 1, стб. 473]. Вероятно, Кирилл окончательно понял тщетность усилий сбросить власть ханов в данное время[3].

Упоминая об этих событиях, Л.Н.Гумилев писал, что Андрей Ярославич готовил союз с Европой против монголов, не понимая катастрофических последствий этого шага. Александр же «великолепно разбирался в этнополитической обстановке». Он поехал в Орду, пригласил монголов на помощь и занял великокняжеский стол во Владимире [Гумилев, с. 361–362]. При этом историк утверждал, что имело место братание Александра с сыном Бату-хана Сартаком [Гумилев, с. 361]. Эта точка зрения вызвала неоднозначную реакцию в научном мире. Так, В.Л.Егоров считает версию Л.Н.Гумилева бездоказательной и неверной хотя бы уже потому, что Александр как православный человек не мог участвовать в обряде братания, во время которого кровь

[3] Существует мнение, что антиордынская коалиция имела реальные шансы на успех, но натолкнулась на политику Александра Невского, желавшего прекратить новые вторжения смирением. Александра поддержала в этом и русская церковь [Каргалов, 1967, с. 142–147; Каргалов, 1998, с. 25–28; Чукаева, с. 36–37]. Н.А.Охотина также считает поддержку церковью политики Александра одной из причин поражения Андрея Ярославича [Охотина, с. 75].

братающихся смешивалась в чаше с кумысом, а затем содержимое совместно выпивалось [Егоров, 1995, с. 52; Егоров, 1997, с. 52].

Думается, что В.Л.Егоров не совсем прав. Митрополит Иоанн в своей книге «Самодержавие духа» привел этот факт, который не имеет, с точки зрения современного иерарха-историка, ничего предосудительного [Иоанн, с. 87]. Православный мог участвовать в обряде братания, особенно если вспомнить, что Сартак, возможно, был христианином. Повесть о Петре, царевиче Ордынском, сообщает нам о таком братании отпрыска царского монгольского рода с одним из ростовских князей, совершенном в церкви епископом: «И только любляше князь Петра, яко и хлеба без него не яст, яко владыце братати их в церкви с князем. И прозвася Петр братом князю» [Повесть о Петре, с. 147]. Следовательно, и в древности обряд этот не выглядел отступничеством и не был им по своей сути. Братание не пришло на Русь с монголами. Сведения о нем имеем еще в киевское время. Так, в Киево-Печерском патерике читаем о дьяконе Тите и попе Евагрии, что они «два брата бяста по духу» [Патерик, с. 35]. Там же сообщается о неких Сергии и Иване, которые «приидоста въ церковь богонареченную, и ведоста свет, паче солнца, на иконе чюдней Богородичене, и въ духовное братство приидоста» [Патерик, с. 16]. Нарушение обязательств по отношению к названому брату заслуживало жестокой кары, как это видно из повествования патерика. Следовательно, вступление в братство православного князя с монголом было возможно. Это могло совершаться не обязательно по монгольскому «сценарию» с питьем кумыса, смешанного с кровью. Братство могло быть духовным, оно налагало серьезные обязанности, как видим из патерика, и заключалось вполне по-православному. При этом мы не хотим поставить под сомнение суждение В.Л.Егорова о гипотетичности выводов Л.Н.Гумилева относительно братания Сартака и Александра Невского. Но нам представляется недопустимым отвергать саму возможность побратимства монгола и русского. Братание было известно и монголам[4] и русским; оно налагало одинаково серьезные обязанности на побратимов, но заключалось с помощью разных обрядов. Обратившийся в православие монгол вполне мог исполнить этот ритуал, как было принято на Руси. Таким образом, этнические различия в конкретных случаях не становились препятствием для сближения русских людей с монголами.

Православное духовенство в Орде. Русское духовенство сразу после подчинения Руси монголам стало проникать в среду завоевателей

[4] В «Сокровенном сказании» говорится: «Закон побратимства состоит в том, что анды, названые братья, — как одна душа: никогда не оставляя, спасают друг друга в смертельной опасности» (цит. по [Скрынникова, с. 37, 39]).

[Полубояринова, с. 24; Сочнев, 1993б, с. 109]. Иоанн де Плано Карпини рассказал о встречах в Орде с русскими клириками [Путешествия, с. 46, 80]. Князья в это время довольно часто ездили к ханам, каждый раз их должны были сопровождать духовники [Полубояринова, с. 33]. Проникновению христианства к монголам способствовали распространение среди них несторианства, веротерпимость, увод христианского населения в Орду; возможно, именно так здесь оказались первые православные священники [Сочнев, 1993а, с. 279–280; Сочнев, 1993б, с. 108]. Миссионерство русского духовенства было вызвано, наряду с желанием проповеди христианства, и политической целесообразностью: обращение монголов могло ослабить зависимость Руси [Сочнев, 1993а, с. 279]. По мнению Ю.В.Сочнева, миссионерство не охватывало простых кочевников, о православии они узнавали от пленных русских и «представления первых о христианстве формировались за счет вторых» [Сочнев, 1993а, с. 281].

Вместе с тем в своей миссионерской деятельности в Орде Русская православная церковь столкнулась с римской курией, озабоченной налаживанием связей с монголами. В далекие степи было отправлено не одно посольство. Какие же цели ставила перед собой Римская курия в этой связи? В.Т.Пашуто полагал, что латиняне хотели: 1) обратить в свою веру правителей Орды; 2) избавить от опасности набегов восточноевропейские католические страны; 3) не допустить сближения монголов с Никейской империей; 4) заключить союз для борьбы с турками-сельджуками [Очерки, с. 865; Пашуто, 1949, с. 66–67, 76; Пашуто, 1950, с. 261–263, 268]. Стремясь проповедовать христианство в кочевой среде, курия пыталась решить и политические задачи. «Принятие католичества татаро-монголами сделало бы их союзниками курии и отдало бы подвластные им земли (в первую очередь Русь) в церковное подчинение папству» [Пашуто, 1949, с. 67]. Вполне естественно, что русская церковь стремилась противопоставить свою проповедь католической. Л.Н.Гумилев считал, что восхвалениям престола св. Петра послами папы не стоит придавать значения. Предложение ханам принять католичество, а равно предложение монголов признать подчинение курии их власти — это лишь дипломатический этикет того времени. Союз же между курией и монголами не состоялся из-за отрицательной комплиментарности романо-германского суперэтноса по отношению к восточным соседям [Гумилев, с. 367–368]. В.Т.Пашуто полагал, что главную роль в срыве планов папы сыграла русская дипломатия [Очерки, с. 870; Пашуто, 1950, с. 272–273]. Но основная причина неудачи послов апостольского престола, на наш взгляд, все

же была иной: «Папские притязания на универсальное лидерство столкнулись со столь же универсальными притязаниями монгольского императора» [Вернадский, с. 71].

Церковь и татарская дань. В 1257–1259 гг. на севере Руси была проведена монгольская перепись. «Татарское царство, разлившееся стихийно во время Чингис-хана и его сыновей, начало входить в берега» [Клепинин, с. 89]. Известно, что во время переписи «толико не чтоша игуменов, чернецов, попов, крилошан, [тех], кто зрит на святую Богородицу и на владыку» [ПСРЛ, т. 1, стб. 475][5]. Чем же были вызваны эти льготы для церкви? Современные историки в большинстве своем полагают, что монголы строили какие-то политические расчеты, надеялись на поддержку православным духовенством своей власти над покоренной Русью. В.Т.Пашуто писал даже, что привилегий для клира добился Александр Невский во время совместных никейско-монгольско-русских переговоров. В ходе этих дипломатических контактов русских обязали подчинить монголам не покоренный в 1238 г. Новгород. Ханская власть имела в виду при этом использование в своих целях авторитета русского духовенства [Пашуто, 1949, с. 74–75; Пашуто, 1950, с. 274–275]. Еще И.Д.Беляев полагал, что перепись шла на основе достигнутых на переговорах Александра Невского с монголами договоренностей, в том числе и об освобождении духовенства от «числа» [Беляев, с. 26–29]. И.У.Будовниц считал, что монголы оценили церковь как возможное орудие укрепления своей власти и потому наделили ее привилегиями, которых она до сих пор не имела [Будовниц, с. 327–329].

А.И.Плигузов и А.Л.Хорошкевич полагают, что именно льготы церкви определили ее «пассивную позицию» во время волнений, охвативших Новгород в ходе проведения «числа», а появление этих льгот было вызвано антиордынской борьбой на Руси и спорами за власть внутри самого улуса Джучи. Ученые высказывают мнение, что еще до получения привилегий от Берке-хана (в правление которого, как думают исследователи, прошла перепись[6]) митрополичьи войска выступали по распоряжению хана или его чиновников [Плигузов, Хорошкевич, 1988, с. 119–121; Плигузов, Хорошкевич, 1990, с. 92].

---

[5] Монголы оставили после себя какую-то организацию для сбора дани и рекрутов. Разбор существующих на этот счет точек зрения см. [Кривошеев, 1999, с. 207–214].

[6] Мы не можем согласиться с этим мнением. Перед началом переписи князья посещали Улагчи-хана, а не Берке-хана [ПСРЛ, т. 1, стб. 474–475]. Берке-хан получил власть не в 1257 г., а в 1258 г. [Вернадский, с. 158], т.е. непосредственным организатором «числа» был Улагчи-хан.

Н.А.Охотина пишет, что монголы давали экономические льготы, преследуя политические цели. Они не боялись «чужих богов», как считали дореволюционные историки (ведь в ходе набегов монголы не разбирали мирских и духовных лиц). «Ханы добивались, чтобы Русская церковь сохраняла в ситуации враждебного ига нейтралитет, сдерживая гнев народа против завоевателей или по крайней мере не настраивая христиан против иноверцев» [Охотина, с. 71–72]. М.А.Усманов полагает, что объяснения средневековых авторов такой веротерпимости «невежеством или стихийной богобоязненностью монгольских предводителей» несостоятельны, как неудачны и попытки «буржуазных» ученых объяснить привилегии, данные служителям культа разных стран, обычной «веротерпимостью» и даже «гуманизмом» Чингис-хана. По мнению М.А.Усманова, «нет надобности спорить с подобными „интерпретациями“» [Усманов, с. 177].

Думается, от споров все же не уйти. Джувейни сообщает: «Поскольку Чингиз-хан не принадлежал к какой-либо религии и не следовал какой-либо вере, он избегал фанатизма и не предпочитал одну веру другой или не превозносил одних над другими. Напротив, он поддерживал престиж любимых и уважаемых мудрецов и отшельников любого племени, *рассматривая это как акт любви к Богу* (курсив наш. — *Авт.*)» (цит. по [Вернадский, с. 108]). Дж.Феннел правильно, на наш взгляд, полагал, что православная церковь многим обязана Александру Невскому, но не налоговым и рекрутским иммунитетом. «Религиозная терпимость была неотъемлемой частью монгольской политики еще со времен Чингиз-хана», и ее плодами пользовались служители самых разных культов [Феннел, с. 162–163]. Исключением были лишь еврейские раввины [Соловьев С.М., с. 154]. От вражды к христианству, по мнению Филарета (Гумилевского), ханов удерживало то, что многие из подвластных им людей были уже христианами, а некоторые монголы были женаты на христианках [Филарет, с. 184]. Е.Е.Голубинский писал о трех причинах веротерпимости: 1) монголы, как язычники, считали все религии одинаково истинными; 2) они желали сильнее консолидировать свою империю и не желали религиозных конфликтов; 3) свою роль сыграл и страх перед «чужими богами» [Голубинский, 1900, с. 17–20; ср.: Рошко, с. 101–102].

Мы думаем, что религиозная терпимость монголов объясняется единственно их убеждениями, а не какими-то политическими мотивами. Не зря она стала одним из принципов Великой Ясы. В данном случае политические выгоды не брались в расчет, но они неотвратимо вытекали из религиозной толерантности монголов.

Русское население восприняло льготы для церкви как должное, и нарушение их, а равно надругательство над православными святы-

нями могло вызвать восстание, что и послужило одной из причин вечевых выступлений 1262 г. [Кривошеев, 1995, с. 43–44; Кривошеев, 1999, с. 195–196; Беляев, с. 58]. Уместно вспомнить, что еще в Киевской Руси собственность церкви, как и сами храмы, воспринималась общиной как ее собственность, и посягательство на нее было в глазах народа равнозначно посягательству на саму общину [Фроянов, 1980, с. 242; Кривошеев, 1993, с. 47].

Православная епархия в Сарае. В 1261 г. в Сарае была создана православная епархия, первым владыкой стал Митрофан [ПСРЛ, т. 1, стб. 476]. Цель начального этапа миссионерской деятельности была достигнута. Этот факт привлекает внимание историков. В результате длительных исследований удалось установить причины образования этой епископии, которая фактически была объединена с Переяславской.

Н.А.Клепинин назвал это событие одним из главных дел митрополита Кирилла, а совершено оно было, как считает ученый, ради русских пленных, находившихся в Сарае [Клепинин, с. 78]. А.Н.Насонов высказал мнение, что кафедра в Сарае появилась по той причине, что Берке-хану были необходимы «непосредственные» отношения с русским митрополитом [Насонов, с. 39]. Архиерей в ордынской столице стал «естественным представителем митрополита при ханском дворе» [Соколов, с. 191]. После восстановления своей власти в Константинополе особый авторитет приобрел византийский император; в этих условиях «сарайский епископ явился как раз тем лицом, которому в качестве представителя русской иерархии было поручено непосредственно сноситься с Византией, выполнять обязанности посредника между Царьградом и русской митрополией» [Насонов, с. 46].

Действительно, ханы не раз посылали сарайских епископов с дипломатическими поручениями в Константинополь, например Феогноста. Митрополит для такой роли не подходил: как полагал А.Н.Насонов, хан не доверял ставленнику непокорного Даниила Галицкого Кириллу (из-за этого, по мнению исследователя, русский верховный пастырь ни разу не был в Орде) [Насонов, с. 41–42][7]. Б.Д.Греков о сарайской епископии писал: «В столицу Орды Сарай отовсюду понаехало

[7] О пребывании в Орде митрополита Кирилла говорится в восстановленной М.Д.Приселковым Троицкой летописи: «Того же лета (6769 г. — *Авт.*) постави митрополит епископа Митрофана *в Сарае* (курсив наш. — *Авт.*)» [Приселков, 1950, с. 327]. Для реконструкции текста в данном случае ученый использовал выписку Н.М.Карамзина [Карамзин, 1992, с. 214, примеч. 108]. Однако нельзя исключить здесь и возможную невольную ошибку исследователя. Не согласен с тем, что монголы не доверяли русскому митрополиту, и И.У.Будовниц [Будовниц, с. 327].

много русских. А так как здесь, на юго-востоке, на Азовском побережье и Северном Кавказе, с незапамятных времен жило много славян, то неудивительно, что в Сарае очень скоро, в 1261 г., была организована специальная православная епархия» [Греков, Якубовский, с. 174]. Филарет (Гумилевский) также полагал, что епархия была создана для русских в Орде (для пленных и для приезжих князей), но вместе с тем она стала и рассадником христианства среди монголов [Филарет, с. 197–198]. В.Т.Пашуто считал, что русско-византийские отношения были поставлены под контроль ордынских властей созданием епископии. Произошло это после русско-ордынских и русско-никейских переговоров, в результате которых сохранился прежний порядок в русско-византийских церковно-политических отношениях [Пашуто, 1949, с. 74–75; Пашуто, 1950, с. 274–275]. Г.В.Вернадский полагал, что предложение об этом расширении границ русской церкви исходило от Александра Невского и митрополита Кирилла. Берке-хан одобрил его, так как оно представляло собой «важный шаг в сторону координации дел русской церкви с монгольской администрацией» [Вернадский, с. 160]. Н.А.Соловьев также писал, что епархия была образована по ходатайству Александра Невского с дозволения Берке-хана [Соловьев Н.А., с. 3].

Зависимость от монголов защищала русскую церковь от давления папы, а «монголы, в свою очередь, вполне отдавали себе отчет в возможности использовать русское духовенство в качестве посредников в их отношениях с Византией» [Вернадский, с. 160]. Дж.Феннел считал, что созданием новой кафедры митрополит Кирилл установил постоянную связь церкви с ханским правительством, а также получил «удобный дипломатический канал связи с Византийской империей» [Феннел, с. 154]. Думается, что второе высказанное английским ученым положение не совсем верно — удобной для Руси такая связь с Византией быть не могла, ибо всегда лучше сноситься напрямую, нежели иметь посредников.

М.Д.Полубояринова называет несколько причин создания епархии в Сарае: в Орде было много русских пленных рабов, князей, купцов и др., нуждавшихся в церковном утешении; монголы, наладив свои отношения с церковью, не видели оснований для противодействия расширению влияния православия. Она согласна с предположением А.Н.Насонова о желании монголов использовать сарайских владык для контактов с Константинополем [Полубояринова, с. 24]. М.Д.Полубояринова замечает, что из сарайской кафедры русские князья и духовенство могли получать сведения об обстановке в ханской ставке, об отношении монгольского правительства к тому или иному князю; вероятно, сарайский владыка и сам мог «в какой-то степени» влиять

на это отношение [Полубояринова, с. 25]. Еще Е.Е.Голубинский полагал, что сарайские владыки могли поставлять на Русь какую-то информацию. Исследователь сравнивал православных епископов столицы Орды с современными посланниками — дипломатами [Голубинский, 1900, с. 60].

А.П.Григорьев называет сообщение летописи о поставлении «епископа Митрофана Сараю» «громом среди ясного неба». По мнению ученого, эта инициатива исходила прежде всего от хана; ведь «именно он в то время был диктующей свою волю стороной» [Григорьев, с. 58; ср.: Голубинский, 1900, с. 41, 60]. А.П.Григорьев не отрицает также, что монголы хотели использовать православный клир для налаживания отношений с султаном мамлюков Бейбарсом I и с императором Константинополя [Григорьев, с. 59–61].

Еще более значительной видят роль хана в появлении этой кафедры А.И.Плигузов и А.Л.Хорошкевич. По их мнению, в 1261 г. Берке-хан «переносит в Сарай центр Переяславской епископии и Сарайский епископ становится доверенным лицом Джучидов». Ученые согласны, что монголы хотели использовать православное духовенство как посредников в общении с Византией [Плигузов, Хорошкевич, 1988, с. 121; Плигузов, Хорошкевич, 1990, с. 92–93].

А.С.Хорошев полагает, что русское духовенство стремилось помочь подавить в плененных людях дух непокорности [Хорошев, с. 75], однако такой подход к проблеме представляется исключительно тенденциозным: ведь вера не давала забыть о Родине и влекла людей в родные места. В.Л.Егоров напоминает, что Берке-хан был мусульманином, а значит, Александру пришлось приложить большие усилия для создания епархии в Сарае[8], с помощью которой русские пленники получали связь с Родиной и через которую Александр Ярославич выкупал русских невольников, что и было, по мнению исследователя, главной причиной учреждения новой кафедры (ср. [Макарий, с. 18]). В то же время, полагает ученый, «подворье Сарайского епископа стало своеобразным дипломатическим представительством Руси в Золотой Орде, деятельность которого выходила далеко за церковные рамки» [Егоров, 1995, с. 57–58; Егоров, 1997, с. 55]. Н.А.Охотина считает, что сарайская кафедра была выгодна как русским, так и ордынцам, а ее учреждение должно было быть оговорено «каким-то документом или устным соглашением» [Охотина, с. 76].

---

[8] Думается, что все же сильного противодействия со стороны ханской власти здесь не было, так как ислам, принятый Берке-ханом, не остановил проповеди русского духовенства [Сочнев, 1993а, с. 281; Сочнев, 1993б, с. 109].

Как видим, исследователи приняли положение А.Н.Насонова о желании ордынцев использовать русское духовенство для связей с Византией и поставить контакты Руси с Константинопольским патриархатом под свой контроль с помощью создания епархии у себя в столице. Конечно, это верно. Но не следует недооценивать и понятной заботы русских властей и церкви о своих плененных соотечественниках. Вероятно, в Сарае была сооружена и православная церковь (во всяком случае, на это указывают некоторые археологические данные). А со временем церкви или часовни появятся во всех центрах Золотой Орды, где будет проживать более или менее большое число русских людей [Полубояринова, с. 28, 130].

Ханские ярлыки митрополитам. Еще одна сторона отношений церкви и Орды отражена в ханских ярлыках. До нас дошло несколько ярлыков, данных ханами русским митрополитам. Самый ранний из них — ярлык (грамота) Менгу-Тимура. Она дана «заячьего лета». При Менгу-Тимуре лето в год зайца было два раза — в 1267 и 1279 гг. В данном случае имеется в виду 1267 год, так как его вступление на трон в 1266 г. «привело к определению отношений нового хана к русской церкви» [Приселков, 1916, с. 83][9]. Грамота четко определила круг церковных людей, освобождаемых от ордынских повинностей, конкретно оговорила сами льготы для церкви и перечислила возможные ее «обиды» («или что в законе их: книги, или ино что — да не заимают, ни емлют, ни издерут, ни погубят их; а кто веру их хулити, тот человек [не] извиница и умрет») [Приселков, 1916, с. 58]. Грамота эта ссылается на предшествующие ей узаконения Чингис-хана и «последних царей». Менгу-Тимур, получив власть «и, вероятно, еще не уверенный в ней» [Плигузов, Хорошкевич, 1988, с. 121; Плигузов, Хорошкевич, 1990, с. 93], сделал более легким и разъяснил положение русской церкви. Поэтому в летописи и встречаем указание на облегчение положения Руси после смерти Берке-хана [ПСРЛ, т. 15, стб. 403] (см. также [Будовниц, с. 330; Вернадский, с. 172; Приселков, 1916, с. 84]). Грамота 1267 г. стала следствием притеснений духовенства во время переписи из-за отсутствия четкого обозначения полного состава семьи священника, привлечения в церковное общество новых членов, церковной недвижимости и самого определения «церковных людей». Теперь же все эти недоразумения улаживались [Приселков, 1916,

[9] Е.Е.Голубинский датировал грамоту 1279 г.; для ее получения, по мнению историка, митрополит использовал визит епископа Сарайского Феогноста в Константинополь по поручению Менгу-Тимура [Голубинский, 1900, с. 33, 62]. П.Соколов связывал грамоту Менгу-Тимура с переписью 1275 г. и датировал ее так же, 1279 годом [Соколов, с. 189]. Однако мнение М.Д.Приселкова представляется более обоснованным.

с. 85]. Выдана грамота была, конечно, митрополиту Кириллу, который использовал ее для устройства дел церкви, расстроенных из-за монгольских погромов. Возможно, она была вручена в Орде лично митрополиту Кириллу [Голубинский, 1900, с. 62]. А.И.Плигузов и А.Л.Хорошкевич полагают, что имя митрополита не названо, так как ярлык ссылался на предшествующую грамоту, выданную в период, когда митрополита на Руси не было, т.е. после бегства Иосифа и до поставления Кирилла [Плигузов, Хорошкевич, 1990, с. 89–90].

Вероятно, ярлык Менгу-Тимура был не первым. Из сравнения разных летописных сведений следует, что ярлыки должны были брать все князья, все митрополиты и епископы и подтверждать их нужно было при каждой смене хана на троне [Макарий, с. 199]. Иногда за ярлыками ездили послы [Макарий, с. 199]. Возможно, в составлении ярлыка Менгу-Тимура участвовал и епископ Сарая [Вернадский, с. 173]. Аналогичные документы выдавались и позднее. Ярлыки монгольских ханов кроме содержательного плана имели сакральную составляющую. Представляется обоснованным включить ярлыки митрополитам (впрочем, как и князьям) в систему архаической нормы — дарообмена [Кривошеев, 1999, с. 248]. Вообще, отношения русских правителей (в том числе церковных) вполне укладываются в рамки дихотомии подарок–отдарок [Кривошеев, 1999, с. 241–253]. Ярлыки были главными «отдарками» монгольских правителей за «подарки» — материальные и молитвенные приношения русских [Кривошеев, 1999, с. 248].

«Монгольский вопрос» в «Словах» Серапиона Владимирского. Возвратимся к собственно церковным делам на Руси. В 1274 г. митрополит Кирилл поставил епископом Владимирским Серапиона — архимандрита Печерского[10]. Назначение на такой пост показывает степень доверия митрополита новому владыке. Ведь со времени гибели Митрофана Владимирского в 1238 г. данная епархия формально оставалась без своего пастыря, а делами ее управления занимался сам митрополит, возможно с поддержкой Кирилла Ростовского, а после смерти последнего в 1262 г. [ПСРЛ, т. 1, стб. 475–476] — его преемника Игнатия [Петухов, с. 3–4]. По каноническим правилам новый епископ должен быть поставлен в течение трех месяцев с момента смерти предыдущего, но это правило соблюдалось далеко не всегда [Голубинский, 1998, с. 36]. Как уже сказано, церковь поддержала политику Александра Невского и его преемников по объединению Северо-Восточной Руси. На юге митрополит Кирилл также

[10] Принято считать, что Серапион был архимандритом Печерским в 1249–1274 гг. (см. [Болховитинов, с. 138]).

должен был иметь своих сторонников. Вероятно, одним из них стал Серапион Печерский, будущий владыка Владимирский [Колобанов, 1962, с. 11].

Исследователи по-разному датируют «Слова» Серапиона — его проповеди, дошедшие до нас. Однако, на наш взгляд, изыскания В.А.Колобанова позволили однозначно говорить о создании всех пяти известных «Слов» Серапионом во Владимире [Колобанов, 1958; Колобанов, 1962, с. 7–9]. Так же считает и В.Н.Топоров [Топоров, с. 239–240]. А это значит, что описание монгольского погрома в первом «Слове» — не позднейшая вставка, «оно органично вплетено в текст поучения» [Колобанов, 1962, с. 9]. Вообще, о бедах от монголов говорится во всех пяти «Словах». Власть монголов на Руси описана в этих проповедях с особой силой и экспрессией, в них есть «ряд метких наблюдений над повседневной жизнью Руси 30–70-х годов XIII столетия» [Кучкин, с. 40]. «Не пленена ли бысть земля наша? Не взята ли быша гради наши? Не вскоре ли падоша отци и братья наша трупиемь на землю? Не ведены ли быша жены чада наша в пленъ? Не порабощени быхом оставшеи горкою си работою от иноплеменник?» — восклицает проповедник в своем втором «Слове» [Слова, с. 444]. Чем же вызваны такие горькие беды, в чем их причина? Для Серапиона ответ на этот вопрос очевиден, он говорит в том же поучении: «Кто же ны сего доведе? Наше безаконье и наши греси, наше непослушанье, наше непокоянье» [Слова, с. 444]. Необходимость покаяния проходит через все «Слова» Серапиона, который ярко выразил чувства народа той поры. Все понимали нашествие монголов как гнев Божий, а духовенство видело своей основной задачей проповедь покаяния и обличение пороков общества. Монгольское завоевание Серапион рассматривал в едином ряду с другими бедами (мором, голодом и т.д.), которые он также считал карой за нравственное оскудение общества [Мартынюк, с. 22–23].

Такое настроение заметно и в летописях, оно было общим и вытекало «из основных начал по преимуществу религиозного миросозерцания русского народа с первых моментов его христианского просвещения», схожие моменты были характерны в XIII в. и для литературы других народов [Петухов, с. 38–41; ср.: Макарий, с. 307]. О.В.Творогов отмечал: «Несмотря на церковно-учительный характер, все три названных „Слова“ Серапиона являются выразительными свидетельствами настроений русского общества в тяжкие годы нашествия» [Творогов, с. 389]. Но заслуга Серапиона и в том, что он смог указать и на положительные качества, присущие монголам [Петухов, с. 31]. В пятом «Слове» говорится о человечном отношении их друг к другу. На фоне этого должны были особенно отвратительно выглядеть пре-

ступления русских-христиан, которые «аще бы мощно, снели другъ друга, но вся Богъ боронит» [Слова, с. 454]. Это противопоставление христиан и «поганых» — очень удачный прием возбуждения в слушателях стремления к нравственному самоочищению. Негативное отношение к завоевателям не застилало глаза епископу Серапиону, и он смог увидеть положительные качества монголов. Проповедник сумел отличить представителей монгольской власти, утеснявших Русь, от собственно массы кочевников, обладавших рядом достоинств [Греков, Якубовский, с. 189]. Это послужило Л.Н.Гумилеву подтверждением его мнения о том, что монголы не могли привить русскому народу негативные свойства (например, предательство), которыми сами не обладали [Гумилев, с. 359]. По мнению И.У.Будовница, четвертое и пятое «Слова» Серапиона — переработка произведений 90-х годов XI в., где говорилось о половцах, чью жизнь русские авторы знали лучше [Будовниц, с. 338–339].

Другим важным делом митрополита Кирилла стало примирение в 1270 г. Ярослава Ярославича с новгородцами [НІЛ, с. 89, 321][11]. Это, как заметил Дж.Феннел, первый и единственный в XIII в. эпизод, «когда глава церкви не только выступил на стороне великого князя, но и добился цели, применив угрозу отлучения» [Феннел, с. 180–181]. В данном случае нам необходимо признать, что митрополит действовал без оглядки на ханскую власть, ибо благодаря усилиям Василия Ярославича ордынская рать не дошла до стен Новгорода, т.е. монголы уже не гневались на город, и, несмотря на это, Кирилл выступил на стороне Ярослава.

Епископ Игнатий. В 1280 г. митрополит Кирилл, прибывший на северо-восток Руси из Киева, запретил в служении епископа Ростовского Игнатия за то, что тот изринул из церкви «в полунощи» тело князя Глеба Васильковича через девять недель после его смерти и похоронил затем в княгинином монастыре св. Спаса. Лишь заступничество Дмитрия Борисовича помогло опальному архиерею, и он был прощен митрополитом [ПСРЛ, т. 18, с. 77; ПСРЛ, т. 25, с. 152]. Иначе представлено дело в Тверском сборнике: «Того же лета Кирил митрополит, по оклеветанию, разгневася на епископа Игнатиа; и паки благослови и» [ПСРЛ, т. 15, стб. 405]. Что же могло послужить причиной такого поворота событий? Не в отношении ли покойного к монгольским властям было дело? Ведь Глеб Василькович «от уности своея по

[11] Никоновская летопись дает более развернутый текст грамоты [ПСРЛ, т. 9–10, с. 149], но скорее всего это результат приписки позднейшего летописца [Голубинский, 1900, с. 81, примеч. 1].

нахождении поганых Татар и по пленении от них Русскыя земля, нача служити им» [ПСРЛ, т. 18, с. 76].

Подобный взгляд епископа Ростовского на внешнюю политику не мог вызвать сочувствие митрополита, непонятен его христианской совести был и сам акт подобной эксгумации «преже суда Божиа». Кирилл полагал верной политику Александра Невского, направленную на поддержание мира с монголами и после смерти Ярославича. Самому Глебу Васильковичу подчинение Сараю дало возможность «многи христианы обидима от них (монголов. — *Авт.*) избави и печальныа утешая» [ПСРЛ, т. 18, с. 76]. Однако существует четкое указание, что «в лето 6788» «ходи Игнатие епископь 2-е в Орду, за причет церковный» [ПСРЛ, т. 15, стб. 405]. Это делает зыбким предположение об антимонгольской ориентации епископа Ростовского. Тем более что вполне вероятно возвращение его из Сарая с какими-то дарами. Ведь в тот же год ростовская соборная церковь была покрыта оловом, а ее пол — красным мрамором [ПСРЛ, т. 18, с. 77; ПСРЛ, т. 25, с. 152]. «И прия престол святый владыка Игнатий, и нача крыти оловом и дно мостити мрамором храм святыя Богородица Ростовския; в Орду ходя, емля оброки царския» [Повесть о Петре, с. 143][12].

Учитывая сказанное выше, предполагаем, что причина эксгумации князя была в другом. В то время начались стихийные бедствия. В год смерти князя (6786) «многие человеци умираху различными недуги» [ПСРЛ, т. 18, с. 76]. В 1279 г. «бысть знамение в Луне, и погибе вся, и не бысть ея надолзе, и явився до зори, и о свете не исполнися вся» (цит. по [Татищев, с. 54]). И позже продолжались беды народа: «Того же лета (6788 г.) быша громове страшнии и ветры мнозии, и вихри велици, и буря сильна и молонья многа, и многа людеи гром побил, и мнози молоньями опалени быша; индеже вихор силен весь двор из основаниа възма и с людми с всем прочь несе» [ПСРЛ, т. 18, с. 77]. Не пошел ли епископ на поводу у городской общины, желавшей с помощью такого перезахоронения установить хорошую погоду и (или) прекратить мор? В исследовании И.Я.Фроянова показано, что существовали устойчивые (архаические) представления о способности правителей влиять на погоду, урожай и т.д. [Фроянов, 1995, с. 455–459, 468–471]. Считалось также, что «нечистый» покойник может влиять на природные явления (вспомним осуждение Серапионом Владимирским разорения могил утопленников и «удавленников»).

[12] Есть основания предположить, что русские князья и духовенство неоднократно использовали деньги, полученные в Орде (или удержанные от выхода с согласия хана), для строительства и отделки зданий [Кривошеев, 1999, с. 251–252].

Д.К.Зеленин привел многочисленные факты живучести данного предрассудка, существовавшего и в XIX в. [Зеленин, с. 99–109]. Но перезахоронение князя не принесло желаемого результата: беды продолжались, и это вполне могло вызвать брожение в умах и недовольство епископом (вспомним сообщение Тверской летописи, что митрополит разгневался на Игнатия «по оклеветанию», значит, ему кто-то пожаловался). Разумеется, такая эксгумация заслуживала наказания как послабление языческим пережиткам. Кроме того, она как бы приговаривала на вечные муки Глеба Васильковича «преже суда Божиа» (ведь если причина бедствий в нем, следовательно, велики были и его грехи). Епископ Игнатий осознал свою вину, он получил прощение митрополита Кирилла и в будущем даже достиг святости. Итак, епископ Ростовский не был настроен против монголов, а причины его конфликта с Глебом Васильковичем нужно искать в другой области. Временное запрещение в служении стало «частным случаем» «церковно-просветительской» деятельности митрополита Кирилла [Голубинский, 1900, с. 80].

Под 1279 г. (6787) летопись сообщает: «Того же лета прииде Феогнаст, епископ Сарайскый втретий из Гречискиа земли, изо Царяграда; посылан убо его пресвященный митрополит Киевский и всеа Руси, и царь Ординский Менгу Темирь к патриарху и к царю Михаилу Палеологу Греческому, от пресвященнаго Кирила митрополита грамоты и от царя Менгу Темиря грамоты, и поминки от обою» [ПСРЛ, т. 9–10, с. 157]. Как видим, сарайский владыка пользовался особым доверием у ханов. Интересно, что предшественник Феогноста епископ Митрофан добровольно покинул кафедру в 1269 г. [ПСРЛ, т. 9–10, с. 147–148; т. 30 с. 94; т. 34, с. 98]. То есть он занимал свой пост в течение восьми лет. Это не такой уж большой срок. Вероятно, служение на этой кафедре было довольно сложным: так, Феогност за десять лет своей пастырской деятельности три раза ходил в Константинополь и обратно; такие путешествия были, конечно, очень тяжелы. За это время между Феогностом и ханом должны были сложиться тесные отношения [Сочнев, 1993а, с. 283–284]. Параллельно епископ решал и церковные вопросы. По его просьбе Патриарший собор 1276 г. разъяснил ряд моментов в обрядах (см. [Ответы]). Архиепископ Филарет полагал, что вопросы Феогноста преимущественно относились к нуждам Сарайской епархии [Филарет, с. 236]. Мы связываем непосредственно с нуждами этой епархии лишь вопросы о крещении яковитов и несториан, о переносе преждеосвященных даров и службе на них и о возможности обливания во время крещения при отсутствии достаточно большой купели. Все остальные неясности могли существовать и в любой другой епархии, а не только в Сарайской. Вполне вероятно, что

эти неясности возникли на Соборе 1274 г., и теперь Феогност использовал удобный случай — поручение монголов для решения этих дел [Голубинский, 1900, с. 78]. Нелишне будет заметить, что выполнение Феогностом дипломатических поручений, по всей видимости, помогало ему расширить миссионерскую деятельность в своей епархии [Сочнев, 1993а, с. 284].

Митрополит Максим. Через три года после смерти Кирилла (1280 г.) «поставлен бысть на Русь митрополит гречин, именем Максим» (1283 г.) [ПСРЛ, т. 6, стб. 359; т. 7, с. 176; т. 25, с. 154; т. 39, с. 95]. А.А.Горский датирует смерть Кирилла 1281-м годом, а поставление Максима — 1284-м годом [Горский, с. 87, примеч. 24, 26]. На этот раз Константинополь нашел кандидата на русскую кафедру в среде византийских клириков: отношения Руси с монголами наладились, и теперь были желающие стать митрополитом всея Руси [Голубинский, 1900, с. 90]. Возможно, Царьград еще при жизни Кирилла дал понять нежелательность избрания верховного пастыря из среды русских клириков, а может, и сами русские не решились на такое избрание в условиях нормализации церковной жизни после Батыева погрома [Голубинский, 1900, с. 90]. В общем, правильным будет признать, что это избрание не было неожиданностью для Руси [Карташев, с. 295].

В тот же год Максим пришел на Русь и немедленно отправился в Орду [ПСРЛ, т. 9–10, с. 161]. Что же могло стать причиной этой поездки? Митрополит Макарий полагал, что основной причиной для этого был уже утвердившийся обычай подтверждения власти вновь поставленных верховных пастырей от ханов [Макарий, с. 18][13]. Но ведь для этого совсем не обязательно было идти в Орду самому, можно было отправить послов, на что указывает и сам митрополит Макарий [Макарий, с. 18]. Ближе к истине, на наш взгляд, предположение Е.Е.Голубинского о том, что Максим выполнял какое-то дипломатическое поручение императора Андроника Старшего, только что сменившего Михаила Палеолога [Голубинский, 1900, с. 90–91]. Никоновская летопись сообщает вслед за известием о визите Максима в Сарай о нападении сарацин на земли империи [ПСРЛ, т. 9–10, с. 161]. Может быть, именно желание получить от монголов какую-либо помощь и было сутью этого поручения? Вместе с тем не стоит сомневаться, что митрополит ходил к ханам и по каким-то особенным нуждам церкви (ср.: [Голубинский, 1900, с. 91]).

[13] П.Соколов также полагал, что Максим ходил за подтверждением прав церкви [Соколов, с. 195].

Русские иерархи по-прежнему старались удержать народ от выступлений против завоевателей, потому что выступления, как правило, влекли за собой жестокую и неизбежную кару. Так, в год смерти епископа Игнатия произошли волнения в Ростове. Устюжская летопись по списку Мациевича так сообщает об этом: «Преставися Игнатеи епископ Ростовскии. Тогда бе множество татар в Ростове, и изгнаша их, пограбя всех, а князь Констянтин Ростовскии иде в Орду» [ПСРЛ, т. 37, с. 71]. Вероятно, возмущение монгольским произволом, сдерживаемое до сих пор авторитетом епископа Игнатия, вылилось наружу, и монголы пострадали от народа. Новому епископу, Тарасию, предстояло урегулировать возникшие недоразумения в отношениях с ними.

Переезд Максима в Северную Русь. Вскоре митрополит был вынужден перенести свою резиденцию из Киева во Владимир: «Митрополитъ Максимъ не терпя Татарьско насилья оставя митрополью и збежа ис Киева и весь Киевъ розбежалъся а митрополит иде ко Брянску и отоле иде в Суждальскую землю и со своим житьем» [ПСРЛ, т. 1, стб. 485]. Новгородский летописец сохранил для нас чрезвычайно любопытную деталь. Сообщая об избрании на кафедру архиепископа Феоктиста (под 6807 г.) и введении его на владычный двор, летопись говорит «донде уведають кде митрополит» [НІЛ, с. 90, 330]. Это свидетельствует об обстановке, которая сложилась после бегства Максима из Киева. Митрополит вынужден был скитаться по Руси, и даже его местонахождение было неизвестно. Опасность, угрожавшая русскому иерарху, была вполне реальна. Позже в сходной ситуации окажется митрополит Петр в Брянске: он смог спастись, укрывшись в церкви [ПСРЛ, т. 7, с. 185; ПСРЛ, т. 9–10, с. 177; ПСРЛ, т. 18, с. 87; ПСРЛ, т. 25, с. 159; ПСРЛ, т. 34, с. 97]. Это — еще одно свидетельство того, что ярлыки зачастую «не работали» во время монгольских набегов. Но все же митрополит и его люди спаслись от врага и смогли покинуть Киев. Вероятно, ярлыки хана все-таки несколько сдерживали монгольских воинов. Не случайно, как нам думается, митрополит Петр укрылся в церкви, которую нападавшие разорять не стали. А что могло их остановить, кроме страха перед ханом? Во время похода Бату-хана церкви не щадили, теперь ситуация изменилась. Переезд митрополита — дополнительное доказательство меньшей защищенности Юга Руси от набегов, чем ее Севера.

Митрополит Петр. Церковь и Узбек-хан. Умершего в 1305 г. Максима [ПСРЛ, т. 1, стб. 528] сменил митрополит Петр. В 1308 г. он приехал в Киев [ПСРЛ, т. 7, с. 185]. В 1309 г. митрополит уже во Владимире [ПСРЛ, т. 7, с. 185], и в тот же год, 5 июня, им был поставлен

для Новгорода новый архиепископ, Давыд [НІЛ, с. 92, 333]. Из месяцеслова евангелия Симеона Гордого узнаем, что в этот день праздновалась «Память с человеколюбьем нанесеныя на ны страшныя беды нашествием поганых» (цит. по [Борисов, 1999, с. 122]), в связи с чем проводилось торжественное богослужение вне храма, посвященное избавлению от варваров (праздник имел византийские корни). Выбором дня для хиротонии митрополит как бы указал духовенству его главную задачу — «нравственное исцеление общества во имя возвращения милости Божией». Возможно, в этот день пастырь произнес «Слово» к народу, в котором затронул тему чужеземного ига, подобно тому как раньше это делал Серапион Владимирский [Борисов, 1999, с. 122–123].

В 1312 г., судя по летописям, митрополит свел с кафедры епископа Сарая Измаила. Вместо него поставлен был Варсонофий [ПСРЛ, т. 7, с. 186; т. 9–10, с. 178; т. 18, с. 87; т. 25, с. 160]. Учитывая важную роль, которую играл этот владыка, кажется верным предположение Е. Е. Голубинского, что Измаила «постигла казнь церковная за вину нецерковную» [Голубинский, 1900, с. 121]. Н. М. Карамзин полагал, что Измаил был наказан «без сомнения за важное преступление относительно к церкви или Отечеству...» [Карамзин, 1992, с. 113]. После смерти Тохты-хана митрополит с епископами, как и князья, отправился в Орду, чтобы засвидетельствовать почтение хану Узбеку [ПСРЛ, т. 7, с. 186; т. 9–10, с. 178]. Новый хан собирался перейти в ислам, Сарай при нем вскоре стал настоящим мусульманским городом [Усманов, с. 179], но, по свидетельству Никоновской летописи, «митрополит во Орде у царя бысть въ чести велице, и отпущенъ бысть отъ царя со многою честию вборзе, и прииде на Русь» [ПСРЛ, т. 9–10, с. 178]. Н. С. Борисов убедительно показал, что сан с владыки Сарая был снят уже после восшествия на престол нового хана. Петр низложил Измаила, получив на это согласие Узбека [Борисов, 1999, с. 137].

Поставление нового епископа требовало созыва архиерейского собора, но ведь в Орде собралось, судя по Никоновской летописи, немало епископов [Борисов, 1999, с. 137–138; ПСРЛ, т. 9–10, с. 178]. Несмотря на такой прием русского пастыря, права русской церкви были несколько ограничены. Возможно, с религиозной политикой хана Узбека связано тверское восстание 1327 г. [Плигузов, Хорошкевич, 1988, с. 123; Плигузов, Хорошкевич, 1990, с. 94], хотя это обстоятельство долгое время несколько затушевывалось в историографии. Но именно национально-религиозное православное движение помогло сплотить жителей Твери на борьбу с татарами [Кривошеев, 1999, с. 316]. И тем не менее, как верно писал Л.Н.Гумилев, «тонкая церковная диплома-

тия установила союз православной Руси с мусульманской Ордой, оговорив взаимные обязательства» [Гумилев, с. 383]. Реформа хана Узбека заставила переселиться на Русь монгольских вельмож, не желавших менять веру предков [Гумилев, с. 364–365]. Г.А.Федоров-Давыдов указывал, что ислам в Золотой Орде был все же довольно терпим к языческим пережиткам [Федоров-Давыдов, с. 37]. Действительно, монгольская знать не желала усиления выходцев из мусульманских стран [Сочнев, 1993а, с. 286]. Невозможно было искоренить и христианство в Орде, так как мусульманскому окружению хана Узбека приходилось считаться со сложившимся положением дел: в Орде было немало православных (потомки пленников, ставшие свободными ремесленниками, и крещеные татары), их семейно-брачные отношения, имущественные, юридические, канонические нормы жизни шариат регулировать не мог [Сочнев, 1993а, с. 286–287; Сочнев, 1993б, с. 114].

Житие митрополита Петра содержит интересное сообщение, вызвавшее множество толкований. «И се тако еретика препре, приехавши на прю, и прокля и» [Жития, с. 416]. В житии Петра, составленном митрополитом Киприаном, иначе: «...и Сеит еритик явися и чуждая церкве Христовы и православныя веры мудрствуя; его же святый припре и непокаряющася того проклятию предаст, иже и погубе» (цит. по [Голубинский, 1900, с. 130]). В.Н.Татищев приводит данные о том, что этот Сеит был новгородским протопопом. По известиям историка XVIII в., к его лжеучению «присташа мнози от причта церковна и мирян, и епископ тверский помогаше има», и под действием проповедей Сеита даже «мнозии, от инок исшедше, оженяхуся» [Татищев, с. 72]. Однако это — лишь предположение исследователя, а не факт, почерпнутый из не дошедшего до нас источника. В частностях версия В.Н.Татищева противоречит житиям Петра [Макарий, с. 417]. В ней перепутаны события собора в Переяславле, и сама проблематика собора сведена к борьбе с новоявленной ересью [Татищев, с. 72][14]. Н.М.Карамзин считал, что Сеит — это имя какого-то конкретного че-

[14] В трудах В.Н.Татищева в этом месте существуют разночтения. В некоторых вариантах рукописей есть слова: «Того же лета явися в Новеграде еретик *Вавила* (курсив наш. — *Авт.*)» [Татищев, с. 72, 281]. Это позволило Н.С.Борисову говорить о ереси Вавилы, не смешивая ее с ересью Сеита [Борисов, 1999, с. 192–193]. По мнению Б.А.Рыбакова, этот еретик-протопоп «был одним из первых читателей (а может быть, и создателем?) полной воинствующей Власфимии 1274–1312 гг. (древнерусского полемического сборника, содержавшего критику официальной церкви. — *Авт.*)» [Рыбаков, с. 156]. Мы полагаем, что имя Вавилы попало в произведение В.Н.Татищева по недоразумению, ибо в других источниках оно не встречается; очевидно, историк подразумевал под новгородским протопопом того же человека, которого житие Петра называет Сеитом.

ловека [Карамзин, 1992, с. 113]. Митрополит Макарий полагал первоначальным вариант записи об этом событии, сохранившийся в Никоновской летописи: «И се ин еретик явися...», другие же версии, по мнению высокопреосвященного автора — ошибка переписчика [Макарий, с. 417][15]. То есть он считал, будто нам хотели оставить сообщение, что явился *другой* еретик. Вообще, сеид (саййид) — слово арабское, оно означает «господин, предводитель, глава». У татар сеидами назывались высшие мусульманские духовные лица [Голубинский, 1900, с. 130]. Нам кажется верным мнение Е.Е.Голубинского, что в данном случае речь идет не о крещеном сеиде, впавшем позже в ересь, а о представителе исламского духовенства, приехавшем на Русь с миссионерскими целями. Нет ничего странного, что с воцарением хана Узбека среди мусульман нашлись горячие головы, решившие обратить население Руси в ислам [Борисов, 1999, с. 191; Голубинский, 1900, с. 130–131]. Впрочем, бесперспективность такой попытки была очевидна для ордынских властей, что не могло мешать отдельным лицам попытаться сделать это.

* * *

Из рассмотренного нами материала можно сделать общий вывод, что и в период так называемого монгольского ига церковная жизнь на Руси не угасала. Продолжался рост монастырей: известно, что за двести лет ига их стало в два раза больше, чем было [Макарий, с. 101]. Хотя при этом необходимо признать, что основная часть обителей была основана не в первое столетие монгольского периода, а позже. Н.М.Карамзин полагал, что в монастырях люди находили безопасное прибежище [Карамзин, 1993, с. 209]. Но едва ли это так. Ведь большинство монастырей возникло в Новгородской земле, куда непосредственная власть монголов не доходила [Макарий, с. 102]. Ханскими льготами нельзя, на наш взгляд, объяснять рост монастырей, так как хотя по их числу монгольский период превосходит два предыдущих века русской истории, но зато сильно уступает последующему времени [Макарий, с. 134–135]. Думаем, что ордынцы не мешали и не помогали развитию иноческих обителей (свои льготы церкви они перекрывали разорениями во время набегов). Развитие это обусловливалось нормальным ходом исторического процесса.

---

[15] Комментатор трудов митрополита Макария справедливо указал, что чтение «и Сеит еретик явися» восходит уже к Киприановой редакции жития Петра [Турилов, с. 558]. Да и сам митрополит в другом месте своего труда пишет о Сеите как об имени собственном [Макарий, с. 25].

Церковные соборы, проходившие в те нелегкие годы, свидетельствуют о том, что жизнь в русской церкви шла своим чередом. Об уровне развития церковной культуры говорят проповеди Серапиона Владимирского — шедевры средневековой русской словесности. Церковная иерархия не потеряла своего авторитета в народе: в христианстве люди стали видеть свое главное отличие от «поганых агарян». Отступники от веры вызывали к себе презрение (например, Зосима, убитый в Ярославле в ходе восстания 1262 г.).

Зависимость церкви от ордынских властей не устранила для нее зависимости от общины. Так, мнение народа стало решающим при оправдании митрополита Петра на Переяславском соборе [Гумилев, с. 381]. Возможно, именно общественное мнение стало причиной и эксгумации ростовского князя Глеба епископом Игнатием. Однако в данный период появляются первые признаки освобождения церкви от контроля широких слоев жителей русских земель. Свидетельством этого стало неоднократное применение церковных санкций митрополитами в тот исторический период против князей и населения. Но это было самое начало выхода церковной иерархии из подчинения общине.

Беляев — *Беляев И.Д.* Великий князь Александр Ярославич Невский // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 4. М., 1849.

Болховитинов — *Болховитинов Е.* Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением различных грамот и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер. Киев, 1831.

Борисов, 1988 — *Борисов Н.С.* Церковные деятели средневековой Руси XIII–XIV вв. М., 1988.

Борисов, 1999 — *Борисов Н.С.* Политика московских князей: Конец XIII — первая половина XIV в. М., 1999.

Будовниц — *Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960.

Вернадский — *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.

Голубинский, 1900 — *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви: Период второй, Московский. Т. II: От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М., 1900.

Голубинский, 1998 — *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви: Период второй, Московский. Т. II: От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Вторая половина тома. М., 1998.

Горский — *Горский А.А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3.

Греков, Якубовский — *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1998.

Григорьев — *Григорьев А.П.* Ярлык Менгу-Тимура: реконструкция содержания // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Л., 1990. Вып. XII.

Гумилев — *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.

Доброклонский — *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 1999.

Егоров, 1995 — *Егоров В.Л.* Александр Невский и Золотая Орда // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26–28 сентября 1995 г. Новгород, 1995.

Егоров, 1997 — *Егоров В.Л.* Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2.

Жития — Жития святого Петра митрополита и самый текст одного из них, написанный епископом Прохором // *Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви. Кн. 3: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отдел первый. Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240–1448). М., 1995.

Зеленин — *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.

Иловайский — *Иловайский Д.И.* Рязанское княжество. М., 1997.

Иоанн — *Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.* Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. СПб., 1994.

Карамзин, 1992 — *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1992. Т. IV.

Карамзин, 1993 — *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1993. Т. V.

Каргалов, 1967 — *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.

Каргалов, 1998 — *Каргалов В.В.* На границах стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле: противостояние XIII–XVIII вв. М., 1998.

Карташев — *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1993. Т. I.

Клепинин — *Клепинин Н.А.* Святой и благоверный великий князь Александр Невский. М., 1993.

Колобанов, 1958 — *Колобанов В.А.* К вопросу о датировке первого «Слова» Серапиона Владимирского // Ученые записки Владимирского педагогического института. 1958. Вып. 4.

Колобанов, 1962 — *Колобанов В.А.* Общественно-литературная деятельность Серапиона Владимирского. Автореф. канд. дис. Ленинград; Владимир, 1962.

Кривошеев, 1993 — *Кривошеев Ю.В.* Церковь в социальных противоречиях середины XII — XIII в. (на северо-востоке Руси) // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. Материалы научной конференции, посвященной 20-летнему юбилею Удмуртского государственного университета. Ижевск, 23 октября 1992 г. Ижевск, 1993.

Кривошеев, 1995 — *Кривошеев Ю.В.* О средневековой русской государственности (к постановке вопроса). СПб., 1995.

Кривошеев, 1999 — *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999.

Кучкин — *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземн-

ных нашествий и войн. X — начало XX в. Сб. научных трудов. М., 1990. Вып. I.

Макарий — *Макарий (Булгаков)*. История Русской Церкви. Кн. 3: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отдел первый. Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240–1448). М., 1995.

Мартынюк — *Мартынюк А.В.* «Поучения» Владимирского епископа Серапиона о причинах поражения русских княжеств в борьбе с монголо-татарским нашествием // Спорные проблемы русской общественной мысли (до начала XIX в.). Научная конференция. Москва, 12–14 мая 1992 г. Тезисы докладов. М., 1992.

Матузова — *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979.

Насонов — *Насонов А.Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л., 1940.

Ответы — Ответы Константинопольского патриаршего собора на вопросы Сарайского епископа Феогноста // Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. VI.

Охотина — *Охотина Н.А.* Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. ст. / Отв. ред. А.И.Клибанов. М., 1990.

Очерки — Очерки по истории СССР: Период феодализма. IX–XIII вв. / Под ред. Б.Д.Грекова. М., 1953.

Патерик — Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999.

Пашуто, 1948 — *Пашуто В.Т.* Киевская летопись 1238 г. // Исторические записки. М., 1948. Т. XXVI.

Пашуто, 1949 — *Пашуто В.Т.* О политике папской курии на Руси // Вопросы истории. 1949. № 5.

Пашуто, 1950 — *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Петухов — *Петухов Е.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888.

Плигузов, Хорошкевич, 1988 — *Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л.* Отношение русской церкви к антиордынской борьбе в XIII–XIV вв. (по материалам Краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Вопросы научного атеизма. Вып. 37: Православие в истории России. М., 1988.

Плигузов, Хорошкевич, 1990 — *Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л.* Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам Краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. ст. / Отв. ред. А.И.Клибанов. М., 1990.

Повесть о Петре — Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). М., 1982.

Повесть о разорении — Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. // Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949.

Полубояринова — *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

Приселков, 1916 — *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

Приселков, 1950 — *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция содержания. М., 1950.

Путешествия — *Плано Карпини, Джованни дель.* История монгалов // *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов * *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны * Книга Марко Поло. М., 1997.

Рошко — *Рошко Г.* Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия: Послания Папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому // Символ. Париж, 1988. № 20.

Рыбаков — *Рыбаков Б.А.* Стригольники: Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993.

Скрынникова — *Скрынникова Т.Д.* К вопросу о формировании монгольской государственности в XI–XII вв. // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск, 1989.

Слова — «Слова» Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси XIII в. М., 1981.

Соколов — *Соколов П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до конца XV в. Киев, 1913.

Соловьев Н.А. — *Соловьев Н.А.* Сарайская и Крутицкая епархии // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1894 г. М., 1894. Кн. 3 (170).

Соловьев С.М. — *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 2: История России с древнейших времен. М., 1988. Т. III–IV.

Сочнев, 1993а — *Сочнев Ю.В.* Русь и Золотая Орда: Некоторые аспекты конфессиональных взаимоотношений // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. Ч. 2.

Сочнев, 1993б — *Сочнев Ю.В.* Христианство в Золотой Орде в XIII в. // Из истории Золотой Орды. Сб. ст. Казань, 1993.

Татищев — *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. V–VI: История Российская. М., 1996. Ч. 3, 4.

Творогов — *Творогов О.В.* Серапион // Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. Вып. 1.

Топоров — *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. II: Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.). М., 1998.

Турилов — *Турилов А.А.* Комментарии // *Макарий* (*Булгаков*). История Русской Церкви. Кн. 3: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отдел первый. Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240–1448). М., 1995.

Усманов — *Усманов М.А.* Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XIV вв. // Духовенство и политические силы на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.

Федоров-Давыдов — *Федоров-Давыдов Г.А.* Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А.Авдусина. М., 1998.

Феннел — *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси: 1200–1304. М., 1989.
Филарет — *Филарет (Гумилевский).* История Русской Церкви. В пяти периодах (988–1826). СПб.. 1894.
Фроянов, 1980 — *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
Фроянов, 1995 — *Фроянов И.Я.* Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.
Фроянов, 1996 — *Фроянов И.Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996.
Хорошев — *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986.
Чукаева — *Чукаева В.А.* Русские княжества и Золотая Орда: 1243–1350 гг. Днепропетровск, 1998.

НІЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н.Насонова. М.; Л., 1950.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1; М., 1998. Т. 2; М., 2000. Т. 6; СПб., 1856. Т. 7; М., 1965. Т. 9–10; М., 2000. Т. 15; СПб., 1913. Т. 18; М.; Л., 1949. Т. 25; М., 1965. Т. 30; М., 1978. Т. 34; Л., 1982. Т. 37; М., 1994. Т. 39.

История культуры
Источниковедение

Г.Ф.ВАЛЕЕВА-СУЛЕЙМАНОВА
(Казань)

К вопросу о генезисе золотоордынских браслетов с зооморфными изображениями

Большой интерес с точки зрения истоков и преемственности золотоордынского искусства представляют произведения, форма и декор которых почти без изменения сохранялись в традиционной культуре вплоть до начала XX в. Это достаточно широко распространенный в ювелирном искусстве казанских татар вид несомкнутых пластинчатых браслетов с чеканенными и гравированными зооморфными изображениями, похожими на львиные личины. Такие браслеты хорошо известны по материалам золотоордынских раскопок и кладов, найденных в подавляющем большинстве в Среднем Поволжье, в основном на территории Волжской Булгарии, а также по отдельным находкам в нижневолжских городах, в Прикамье и Крыму.

Как на свидетельство происхождения казанских татар от волжских булгар на них впервые обратил внимание историк и археолог Н.Ф.Калинин. Он составил таблицу браслетов с изображениями львиных личин, которые начиная с булгарских времен, постепенно превратились в геометрическую схему в искусстве казанских татар [Калинин, с. 106]. Ф.Х.Валеев разделил браслеты на хронологические группы XIII–XIV вв. и XV–XIX вв. [Валеев, 1969, с. 100–101]. А.П.Смирнов отнес возникновение данных браслетов к XII в., а изображения на них определил как человеческие личины [Смирнов, с. 126].

Хотя три названных выше автора и относили рассматриваемые браслеты к золотоордынскому времени, тем не менее считали их по происхождению булгарскими. Напротив, М.Г.Крамаровский, датируя всю группу браслетов золотоордынским временем, предложил отказаться от определения «булгарские браслеты» и отнес их к кругу изделий, созданных в ремесленной среде кочевых ставок золотоордынских

© Г.Ф.Валеева-Сулейманова, 2002

городов, но обязанных своим происхождением сельджукской традиции [Крамаровский].

Этот вид браслетов вызывает интерес не столько с точки зрения проблемы их ранней датировки, сколько в искусствоведческом и шире — культурологическом аспекте, в связи с их генезисом и — изобразительной стилистикой, позволяющей выявить преемственность этноэстетических традиций в искусстве Золотой Орды, раскрыть процессы формирования «имперского» стиля и роль в этих процессах локальных и региональных художественных центров. Заметим, что мотив львиных личин является отголоском ушедшего в небытие «звериного стиля», который тем не менее оставался популярным в искусстве мусульманского Средневековья и Нового времени, т.е. на протяжении всего периода становления и формирования татарского этноса, свидетельствуя о его этнической и культурной преемственности.

Классический тип таких браслетов представлен в виде серебряной металлической пластины шириной около 2 см. По всей ее длине, по верхнему и нижнему краю, делались приблизительно двухмиллиметровые углубления. Концы закруглялись, и на плоскости, по форме, близкой к квадрату, были выгравированы изображения, напоминающие львиные личины. Гравировка изображений плоская, контурная, в отдельных местах штриховая, стилизованно передающая шерсть животного. Рисунок линейный, прочерчивались глаза, нос и верхняя часть пасти хищника, намечены надбровные дуги, центр которых, как правило, выделялся полукругом, точками или ромбом.

Изображение морды животного орнаментально стилизовано и построено на ритме криволинейных плоскостей, полукружий, кружочков и мелкой штриховки. Кружками точечного характера выделяются глаза, нос и надбровные дуги. Плоскостная композиция браслетов строго зеркальна и симметрична. Резьба выполнялась острым резцом-штихелем, кружочки чеканились мелкими зубилами. В некоторых образцах вместо гравировки использовано травление.

Из-за строгой каноничности формы и декора браслетов не всегда удается отличить образцы, например, XV–XVI вв. от образцов XVII–XVIII вв. По внешнему облику они почти не отличаются и от золотоордынских браслетов. Разница выявляется лишь путем соотнесения археологических образцов с этнографическими. Поэтому невозможно провести четкую хронологическую градацию между браслетами периода Средневековья и Нового времени. В то же время наблюдаются устойчивое единообразие и преемственная каноничность браслетов как по форме, так и в мотивах декора.

Существенные изменения намечаются в них лишь со второй половины XIX в. Браслеты, относящиеся ко времени до начала XX в.,

обычно более узкие (около 1,5 см) и декорированы вместо углублений по краям штриховкой. Изображения львиных личин на концах браслетов переданы мотивами циркульного орнамента с условным выделением глаз, носа и верхних дуг, идущих от пасти животного. Иногда циркульный орнамент, проработанный зубилом, сочетается с гравированным, передающим изображение морды хищника в виде полукружий и прямых линий, завершающихся ромбом. Позднее, с исчезновением функциональной содержательности изображений в виде львиных личин, традиция композиционного выделения концов браслетов данным мотивом исчерпывается. Впрочем, некоторые народные мастера вплоть до недавнего времени придерживались сложившегося канона в украшении браслетов. К примеру, ювелир Хабибрахман Ганиев из аула Тенеки Сабинского района в 1980-е годы создавал черненные по серебру браслеты со схематическими мотивами львиных личин на концах.

Основная масса «археологических» браслетов, кроме уникальных образцов, датированных домонгольским временем [Смирнов, с. 126], относится к золотоордынской эпохе. Они были сделаны из золота, серебра и меди и имели гравированные, чеканенные и штампованные изображения. Большое число находок свидетельствует об их широкой популярности как среди знатной верхушки, так и остальной части населения государства. Почти все они, за исключением отдельных экземпляров, происходят с территории Волжской Булгарии, которая в XIII–XIV вв. была одной из провинций улуса Джучи. Главный город провинции — Булгар был первой столицей Золотой Орды, крупным ремесленным и торговым центром, сочетавшим городскую культуру, находившуюся под влиянием канонов ислама, и языческую культуру кочевой степи. Искусство в этот период также развивалось в двух основных направлениях. Одно из них было связано с формированием общеимперского стиля, объединявшего традиции разных локальных школ, и представлено в крупнейших центрах государства. Другое — исходившее из традиций местной домонгольской культуры — постепенно вытеснялось этнокультурными явлениями, связанными с проникновением нового населения.

Искусство городов и селений с оседлым булгарским населением в границах Орды взаимодействовало с искусством тюркских скотоводческих племен (кипчаков, огузов и др.) и обслуживало потребности как оседлого, так и кочевого населения. О том, что рассматриваемые браслеты отражали вкусы смешанной среды, свидетельствуют находки литейной формы для подобных браслетов с Царевского городища [Крамаровский] и браслета с надписью и львиными личинами, штампованными на концах браслета, с Селитренного городища [Федоров-Давыдов].

По сути дела, этот вид браслетов можно отнести к общеимперскому типу, поскольку их производство осуществлялось в крупнейших центрах империи. В стиле золотоордынского искусства соединились формы, разные по истокам (поволжские, среднеазиатские, дальневосточные), однако близкие друг другу и имеющие общность, восходящую ко временам античности и эллинизма. Об этом свидетельствуют рассматриваемые браслеты, в проявлениях имперского стиля которых присутствуют местные традиции, присущие дозолотоордынским культурам. Важную роль в раскрытии генезиса таких браслетов играет мотив львиных личин, его эволюция и стилистика изобразительной трактовки на разных исторических этапах. Это позволяет ответить на вопрос: является ли данный мотив в искусстве Золотой Орды «завезенным» или же продолжает традиции местной культуры завоеванных территорий?

Образ льва, хищного животного неместной фауны, в искусстве тюркоязычных племен известен начиная с эпохи раннего Средневековья. Этот образ был популярен в изобразительном искусстве Востока, и прежде всего в Иране и Передней Азии, где выступал в качестве спутника божеств, эмблемы царя и его охраны. В искусстве Средней Азии IV–V вв. изображение львиной морды являлось символом правителя [Пугаченкова, Ремпель, с. 223].

В Поволжье образ льва был представлен в виде: схематических изображений львиных личин на ременных пряжках ранних булгар (VIII–IX вв.) и на рассматриваемых нами браслетах домонгольского и золотоордынского времени; геральдических, реалистически трактованных изображений на бронзовых пломбах и печатях X–XII вв.; сидящих парных львов и львиных масок на золотых браслетах XIII–XIV вв. Мотивы львиных личин (схематизированные изображения) на концах несомкнутых пластинчатых браслетов сохранялись в искусстве татар до начала XX в. В украшениях они наделялись магической силой. Парным львиным личинам, так же как и змеиным головкам, некогда украшавшим концы булгарских и татарских браслетов, придавалось символическое значение, связанное с мужским и женским началом, что отразилось в более поздних представлениях тюркских народов о счастливой семейной жизни и плодородии.

Мотив львиных личин на концах золотоордынских браслетов своей изобразительной трактовкой в плоскостной стилизованной манере присущ традиции степного кочевого искусства и восходит к образам домонгольского «звериного стиля». Его генезис прослеживается в булгарской художественной традиции, в частности в плоскостном изображении львиной морды, передающем вид сверху, на металлической ременной пряжке ранних булгар (VIII–X вв.) из погребений Тан-

киевского могильника [Казаков, табл. 19, рис. 31]. В искусстве верхнедонских булгар — салтовцев данный мотив представлен на предметах клада из хазарского Саркела (X в.). Среди последних были обнаружены серебряные с позолотой и чернью ременные пряжки, накладки и подвесные ремешки от поясного набора, украшенные схематическими изображениями львиных морд [Артамонов, с. 28; Макарова, с. 26–27]. Последние аналогичны изобразительной трактовке львиной морды при ее виде сверху в танкеевских пряжках, что позволяет отнести данный мотив к явлениям салтовской культуры, получившей распространение в VIII–IX вв. на обширных территориях степей и лесостепей Евразии [Плетнева, с. 5, 185, 188].

Свидетельством развития данного мотива в домонгольский период являются также находки древнерусских пластинчатых браслетов с львиными масками на концах, которые по предметам из киевского клада (1903 г.) датируются второй половиной XII в. [Макарова, с. 99]. Изображения были выполнены путем тиснения с применением гравировки и черни и по своим формам примыкают к кругу булгарских браслетов.

Сама идея украшения браслетов львиными масками проникает в искусство Киевской Руси под влиянием салтовской культуры, о чем свидетельствует технология черни в украшении пластинчатых браслетов, истоки которой в древнерусском искусстве обнаруживаются в саркельских и более ранних — из хазарского могильника Верхний Чир-Юрт (VII–VIII вв.) — черневых изделиях. В частности, самый ранний в Восточной Европе образец пластинчатых браслетов с чернью, относящийся к X в., был обнаружен в Саркеле [Макарова, с. 26]. Кроме того, отголоски салтовской традиции прослеживаются в X–XI вв. в художественных изделиях из богатых кочевнических (половецких) погребений, в частности в черневых сбруйных наборах и в предметах воинского снаряжения, производившихся в мастерских Киева с участием «восточных» мастеров [Макарова, с. 29].

Таким образом, время появления пластинчатых браслетов с львиными мотивами на их концах на территории Поволжья и южнорусских степей может быть отнесено к более раннему, нежели вторая половина XIII в., периоду. Данные браслеты следует скорее всего отнести к традициям салтовской культуры, получившей распространение на обширных пространствах степных и лесостепных районов Восточной Европы, на территориях, охватывающих регионы Среднего и Нижнего Поволжья, Крыма и позднее вошедших в состав Золотой Орды. Именно поэтому подобные им образцы появляются в древнерусском искусстве домонгольского времени. Как явления салтовской культуры они были известны и искусству Волжской Булгарии, и, судя

по золотоордынским находкам, именно здесь находились основные центры их производства. Влияние местной булгарской традиции проявилось в оригинальности локальной школы, в художественных формах, присущих браслетам, созданным именно в булгаро-татарских центрах. Обычно их плоскость по всей длине оформляется идущими вдоль края «каннелюрами» и в отличие от другого вида рассматриваемых браслетов не украшается цветочной розеткой по центру. Можно выявить и другие второстепенные отличия.

Эволюция «львиного» мотива, представленного в произведениях прикладного искусства оседлого и кочевого населения Евразии, начинается с античности. Браслеты, украшенные объемными львиными головками и сплетенные из двух серебряных или золотых проволок, производились в ювелирных мастерских приазово-причерноморских городов, которые в VI–VII вв. управлялись приазовскими булгарами и входили в состав Великой Булгарии, а затем Хазарского каганата.

В мастерских Пантикапея, бывшей столицы Боспорского царства, ставшего позднее одним из главных городов приазовских булгар, производились гладкие серебряные браслеты на бронзовой основе, украшенные объемно трактованными львиными головками. Данная традиция восходит к браслетам античного времени (VI–V вв. до н. э.), которые украшались на концах не только головками, но и миниатюрными скульптурными фигурками львов, иногда сфинксов, например из богатых царских захоронений в курганах Куль-Оба [Галанина и др., рис. 30, 31]. Золотые браслеты из курганов Большой Близницы с фигурками львиц на их концах сочетают реалистическую трактовку изображений, вплоть до мельчайших деталей, с орнаментальными мотивами декора. Львиные головки украшали и античные греческие серьги, происходящие из Ольвии и датированные VI веком до н.э. [Галанина и др., рис. 16]. Они располагались в центре плоского диска в виде барельефа и на ушном проволочном крючке в виде миниатюрной скульптурной головки, что свидетельствует об охранительном значении данного образа.

Пантикапей был крупным ремесленным центром, где в течение многих столетий производились ювелирные изделия для кочевых племенных объединений, населявших степи Северного Причерноморья, — скифов, сарматов, гуннов, булгар и хазар. Во II–III вв. в греко-сарматских мастерских Пантикапея был создан синкретический «полихромный стиль», в котором достижения эллинистического искусства соединились с канонами искусства сарматского [Якобсон, с. 13]. В то же время в сарматских памятниках I в. до н. э. встречаются золотые массивные браслеты, концы которых декорированы скульптурными рельефами в характерном для кочевников «зверином стиле». Манера

трактовки их отличается декоративной стилизацией изображений, которые вписаны в линейные контуры браслетов и подчиняются их форме [Галанина и др., рис. 46].

Образ льва еще ранее был характерен для искусства позднеахеменидского и сасанидского Ирана и связан с древними сюжетами иранской торевтики, встречался он и в декоре ювелирных изделий V–IV вв. до н.э., в частности ожерелий-гривн. Концы последних были украшены объемными скульптурно моделированными головками львиц, в выразительной декоративно-стилизованной трактовке. Например, гривна, относимая к изделиям иранского позднеахеменидского искусства из Сибирской коллекции Петра I [Иванов и др.], была сделана в виде толстого и гладкого золотого обруча с несомкнутыми концами. На них были насажены объемные, отлитые по восковой модели головы львицы с круглыми ушами, удлиненными глазами, раздвоенной верхней губой с точками, обозначающими усы, складками вокруг пасти и глаз. Уши и глаза имеют вставки из бирюзы. Голова прекрасно моделирована. Морды львиц переданы в агрессивном, хищном оскале.

Примечательно сравнение данных изображений и изображений, гравированных на концах рассматриваемых нами браслетов. В последних аналогично, но плоскостно и схематично, лишь графическими линиями выделены удлиненные глаза, раздвоенная верхняя губа со штриховкой «усов», штриховка резцом передает шерсть, складки вокруг пасти и глаз. Нет только ушей, которые при фронтальном изображении на плоскости выпадают из поля зрения. Есть основания полагать, что львиные головы на иранских гривнах наиболее близки по деталям изображения к рассматриваемым нами львиным личинам. Но последние, в отличие от них, выражены в плоскостной трактовке.

Вероятно, данная трактовка была характерна для сарматов, заполонивших азово-черноморские степи в первые века до нашей эры. Позднее от сармато-алан она проникла в искусство булгаро-алан — носителей салтовской культуры. О «прямой трансформации» булгарских браслетов из сармато-аланских высказал мнение Ф.Х.Валеев [Валеев, 1975, с. 79]. В целом, по-видимому, их следует отнести к наследию салтовской культуры, включившей в себя эллинистические традиции азово-черноморских городов.

Мотив львиных голов, украшавших концы браслетов, который существовал синхронно как в иранском, так и в античном греческом искусстве, являлся общим в культуре античного мира, был своеобразной модой, установившейся в Передней и Малой Азии и на сопредельных территориях. Позднее, в эпоху восточного эллинизма, появляется синкретический стиль, называемый исследователями стилем «греко-пер-

сидского» искусства. Он был связан с цивилизацией Великого шелкового пути, с II в. до н.э. соединявшего Китай, Малую Азию и Грецию. В памятниках этой цивилизации проявляется удивительное сочетание черт искусства Ирана, Греции и ханьского Китая [Иванов и др., с. 7]. Как известно, этот путь контролировали кочевые сарматы, гунны, тюрки Западнотюркского каганата, булгары и хазары. В итоге сложился сплав эллинистических традиций с иранским и тюркским степным искусством Евразии, что нашло отражение в булгаро-хазаро-аланской, или салтовской, культуре.

Стиль воспроизведения «львиного» мотива мог различаться. В искусстве древних земледельческих культур, связанных с традициями классического Востока, изображение львиных морд соответствовало стилю «мифологического реализма» и характеризовалось реалистической трактовкой в скульптурной, объемной пластике. В искусстве степных кочевых племен оно было трансформировано в традициях «звериного стиля», берущего свое начало в искусстве степей Казахстана, Горного Алтая, Южной Сибири и Монголии, для которого была характерна условная, стилизованная и плоскостная передача изображений. Трансформация объемных львиных морд в плоские личины отвечала эстетике «степного» металла, и именно данная изобразительная трактовка преемственно сохранялась в традиционном искусстве поволжских татар, свидетельствуя о глубоких корнях степной кочевой культуры.

Устрашающий характер львиных морд в античном искусстве Ирана и их композиционное расположение в изделиях древнегреческих мастеров позволяют считать данные изображения оберегами. На концах булгарских и татарских браслетов они закрывают запястье руки и несут явно выраженный охранительный смысл. Поскольку лев занимал царственное положение в пантеоне звериных образов, связанных с древней восточной мифологией, то его изображение можно трактовать и как символ благосостояния, плодородия, знатности, и как связанное с этим символом благопожелание женщине, носящей браслет данного вида. Об этом свидетельствуют и золотоордынские браслеты с плоскостными изображениями львиных личин и рельефными львиными мордами на концах, дополненными благопожелательными арабскими надписями.

С течением времени стиль изображений менялся в сторону большей схематизации. Если на ременных пряжках ранних булгар и верхнедонских салтовцев изображения были пышно орнаментированы и выполнены в технике литья, гравировки и чернения, то в браслетах домонгольского периода они орнаментально стилизуются, появляется геометризация в деталях. В золотоордынских браслетах орнаменталь-

ная стилизация усиливается за счет геометрической штриховки, условно передающей шерсть животного и контрастно выявляющей контурный рисунок. В браслетах казанских татар узор в виде мотива личины еще более стилизуется и в конце XIX в. превращается в абстрактную геометрическую схему.

Эволюция трактовки и трансформация изображений в абстрактный узор раскрывают изменение их содержательной функции в композиционной структуре браслетов. Изобразительная форма с религиозно-магической функцией постепенно трансформируется в условно декоративную с абстрактно-ассоциативным содержанием. Браслеты перестают выполнять функции амулета-оберега, поскольку теряется содержательное значение изображений львиных личин, связанных с покровительством женщине. Видоизменившись в отвлеченный узор, они постепенно трансформируются в схему, которая определенное время канонически сохраняется, а затем и вовсе исчезает. Данная трансформация была вызвана влиянием ислама и постепенным отходом от образов, связанных с языческой мифологией. Однако столь длительное сохранение мотива львиных личин в искусстве татар является ярким свидетельством преемственности этнических традиций со времен Золотой Орды и предшествующего периода, связанного с салтовской культурой.

Таким образом, ретроспективный анализ эволюции мотива львиных личин на золотоордынских браслетах выявил их генезис и общность с кругом произведений ирано-сасанидского и греко-персидского искусства, с одной стороны, и тюркским степным искусством — с другой. На территории степей Евразии данный мотив, будучи трансформированным в культуре сармато-алан и позднее в салтовской культуре булгаро-алан, волжских булгар, преемственно развивается в искусстве Золотой Орды. Поэтому браслеты с изображениями львиных личин на концах надо считать характерными для всего периода развития булгарской культуры как домонгольского, так и золотоордынского периода. Массовые находки браслетов были сделаны на территории бывшей Волжской Булгарии, что свидетельствует о местных центрах их производства. Это были город Булгар, булгарские города и селения на территории Золотой Орды. Центрами производства данных браслетов могли быть и золотоордынские города Нижнего Поволжья (судя по находке матрицы, таковым был и Новый Сарай) и Крыма, поскольку, как и Волжская Булгария, это были территории распространения салтовской (булгаро-аланской) культуры, позднее вошедшие в состав улуса Джучи.

Отдельные образцы браслетов, относящиеся к XIII–XIV вв., имеют в трактовке львиных образов дальневосточные черты. По крайней мере среди них встречаются экземпляры, изображения на которых напо-

минают стилизованные личины драконов, популярные в монгольском и китайском искусстве. Проведенный анализ показал, что на изображениях предполагаемых драконьих личин в отличие от львиных имеются стилизованные рога, размещенные над надбровными дугами. По-иному трактуются глаза: они изображаются скорее вертикально, в то время как на львиных личинах — горизонтально [Валеев, 1975, рис. 72–1].

Примечательно, что среди браслетов, в частности из знаменитого Симферопольского клада, были образцы со схематическими резными головками драконов. На несомкнутых концах округлых в сечении золотых парных браслетов они были вырезаны в плоскорельефной технике. Поэтому можно предположить, что в «степной» группе браслетов, относящихся к золотоордынскому времени, изображение личин драконов также трактовалось плоскостно и линейно-графически, подражало их рельефным прототипам и интерпретировалось в стиле, характерном в целом для тюркского кочевого искусства степей Евразии. Таким образом, среди пластинчатых браслетов с львиными личинами предположительно можно выделить группу с изображением личин драконов, что ранее не привлекало внимания исследователей.

Браслеты с драконьими личинами можно отнести к симбиотическим явлениям золотоордынского искусства. Мотив, привнесенный из Центральной Азии в пояс степей Дешт-и Кипчака, был своеобразно трансформирован в декор браслетов с львиными личинами. Последние, как было выявлено ранее, связаны с развитием домонгольских традиций и восходят в своем генезисе к салтовской культуре, базирующейся на традициях степных кочевых и оседлых культур, взаимодействовавших начиная с античности. Это свидетельствует и в пользу того, что традиции булгарской культуры были включены в золотоордынскую, восприняты и развиты ею на новой этнической и мировоззренческой основе имперского искусства.

Наряду с данной традицией существовала и другая, выявленная в золотоордынских браслетах, на концах которых представлены сюжетные композиции в виде изображений двух львов. Они изображены как сидящие спинами друг к другу, хвосты их переплетены, образуя мотив в виде «древа». Ф.Х.Валеев считал данные изображения подражанием восточным образцам [Валеев, 1975, с. 168]. М.Г.Крамаровский связывает их с влиянием Передней и Малой Азии, сельджукской школы, однако распространяет ее влияние и на изображения львиных личин на рассматриваемых браслетах [Крамаровский]. Реалистическая трактовка «сидящих львов», не свойственная традициям степного кочевого искусства, позволяет отнести их к заимствованным образцам золотоордынского искусства в отличие от браслетов с львиными личинами, имеющими местные этнокультурные истоки.

Артамонов — *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
Валеев, 1969 — *Валеев Ф.Х.* Орнамент казанских татар. Казань, 1969.
Валеев, 1975 — *Валеев Ф.Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.
Галанина и др. — *Галанина Л., Грач Н., Торнеус М.* Ювелирные изделия в Эрмитаже. Л., 1967.
Иванов и др. — *Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесова Л.С.* Ювелирные изделия Востока. М., 1984.
Казаков — *Казаков Е.П.* Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
Калинин — *Калинин Н.Ф.* К вопросу о происхождении казанских татар // Происхождение казанских татар. Казань, 1948.
Крамаровский — *Крамаровский М.Г.* «Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1978. Вып. 43.
Макарова — *Макарова Т.И.* Черневое дело Древней Руси. М., 1986.
Плетнева — *Плетнева С.А.* От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура. М., 1967.
Пугаченкова, Ремпель — *Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.* Очерки искусства Средней Азии. М., 1982.
Смирнов — *Смирнов А.П.* Волжские булгары. М., 1951.
Федоров-Давыдов — *Федоров-Давыдов Г.А.* Браслет с надписью с Селитренного городища // Советская археология. 1978. № 2.
Якобсон — *Якобсон А.П.* Средневековый Крым. М.; Л., 1964.

Д.В.ДУБРОВСКИЙ
(Санкт-Петербург)

Жертвенный конь в погребальном обряде кочевников улуса Джучи

Погребальный обряд как ранних, так и поздних кочевников Дешт-и Кипчака всегда включает в себя погребение, посвящение или жертву коня [Бартольд; Катанов; Степи, 1981; Степи, 1989; Степная полоса; Нестеров]. Подобные обычаи имеются и у народов иранского культурного круга [Калоев]. Таким образом, ритуальные манипуляции с конем (авторы, затрагивавшие данную проблему, в качестве погребенного животного рассматривают все конские останки, которые фиксируются археологически) или предметом, который его обозначает (упряжь, шкура), для кочевников Дешт-и Кипчака в целом являются обязательным компонентом погребального ритуала. Это связано с универсальным — не только для кочевников — представлением о пути, который должен пройти умерший после смерти. Естественно, что такого рода ритуальные действия так или иначе отражаются и в погребальном сооружении, и в архитектуре сопутствующих поминально-жертвенных конструкций.

Относительно функции коня в контексте погребального обряда существует несколько точек зрения. Одни исследователи рассматривают захоронение коня в ряду погребенных вместе с умершим вещей [Липец, 1982; Липец, 1984]. Другие настаивают на том, что погребенный с человеком конь является его проводником в иной мир [Беленицкий]. С.П.Нестеров добавляет к этим функциям еще и «транспортную», понимая под этим доставку тела умершего к могиле [Нестеров, с. 55].

Между тем очевидно, что в ходе погребального обряда конь выполняет две функции, а именно: как конь для погребенного наездника и как жертвенное животное, которое должно обеспечить умершему удачное прохождение дороги в мир мертвых. Достижению этих целей

© Д.В.Дубровский, 2002

могли служить как одно животное, так и несколько. Об этом свидетельствуют некоторые средневековые письменные памятники и данные этнографии.

В качестве иллюстрации используем сведения, полученные участниками западной дипломатической миссии 1246 г. на территории улуса Джучи. Папский посол Иоанн де Плано Карпини и его спутник и переводчик брат Бенедикт Поляк вели переговоры с ханом Бату в его кочевой орде в низовьях Волги. Понятно, что для организации переговоров понадобились переводчики с двух сторон. Как полагает А.Г.Юрченко, францисканцы воспользовались этой ситуацией для того, чтобы выяснить ряд важных для Запада вопросов [Юрченко]. В частности, посланников интересовало, каким образом монголы поступают с погибшими в бою военачальниками. Францисканцы получили достоверный ответ, подтверждаемый восточными источниками, в котором сообщалось: предводителей и членов ханского рода, где бы они ни умерли, всегда отправляют в Монголию; так поступили монголы и во время венгерской кампании 1242 г. Собеседники, без сомнения, были весьма осведомленными. Иначе картина выглядела бы подобной тому, что сообщает, например, Фома Сплитский, также ссылающийся на слова знающих людей: «Сами татары неохотно подвергают свою жизнь опасности, но если кого-либо из них настигнет смерть в бою, они тут же хватают его и, перенеся в укромное место, зарывают в землю, заравнивая могильный холм и утрамбовывая это место копытами лошадей, чтобы не было заметно следов погребения» [Фома Сплитский XXXVII]. Тайный характер монгольских захоронений — общеизвестный факт. Никакие подробности, связанные с погребальными вещами, Фоме не известны.

Отчет брата Бенедикта сразу же по возвращении миссии в Европу был переписан братом де Бридиа в одной из обителей миноритов в Польше. Донесение брата Бенедикта, по сравнению с отчетом брата Иоанна де Плано Карпини, в некоторых случаях отличается большей ясностью. Информатор францисканцев сообщил им уникальные сведения, поскольку, видимо, лично участвовал в погребальных ритуалах. В передаче брата Бенедикта эти сведения выглядят так: «Если умирает богатый, его хоронят тайно в поле вместе с его юртой, сидящим в ней, и вместе с [деревянным] корытцем, полным мяса, и чашей кобыльего молока. Также с ним хоронят кобылицу с жеребенком, коня с уздой и седлом, лук с колчаном и стрелами. Одного же коня съедают друзья, а шкуру его, наполненную сеном, поднимают на деревянных опорах. Они верят, что в будущей [жизни умерший] будет нуждаться во всем этом, а именно в кобылице для получения молока, в коне, для того чтобы ездить, и также в прочем [из того, что положе-

но с ним]. Еще кладут золото и серебро. Некоторых, более важных, хоронят так: выкапывают тайно в поле квадратную яму, стороны которой невелики, а внутри с обеих сторон [яму] расширяют, а другую [яму], в которой они имитируют похороны [умершего], роют рядом со стойбищем публично и открыто. Раба же, которого [умерший] при жизни ценил больше всех других, кладут под мертвое тело, оставляя могилу открытой. Если [раб] на третий день из-под него в муках поднимался, то он становился свободным и во всем этом роду (т.е. роду умершего) уважаемым и могущественным. После этого, зарыв [истинную] могилу, они в течение ночи над [этим] местом гоняют кобылиц или овец, чтобы выровнять место, дабы чужеземцы не смогли найти сокровища, положенные вместе с ним (умершим). Иногда также они укладывают сверху ранее снятую [с этого места] траву» [де Бридиа, § 45, 46][1]. Картина погребального обряда находит некоторое соответствие в сведениях францисканцев, где характеризуются представления монголов об ином мире: «Они также не верят в вечную жизнь святых и не [верят] в вечное проклятие, но [верят] лишь в то, что после смерти они вновь будут жить, приумножать стада и поглощать [пищу]» [де Бридиа, § 42].

Информаторы францисканцев говорят о погребении вместе со знатным покойником оседланного коня с кобылой и жеребенком; других же коней, по их сведениям, съедают. Конские шкуры, наполненные соломой, выставляют на опорах, а кости животного сжигают. Последнее, по мнению брата Иоанна, делалось «ради души» умершего. Боевого коня, которого хоронили с уздой и седлом, не съедали; это считалось предосудительным у многих кочевых народов (ср. [Roux, с. 155–160]). Таким образом, средневековые наблюдатели функционально различали погребенного боевого коня и жертвенных коней (ср. [Липец, 1982; Толеубаев, с. 39–40]). Эта практика отчасти подтверждается археологическими материалами [Синицын, с. 103–104]. В поздних средневековых погребениях на территории Центрального и Восточного Казахстана умершего сопровождали седло и узда коня [Арсланова, с. 54; Кадырбаев, Бурнашева, с. 44–45; Маргулан, с. 254–255]. Разумеется, при сравнительном анализе археологических и письменных источников предпочтение должно быть отдано письменным свидетельствам современников, а не поздним фольклорным данным, как это иногда случается.

На первый взгляд сведения о шкуре жертвенного коня, набитой соломой и выставленной на обозрение, противоречат практике тайных монгольских захоронений. На самом же деле эта шкура не была свя-

[1] Перевод цитат из труда [де Бридиа] принадлежит С.В.Аксенову и А.Г.Юрченко.

зана с могилой, но, по словам армянского историка Киракоса Гандзакеци, водружалась на любом возвышенном месте. Поэтому мнение Дж.Э.Бойла о том, что менее знатных монголов хоронили не столь секретно, как более важных, и места захоронения первых даже маркировали лошадиными шкурами, не имеет оснований [Boyle, 1965, с. 146]. Как будет показано ниже, жертва коня, действительная или символическая, не только сопровождала погребение, но и являлась важным элементом в обряде жертвоприношения божествам. Вместе с тем Дж.Э.Бойл, видимо, был первым, кто, опираясь на свидетельства средневековых источников о монголах, предложил различать обряды, связанные с жертвенным и погребальным конем. Следует признать, что для середины XIII в. эта сфера жизни кочевников Дешт-и Кипчака сохраняет ряд неясностей, в частности письменные источники не позволяют однозначно решить вопрос, представляет ли собой весь комплекс манипуляций со шкурой коня исключительно проявление кипчакских обрядов. Так, например, Вильгельму де Рубруку вообще не удалось выяснить никаких подробностей о погребении усопших у монголов, и, напротив, он описывает внешне эффектные кипчакские конструкции в виде лошадиных шкур, выставленных на высоких шестах.

Сведения, полученные францисканской миссией 1246 г., полностью подтверждаются известиями Киракоса Гандзакеци, который также различает погребение с умершим боевых коней и жертвоприношение коней, чьи шкуры вывешивались на шестах: «[Зарывали вместе с ним] и коней тоже, ибо, говорили они, там происходят жестокие сражения. А когда хотели сохранить память об умершем, распарывали брюхо коня и через это отверстие вытаскивали все мясо без костей, затем сжигали внутренности и кости и зашивали шкуру, как если бы [у него] все тело было [в целости]. Потом, заострив длинный шест, продевали его через брюшину в рот лошади и так поднимали ее на дерево или [водружали на] какое-либо возвышенное место» [Киракос Гандзакеци, с. 173; см. коммент. Бойла: Boyle, 1963, с. 207–208, примеч. 33].

Отметим совпадение мнений обоих христианских авторов относительно сожжения костей съедаемого на тризне коня. Брат Иоанн говорит, что их сжигают ради души умершего, а Киракос утверждает, что это делается в память об умершем. В свою очередь, боевой «смертный» конь, который захоранивался с полным конским снаряжением, должен был служить в ином мире своему хозяину в битвах и переездах. Поэтому, когда умирал хан, вместе с ним погребали целые табуны боевых коней. «Когда государь умирает, всех его лучших лошадей они убивают, на тот конец, чтобы были они у него на том свете», — сообщает Марко Поло [Марко Поло, с. 88]. В качестве типологической параллели к конским жертвоприношениям приведем сведения

Мовсеса Каганкатваци об аналогичных обрядах у гуннов Северного Кавказа: «Епископ приказал срубить одно дерево, являвшееся главой и матерью всех других деревьев и считавшееся спасителем богов и жизнеподателем, дарователем всех благ, ибо этим высоким густолиственным дубам поклонялись как скверному идолу Аспандеату, принося ему в жертву лошадей; кровь их поливали вокруг деревьев, а голову и кожу вешали на сучьях деревьев» (цит. по [Чукасзян, с. 152]). Обстоятельный комментарий к сведениям Мовсеса Каганкатваци выполнен С. Г. Кляшторным [Кляшторный, 1984, с. 18–22].

Секретарь багдадского посольства к царю волжских булгар Ахмед ибн Фадлан сообщает о погребальных обрядах тюрков X в., где также фигурируют предметы вооружения, сосуд с напитком, жертвенные кони, чьи шкуры растягивают над могилой. «А если умрет человек из их [числа], то для него выроют большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку, его пояс, его лук... и положат в его руку деревянный кубок с набизом (опьяняющим напитком), оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилом и накладут над ним нечто вроде купола из глины. [Потом] возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И, право же, они растягивают [все] это на деревянных сооружениях и говорят: „Это его лошади, на которых он поедет в рай“. Если же он когда-либо убил человека и был храбр, то [они] вырубят изображения из дерева по числу тех, кого он убил, поместят их на его могиле и скажут: „Вот его отроки, которые будут служить ему в раю“. Иногда они пренебрегут убиением лошадей день или два. Тогда побуждает их какой-нибудь старик из числа их старейшин и говорит: „Я видел такого-то, то есть умершего, во сне, и он сказал мне: ‘Вот видишь, меня уже перегнали мои товарищи, и на моих ногах образовались язвы от следования за ними. Я не догнал их и остался один’“. При этих обстоятельствах они берут его лошадей и убивают их и растягивают их [шкуры] на его могиле. И когда пройдет день или два, придет к ним этот старик и скажет: „Я видел такого-то, и он сказал: ‘Сообщи моим семейным и моим товарищам, что подлинно я уже догнал тех, которые ушли раньше меня, и что я нашел успокоение от усталости’“» [Ковалевский, с. 128]. В сообщении Ибн Фадлана, несмотря на исламские представления о дороге в рай, ясно звучит мотивировка обычая растягивать шкуры съеденных лошадей: эти лошади переносят умершего в иной мир. В качестве типологической параллели выступают верования енисейских ненцев о пути души человека в нижний мир: богатые приезжают на оленях, бедные же, на

могиле которых не убивали оленей, шли к месту нового жительства пешком, с большими мучениями [Попов, с. 90].

Таким образом, если в описании Ибн Фадлана функции погребаемого и жертвенного коня сведены воедино, то в описании францисканцев и Киракоса Гандзакеци они отчетливо различаются. Инновацией, привнесенной монголами в погребальный обряд (середина XIII в.), был тайный характер захоронений, что вполне объяснимо. В завоеванных областях монголы были численно небольшой корпоративной группой, державшей в своих руках военно-административное управление. Считается, что в кочевом мире практика осквернения и разрушения чужих могил, равно как и могил политических противников, преследовала в первую очередь магические цели. С.В.Дмитриев справедливо полагает, что уничтожение захоронений и костяков предков противника следует рассматривать как акт насилия над социально-политическим организмом, состоящим из предков и потомков [Дмитриев]. Актом насилия умалялась совокупная сила правящего рода, копившаяся на протяжении ряда поколений. Факт уничтожения кладбищ являлся внешним признаком упадка силы противоборствующей группы и освоения реального политического и географического пространства новой династией. В свете сказанного обретает особое звучание тема тайных захоронений монгольской знати и находит свое объяснение требование транспортировать тела погибших представителей знати для захоронения в Монголии. Речь идет о защите совокупной социально-политической силы от ритуально-магического насилия. Что же касается сущности и некоторых «внешних» проявлений погребальных обрядов монгольской знати, отмеченных средневековыми наблюдателями на территории улуса Джучи, то они коррелируют с самым широким кругом погребальных традиций кочевников Евразии.

Следующий вопрос касается глубинного смысла тех или иных ритуальных манипуляций с конем.

Для начала обратимся к этнографическим описаниям более позднего времени. По сведениям конца XVIII в., забайкальские тунгусы «покойников своих одевают в лучшее платье и зарывают в яму в выдолбленной колоде, головою на запад, закрыв сперва гроб крышкою, потом берестою. Подле умершего полагают лук, колчан (сайдак) со стрелами, седло с прибором, нож и огниво. Причем убивают любимую лошадь его, с которой содрав кожу с головой и ногами, развешивают над могилой; а мясо, изрубив на мелкие части, бросают на съедение птицам и собакам» [Сибирский вестник, с. 319–320]. Однако при принесении того или иного животного в жертву мясо последнего съедали: «Они закалывают лошадь, быка, козу или барана, коих мясо употреб-

ляют в пищу, а кожу с костями вешают на кол. Необыкновенные воздушные перемены и другие злоключения служат поводом для торжественного жертвоприношения» [Сибирский вестник, с. 143]. Что же касается погребения снаряженного боевого коня, то имеется любопытное свидетельство XVIII в. о якутах: «В прежние годы обычность была, что с умершим господином верных из его слуг погребали, которое в давних годах оставлено, а за умершим господином лошадей бьют и особливо погребают около его, а седло и всю збрую конскую и ево зимнюю и летнюю одежду, лук с приправою, котел и всякую посуду кладут при нем в одну могилу и помышляют, что на оном свете ездить будет на лошаде, а человек ему служить, а положенное ему платье носить, а съестное есть» (цит. по [Окладников, с. 411]).

У Я.И.Линденау имеется описание похорон богатого якута (начало XVIII в.). Приведем его полностью: «...на восточной стороне могилы богатого тойона, в ногах покойника, вырывали отдельную яму, куда сбрасывали до смерти засеченную лошадь со сбруей. В яме, находившейся немного подалее от могилы, закапывали двух лошадей. После этого гроб закапывали. По углам могилы вбивали шесты с насаженными на них деревянными изображениями птиц, которые назывались *ёлюю суора-тураага* — вороны смерти. Они якобы сопровождали душу покойника. Затем, стреножив, валили на землю несколько кобыл, вспарывали им брюхо и вырывали сердце. Снятые шкуры вешали на деревья. Мясо варили, жарили и съедали. После этого все расходились по домам. Участники похорон снова собирались у могилы через семь дней. Они сооружали над ней сруб. В этот день тоже забивали несколько кобыл и мясо съедали. С одной стороны могилы втыкали столько выточенных и зазубренных стрел, сколько было закопано коней с покойным, с другой — столько таких же стрел, сколько съедено кобыл» [Линденау, с. 41].

По наблюдениям Я.Смолева, у бурят-ламаистов в начале XX в. во время похорон, в тот момент, когда покойника укладывают в гроб, во дворе готовят лошадь, которая выводится на улицу, оседлывается и привязывается к столбу (*сээргэ*). По поверью, на эту лошадь садится душа умершего. Лошадь при этом привязывают головой на юго-запад, где и находится *дэ-вачжин* — царство мертвых. Когда выносят гроб с покойником, то лошадь расседлывают и пускают в поле, и через 49 дней ее жертвуют в дацан [Смолев, с. 128]. В данном случае функции распределены последовательно — сначала лошадь используют как средство доставки души, а затем — как жертву.

По сведениям А.В.Анохина, у телеутов любимую лошадь покойного закалывают для того, чтобы дать возможность умершему ездить на ней на том свете. При этом богатые едут в страну мертвых на лошади,

которую закололи на могиле, а бедные идут пешком [Анохин, с. 204, 211]. В данном случае можно говорить о совмещении функций: любимую лошадь закалывают, чтобы она осталась вместе с хозяином, и одновременно она переносит умершего в мир мертвых. В якутских преданиях об Эллэе описываются похороны, которые герой устраивает своему отцу. В описании обряда упоминается конь, что был похоронен живым вместе с умершим, а второй конь был заколот на пищу [Ксенофонтов, с. 18].

Таким образом, в погребальном обряде конь выполняет две функции. Первая функция — жертвенная — соответствует необходимости восстановить ~ обновить пошатнувшийся макрокосм, вторая — погребальная — обеспечить уход умершего в иной мир. Эти две функции в случае разделения в погребальном обряде, очевидно, должны репрезентироваться по-разному. Кроме того, по-разному осуществляется и обращение с жертвенным животным. Существуют по крайней мере два способа оформления жертвенного животного в погребальном обряде: условно «вертикальный» (наиболее известный пример — обряд жертвования лошади божествам верхнего или нижнего мира *тайэлга* у алтайцев [Глухов]), и горизонтальный, известный по описанию венецианского дипломата XV в. Иосафата Барбаро, где речь идет о сезонных жертвоприношениях у мордвы. Иосафат Барбаро пишет в своей книге: «В известное время года они берут лошадь, которую они приобретают сообща, и привязывают ей все четыре ноги к четырем кольям, а голову — к отдельному колу. Все эти колья вбиты в землю. Затем приходит человек с луком и стрелами, становится на соответственном расстоянии и стреляет в сердце до тех пор, пока не убьет лошадь. Потом ее обдирают, из шкуры делают мешок, над мясом совершают какие-то свои обряды и съедают его; шкуру туго набивают соломой и зашивают ее так искусно, что она кажется цельной; вместо каждой из ног подставляют прямой брусок дерева — так, чтобы лошадь могла стоять, будто живая, на ногах. Наконец, они идут к какому-нибудь большому дереву, обрубают соответственным образом сучья и прилаживают сверху помост, на который и помещают эту лошадь стоймя. В таком виде они ей поклоняются и приносят в дар соболей, горностаев, белок, лисиц и другие меха. Все это они навешивают на дерево, подобно тому как мы ставим свечи [в церкви]. Таким образом получается, что эти деревья сплошь заполнены мехами» [Иосафат Барбаро, с. 159].

Из более поздних этнографических материалов, где фигурируют четыре опоры для жертвы, можно привести следующие. По сообщению Н.А.Кострова, у ненцев Туруханского края вкапывались в землю четыре столба, их связывали перекладинами, на которых закрепляли

хворост. На этом возвышении расстилали кожу убитого оленя, сняв ее так, чтобы голова, рога и копыта оставались целыми. На эту шкуру клали умершего [Костров, с. 160].

В описании мордовского жертвоприношения очевидна параллель с обрядом *майэлга* у алтайцев, однако с той существенной разницей, что в обряде *майэлга* жертва отправляется в иной мир вверх, под углом 45°, а в мордовском обряде конский симулякр поднимается вверх на помосте, стоя на горизонтальной поверхности.

Интересно, что аналогичный обряд зафиксирован у нетюркского народа. Ненцы Архангельской губернии приносили над могилой в жертву оленя, которого умерщвляли, вонзая ему в задний проход заостренный деревянный шест [Ислявин, с. 95–100]. В рукописном «Атласе Архангельской губернии» приводится более пространный рассказ о погребальной жертве оленя: «Покрыв могилу досками, становят того оленя, на котором везли тело, задницею к голове погребенного. Четверо самоедов, вооруженные дрекольем, поражают со всех сторон вдруг сего зверя, который... ежели ни малейшего движения не окажет, то все бывают довольны... ежели поднимет голову или другое какое учинит движение... бегают и кричат „ваенза, ваенза, горе, горе", думая, что опять кто-то умрет» (цит. по [Теребихин, с. 170]; ср. более раннее описание: [Белявский, с. 125]).

Дериватом такого рода оформления жертвы является бурятский ламаистский обряд, связанный с выбором места могилы (*хур*). Лама приносит войлок и две овчины, стелет их в том месте, где должна быть могила, ориентируя ее с юго-востока на северо-запад. Поверх кладется баранья голова, потом овечья шкура, а в ноги — козья. После этого трижды очерчивают рогом землю. По очерченному месту натягивают *мотауз* (веревка?), затем приподнимают войлок за углы, встряхивают и втыкают четыре колышка по углам; в центр втыкают стрелу, и могилу копают именно по этим границам [Смолев, с. 130–131].

Обратим внимание на то, что в практике жертвоприношений у кочевых, и не только тюркских, племен Сибири неизвестна установка собственно вертикального объекта со шкурой лошади, но все жерди устанавливаются под углом примерно 45° в направлении обитания «адресата».

Данные тюркской этнографии позволяют говорить о существовании двух устойчивых моделей пути в шаманском путешествии в иной мир при отправлении жертвы. Первая связана с вертикальной дорогой в иной мир – шаманская лестница [Элиаде, с. 357], вторая — с горизонтальной дорогой в тот же мир (посвящение шамана у бурят [Хангалов, с. 170–173], *майэлга* у алтайцев [Глухов], посвящение Ынахсыт у якутов [Серошевский, с. 646]). Оба варианта сосуществуют

в одной традиции. Вертикальная модель является, очевидно, универсалией индоевропейского мира и связана с идеей *ашвамедхи* и через нее с концептом мирового древа [Иванов]. Перемещение же жертвы и шамана по горизонтали маркируется с помощью ряда срубленных деревьев, специально связанных между собой и воткнутых в землю. Во всех указанных случаях «горизонтальный» путь жертвы маркируется с помощью ряда вертикальных объектов, причем в случае с посвящением Ынахсыт «восходящих» к небу, что усиливается фигурками птиц, обитателей «верхнего» мира.

Как уже оказано, у В.Л.Серошевского описан обряд жертвования коровы богине Ынахсыт: «...на южной стороне юрты установлен столб, долженствующий изображать *сэргэ* — столб для коновязи... впереди этого столба вбиты три, такой же приблизительно вышины, гладких обструганных шеста, на концы которых были насажены деревянные изображения птиц: первым сидело двухголовое крылатое чучело *ёксёкю*, затем такой же величины *куогас* — гагары или ворона — *суор* и третьим — изображение кукушки *кэгэ*. Впереди птиц в одну линию были расставлены девять зеленых елок, очищенных от коры на вершину сажени и больше. Между елками была натянута веревка, украшенная пучками белых конских волос. Эта веревка, начиная от первой птицы, поднималась все выше и изображала ту дорогу, по которой шаман погонит жертвенную скотину» [Серошевский, с. 646].

В одном из описаний казахских могил упоминается цепочка небольших камушков по направлению к воде, «для указания мертвецу пути к воде» [Барон У-ръ, с. 166]. В другом случае говорится, что погребения, по представлениям казахов, делаются у воды, чтобы «мертвец мог ночью утолить жажду» [Слюз]. В приведенном выше примере отмечена связь цепочки камней с мотивом указания пути. Это существенно, если считать такие объекты семантическими коррелятами рядов камней-балбалов, находимых у древнетюркских погребений.

Идея рядности в погребальном обряде кочевников уже была предметом специального рассмотрения [Кызласов, с. 206–208; Кляшторный, 1978, с. 239–255; Сорокин; Савинов, 1997]. Принципиальным является сделанный Д.Г.Савиновым вывод о том, что традиция установки ряда вертикально вкопанных камней имеет близкое значение на всем протяжении кочевой традиции в Центральной Азии. [Савинов, 1997, с. 127–128]. Принимая во внимание изложенные выше факты, можно предложить еще одну трактовку идеи рядности, развивающую и дополняющую высказанную Д.Г.Савиновым.

Рассмотренный материал позволяет предположить архетипическую модель погребального обряда, в которой жертвенный объект (конь, священный напиток) передается в иной мир посредством ряда

вертикальных объектов, маркирующих направление, на место, где находится адресат. В свете этой гипотезы тюркские балбалы, как правило ориентированные на восток, предстают в новой функции — как маркеры пути. В пользу такого предположения говорит и наличие на тюркских изваяниях изображений сосудов со священным напитком, который, как известно, использовался в погребальной церемонии. Сказанное позволяет сопоставить этот тип поминальных жертвоприношений с ысыахом [Ксенофонтов; Элерт, с. 255–271].

Два типа обращения с жертвенным животным дают возможность высказать некоторые соображения относительно семантики изображений на оленных камнях. Общепринято деление оленных камней на три типа, два из которых различаются стилистикой изображения животных — олени и другие животные «на цыпочках» и «птицеклювые олени» [Волков, с. 102]. Замечание, сделанное Д.Г.Савиновым по поводу «висящего» оленя на Келермесском ритоне и совершенно справедливо сопоставленное им с изображениями майэмирского типа [Савинов, 1987, с. 114], можно развить в контексте выделенных выше различий в возможных способах жертвоприношения носителями традиции оленных камней. В таком случае оленные камни саяно-алтайского типа могут быть сопряжены с изображением жертвенных животных, оформляемых как чучело. Дополнительным аргументом в пользу такого сопоставления является то обстоятельство, что оленные камни этого типа не образуют рядов, подобно монголо-забайкальским. В ряду возможных ассоциаций находится также и геродотовское описание погребального обряда скифов [Геродот IV, 72].

Наоборот, «птицеклювые» олени, связанные с монголо-забайкальским типом оленных камней, могут тогда обозначать жертву, отправляемую по «горизонтальному» пути. В таком случае предполагаемая связь изображений с птицей приобретает особое значение. Это соображение позволяет также разделить оленные камни, сопоставляя их с тюркскими изваяниями, на «изваяния» и «балбалы», в зависимости от местонахождения.

Все изложенное выше, как представляется, подтверждает возможность интерпретации археологического материала исходя из архетипов погребального обряда, единых для всего пространства степей Центральной Азии.

Анохин — *Анохин А.В.* Душа и ее свойства по представлению телеутов // *Функ Д.А.* Телеутское шаманство. М., 1997.

Арсланова — *Арсланова Ф.Х.* Погребение золотоордынского времени в Павлодарской области // По следам древних культур Казахстана. А.-А., 1970.

Барон У-ръ — *Барон У-ръ*. Четыре месяца в киргизской степи // Отечественные записки. Год 10. СПб., 1848. Т. LX. Отд. II.

Бартольд — *Бартольд В.В.* К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Сочинения. М., 1966. Т. IV.

Беленицкий — *Беленицкий А.М.* Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и средневековье // КСИА. М., 1978. Вып. 154.

Белявский — Поездка к Ледовитому морю Ф.И.Белявского. М., 1833.

де Бридиа — Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi. Ed. et annot. A.Önnerfors. B., 1967.

Волков — *Волков В.В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор. 1981.

Геродот — *Геродот*. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г.А.Стратановского. Л., 1993.

Глухов — *Глухов А.Н.* «Тайэлга» // Материалы по этнографии России. СПб., 1910. Т. III. Вып. 1.

Дмитриев — *Дмитриев С.В.* Практика разорения могил в политической культуре тюрко-монгольских кочевников // Этнические аспекты власти: Антропология насилия (в печати).

Иванов — *Иванов В.В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* — «конь» (жертвоприношение коня и дерево *aśvattha* в древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.

Иосафат Барбаро — Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Вступит. ст., подготовка текста, пер. и коммент. Е.Ч.Скржинской. Л., 1971.

Ислявин — *Ислявин Вл.* Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.

Кадырбаев, Бурнашева — *Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З.* Погребение кыпчака первой половины XIV в. из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. А.-А., 1970.

Калоев — *Калоев Б.А.* Обряд посвящения коня у осетин // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1970. Т. 8.

Катанов — *Катанов Н.Ф.* О погребальных обрядах тюркских племен Центральной и Восточной Азии с древнейших времен до наших дней // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1894. Т. XII. Вып. 2.

Киракос Гандзакеци — *Киракос Гандзакеци*. История Армении. Пер. с др.-арм., предисл. и коммент. Л.А.Ханларян. М., 1976 (Памятники письменности Востока, LIII).

Кляшторный, 1978 — *Кляшторный С.Г.* Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.

Кляшторный, 1984 — *Кляшторный С.Г.* Праболгарский ТАНГРА и древнетюркский пантеон // Сб. в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984.

Ковалевский — *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

Костров — *Костров Н.А.* Очерки Туруханского края // Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО. Иркутск, 1856. Кн. II.

Ксенофонтов — *Ксенофонтов Г.В.* Эллэйада. М., 1977.

Кызласов — *Кызласов Л.Р.* О значении термина *балбал* древнетюркских надписей // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н.Кононова. М., 1966.

Линденау — *Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) // Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983.

Липец, 1982 — *Липец Р.С.* Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.

Липец, 1984 — *Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.

Маргулан — *Маргулан А.Х.* Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1959. Т. 5.

Марко Поло — Книга Марко Поло. Пер. старофр. текста И.П.Минаева, ред. и вступит. ст. И.П.Магидовича. М., 1955.

Нестеров — *Нестеров С.П.* Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии. Новосибирск, 1990.

Окладников — *Окладников А.П.* История Якутии: Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск, 1949. Т. I.

Попов — *Попов А.А.* Енисейские ненцы (юраки) // ИВГО. 1944. Т. 76. Вып. 2–3.

Савинов, 1987 — *Савинов Д.Г.* Изображение «висящего» оленя на ритоне из Келермеса // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск, 1987.

Савинов, 1997 — *Савинов Д.Г.* Идея «рядности» в древних и средневековых памятниках Центральной Азии и Южной Сибири // Четвертые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Омск, 1997.

Серошевский — *Серошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. СПб., 1896. Т. I.

Сибирский вестник — Забайкальские тунгусы // Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. СПб., 1819. Ч. 19.

Синицын — *Синицын И.В.* Археологические исследования в Западном Казахстане // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1955. Т. 1.

Слюз — *Слюз Н.* Тризна у киргиз (в Западной Сибири) // Северная Пчела. 1862. № 283.

Смолев — Три табангутских рода селенгинских бурят: Этнографический очерк Я.Смолева // Труды Троицко-Кяхтинского отдела Приамурского отделения ИРГО. Т. 1. Вып. 3 за 1898 г. 1900.

Сорокин — *Сорокин С.С.* К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1980. № 22.

Степи, 1981 — Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Степи, 1989 — Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

Степная полоса — Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Теребихин — *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. (Религиозно-мифологическое пространство северно-русской культуры). Архангельск, 1993.

Толеубаев — *Толеубаев А.Т.* Происхождение и сущность казахского обычая посвящения умершему коня // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1984. № 2.

Фома Сплитский — *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. Вступит. ст., пер. и коммент. О.А.Акимовой. М., 1997.
Хангалов — *Хангалов М.И.* Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1959. Т. II.
Чукасзян — *Чукасзян Б.Л.* Отзвуки иранского эпоса в «Письмах» Григора Магистроса // Проблемы востоковедения. М., 1960. № 3.
Элерт — *Элерт А.Х.* Якутский праздник ысыах в описаниях участников второй камчатской экспедиции // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2000.
Элиаде — *Элиаде М.* Шаманизм. М., 1996.
Юрченко — *Юрченко А.Г.* К истории изучения в России «Книги о Тартарах» Иоанна де Плано Карпини // Mongolica. VI (в печати).

Boyle, 1963 — *Boyle J.A.* Kirakos of Ganjak on the Mongols // CAJ. 1963. Vol. 8.
Boyle, 1965 — *Boyle J.A.* A Form of Horse Sacrifice Amongst the 13th and 14th Century Mongols // CAJ. 1965. Vol. 10.
Roux — *Roux J.-P.* La mort chez les peuples altaïques anciens et médiévaux. P., 1963.

ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества. Л.
ИРГО — Известия Имп. Русского географического общества. СПб.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
CAJ — Central Asiatic Journal. The Hague; Wiesbaden.

М.Г.КРАМАРОВСКИЙ
(Санкт-Петербург)

Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры

Наибольший интерес для нашей темы представляют два среза в культуре ранних монголов: великоханский, очерченный в границах 1195–1260 гг., и раннеджучидский, отчасти совпадающий с великоханским, поскольку начальный этап существования Золотой Орды приходится на 30–80-е годы XIII в. Оба среза легко обозначаются в политических границах, но их качественное различие на уровне культуры неясно. Поиск общих или объединяющих признаков предпочтительно начать с доступного нам круга символов власти, где черты великоханской (Чингисовой) атрибутики (включая регалии его элиты) получили наиболее выразительное воплощение.

В самом общем виде иерархию властных регалий времени Чингисхана помогает установить свидетельство Чжао Хуна — южносунского посла императора Нан-цзуна (1194–1240) к монголам. В 1221 г. он побывал в Яньцзине у чингисовского наместника Мухали [Мэн-да бэй-лу, с. 22]. В разделе «Военное снаряжение и оружие» [Мэн-да бэй-лу, с. 76–78] есть небольшой список этих атрибутов. Вот их перечень, сопровожденный кратким комментарием.

Знамя Чингис-хана — «большое, совершенно белое знамя»; в «Тайной истории монголов» оно называется «девятиножное белое знамя» [Козин, § 202, с. 158]; белое знамя Мухали отличалось от Чингисового изображением черной луны.

Зонт из красной или желтой ткани; красный зонт с синей каймой можно видеть на ширазской миниатюре 1436 г., изображающей Тимура на журавлиной охоте [Soudavar, с. 62, 63]. Традиция «государева зонта» черного цвета характерна для тангутов [Терентьев-Катанский, с. 76].

Кресло — «(сиденье) северных варваров», украшенное головами драконов. Фигуры драконов обложены золотом. У Чжао Хуна трон Чин-

© М.Г.Крамаровский, 2002

гиса назван *ху-чуан* (букв. «хуское сиденье») [Мэн-да бэй-лу, примеч. 405, с. 187]. Воспроизведение тронов со скульптурными изображениями драконов нередки в миниатюрах начала XIV в. к «Всемирной истории» Рашид ад-Дина из собрания библиотеки университета в Эдинбурге [Rice, табл. 5, с. 49; табл. 18, с. 75]; прорисовку этих и других «хуских сидений» см. [Rawson, 1984, fig. 140, a, d, e]. Хотя тяжеловесные парадные кресла монгольского времени конструктивно и стилистически существенно отличаются от легких сидений китайских императоров, сопоставление их скульптурного декора (ср., например, с декором кресла императора Тай-цзу (960–976) в портрете из Дворца-музея в Тайбэ [Hearn, 1996, с. 26, табл. 10]) позволяет отметить определенную типологическую близость. Протомы драконов на тех и других убедительно свидетельствуют о генетической зависимости декоративно-знаковой системы монгольских тронов от традиции украшения императорских кресел X в. По-видимому, таким же был и трон хана Гуюка (1246–1248), украшенный резной костью; его сделал до 1248 г. русский мастер Косма [Путешествия, с. 78].

Седло и конское снаряжение, принадлежащие Чингису, украшенные золотыми фигурами свернувшихся драконов.

Вероятно, *воинский барабан*. Барабан прямо не упомянут Чжао Хуном в числе императорских инсигний. Но он отмечает, что «у го-вана (титул Мухали. — *М.К.*) только один барабан. Бьют в него перед сражением» [Мэн-да бэй-лу, с. 77]. Знамя и барабан — атрибуты армейских генералов.

Список инсигний и воинских регалий у Чжао Хуна не полон. Из наиболее распространенных в него не вошли *наборные пояса* [Крамаровский, с. 38–46], *шапки-орбелге* и *жезлы*. Судя по сценам официальных приемов, жезлы — обязательная церемониальная инсигния; их картинно держат перед собой навершием книзу — см., например, изображение упомянутых регалий на двух тебризских миниатюрах 1330 г. из собрания Дворца Топкапы в Стамбуле [The Topkapı Saray Museum, с. 69, табл. 43, 44]. По наблюдениям Т.Д.Скрынниковой, головной убор лидера — не просто часть обыденной одежды, но «атрибут правителя»; она же обратила внимание, что в § 255 «Сокровенного сказания» чингисовские наставления о *Великой шапке* явились необходимым условием наследования власти Угедеем [Скрынникова, 1995, с. 70].

Нет сомнения, что список регалий лидеров разных рангов не сразу утвердился в монгольском обществе и трансформировался по мере усиления китайского и иранского влияния. На раннем этапе символы власти монгольского наместника в Китае были те же, что и у самого

Чингиса, включая изображения *геральдических драконов*. Но в отличие от Чингисовых драконы на кресле наместника выполнены из *серебра*. Из этого следует, что в монгольской среде геральдические символы сюзерена оставались неизменными для зависимых от него лиц; изменялся лишь материал, из которого эти знаки изготавливались (вместо золота — серебро; вместо серебра — бронза и т.д.). Здесь, по-видимому, наряду с материальным значением *«высшей ценности»* — *золота* выступает и его мифологическая символика [Неклюдов, 1980, с. 65–94]. Приведем только две выделенные С.Ю.Неклюдовым ассоциации: «золото — жизнь» и «золото — душа». Метафорическое значение первой отражено в монгольской пословице: «Живым быть — из золотой чаши воду пить» [Неклюдов, 1980, с. 86]. Пословица действительно раскрывает смысловую конструкцию летописной легенды, согласно которой конюший Кокочу, похитив у своего господина Сангума золотую чашу, лишает последнего жизни. Жена конюшего, требуя вернуть украденное, усовестила похитителя, чем заслужила похвалу самого Чингиса [Козин, § 188].

Ассоциативная линия «золото — душа» может быть продолжена на примере образного строя известной рукописи на бересте, найденной в погребении погибшего на средней Волге молодого золотоордынского воина (первая четверть XIV в.) [Поппе, фрагменты XXIIIб, XXIIа]. Здесь, в монологе матери, тоскующей по сыну-новобранцу, рефреном повторяется метафора *«золотой груди»*. В своем обращении к сыну — *«золотому соловушке»* — мать говорит: «Шествуй (взлети), дитя мое! / Волосики твоей груди / Я сделаю отделанными *золотом*», — сказала она. / Увечьям и страданиям не подвергайся! / Отправляйся, взлети, дитя мое! / Волосики твоей груди / Сделаю я сплошь *золотыми*!» — сказала она. / С (напастями) и злыми духами не встречайся / Волосы на твоей (голове я сделаю) рассыпным *золотом*! (курсив наш. — *М.К.*)» [Поппе, с. 46]. Волосы в этом отрывке выступают в функции «хранилища души» или, как уже было отмечено на другом материале, «жизненной силы» [Неклюдов, 1977, с. 217–219; Неклюдов, 1980, с. 85].

Из знаков отличия к общеимперским регалиям ближе всего *пайцзы*, материал для которых (не всегда металл: атабеку Нахичевана, промедлившему с изъявлением покорности, монголы вместе с печатью — *алой тамгой* — выдали *деревянную пайцзу* [Тизенгаузен, с. 32]) также имел существенное значение. В обиход монголов верительные дощечки вошли скорее всего после второй интронизации Чингис-хана [Кычанов, с. 191]. Пайцзы вышли из недр ханских канцелярий и уже потому являют собой характерный пример документа официальной культуры. Попытаемся поэтому взглянуть на них как на памятники,

запечатлевшие отдельные, но существенные стороны чингисидской культурной модели.

В русский язык название этих документов вошло в трех формах: *пайза, пайдза, пай цза* [Словарь, стб. 35, 36]. Полное монгольское название пайцзы — *bars terigutu altan gerege* («золотая дощечка с головой тигра»); оно представляет собой кальку с китайского *ху-фу* — «тигровая бирка» [Cleaves, 1950, с. 80].

Уже Д.Банзаров, исходя из их функции, разделял пайцзы на два вида: наградные, выдававшиеся за заслуги, и подорожные — для лиц, выполнявших особые поручения ханского дома [Банзаров, с. 156; см. еще: Григорьев, с. 68; Мэн-да бэй-лу, с. 178–183, примеч. 377, 385]. Марко Поло упоминает наградные пайцзы (золотые и серебряные); им же описаны подорожные пайцзы [Марко Поло, 1956, с. 4, 48, 103]. О золотой пайцзе Мункэ-хана упоминает Вильгельм де Рубрук [Путешествия, с. 145].

В 1846 и 1853 гг. в Сибири, в районе Минусинска и Верхнеудинска, были найдены две серебряные пайцзы с монгольской надписью квадратным письмом [Смирнов, табл. XCIII, рис. 29, 30; табл. XCIV, рис. 31, 32]. Обе пайцзы признаны великоханскими (они изучены Аввакумом Честным и Д. Банзаровым); верхнеудинская пайцза найдена в составе клада вместе с серебряными сосудами рубежа XIII–XIV вв. [Банзаров, с. 143–146, примеч. 201]. В надписях на сибирских пайцзах нет имен ханов; они ничем не украшены. Пайцзы с именами ханов из династии Джучидов на территориях Золотой Орды найдены в разные годы в районах Поволжья, Поднепровья и Крыма. На них прочтены имена ханов Тохты (1290–1312), Узбека (1312–1341), Кельдибека (1361) и Абдаллаха (1362–1369) [Спицын, с. 130–141; Банзаров, с. 291–294, примеч. 203, 204, 207–209; Münküyev, с. 185–215]. Все надписи на монгольском языке выполнены уйгурским алфавитом (который получил распространение среди монголов после 1204 г.). Формуляры пайцз близки или идентичны и отличаются лишь именами властителей. Все четыре пайцзы выполнены в форме продолговатых пластин, окантованных небольшим утолщением по краю, каждая пайцза снабжена отверстием, выделенным крупным валиком (отверстие предназначено для крепления ремешка, с помощью которого пайцза подвешивалась к поясу владельца). Судя по основным параметрам пайцз Абдаллаха и Кельдибека, верительные дощечки разных ханов изготавливались без жесткого стандарта.

Абдаллах: длина пластины — 28,0 см; ширина — 9,0 см; вес — 359,3 г.

Кельдибек: длина пластины — 29,8 см; ширина — 9,7 см; вес — 497,9 г.

Стандартизованный характер имеют только надписи — в две строки на каждой стороне, буквы вызолочены. Надпись на пайцзе из Грушевки (Эрмитаж, инв. № ЗО–295) гласит: Mongke tngri-yin kučundur / yeke suu jali-yin igegen dur / Abdula-yin jarl ken ulu / busireku kumun aldaqu ukuku, т.е. «Вечного Неба силою, великим соизволением и могуществом [его], Абдуллы, повелению, который человек не повинуется, [тот] приступится, умрет» (транскрипция Г.Н.Румянцева, перевод Д.Банзарова). Надпись на пайцзе из Крыма (найдена в составе клада в районе Симферополя) гласит: Mongke tngri-in kučundur / yeke suu ali-in igegendur / keldibeg-un rly ken ulu / busureku kumun aldaqu ukukku, т.е. «Силою Вечного Неба, покровительством великого могущества и блеска. Указал Кельдибек: всякий, кто не покорится, будет убит и умрет» (транскрипция и перевод Н.Ц.Мункуева).

На лицевой стороне симферопольской пайцзы выгравировано изображение солнца в виде шестилепестковой розетки в круге, обозначенной двойной линией; на обороте — неполная луна. Солнце и луна изображены на фоне облаковидных узоров, напоминающих по форме китайский гриб «*чжи*». Без сомнения, этот сюжет является изобразительной метафорой Неба (о роли Неба в легитимизации власти монгольских ханов см. [Трепавлов, с. 62–67]). Заметим, что начальная формула на печати хана Гуюка, удостоверяющей послание 1246 г. к папе Иннокентию IV, «Mongke tngri-yin kučun-dur» (Силою Вечного Неба) [Pelliot, 1923, с. 22], тождественна первой строке надписей великоханских и джучидских пайцз. Солнце и луна выгравированы также на золотоордынских пайцзах ханов Тохты и Узбека; изображение неполной луны можно видеть и на пайцзе Абдаллаха, подставного хана беклербека Мамая (30-е годы XIII в. — 1380 г.).

Итак, мы располагаем четырьмя золотоордынскими пайцзами с изображениями солнца и луны, относящимися к последнему десятилетию XIII — середине XIV в. Первые две пайцзы ханов Тохты и Узбека по формулярам и по сюжетам едва ли не идентичны. Солнце изображено здесь на лицевой пластине в виде восьмилучевой розетки в круге; луна на реверсе — в виде небольшого кружка. Изображения небесных светил идентифицируются на основе текста 81-й главы «Книги Марко Поло»; в ней описаны серебряные, серебряные с позолотой и золотые пайцзы великого хана Хубилая (1259 или 1260–1294) [Марко Поло, с. 103]. Луна на пайцзах Тохты и Узбека изображена с копьевидным знаком, казавшимся загадочным уже А.А.Спицыну [Спицын, с. 104]. Н.И.Веселовский пытался увидеть в нем свистящую стрелу [Веселовский, с. 156–161].

Небесные светила на пайцзе Кельдибека выполнены иначе. Здесь солнце обозначено не восьми-, а шестилучевой розеткой, луна — не в

виде диска с копьем, а как двурогая лунница — молодой месяц, лежащий на симметричной пальметте, как на облаке. Неполную луну можно видеть и на пайцзе Абдаллаха. Здесь нет изображения солнца, а луна повторена дважды.

В монгольском Иране пайцзы с изображением луны выдавались только ханским курьерам [Рашид ад-Дин, с. 278]. Эрмитажная пайцза описывается как «тигровая» [Спицын, с. 137; Haneda Toru, с. 85–91]. Пайцзы с изображением львиной головы упоминаются в китайских источниках (о них говорится и у Марко Поло). Магия записанного слова заставила исследователей искать (и находить) изображения львиных и тигровых голов там, где их нет [Münküyev, с. 206, 207; Мэн-да бэй-лу, примеч. 385, с. 181, 182]. В сочинении Чжао Хуна, побывавшего в 1221 г. в Яньцзине, отмечены золотые пайцзы чиновников, на которых изображены два тигра [Мэн-да бэй-лу, с. 73]. Китайский ученый Ван Говэй на основе раздела «Описание войск» в «Юань ши» и других источников доказал ошибочность версии композиции двух тигров, объяснив, что в иконографии золотых пайцз чиновников Чингис-хана изображались только тигровые головы (ни одна из таких пайцз не дошла до нас) [Мэн-да бэй-лу, с. 74]. Единственная сохранившаяся золотая пайцза с именем Чингиса, найденная в 30-х годах в провинции Жэхэ, вообще не имеет никаких изображений [Haneda Toru, с. 85–91, вкладка после с. 91; Мэн-да бэй-лу, коммент. на с. 181, 182].

Ни тигровые, ни львиноголовые изображения до нас не дошли, во всяком случае, на пайцзах из золота и серебра. Но такие изображения есть на пайцзах, изготовленных из чугуна и относящихся ко времени династии Юань (1279–1368). Такая пайцза хранится и в коллекции Эрмитажа; она найдена в Сибири; монгольская надпись с инкрустацией серебром прочитана А.М.Позднеевым [Позднеев, с. 37; Греков, Якубовский, рис. 23]. На ручке пайцзы изображена львиная маска со сдвоенным туловищем; родиной подобных масок (*kirttimukha*) принято считать Индию, но к монголам Китая они пришли из Тибета. В сдвоенном туловище львов угадывается западная иконография. Вероятно, она была заимствована из Средней Азии, где получила широкое распространение в XII–XIII вв. Пайцзами с изображениями львиных масок располагают еще Метрополитен музей в Нью-Йорке [Rossabi, с. 32, рис. 5; Watt, с. 9] и Музей провинции Ганьсу в Китае [The Heritage of Genghis Khan, с. 15]. Обе датируются концом XIII в. В Китае в 1227 г. при Хубилае появляется тип круглых пайцз с кречетом. Но они, как и тигровые пайцзы, до нас не дошли. Нет изображения тигра, вопреки наблюдению А.А.Спицына, и на эрмитажной пайцзе из Грушевки с именем Абдаллаха. На лицевой и оборотной сторо-

нах этой пайцзы изображена антропоморфная маска с широким носом и большими глазами. Тип такого изображения обычно приписывается монстру *тао-те*. Специалисты связывают *тао-те* с различными божествами [Hentze, 1959], с первопредком иньцев Шаньди [Васильев, 1970, с. 85, 86; Васильев, 1976, с. 320, 321], но также и с луной [Hentze, 1936, с. 107–109]. Принято считать, что маска *тао-те* исчезает в начале нашей эры, и ее вариант на пайцзе трудно объяснить.

Существенно, что традиция верительных дощечек пришла к монголам не от китайцев, где, как заметил А.М.Позднеев, они не пользовались популярностью, а от чжурчжэней. Благодаря сведениям Чжао Хуна известно, что должностную чиновничью систему монголы переняли от «цзиньских разбойников» [Мэн-да бэй-лу, с. 73]. Вполне вероятно, что вместе с «аппаратной системой» чжурчжэни принесли монголам и традицию верительных дощечек. Во всяком случае, известные мне великоханские и золотоордынские пайцзы по форме пластин восходят к типу чжурчжэньской 1145 г., найденной археологами на Шайгинском городище в Приморье [Шавкунов, Певнев, Ивлев, с. 127–131]. Подобные пайцзы с чжурчжэньскими и киданьскими надписями найдены в китайской провинции Хэбэй (уезд Ченьде, находка 1972 г.) и в провинции Цзикинь-Гирин. Но все-таки ни на чжурчжэньских, ни на известных великоханских нет изображений небесных светил. Скорее всего в этой символике просто не было необходимости на раннем этапе существования империи. Нужда в них появилась только в конце XIII — начале XIV в., в период распада империи на отдельные чингисидские государства.

Для понимания содержания символов небесных светил на пайцзах Джучидов обратимся к их природе в традиционных старомонгольских обрядовых текстах, собранных И. де Рахевильцем [Rachewiltz]. Их выборку и анализ произвела Т.Д.Скрынникова [Скрынникова, 1995, с. 66–88; Скрынникова, 1997, с.155 и сл.]. Ею установлена синонимичность понятия «харизма», передающегося в монгольском языке словом *sulde*, «золотой харизмы» Чингис-хана — *altan sulde* и «сияния», «света», монг. *gegegen* [Скрынникова, 1995, с. 84].

Харизма — качество, обеспечивающее исключительность, успех. По Г.С.Померанцу, харизма — благоволение каких-то непостижимых сил, *не обязательно светлых* (выделено мной. — *М.К.*). Макс Вебер назвал харизматическим лидером «человека, который знает, как надо» [Померанц, с. 46]. У монголов конца XII в. таковым был Темучжин — Чингис-хан. Первое исторически фиксируемое использование термина *sulde* относится к эпизоду исторической хроники «Тайная история монголов» (1240 г.), в котором говорится о намерении Есугай-бага-

тура сосватать невесту молодому Темучжину: «Снился мне, сват Есугай... этой ночью сон, будто снизошел ко мне на руку *белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну*. По поводу моего сна я говорил людям: солнце и луну можно видеть только лишь взглядом своим; а тут прилетел с солнцем и луной в когтях этот сокол и снизошел мне на руку, белый опустился. Что-то он предвещает? — подумал лишь я, как вижу: подъезжаешь, сват Есугай, ты со своим сыном. Как случиться такому сну? Не иначе, это вы — духом своего Кыятского племени явились ко мне и предрекли!» [Козин, с. 86]; «Ya'un jewudun aqu ta kiyat irgen-u sulder ireju ja'aqaqsan» [Rachewiltz, с. 25]; в переводе Т.Д.Скрынниковой: «То, что увидел я во сне, означает, что приехали вы (Есугай) — харизма народа кият» [Скрынникова, 1995, с. 68]. Итак, иконографическим воплощением харизмы Есугая и «народа кият» выступает белый сокол с солнцем и луной в когтях. Замечу, что изображение сокола (орла, ястреба), летящего ниже дракона, но в одну с ним сторону, есть и на реальных воинских поясах [Крамаровский, с. 39].

В обрядовых действиях и текстах характерное вместилище харизмы — голова вождя, древко знамени или его навершие: «Восьмибунчужное белое знамя, обладающее светом солнца и луны, а также большим древком» [Rachewiltz, с. 70; Скрынникова, 1995, с. 85]. В этих или близких к ним текстах раскрывается происхождение харизмы (*sulde*) от света солнца и луны: «Священная харизма, пришедшая от алых солнца и луны, священная харизма, обладающая древком знамени и светом Солнца и Луны» [Rachewiltz, с. 74].

Принципиально важно наблюдение Т.Д.Скрынниковой о том, что объекты вместилища харизмы, будь то древко или навершие знамени, важны не сами по себе, а благодаря присутствию в них *sulde* Чингис-хана. Оказалось, что культ *сульде-тенгри*, который традиционно определялся как культ особого божества, на самом деле был одной из форм поклонения харизме Чингис-хана. Как уже отмечалось, его харизма обозначалась термином *altan sulde*; этот термин пережил своего обладателя и закрепился за Чингис-ханом после его смерти. Харизма великого хана Угедея (1227–1241) в «Тайной истории монголов» обозначена другим термином — *suu jali* (гений, гениальный). По наблюдениям Скрынниковой, обрядовые действия глав отдельных родов и конфедераций племен, упомянутых в «Тайной истории монголов», Ван-хана, Чжамухи и др., показывают, что они, как и Темучжин, являлись носителями харизмы своих родов, однако без обладания *sulde*. Исключение сделано для одного Угедея. Но это обстоятельство лишь выявляет тенденциозность автора, стремившегося умолчанием о харизме партнеров обосновать легитимность власти Чингис-хана и его

рода (упоминание о харизме Угедея объясняется стремлением не испортить отношения с властью, в период правления которой писалась «Тайная история монголов»).

Важное место в обрядовых действиях, связанных с харизмой Чингис-хана, принадлежит знамени в виде копейного древка, украшенного конскими гривами, — *туг сулде*. В XIII в. монголы чтили два главных знамени — *Цагаан сулде* (Белое знамя) и *Хара сулде* (Черное знамя). *Цагаан сулде* символизировало покровительство, оказанное Небом Чингис-хану и его роду; *Хара сулде* представляло воплощение его харизмы [Галданова, с. 103]. Согласно свидетельству Чжао Хуна, в ставке Чингиса водружалось «большое белое знамя как знак отличия» [Мэн-да бэй-лу, с. 76]. «Тайная история монголов» называет его девятиножным белым знаменем, что С.А.Козин и П.Пельо переводили как «девятибунчужное белое знамя» [Козин, с. 138]. «Великое белое знамя» (yeke caan sulde) водружалось в центре ставки, а вокруг ставилось восемь малых сулде; при знамени состояло девять знаменосцев [Банзаров, с. 274, 275, примеч. 120]. Пельо привлек для интерпретации знамени Чингис-хана персидские миниатюры с изображением ханских ставок [Pelliot, 1930, с. 32]. Ему, однако, осталась неизвестна тангутская икона «Гуаньинь», привезенная в 1909 г. в Петербург из Хара-Хото П.К.Козловым [Lost Empire, с. 198, 199]. Икона датируется М.Л.Пчелиной-Рудовой XII в., а К.Ф.Самосюк — между 1033 и 1124 гг. [Lost Empire, с. 83–85; Самосюк, с. 38–40]. На иконе (в сцене похорон) изображен редкий вариант тангутского императорского знамени, очень большого, перевитого лентами, с золотым (?) желтым навершием и красной кистью. Такие же кисти красного и черного цвета — на древках монгольских воинских штандартов в иллюстрациях эдинбургского экземпляра «Всемирной истории» Рашид ад-Дина [Rice, pl. 38, 39, 43, 48, 54, 56–58]. Чжао Хун, как мы уже отметили, в характеристике боевого знамени чингисовского наместника в Северном Китае выделил изображение черной луны. Учитывая связь знаменного древка и луны с харизмой героя, можно думать, что копьевидный знак на пайцзах Тохты и Узбека [Спицын, рис. 6, 7] и есть изображение древка знамени на фоне полной луны.

Итак, изображения небесных светил на золотоордынских пайцзах имеют фольклорную основу, восходящую ко времени создания единого монгольского государства на рубеже XII–XIII вв. Солнце и луна здесь — иконографическое воплощение харизмы Чингис-хана. Обращение к харизме великого предка (едва ли не культурного героя), сконцентрированной в солярных символах, оказалось неизбежным для младших Чингисидов в периоды нестабильности монгольского

государства конца XIII–XIV в. Солнце и луна на золотоордынских пайцзах — это знаки *одолженной* харизмы.

Харизма Чингис-хана занимает одно из центральных мест в историческом сознании монголов не только в прошлом, но и в настоящем. Изображения небесных светил вошли в современную государственную геральдику — *золотое соембо*. Знаки в виде серпа луны и солнечного круга в обрамлении трех языков пламени расшифровываются так: «Пусть живет и процветает во все времена народ, чей отец — молодой месяц, чья мать — золотое солнце» [Ринчен, с. 15; Жуковская, с. 167,168]. Стоит подчеркнуть, учитывая буддийский контекст геральдического знака современных монголов, что старая монгольская традиция сказалась в двух компонентах. Во-первых, это золотой цвет *соембо* — знак непрерывающейся связи с золотым родом Чингис-хана; во-вторых, это изображения небесных светил — молодой луны и солнца — источника харизмы основателя государства.

Наша попытка истолкования геральдического смысла изобразительных мотивов джучидских пайцз позволяет сделать еще один шаг для их понимания как памятников официальной культуры Золотой Орды. Забота ханов о легитимности собственной власти привела их к стягиванию харизмы великого предка к собственному имени. Появление Чингисовых символов на распорядительных документах должно быть расценено как свидетельство собственной слабости золотоордынских ханов. Но вместе с тем именно этому качеству мы обязаны утверждению «говорящих знаков» золотоордынских пайцз. Этот язык образов для подавляющего большинства населения Золотой Орды оказался более доступен, чем уйгурское письмо текстов грозных предостережений.

Банзаров — *Банзаров Д.* Собрание сочинений. Подготовка к печати и примеч. Г.Н.Румянцева. М., 1955.

Васильев, 1970 — *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.

Васильев, 1976 — *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации: Формирование основ материальной культуры и этноса. М., 1976.

Веселовский — *Веселовский Н.И.* Свистящие стрелы // Известия Имп. Археологической комиссии. СПб., 1909. № 30.

Галданова — *Галданова Г.Р.* Эволюция представлений о тэнгри (по текстам монголоязычных обрядников) // Средневековая культура Центральной Азии: Письменные источники. Улан-Удэ, 1995.

Греков, Якубовский — *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Григорьев — *Григорьев А.П.* Монгольская дипломатика XIII–XIV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978.

Жуковская — *Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.

Козин, 1941 — *Козин С.А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongγol-un niγuca tobčiyan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарий. М.; Л., 1941. Т. 1.

Крамаровский — *Крамаровский М.Г.* О *доблести* и *пряжке* у Чингисидов (в связи с новой находкой воинского пояса первой половины XIII в.) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского. Тезисы докладов. СПб., 1999.

Кычанов — *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Марко Поло — Книга Марко Поло. Пер. старофранцуз. текста И.П.Минаева. Ред. и вступит. ст. И.П.Магидовича. М., 1956.

Мэн-да бэй-лу — Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа. Пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н.Ц.Мункуева. М., 1975.

Неклюдов, 1977 — *Неклюдов С.Ю.* О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семиотика и художественное творчество. М., 1977.

Неклюдов, 1980 — *Неклюдов С.Ю.* Заметки о мифологической и фольклорно-эпической символике у монгольских народов: Символика золота // Etnografia Polska. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980. T. 24. Zes. 1.

Позднеев — *Позднеев А.М.* Объяснение древней монгольской надписи на чугунной дощечке // Записки Академии наук. СПб., 1881. Т. XXXIX. Кн. II.

Померанц — *Померанц Г.С.* С птичьего полета и в упор // Arbor Mundi. 1/92. М., 1992.

Поппе — *Поппе Н.Н.* Золотоордынская рукопись на бересте // Труды Института востоковедения. М.; Л., 1941. Т. XXXVII (отд. отт.).

Путешествия — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Пер. с лат. А.И.Малеина, ред., вступит. ст. и примеч. Н.П.Шастиной. М., 1957.

Рашид ад-Дин — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. III. Пер. с перс. А.К.Арендса, под ред. А.А.Ромаскевича, Е.Э.Бертельса и А.Ю.Якубовского. М.; Л., 1946.

Ринчен — *Ринчен Б.* Соембо — эмблема свободы и независимости монгольского народа // Из нашего культурного наследия. Сборник статей. Улан-Батор, 1958.

Самосюк — *Самосюк К.Ф.* Портреты тангутских императоров // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского. СПб., 1993.

Скрынникова, 1995 — *Скрынникова Т.Д.* Представления монголов XIII века о харизме и культ Чингис-хана // «Тайная история монголов»: Источниковедение, история, филология. Новосибирск, 1995.

Скрынникова, 1997 — *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.

Словарь — Словарь современного русского литературного языка. Ред. тома Н.З.Котелова, Г.А.Качевская. М.; Л., 1959. Т. 9.

Смирнов — *Смирнов Я.И.* Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909.

Спицын — *Спицын А.А.* Татарские байсы // Известия Имп. Археологической комиссии. СПб., 1909. № 29.

Терентьев-Катанский — *Терентьев-Катанский А.П.* Материальная культура Си Ся: По данным тангутской лексики и иконографическому материалу. М., 1993.

Тизенгаузен — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным.

Трепавлов — *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Шавкунов, Певнев, Ивлев — *Шавкунов Е.В., Певнев А.М., Ивлев А.Л.* Серебряная верительная пластина чжурчженей с Шайгинского городища // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978.

Cleaves — *Cleaves F.W.* The Sino-Mongolian Inscription of 1335 in Memory of Chang Ying-jui // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1950. Vol. 13.

Haneda Toru — *Haneda Toru.* Une tablette du décret sacré de l'empereur Genghis // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. 1936. № 8.

Hearn — *Hearn M.K.* Splendors of Imperial China: Treasures from the National Palace Museum, Taipei. N. Y., 1996.

Hentze, 1936 — *Hentze C.* Objets rituels, croyances et dieux de la Chine antique et de l'Amérique. Anvers, 1936.

Hentze, 1959 — *Hentze C.* Das Ritual der Wiederbelebung durch die «neue Haut» // Sinologica. 1959. Bd. VI. № 2.

The Heritage of Genghis Khan — Empires Beyond the Great Wall: The Heritage of Genghis Khan. Los Angeles, 1994.

Lost Empire — Lost Empire of the Silk Road: Buddhist Art from Khara Khoto (X–XIIIth century). Ed. by Mikhail Piotrovsky. Electa, 1993.

Münküyev — *Münküyev N.Ts.* A New Mongolian P'ai-tzu from Simferopol // Acta Orientalia Hungaricae. Budapest, 1977. T. XXXI (2).

Pelliot, 1923 — *Pelliot P.* Les Mongols et la Papauté. Extrait de la Revue de l'Orient chrétien. 3e série. T. III (XXIII). № 1 et 2 (1922–1923). P., 1923.

Pelliot, 1930 — *Pelliot P.* Notes sur la «Turkestan» de W.W.Bartold // T'oung Pao. 1930. Vol. 27.

Pelliot, 1949 — *Pelliot P.* Histoire secrète des Mongols. Restitution du texte mongol et traduction française des chapitre I à VI. Œuvres posthumes I. P., 1949.

Rachewiltz — *Rachewiltz I.* Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington, 1972.

Rawson, 1984 — *Rawson J.* Chinese Ornament: The Lotus and the Dragon. London; Wiesbech, 1984.

Rice — *Rice D.T.* The Illustrations to the 'World History' of Rashid al-Din. Edinburgh, 1976.

Rossabi — *Rossabi M.* Mongolia from Chinggis Khan to Independence // Mongolia: the Legacy of Chinggis Khan. Ed. P.Berger, T.T.Bartolomew. San Francisco, 1996.

Soudavar — *Soudavar A.* Art of the Persian Courts: Selections from the Art and History Trust Collection. N. Y., 1992.

The Topkapı Saray Museum — The Topkapı Saray Museum: The Albums and Illustrated Manuscripts. Translated, expanded and edited by J.M.Rogers from the original Turkish by Filiz Çagman and Zeren Tanindi. N. Y., 1986

Watt — *Watt J.C.Y.* Mongol Passport // Chinese Decorative Arts. The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Summer 1997.

В.В.ТРЕПАВЛОВ
(Москва)

Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины

Средневековый город Сарайчук (Сарайчик) располагался на правом берегу реки Яик (Урал), в 60 км от ее устья, в урочище, ограниченном с востока Яиком, с запада — его протокой Сарачинкой. Ныне эта местность относится к Махамбетовскому району Атырауской области Казахстана; там находится село Сарайчиковское. Окрестности являют характерный для Западного Казахстана ландшафт — засушливую пустынную степь[1]. В разные сезоны она оставляла неодинаковое впечатление: одни видели здесь унылое, болотистое и засоленное место, другие — изобилующие водой и сенокосами угодья, удобные для поселения и земледелия (см., например, [Арзютов, с.128; Howorth, с. 361]).

До золотоордынских времен о Сарайчуке нет упоминаний. Однако по отдельным признакам можно предполагать, что какое-то поселение в этом месте существовало еще до монгольского нашествия. Рекогносцировочные работы археологической экспедиции в 1950 г. во главе с С.П.Толстовым выявили наличие домонгольского культурного слоя на городище[2]. Характер этого слоя, по заключению С.П.Толстова, су-

---

[1] Запад издавна представлял собой наименее урбанизированный регион республики. Ныне там находятся всего три города с населением больше 100 тысяч человек в каждом (Актюбинск, Уральск и Атырау, бывший Гурьев), и все они расположены в пограничной с Россией полосе. Плотность населения в этом крае втрое меньше, чем в среднем по Казахстану [Масанов, с. 126].

[2] То же сообщил автору этих строк астраханский археолог В.В.Плахов, который в 1995 г. проводил разведочные изыскания на Сарайчиковском городище. Московский же археолог Л.Л.Галкин, также обследовавший данный объект, в личной беседе с автором отрицал наличие домонгольских слоев (см. также [Афанасьев и др., с. 514; Галкин, 1987, с. 566]). Вообще оценку мощности, этническую атрибуцию и периодизацию куль-

© В.В.Трепавлов, 2002

щественно не отличается от хорезмских памятников XI в., отчего была выдвинута гипотеза об основании города в X–XI вв. хорезмскими колонистами на торговом пути в Нижнее Поволжье и об идентичности его с Саксином, известным по письменным источникам [Толстов, с. 304]. Ни подтвердить, ни опровергнуть данные тезисы невозможно до широких раскопок.

Раннесредневековая история региона затронута в хронике «Джахан-наме» османского автора XVII в. Хаджи Халифы. Он пишет, что у устья реки Яик (Джанку) есть город С.ван.дж (или С.ваи.х), который ранее был столицей куманов, а затем был отстроен и заселен ногаями, чьи «ханы» ныне живут там [DeWeese, с. 197, 198]. Д.Девиз полагает, что Сарайчук являлся доисламским культурным центром Дешт-и Кипчака [DeWeese, с. 199]. Исследователи, изучавшие историю кипчаков IX–XII вв., приходили к выводу о том, что поселение на Яике служило центром правого крыла Дешта (центром левого был Сыгнак на Сырдарье) [История 1993, с. 76; Кумеков, с. 34]. В то же время есть некоторые данные о принадлежности края к зоне расселения древнебашкирских племен. Эта зона достигала бассейнов рек Большого и Малого Узеней, Чагана, Чижинских разливов [Кузеев, с. 256], т.е. широты Сарайчука. А.Рябинин в 1866 г. опубликовал недатированную грамоту Ивана IV башкирам на вотчинное владение яицкими кочевьями. По этому «межеванию», случившемуся якобы через три года после завоевания Казани (т.е. около 1555 г.), земли четырех башкирских родов очерчивались на юге «по Яику в урочище Сарайчук» [Рябинин, с. 4].

Но пока в историографии безраздельно господствует мнение о начале существования Сарайчука в золотоордынскую эпоху. Информация по этому поводу ничтожна, и время появления города фактически обосновывается домыслами. Его относят ко второй половине XIII в. и приписывают то Бату (ссылаясь на сочинения хивинского правителя и историка XVII в. Абу-л-Гази), то его братьям Берке или Шибану, то сыну Шибана Бахадуру [Ахмедов, 1965, с. 35; Ахмедов, 1985, с. 196; Егоров, с. 124; Левшин, 1824, с. 185; Сафаргалиев, 1938, с. 51, 52; Утемиш-хаджи, с. 154 (примеч. М.Х.Абусеитовой); Юматов, с. 249; Aboul-Ghazi, с. 172, 173; DeWeese, с. 199; Howorth, с. 360]. Г.А.Федоров-Давыдов считает, что город был заложен на пустом месте, на-

турного слоя можно будет дать только после широкого исследования памятника. Закладывание шурфов не может дать полной картины. Г.И.Пацевич, например, в 1956 г. написал, что мощность слоя составляет более 3 м, а Н.Арзютов в 1937 г. определил ее только в 1 м [Арзютов, с. 129; Пацевич, 1956, с. 221]. Л.Л.Галкин вывел величину наибольшей мощности в 3–4 м, причем верхний горизонт в 1–1,5 м образован развалинами сырцовых и кирпичных погребальных сооружений XV в., а нижний в 2–2,5 м является культурным слоем городища XIII–XIV вв. [Галкин, 1978, с. 282].

подобие многих других городов Золотой Орды [Федоров-Давыдов, 1973, с. 167]. А.И.Левшин полагал, будто Абу-л-Гази подразумевал под Сарайчуком Сарай, а торговый центр на Яике при Бату (который умер в 1255 г.) еще не существовал, поскольку о нем ни словом не обмолвились европейские дипломаты Плано Карпини и Рубрук, переправлявшиеся через Яик в середине XIII в. Этот же автор отчего-то (из-за схожести названий?) решил, что Сарайчук был построен в подражание Сараю [Левшин, 1824, с. 181–184].

Восточные источники впервые упоминают о Сарайчуке в начале правления Берке (вторая половина 1250-х годов). По Абу-л-Гази, он обратился там в ислам; а по Утемиш-хаджи[3], Берке проезжал через него по пути из Ургенча на свою коронацию в волжский Сарай ал-Махруса [Утемиш-хаджи, с. 97; Aboul-Ghazi, с. 172]. В 1333 г. город посетил арабский путешественник Ибн Баттута, описавший большой понтонный мост через реку и келью почитаемого дервиша [Ibn Batoutah, с. 1, 2]. Пять лет спустя через эти места следовал в Хорезм очередной католический миссионер [Веселовский, с. 79]. В последней трети XIV в. Сарайчук переходил от Шибанидов к потомкам сыновей Джучи Орду-Эджена и Тукай-Тимура и вновь к Шибанидам (см. [Ахмедов, 1965, с. 34; Григорьев, с. 171; Кляшторный, Султанов, с. 196; Федоров-Давыдов, 1973, с. 135, 154]). Арабский хронист XV в. Ибн Арабшах приводит его в перечне городов, разрушенных Тимуром во время одного из нашествий на улус Джучи [Ибн Арабшах, с. 59]. Однако его иранский современник Шараф ад-Дин Йазди передает, что грозный гурган, опасаясь засад на крупных переправах (а сарайчуковская, без сомнения, считалась крупнейшей), форсировал Яик в верховьях [Йазди, с. 447], не затронув, таким образом, Сарайчук. Наверное, В.Л.Егоров прав, причисляя последний к немногим городам, не тронутым Тимуром [Егоров, с. 124].

Вскоре после ухода чагатайских армий из Дешта Сарайчук оказался в центре Мангытского юрта Эдиге (Едигея), ядра будущей Ногайской Орды. Там чеканились монеты одной из едигеевских марионеток, хана Дервиша [Сафаргалиев, 1960, с. 192]; в окрестностях города мангытский[4] беклербек потерпел и свое последнее поражение в 1419 г. [Ибн Арабшах, с. 63]. Один из его сыновей и преемников, Гази, вступил во владение Сарайчуком. Вместе со своим патроном, ханом Кучук-Мухаммедом, он даровал некоему кипчаку Айиас-беку пост даруги Сарайчука в награду за помощь в уничтожении кок-

[3] Среднеазиатский хронист первой половины XVI в.

[4] Мангыты — кипчакское родоплеменное объединение (эль), из которого происходили Эдиге и соответственно его потомки, составившие в XV–XVII вв. правящий клан Ногайской Орды.

ордынского хана Барака [Кырыми, с. 94; Schamiloglu, с. 195]. Однако, несмотря на подчиненность мангытам, единственная крупная экономическая цитадель центрального Дешта продолжала формально считаться достоянием Джучидов левого крыла, и казахские ханы-Джучиды стремились к обладанию городом. В нем находились ставки Джанибека, Бурундука и Касима, а затем и усыпальницы первого и последнего из них. Сын Касима и внук Джанибека, хан Хакк-Назар, в 1550-х годах называл Сарайчук своим юртом, да и сами ногайские мирзы расценивали его как «Янибеков царев юрт» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 31; ф. 127, оп. 1, 1585 г., д. 1, л. 14].

Историки обычно видят в Сарайчуке зимнюю резиденцию ногайского правителя-бия. Городская жизнь в ней единодушно признается примитивной, сведенной к незначительной торговле, функционированию некоторых административных учреждений, тюрьмы и кладбища (см., например, [Жирмунский, с. 415; Маргулан, с. 86; Перетяткович, с. 137–139; Самарская, с. 36; Сафаргалиев, 1938, с. 51, 52; Сафаргалиев, 1949, с. 37]. Некоторые считают Сарайчук XV–XVI вв. захудалым и полуразрушенным или вовсе лежавшим в руинах (после Тимура?) [Сафаргалиев, 1960, с. 231; Федоров-Давыдов, 1973, с. 167].

По убеждению местных казаков, городская жизнь в Сарайчуке в древности была связана исключительно с «ордой татарской». Легенды гласят, что здесь находилась золотоордынская столица, в которой жил, дескать, «набольший хан Америк» [Железнов, с. 247, 256]. Окрестные тюркские народы тоже сохранили память о проживании древних владык — легендарного хана Бурака (Берке? Барака?), по башкирскому шеджере, или «Муса-хана», обитавшего в «Малом Сарае», по шеджере татарскому [Ахметзянов, с. 84; Башкирские, с. 80]. Бий Исмаил б. Муса трактовал яицкое поселение как «отца моего юрт» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 83, 215]. Ближайшие преемники ногайского бия Мусы, правнука Эдиге, были ненадолго оттеснены с Яика в 1510-х годах казахами, и в дальнейшем сведения о принадлежности Сарайчука ногаям относятся к периоду сразу после отвоевания ими своего Юрта. Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн рассказывает о центральной области Ногайской Орды второй половины 1520-х годов, включающей этот город и находящейся под управлением «Шидака» — Саид-Ахмеда б. Мусы [Герберштейн, с. 179]. Действительно, грамота этого бия от марта 1535 г. заканчивается так: «Писан в Счастливом Сарае» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 2, л. 68].

Следовательно, верховные ногайские государи в самом деле базировались в Сарайчуке. Но использовали ли его только в зимнее время, неясно. Первое известие о зимовке там бия относится к маю 1551 г., когда русские гонцы по возвращении из Дешта доложили, что про-

шлой зимой «Юсуф князь зимовал за Яиком в Сараичике» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 2]. В том же году съезд знати назначил двух сыновей бия «в Сараичик ратью стоять, а с ними... тысячь с десять» для обороны от свергнутого Саид-Ахмеда, обосновавшегося в Мавераннахре [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 38]. Город располагался не на границе Орды, но имел очень большое значение, поэтому мирзы и решили разместить в нем особый гарнизон. Позднее он считался подвластным следующему бию, Исмаилу, который поставил «Сараичика... беречи» своего родича и близкого соратника, Хайдара б. Хасана [Дженкинсон, с. 173; РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 83, 215]. Сначала Исмаил проводил в столице только зиму, но в конце жизни стал там «годовати», т.е. жить круглый год, для чего затеял строительство дворца («сарая») [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 57 об., 59, 89 об.][5]. Последняя информация о зимовке бия в Сарайчуке датируется, видимо, 1580 годом. Кстати, тогда же, в октябре, бий Урус не отпустил домой московское посольство и велел ему дожидаться весны на нижнем Яике [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 9, л. 51 об.]. Это был, очевидно, единственный случай, когда русские дипломаты своими глазами увидели столицу мангытов. К сожалению, никаких впечатлений о ней в своем статейном списке они не отразили.

Область города входила в своеобразный домен правителя Орды, являлась его юртом. В 1623 г. последний ногайский бий, Канай, пенял царю, что наделение его, Каная, бийским рангом по воле государя оказалось неполным («княжим чином сполна не пожаловал»), поскольку не сопровождалось передачей новому «князю» «людей четырех улусов» — Сеит, Хоза, Базар, Сарайчук [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1623 г., д. 3, л. 15]. А ведь город к тому времени уже давно был разрушен. Относительно «улуса Сарачик» известно лишь, что в числе его обитателей был эль кенегес — в столбцах упоминается «Канаева княжева улуса Сарачик кенегежского родства Ураз Абыз» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 437].

Сарайчуку золотоордынской эпохи современные авторы дают разные оценки: от третьего по величине после двух Сараев города улуса Джучи до заштатной торговой фактории. Столь же различны трактовки его и применительно к ногайскому периоду. Но крымский автор XVII в. Абдулла б. Ризван, описывая в XVII в. Дешт-и Кипчак, ставил Сарайчук в один ряд с такими столицами, как Бахчисарай, Казань и Хаджи-Тархан [Zajączkowsky, c. 28, 79]. И как в любом ордынском и

[5] Именно просьбы Исмаила к Ивану IV о присылке строительных материалов для будущего «сарая» привели Г.А.Федорова-Давыдова к заключению, будто Сарайчук в ногайскую эпоху лежал в развалинах [Федоров-Давыдов, 1973, с. 167].

послеордынском городе, там функционировала муниципальная администрация. О командующем гарнизоном уже упоминалось. Кроме того, имелся даруга — градоначальник или скорее наместник всей округи[6]. В конце 1420-х годов таковым был кипчак Айиас-бек, в 1550-х годах — зять бия Исмаила, Кара-ходжа [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 79, 84 об., 92, 97]. Упомянут в Ногайских делах и «на Сарачике болшои сеит Икисаат сеит» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1617 г., д. 2, л. 26] — очевидно, высший духовный чин столицы и Орды. Что касается внутренней застройки, то есть данные о намерении возвести там бийский дворец в 1562 г. (см. выше) и мечеть в 1564 г. [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 7, л. 65]. Была там и тюрьма, в которой в 1515 г. оказался мирза Шейх-Мухаммед б. Муса, заточенный братом и соперником Алчагиром [Памятники, 1895, с. 144].

Расположение на старом торговом пути неминуемо придавало ногайской столице роль важнейшего транзитного звена в международном обмене. Даже во время жестоких междоусобиц среди ногаев купцы из Сарайчука приезжали в Астрахань и сходились там с торговцами из Шемахи, Дербента и Ургенча [Книга, с. 113][7]. Купцы, ремесленники и хлебопашцы составляли постоянное население города — Сарайчуковского улуса [Маргулан, с. 88; Российский государственный военно-исторический архив, ф. 414, д. 414, л. 274 об.]. Они являлись ясачными плательщиками бия [РГАДА, ф.127, оп. 1, 1630 г., д. 3, л. 19], и в этом заключались их функция и предназначение в Ногайской Орде. К мобилизациям в ополчение их, по всей видимости, не привлекали, оставляя заниматься хозяйством. Во всяком случае, бий Дин-Ахмед в 1577 г. уверял Ивана IV, что «сараичиковские люди — не воинские» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 38]. Военный потенциал горожан на практике оказывался действительно невысоким: в мае 1536 г., едва узнав о приближении вражеской армии астраханцев, все жители Сарайчука ринулись в степь, не приняв боя [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 2, л. 90]. Этот факт показателен и в другом отношении. Во-первых, подтверждается, что там существовало стационарное оседлое

[6] В золотоордынских городах даруги являлись ханскими наместниками, главной функцией которых был, вероятно, сбор податей [Федоров-Давыдов, 1973, с. 92, 93; Федоров-Давыдов, 1994, с. 17].

[7] Тем более странным и не заслуживающим доверия выглядит сообщение английского дипломата XVI в. Э.Дженкинсона, будто в 1558 г. в Сарайчуке «не производится никакой торговли, так как здешний народ не употребляет денег» [Дженкинсон, с. 173]. Путь от Сарайчука до Ургенча и, стало быть, в целом до культурной области Хорезма и Мавераннахра обычно занимал, по разным сведениям, 20–30 дней, т.е. дневных караванных переходов; от Астрахани до Сарайчука — 10–15 дней [Дженкинсон, с. 189, 190; Левшин, 1832, с. 181; Ibn Batoutah, с. 2; Pegolotti, с. 21].

население, не уходившее на летовки вместе с биями; во-вторых, оно, очевидно, было довольно немногочисленным, если стал возможен поголовный исход. Наличие в Сарайчуке постоянных обитателей подтверждается также назначением наместников-даруг и деятельностью городского мусульманского духовенства.

Распри и конфликты между дештскими Юртами не раз задевали нижнеяицкую цитадель. Но роковыми для нее стали 1570-е годы. На протяжении этого десятилетия город несколько раз захватывали и разоряли казаки. Сокрушительному и окончательному разгрому он подвергся от них же в 1581 г. Впрочем, в литературе встречается и мнение о том, что свое столичное значение Сарайчук терял постепенно, угасая вместе с кризисом Ногайской Орды [Маргулан, с. 86, 87].

Еще одной принципиальной функцией Сарайчука было обслуживание династических некрополей. Известно об устройстве там ханских усыпальниц с золотоордынских времен. Правда, конкретных фактов не много. От Абу-л-Гази узнаем, что там были погребены ханы Тохта и Джанибек б. Узбек [Aboul-Ghazi, с. 174] (если только не имелись в виду волжские Сараи). В начале XVI в. там поднялись изящные мавзолеи казахских государей Джанибека б. Барака и Касима [История, 1993, с. 164].

Скопление гробниц под названием Trestago или Trestargo между устьем Волги и Мангышлаком, с пояснением «Залив мертвых», или «Залив памятников», с изображением крепостной стены и двух башен, мечети и знамени с полумесяцем и джучидской тамгой, фиксируется на карте Ф. и Д.Пицигани 1367 г. и в каталанском атласе 1375 г. Кроме того, братья Пицигани нанесли на карту условное обозначение мавзолея приблизительно в районе Ахтубы с подписью «Торкал, то есть усыпальница императоров, которые умерли в окрестностях реки Сара» (Сарачинки?) [Брун, 1872, с. 32, 33; Брун, 1880, приложение; Егоров, с. 117]. На карте Фра Мауро 1459 г. правый берег реки Laicho (Яик) украшен изображением мавзолея, сопровождаемым словами Sepulchura Imperial (имперская усыпальница) [Багров, рис. 16; Варваровский, Евстигнеев, с. 175; Чекалин, 1890, с. 249].

Историки давно отметили выдающуюся сакральную роль Сарайчука для рода Джучидов как местоположения их фамильных гробниц (см., например, [Бартольд, 1966, с. 395; Бартольд, 1968, с. 143; Кляшторный, Султанов, с. 275, 276; Самойлович, с. 47]. Там восходили на престол Золотой Орды Джанибек, Бердибек и, может быть, Узбек. Да и само имя местности — «Малый Дворец» — вызывает в памяти практику возведения дворцеобразной постройки над могилой правителя (Ибн Фадлан писал о таковой у хазар; Плано Карпини и Рубрук рассказывали о «палатке», «остроконечном домике» сверху могилы

у монголов и кипчаков XIII в.) [Путешествия, с. 33, 102; DeWeese, с. 193–199]. Следовательно, Сарайчук, с учетом его вероятного — еще в домонгольское и доисламское время — культового статуса, имел большую символическую значимость в государственности и культуре улуса Джучи.

Не менее значимой оказалась традиционно священная погребальная местность и для ногаев, которые поклонялись ханским мавзолеям (см. [Османов, с. 47]). Об использовании ее ими для захоронения своей аристократии встречаются многочисленные упоминания: «...их (ногаев. — *В.Т.*) тут кладбища татарские»; «на Яике... кладбища... наши»; «на Яике у яицкова устья на Сараичике на кладбище, где родители наши кладутца» и т.п. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 21, л. 670; ф. 127, оп. 1, 1630 г., д. 3, л. 37; Памятники, 1890, с. 366]. Известно, что некрополь подвергался разорению и осквернению казаками в 1570-х годах при взятиях ими Сарайчука («Приходили государские люди в Сарачик и над отцом над моим над мертвым изругалися», — писал Дин-Ахмед-бий [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 4 об.]). В источниках отразились факты и слухи о погребении там Эдиге, его сына Нур ад-Дина, Али и Юнуса — сыновей бия Юсуфа, Джан-Арслана б. Уруса и др. [Ибн Арабшах, с. 63; Летописец, с. 147; РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 101; 1615 г., д. 1. л. 2; DeWeese, с. 194, 447].

Ясно, что подобный ритуальный ранг Сарайчука, как и его положение стольного города Орды, побуждал ногаев лелеять планы его возрождения после 1581 г. «Сарачик розорили люди ваши, и мы хотим делати, — делился замыслами с Иваном IV мирза Динбай в 1581 г. — Наняли есмя мастеров и наимитов двесте человек. И ты б пожаловал, прислал денег, что дати (за работу. — *В.Т.*) мастером и наимитом» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 10, л. 134 об.]. Насколько можно судить по Ногайским делам, царь не стал финансировать строительство города на Яике. А сами кочевники едва ли могли осилить это грандиозное предприятие.

Но как бы то ни было, формально сарайчуковская округа продолжала считаться административным и сакральным центром Мангытской империи, и там оставалось постоянное население — те самые «люди не воинские», что платили биям ясак. Около 1586 г. они вновь подверглись нападению казаков, которые «воевали на Еике... зараичиковские улусы, а побили... и в полон поимали многих людеи, а убили... двух сеитов лутчих людеи» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1585 г., д. 1, л. 3].

Вообще, саиды существовали там довольно долго; еще в 1617 г. упоминается сарайчиковский главный саид Ибрагим [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1617 г., д. 2, л. 26]. Без подданных и без паствы его пребывание на Яике было бы бессмысленным. А в 1630 г. бий Канай вспоминал,

что его предки «с Сараичика имывали доход ясак» и до сих пор-де «на Сарачике живут ясачные люди», которых он просил у царя «заворотить» в его, Каная, подчинение [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1630 г., д. 3, л. 19]. Такая просьба была актуальной для предводителя ногаев, потому что к тому времени его власть над бывшим доменом оказалась полностью утраченной. В западноказахстанских степях происходило хаотичное передвижение кочевых общин, вызванное миграцией калмыков и уходом ногаев, а места вокруг Сарайчука становились пастбищами то Алтыулов[8], то калмыцких тайшей, причем приходы последних, случалось, сопровождались погромами местных оседлых жителей [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 8, 46; ф. 127, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 11, 12; 1630 г., д. 3, л. 37, 38; 1635 г., д. 1, л. 9, 10]. После этих набегов «агломерация» уже окончательно запустела.

Предания яицких казаков рассказывают, будто прежние жители этой местности переселились в Хиву [О развалинах, с. 4; Рычков, 1896, с. 34, 59]. Мне не встретились подтверждения этому в других источниках. Но интерес к Сарайчуку у хорезмского (хивинского) соседа и соперника — Бухары существовал несомненно. В начале 1580-х годов отношения между бухарским Абдуллой II и Большими Ногаями[9] складывались непростые. При мангытском дворе пытался найти пристанище Баба-султан, изгнанный Абдуллой из Мавераннахра. Хотя из-за интриг и коварства Бабы антибухарской коалиции с ногаями у него не сложилось, хан-победитель имел основания причислять последних к лагерю своих противников. В Бухаре, видимо, вызревали планы большого похода на северо-запад. В 1584 г. мирза Кучук б. Мухаммед известил Москву, что Абдулла хочет «Сараичик взяти и мусулманство прославити» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1585 г., д. 1, л. 14]. Угроза была серьезной: хан набирал силу, его владения после завоевания Хорезма выдвинулись в степь.

В панике ногаи забрасывали Москву просьбами прислать на Яик войско и поставить крепость для отражения узбекского нашествия. Наконец правительство вняло мольбам и, очевидно, в первой половине 1590-х годов прислало туда воеводу. Стрельцы основали Казачий городок, зафиксированный в «Книге Большому Чертежу» [Макшеев, с. 12–14]. Внешне это выглядело как защита ногаев, их «сарайчи-

[8] Алтыулы (т.е. Шесть Сыновей) — обозначение, закрепившееся за потомками шести сыновей ногайского бия Шейх-Мамая, а также за их подданными в конце XVI — середине XVII в.

[9] Большие Ногаи (Большая Ногайская Орда) — утвердившееся с 1560-х годов обозначение основной территории Ногайской Орды, подчинявшейся верховному бию. На Северо-Западном Кавказе существовала и Малая Ногайская Орда (Казыев улус), образованная ногаями — выходцами из Заволжья.

ковских улусов», «что им от бухарского Абдулы царя теснота великая» [Памятники, 1890]. На самом же деле, как следует из памяти послам в Грузию 1596 г., укрепление заволжских подступов объяснялось вестями о намерениях бухарского хана «отвести от государя нашего нагаи заволжских» [Белокуров, с. 279]. И действительно, в последнем десятилетии XVI в. повелитель Бухары решил сменить политику по отношению к мангытским мирзам (убеждая своего вассала, свергнутого казаками сибирского хана Кучума, жить в мире с мирзами). Но одновременно он продолжал разрабатывать планы экспансии в Северный Прикаспий. Эта трансформация неожиданно совпала с нарастанием антироссийских настроений среди Больших Ногаев. В 1598 г. тот самый бий Ураз-Мухаммед, который несколькими годами ранее заклинал царя Федора прислать на Яик рать, жаловался крымскому хану: «Жить... мне от московского немочно: поставил... на Яике город и кладбища наши у нас отнял, и называет... нас себе холопи» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 21, л. 670–670 об.]. Москву удалось убедить в отсутствии опасности («они з бухарским управились»), и Казачий городок был снесен; русское войско ушло восвояси [Памятники, 1890, с. 366]. Явно наметился бухарско-ногайский союз. Он уже начинал приобретать зримые формы: Абдулла пообещал отстроить Сарайчук.

Перспектива оказаться зажатыми между двумя врагами привела в ужас казахов. В январе 1595 г. посол казахского хана Таваккула б. Шигая втолковывал своему земляку, султану Ураз-Мухаммеду, жившему в Москве, чтобы тот довел до сведения русского правительства следующее: «А государь бы на бухарсково царя не оплашивался, а ногаем бы не верил. Бухарскои царь ныне юргенсково царя Азима со Юрта согнал, Юргенчь взял под себя. А ныне, с ногаи соединясь, хочет поставить в Сараичике город. Как в Сараичике город поставит, толды будет [над] Астороханью промышляти» (думаю, последняя фраза была вставлена послом для стимулирования правительства к решительным мерам, но не отражала реальных намерений Бухары). Ураз-Мухаммед должен был убедить Федора Ивановича прислать казахам «огненного бою» [РГАДА, ф. 122, оп. 1, 1594 г., д. 1, л. 8–9].

Опасения казахов оказались напрасными. Большую Ногайскую Орду охватила смута, а Абдулла II вскоре умер. Но еще долго «призрак» Сарайчука присутствовал в русско-бухарских отношениях. Ханы Бухары в XVII в. видели в новопостроенном Яицком городке (Гурьеве) потенциальную угрозу для себя со стороны России, хотя при этом оборот товаров между двумя государствами все увеличивался. И бывший Сарайчук виделся узбекским политикам как удобное место для сосредоточения торговли с русскими [Дариенко, с. 190; Преображенский, с. 276].

Существовали ли в Ногайской Орде другие города? Историки отвечают на этот вопрос однозначно отрицательно. Э.Кинан считает, что ногаи как стопроцентные кочевники городов не имели и не желали иметь ([Keenan, с. 552]; см. также [Сафаргалиев, 1949, с. 37]). Б.-А.Б.Кочекаев тоже полагает, будто на территории их державы не имелось «ни городов, ни крепостей, ни определенных административных центров, овладением которыми более счастливый соперник мог бы закрепить свои победы» [Кочекаев, с. 91]. «Кто боится, тот и строит башни!» — было сказано венецианскому послу Иосафату Барбаро в 1436 г. одним степным «татарином» [Барбаро, с. 148]. Интересный тезис выдвинул А.Н.Усманов: своих монументальных построек и крепостей ногаи не сооружали, но пользовались ранее существовавшими сооружениями (в частности, в Башкирии) [Усманов, с. 66]. Эта мысль представляется чрезвычайно продуктивной для разрешения противоречий в информации из различных источников. С одной стороны, в них звучат единодушные уверения в отсутствии ногайских городов, за исключением унаследованного от Золотой Орды Сарайчука; с другой — фольклорные и краеведческие материалы, а также археология Дешт-и Кипчака позволяют ставить вопрос об их существовании[10].

Аристократия из ногайского эпоса проживает, как правило, в крепостях и в укрепленных ставках (ордах), под охраной внутренней и внешней стражи [Сикалиев, 1980, с. 10; Сикалиев, 1994, с. 83]. В дастанах упоминаются города — места действия персонажей: Сарай, Маджар, Сарайшик, Сырлы-кала и Кумлы-кала. Первые два — известные золотоордынские поселения, исчезнувшие к XVI в. Сырлы-кала надежно не идентифицируется. Кумлы-кала сопоставима с Кум-Кентом (перевод одинаковый: Песчаная крепость), который якобы принадлежал эпическому отцу Эдиге, Кутлу-Кая, и, видимо, считался сердцевиной его наследственных владений. Нурадин б. Идегей говорит отцу в татарском варианте эпоса: «Посылает тебе привет... Город Кум-Кент и вся страна, Что тебе навсегда верна». Сам Кутлу-Кая обвинял в (окончательном?) разорении города хана Тохтамыша [Идегей, с. 14, 121]. По родословной князей Юсуповых, Кутлу-Кая «взял взятьем Кумкент и учинился в Кумкенте государем» [РГАДА, ф. 1290, оп. 1, д. 1, л. 1]. Очевидно, имеется в виду городище Кумкент, расположенное в окрестностях районного центра Чулаккурган Шимкентской области Казахстана. Находившийся на старом торговом пути,

[10] В известной мне литературе лишь А.Б.Булатов утверждает, что ногаи владели еще городами Орду-Базар и Корныш [Булатов, с. 186]. Очевидно, здесь недоразумение. *Орду-базар* — это караваны купцов, сопровождавшие ставку кочующего государя, или иногда обозначение самой этой ставки; *корныш* у ногаев — аудиенция, съезд, встреча.

этот город функционировал на протяжении X–XIV вв. и захирел приблизительно в XV в. (см. о нем [Маргулан, с. 52, 54, 55]).

На собственно же ногайской территории, в частности на Яике, просматриваются следы существования каких-то населенных пунктов. Османский автор XVII в. Эвлия Челеби, описывая свои впечатления о странствовании по этой реке, рассказывает, что Яик «проходит мимо сотен городов и многих тысяч крепостей и наконец впадает в Каспийское море под городом... [название опущено]». Но при этом приводит имена только двух из них — Салуб-Керман и Суруна-Керман — да еще «великий город» с каменным кремлем (наверняка Гурьев) [Эвлия Челеби, с. 154, 157]. Ясно, что даже при обычном восточном преувеличении на порядок числа поселений турецким автором уральские казаки не могли успеть построить множество крепостей. Их поселки тогда были немногочисленны. Значит, путешественник видел безлюдные развалины. К таковым принадлежала Сарайчукская «агломерация».

Археологически этот край изучен очень слабо. А.Е.Алексеев слышал от местных жителей об остатках поселений без крепостных валов в 20 верстах западнее Сарайчука, на реке Солянке, и о Темировом городище в 14 верстах южнее, у озера Карабау [О развалинах, с. 6]. На берегу Урала расположено и старинное укрепление Кырык-Арба (Сорок повозок), название которого указывает на основание его кочевниками [Маргулан, с. 15]. В тех же местах находится Тендыкское городище со следами медеплавильного производства и керамики у поселка Тендык, в 10–12 км от Атырау.

На средневековых картах к югу и западу от Сарайчука также нанесены изображения городов и мавзолеев (см. [Багров, рис. 16, 23, с. 82, 86; Брун, 1872, с. 33; Кушаев, с. 134, 135; Рыбаков, с. 25; Чекалин, 1889, с. 20, 21; Чекалин, 1890, с. 248–250; DeWeese, с. 197, 198]), что может трактоваться как отголоски более раннего и густого, чем в XVI в., заселения яицких берегов[11]. Но без тщательного изучения и раскопок невозможно ответить на вопрос о времени и степени урбанизации региона. То же относится и к вероятным ногайским поселениям в Поволжье, Башкирии и Казахстане (см., например, [Багров, рис. 16, 23, 51, с. 81; Брун, 1872, с. 32–34; Брун, 1880, прилож.; Витевский, с. 439; Егоров, с. 106, 108, 133, 134, карта; Игнатьев, с. 333–339; История, 1937, с. 123; Левшин, 1832, с. 181, 182; Лоссиевский; Мажитов, Султанова, с. 321; Маргулан, с. 91, 92; Миллер, с. 260, 261; Небольсин, с. 56–58; Рычков, 1896, с. 69; Рычков, 1949, с. 79; Трепавлов, с. 9, 10]), хотя казахи раньше приписывали ногаям все старые по-

[11] Казачья легенда гласит, будто первоначально Сарайчук стоял у самого моря [Иванин, с. 271, 272].

стройки в степи [Валиханов, 1961, с. 388; Валиханов, 1964, с. 36; Валиханов, 1986, с. 256, 260; Левшин, 1832, с. 203].

Однако мы не можем отрицать очевидный факт: у жителей Ногайской Орды совершенно отсутствовали навыки градостроения. Сарайчук, как и почти все известные золотоордынские города, был построен в традициях среднеазиатской мусульманской архитектуры. Эти традиции были ногаями утрачены. Чужеземцы-«наймиты», которые строили для них дворцы и мавзолеи, были приверженцами строительных канонов Мавераннахра. Когда же мирзы вознамеривались строить города сами, то просили не каменщиков из Ургенча, а «топорников», «мастеров и лесу соснового хоромы ставити» из России, желая возводить не глинобитные крепостные стены, а частоколы, не мраморные дворцы, а бревенчатые терема [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 2, л. 223; д. 5, л. 4]. Не дождавшись поставок, пытались городить укрепления по своему разумению — «плести... два плетеня, да межи того земля сыпать» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 84 об.]. Исмаил откровенно сообщал царю, что «наши люди нагаиские городового дела не знают» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 48].

Ненамного усовершенствовались познания в «городовом деле» и в последующие эпохи. Ногайцы Северного Кавказа второй половины XVII в. возводили деревянные укрепления, копали глубокие рвы, но внутри таких городищ находилось пустое пространство и лишь изредка ставилась мечеть. Население спасалось там от врагов и собиралось на время зимовья [Эвлия Челеби, с. 53, 54]. Строительная квалификация развивалась у позднейших ногайцев главным образом при обустройстве не городских, а сельских поселений, полуоседлых аулов.

Место ногайской столицы и джучидско-мангытский некрополь продолжали почитаться у местных тюркских кочевников и в дальнейшем. Один из склепов молва нарекла «Ханской могилой» [Рычков, 1949, с. 79]. Казахи (и башкиры?) съезжались на развалины для молитв и жертвоприношений, выбрав для поклонения мавзолей, который, по словам А.И.Левшина, считали «могилою какого-то угодника магометанского» [Левшин, 1824, с. 189, 190]. Но помимо этой гробницы, остатки Сарайчука содержали и иные сооружения.

Их неоднократно описывали на протяжении последних двух столетий как составители общих исторических очерков западноказахстанского края и Башкирии (А.Б.Карпов, А.И.Левшин, П.И.Рычков и др.), так и местные любители старины, в особенности активисты Оренбургской ученой архивной комиссии (председатель Комиссии в начале XX в. — А.В.Попов[12], заведующий Уральской войсковой чертеж-

[12] Оренбургская ученая архивная комиссия действовала в 1887–1919 гг. А.В.Попов возглавлял ее в 1903–1918 гг. [Хасанов].

ной — штабс-капитан А.Е. (в некоторых публикациях: А.А.) Алексеев, священник сарайчиковской Покровской церкви Лоскутов и др.)[13]. Почти все они ограничивались внешней характеристикой городища и сбором подъемного материала. Лишь А.Е.Алексеев в 1861 г. расчистил проходы и проник внутрь некоторых склепов. В 1937 г. в течение 15 дней вел раскопки Н.Арзютов, но к каким-либо определенным выводам о происхождении и хронологии городища не пришел [Арзютов, с. 127, 128]. В 1950 г. там велись разведочные работы Хорезмской археолого-этнографической экспедицией во главе с С.П.Толстовым, а также раскопки небольшой Западно-Казахстанской археологической экспедиции во главе с А.Х.Маргуланом. Последней удалось открыть гончарную печь золотоордынского времени [Пацевич, 1956; Пацевич, 1957]. Позднее на городище проводили изыскания Гурьевский отряд Средневолжской экспедиции [Афанасьев и др.; Галкин, 1987] и астраханский археолог В.В.Плахов. С 1997 г. планомерные раскопки Сарайчука начаты Западно-Казахстанской археологической экспедицией (руководитель З.С.Самашев) при участии исследователей из Астрахани и Москвы.

Как уже указывалось, Сарайчук располагался в треугольнике, образуемом главным руслом Яика и его протокой Сарачинкой, которые давали ему естественную защиту соответственно с востока и запада. С юга и севера его защищали крепостные стены, со временем приобретшие вид земляного вала. У некоторых наблюдателей сложилось впечатление, будто фортификационные сооружения окольцовывали город полностью. Краеведы оценивали протяженность каждой из стен в 1 версту (около 1070 м), а общую их (или вала) окружность — в 5 верст, 2 версты или 3 версты 250 сажен (соответственно около 5330, 2134, 3733 м). Последняя цифра принадлежит чертежнику Алексееву, который проводил замеры профессионально, и им можно доверять. По его данным, городище занимало в длину 1 версту 100 сажен (1280 м), в ширину — 1 версту 50 сажен (1173 м). Участники Западно-Казахстанской экспедиции А.Х.Маргулан и Г.И.Пацевич отметили, что оно тянется вдоль берега реки Урал приблизительно на полтора километра. Общая площадь его в начале XX в. составляла более 1 десятины [Карпов, с. 37; Маргулан, с. 87; О развалинах, с. 5; Пацевич, 1956, с. 221; Протокол, 1906а, с. 272].

Остатки внешних укреплений сохранялись до 1850–1860-х годов. В 1824 г. А.И.Левшин еще мог видеть главный въезд в крепость, отмеченный двумя треугольными бастионами. В целом городище имело

[13] Сводку сообщений и публикаций о развалинах Сарайчука в провинциальных российских изданиях XIX в. см. [Кастанье, с. 95–97].

почти правильную прямоугольную форму, за исключением стороны, примыкающей к извилистой Сарачинке [Левшин, 1824, с. 188; Маргулан, с. 87; Протокол, 1906а, с. 272, 273]. Внутреннее пространство заполнялось битым кирпичом, кусками мрамора, изразцов, слюды. В центральной части крепости, ближе к западу (к Сарачинке), находился холм-цитадель — вероятно, обычный для мусульманских городов «кремль»-арк. По подсчетам А.Е.Алексеева, неправильных очертаний цитадель имела длину 200 и ширину 100 сажен. Она опоясывалась внутренней стеной, видимо более высокой, чем городская. Старые казаки в начале XX в. помнили, что на южной стороне этого «кремля» некогда стояла башня из обожженного кирпича, от которой позднее не осталось и следа [Протокол, 1906а, с. 272, 273]. Руины прочих зданий представляли собой стены и фундаменты из того же материала; в некоторых сохранялись следы печей и обогревателей-канов [Арзютов, с. 129; Карпов, с. 37; Левшин, 1824, с. 189; Маргулан, с. 87; О развалинах, с. 5; Протокол, 1906а, с. 272].

И в «кремле», и на остальной территории города, и за его пределами обнаруживали мусульманские кладбища и мавзолеи. Как отмечалось, они считались священными (аулие) у местных жителей, которые молились здесь об исцелении. А.Е.Алексеев, пробравшись в одну из гробниц, определил по тамошним надписям, что она возведена над захоронениями туркменских ходжей. Он заметил, что склепы сложены из камня, не встречающегося в окрестностях [О развалинах, с. 3–6].

Ценными датирующими находками являются монеты. Все найденные до сегодняшнего дня в Сарайчуке относятся к золотоордынской эпохе[14].

Половодья, колебания русла Урала неумолимо разрушали остатки ногайской столицы. Не меньший ущерб нанесла хозяйственная деятельность казаков, которые начиная с XVIII в. разбирали древние сооружения для использования больших, прочных старых кирпичей в собственных постройках[15]. В отдельных казацких домах полы выстилались именно этим материалом. Огромное количество кирпича было вывезено для строительства Гурьевской крепости [Катанов, с. 249; Протокол, 1906а, с. 273; Протокол, 1906б, с. 56; Рычков, 1949, с. 79]. Лишь в 1907 г. председатель Оренбургской ученой архивной комиссии А.В.Попов на ее заседании поставил вопрос о «необходимости

[14] На тот же период указывает и подъемный материал, с которым автора любезно ознакомил В.В.Плахов.

[15] Со стороны славянских жителей берегов нижнего Яика не отмечено никакого пиетета перед сарайчуковскими реликтами. А.Е.Алексеев писал, что названия реки Сарачинки и села Сарайчиковское многими из них не связывались с древним городом, развалины которого они почему-то именовали «Можары» [О развалинах, с. 3].

принятия мер к охране развалин города Сарайчика от уничтожения». Комиссия постановила ходатайствовать об этом перед Императорской Археологической комиссией [Оренбургская, с. 27]. Но никаких последствий это обращение, насколько мне известно, не возымело. Городище продолжало растаскиваться, разрушаться и обваливаться в воды Урала.

Арзютов — *Арзютов Н.* Отчет о раскопках, произведенных в 1937 г. на месте развалин золотоордынского города Сарайчика // Изв. Академии наук Казахской ССР. Сер. археологическая. А.-А., 1949. Вып. 2.

Афанасьев и др. — *Афанасьев В.К., Бисенов С.Б., Галкин Л.Л.* Работы в Западном Казахстане // Археологические открытия 1975 года. М., 1976.

Ахмедов, 1965 — *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Ахмедов, 1985 — *Ахмедов Б. А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (Письменные памятники). Таш., 1985.

Ахметзянов, 1991 — *Ахметзянов М.И.* Между Волгой и Уралом // Идел. 1991. № 10–11.

Багров — *Багров Л.С.* Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. СПб., 1912.

Барбаро — Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Вступит. ст., подгот. текста, пер., коммент. Е.Ч.Скржинской. Л., 1971.

Бартольд, 1966 — *Бартольд В.В.* К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Сочинения. М., 1966. Т. IV.

Бартольд, 1968 — *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. М., 1968. Т. V.

Башкирские — Башкирские шежере. Сост., пер. текстов, введ. и коммент. Р.Г.Кузеева. Уфа, 1960.

Белокуров — *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского гл. архива МИД. Вып. 1 (1578–1613 гг.) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1888. Кн. 3 (146).

Брун, 1872 — *Брун Ф.К.* Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия. Одесса, 1872.

Брун, 1880 — *Брун Ф.К.* Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1880. Ч. 2.

Булатов — *Булатов А.Б.* Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1974. Вып. 3.

Валиханов, 1961 — *Валиханов Ч.Ч.* Заметки по истории южносибирских племен // Собр. соч. А.-А., 1961. Т. 1.

Валиханов, 1964 — *Валиханов Ч.Ч.* Географический очерк Заилийского края // Собр. соч. А.-А., 1964. Т. 3.

Валиханов, 1986 — *Валиханов Ч.Ч.* Избранные произведения. М., 1986.

Варваровский, Евстигнеев — *Варваровский Ю.Е., Евстигнеев И.В.* О тождественности передачи Ф.Ф.Чекалиным карты Фра Мауро 1459 г. // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1998. Вып. 6.

Веселовский — *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.

Витевский — *Витевский В.Н.* И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1891. Вып. 3.

Галкин, 1978 — *Галкин Л.Л.* Двухсторонняя литейная форма XIV века из Сарайчика // Советская археология. 1978. № 2.

Галкин, 1987 — *Галкин Л.Л.* Изыскания в северо-восточном Прикаспии // Археологические открытия 1985 года. М., 1987.

Герберштейн — *Герберштейн С.* Записки о Московии. Пер. А.И.Малеина, А.В.Назаренко. М., 1988.

Григорьев — *Григорьев А.П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // Уч. зап. ЛГУ. № 417. Сер. востоковед. наук. Л., 1985. Вып. 27.

Дариенко — *Дариенко В.Н.* Основание города Гурьева // Вопросы истории. А.-А., 1973. Вып. 5.

Дженкинсон — *Дженкинсон А.* Путешествие господина Антония Дженкинсона из города Москвы в России до города Бухары в Бактрии в 1558 г. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. Ю.В.Готье. Л., 1937.

Егоров — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Железнов — *Железнов И.И.* Уральцы: Очерки быта уральских казаков. СПб., 1888. Т. 2.

Жирмунский — *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос: Избранные труды. Л., 1974.

Ибн Арабшах — *Шихаб ад-Дин Ахмад ибн Мухаммад ибн Арабшах.* Аджаиб алмакдур фи ахбар Тимур. Каир, 1305 (1887/1888).

Иванин — *Иванин М.И.* Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 году // Записки Русского географического общества. СПб., 1847. Кн. 2.

Игнатьев — *Игнатьев Р.Г.* Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883.

Идегей — Идегей: Татарский народный эпос. Пер. С.Липкина. Казань, 1990.

История, 1937 — История Татарии в материалах и документах. Сост. К.Н.Гаврилкин. М., 1937.

История, 1993 — История Казахстана: Очерк. Алматы, 1993.

Йазди — *Шараф ад-Дин Али Йазди.* Зафар-наме. Подгот. к печати, предисл., примеч., указ. А.Урунбаева. Таш., 1972.

Карпов — *Карпов А.Б.* Уральцы: Исторический очерк. Уральск, 1911. Ч. 1.

Кастанье — *Кастанье И.А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910.

Катанов — *Катанов Н.Ф.* Два исторических документа императрицы Екатерины II о древностях Волги и Кавказа // Известия Общества истории и этнографии при Казанском университете. 1907. Т. 23. Вып. 3.

Кляшторный, Султанов — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан: Летопись трех тысячелетий. А.-А., 1992

Книга — Книга, глаголемая Летописец Федора Никитича Нормантского // Временник Московского общества истории и древностей российских. 1850. Кн. 5.

Кочекаев — *Кочекаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. А.-А., 1988.

Кузеев — *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

Кумеков — *Кумеков Б.Е.* Арабские источники по истории кипчаков, куманов и кимаков VIII — начала XIII в. Автореф. докт. дис. СПб., 1994.

Кушаев — *Кушаев Г.А.* Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск, 1993.

Кырыми — *Абд ал-Гаффар Кырыми.* Умдат ат-таварих. Изд. Н.Асим. Истанбул, 1343 (1924/1925).

Левшин, 1824 — *Левшин А.И.* Известия о древнем татарском городе Сарайчике // Северный архив. СПб., 1824. Ч. 9. № 4.

Левшин, 1832 — *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсакских орд и степей. СПб., 1832. Ч. 1.

Летописец — Летописец русский. Публ. А.Н.Лебедева // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1895. Кн. 3.

Лоссиевский — *Лоссиевский М.В.* Из неизданных арабских и татарских хроник Оренбургского края (Историко-археологический этюд) // Оренбургский листок. 1881. 22 февраля (№ 8).

Мажитов, Султанова — *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994.

Макшеев — *Макшеев А.И.* Географические сведения Книги Большого Чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае // Зап. Русского геогр. общества по отд. этнографии. СПб., 1880. Т. 6.

Маргулан — *Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. А.-А., 1950.

Масанов — *Масанов Н.Э.* Национально-государственное строительство в Казахстане: анализ и прогноз // Вестник Евразии. М., 1995. № 1.

Миллер — *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.

Небольсин — *Небольсин П.И.* Очерки Волжского низовья. СПб., 1852.

О развалинах — О развалинах татарского города Сараиль-Джадита // Уральские войсковые ведомости. Уральск, 1867. № 30.

Оренбургская — Оренбургская ученая архивная комиссия. Протоколы заседаний за 1901–1907 гг. и отчет за 1907 год. Оренбург, 1909.

Османов — *Османов Н.* Ногайские и кумыкские тексты. СПб., 1883.

Памятники, 1890 — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. 1.

Памятники, 1895 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. СПб., 1895. Т. 2.

Пацевич, 1956 — *Пацевич Г.И.* Гончарная печь на городище Сарайчик // Труды Института истории, археологии и этнографии. А.-А., 1956. Т. 1

Пацевич, 1957 — *Пацевич Г.И.* Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1957. Вып. 69.

Перетяткович — *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.

Преображенский — *Преображенский А.А.* Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в. (два посольства торгового человека Анисима Грибова) // Исторические записки. М., 1951. Т. 36.

Протокол, 1906а — Протокол № 9. Очередное заседание [Оренбургской ученой архивной комиссии] 23 сентября 1905 года // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1906. Вып. 16.

Протокол, 1906б — Протокол № 14. Очередное заседание [Оренбургской ученой архивной комиссии] 17 декабря 1904 года // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1906. Вып. 16.

Путешествия — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Ред. Н.П.Шастина. М., 1957.

Рыбаков — *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., 1974.

Рычков, 1896 — *Рычков П.И.* История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896.

Рычков, 1949 — *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии // Оренбургские степи в трудах П.И.Рычкова, Э.А.Эверсманна, С.С.Неустроева. М., 1949.

Рябинин — *Рябинин А.* Уральское казачье войско. СПб., 1866. Ч. 1.

Самарская — Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. Самара, 1993. Кн. 1.

Самойлович — *Самойлович А.Н.* Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика // Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества. СПб., 1912. Т. 21. Вып. 1.

Сафаргалиев, 1938 — *Сафаргалиев М.Г.* Ногайская Орда в середине XVI в. Канд. дис. М., 1938.

Сафаргалиев, 1949 — *Сафаргалиев М.Г.* Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сборник научных работ Мордовского гос. пед. института. Саранск, 1949.

Сафаргалиев, 1960 — *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Сикалиев, 1980 — *Сикалиев А.И.-М.* Общество и герой в ногайском героическом эпосе // Традиции и современность (Фольклор и литература народов Карачаево-Черкесии). Черкесск, 1980.

Сикалиев, 1994 — *Сикалиев А.И.-М.* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.

Толстов — *Толстов С.П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук 1950 г. // Советская археология. 1953. Т. 18.

Трепавлов — *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997.

Усманов — *Усманов А. Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. 2-е изд., испр. и доп. Уфа, 1982.

Утемиш-хаджи — *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, примеч., иссл. В.П.Юдина; коммент. и указ. М.Х.Абусеитовой. А.-А., 1992.

Федоров-Давыдов, 1973 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Федоров-Давыдов, 1994 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Хасанов — *Хасанов Э.Р.* Оренбургская ученая архивная комиссия: Возникновение и развитие научного общества на Южном Урале (конец XIX — начало XX в.). Уфа; Стерлитамак, 1998.

Чекалин, 1889 — *Чекалин Ф.Ф.* Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1889. Т. 2. Вып. 1.

Чекалин, 1890 — *Чекалин Ф.Ф.* Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра-Мауро // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1890. Т. 2. Вып. 2.

Эвлия Челеби — *Эвлия Челеби.* Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2. Сост. А.Д.Желтяков; предисл. А.П.Григорьева; примеч. и коммент. А.П.Григорьева и А.Д.Желтякова. М., 1979.

Юматов — *Юматов В.С.* О названии башкирцев // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1961. Т. 1.

Aboul-Ghazi — *Aboul-Ghâzi Béhâdour Khan.* Histoire des Mogols et des Tatares. Publ. par P.Desmaisons. St.-Pbg., 1871. T. 1.

DeWeese — *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park (Pennsylvania), 1994.

Howorth — *Howorth H.H.* History of the Mongols: From the 9th to the 19th century. N.Y., 1965. Pt. 2.

Ibn Batoutah — Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe, accompagné d'une traduction par Defrémery et B.R.Sanguinetti. P., 1874. T. 3.

Keenan — *Keenan E.L.* Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic review. Stanford, Calif. 1967. Vol. XXVI.

Pegolotti — *Pegolotti F.B.* La pratica della mercatura. Cambridge (Mass.), 1936.

Schamiloglu — *Schamiloglu U.* Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Doctoral dissertation. Columbia university, 1986.

Zajączkowsky 1966 — *Zajączkowsky A.* La chronique des steppes kiptchak. Ed. crit. avec la trad. française du XVIII siècle. Warszawa, 1966.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

А.Г.ЮРЧЕНКО
(Санкт-Петербург)

Золотая статуя Чингис-хана
(русские и латинские известия)

Любая империя есть сумма парадоксов, поскольку на едином политическом пространстве соприкасаются разные культурные традиции. Один из самых ярких примеров встречи таких традиций в Монгольской империи — обряд коленопреклонения. Введенная в 1230 г. при монгольском дворе китайская церемония приветствия великого хана предусматривала опускание на оба колена [Мункуев, с. 72]. Эта церемония окажется неприемлемой для дипломатов и правителей христианского мира, вынужденных по тем или иным причинам встречаться и вести переговоры с монгольскими ханами и нойонами. Для христиан преклонение на оба колена было исполнено глубокого религиозного смысла, что практически исключало перевод сакрального жеста в сферу придворного этикета. Средневековый итальянский художник, иллюстрировавший книгу Марко Поло, изобразил венецианцев, преклонивших перед великим ханом одно колено, тогда как Марко Поло говорит о преклонении на оба колена [Marco Polo, л. 2б; Марко Поло, с. 111, 113]. В империи был провозглашен и действовал принцип толерантности, т. е. веротерпимость была возведена в ранг закона [Гурлянд, с. 62; Вернадский, с. 40–41; Ratchnevsky, с. 489–504; Spuler, с. 1–12]. Этот факт отмечен в XIII в. представителями всех мировых религий. Как писал Марко Поло, каждый может свободно распоряжаться своей душой, ибо монголы не заботятся о том, какому Богу поклоняются в подвластных им землях, лишь бы сохранялась верность и покорность хану [Харт, с. 113; Witte]. Следует добавить и весьма выразительное свидетельство доминиканца брата Андрея из Лонжюмо, представленное им Лионскому собору 1245 г. и сохраненное для нас Матфеем Парижским: «Король тартаров домогается только власти над всеми и даже монархии над всем миром и не жаждет чьей-нибудь смерти, но дозволяет каждому пребывать в своем вероис-

© А.Г.Юрченко, 2002

поведании, после того как [человек] проявил к нему повиновение, и никого не принуждает [совершать] противоположное его вероисповеданию» [Матузова, с. 133].

Может показаться, что прагматизм монгольской политики не оставлял места для сакральной практики на государственном уровне, поскольку, согласно Ясе Чингис-хана, все конфессии были поставлены в равные условия. Их соперничество между собой ни при каких условиях не породило бы некий универсальный культ. И следовательно, поиск каких-либо святилищ общеимперского характера не имеет оснований. Однако реальность середины XIII в. была сложнее. Благодаря сведениям из донесений францисканской миссии 1247 г., побывавшей в лагере Бату-хана на Волге и в кочевой столице империи близ Каракорума, мы располагаем подробным описанием загадочного феномена. Речь идет о золотой статуе Чингис-хана, установленной в закрытой повозке перед юртой правящего хана. Жертвы этому изображению приносили сами монголы, а кланяться должны были и знатные иноземцы, и послы в знак покорности здравствующему великому хану. На первый взгляд ситуация парадоксальная, ибо предназначение статуи Чингис-хана, кажется, совмещает несовместимые функции. Если для монголов в этом сакральном изображении была сосредоточена жизненная сила (*сульде*), которая выступала охранителем всего народа и войска, то в таком случае трудно объяснить, зачем к этому сакральному источнику приобщали чужестранцев. Если же статуя воплощала божество, которому должны были поклонятся все, кто бы ни прибыл ко двору великого хана, то это обстоятельство вступает в противоречие с провозглашенным принципом свободы вероисповедания. Последнее вполне осознавалось францисканцами. Они поклонились «идолу» Чингис-хана, отметив, что у монголов вообще нет обрядов почитания Бога, а чтут они лишь семейных идолов из войлока или шелка.

Каково же было назначение статуи? Приемлемый ответ выглядит так: происхождение изображения Чингис-хана связано с традицией *онгонов* (вотивных знаков, которым приписывалась функция охраны семейного, родового и прочего благополучия), поэтому «идолу» приносят многочисленные жертвы в виде еды и питья, ему же жертвуют коней, на которых никто не смеет садиться.

На первых порах государственный культ Чингис-хана вызвал к жизни новые функции, которые отчасти реализовались в старых формах. Странная комбинация языческих по форме, но имперских по сути элементов, воплощенных в культовом изображении Чингис-хана, сигнализирует о поиске приемлемой конфигурации нового культа. О реальном существовании этого культа мы можем судить по целому ряду

конфликтов, зафиксированных наблюдателями и участниками мировой драмы. Наиболее неприемлемой для христиан окажется языческая составляющая имперского культа, поскольку поклонение статуе Чингис-хана будет восприниматься ими как идолопоклонство. С точки зрения монголов, ситуация выглядела иначе. Поклоняясь фигуре Чингис-хана, знатные чужеземцы приобщались к новой социальной среде «Великого монгольского государства». Поклонение «идолу» было выражением покорности. Если мы вспомним, что двор великого хана совершал регулярные сезонные перекочевки [Boyle, с. 145–151], а статуя Чингис-хана находилась на повозке, то можем высказать осторожную гипотезу о наличии «мобильного» святилища, отвечавшего потребностям имперской сакральной практики. Фигуру реального правителя всегда сопровождала фигура основателя империи. Четыре ежегодные перекочевки в символическом плане манифестировали установление господства над четырьмя сторонами света, а одна из доктрин провозглашала право рода Чингис-хана на владение всеми землями, над которыми простирается священное Небо.

Становление империи проявлялось на всех уровнях бытия. В частности, для ежегодных курултаев в эпоху Угедея был разработан сложный и яркий церемониал, связанный с переодеванием в первые четыре дня середины лунного года. Каждому из четырех дней соответствовал свой цвет одежд, причем в последний день все участники церемонии облачались в халаты, шитые золотыми нитями. Комбинация из четырех цветов одежд, маркирующих четыре стороны света, сопрягалась с архаическим представлением о земле как квадрате [Юрченко, 2000, с. 190–192]. Таким образом, «мобильное» святилище, в центре которого находится золотая статуя Чингис-хана, имеет типологическое соответствие в сценарии празднования середины лунного года. В обоих случаях золотой цвет «наделял» участников ритуала признаками обновленного статуса.

Есть основания полагать, что подобное «мобильное» святилище находилось и в лагере Бату-хана на Волге. О нем в неясной форме сообщают русские летописи [ПСРЛ, т. 2, стб. 795]. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку содержит следующие подробности. Михаилу Черниговскому велят поклониться огню и каким-то изображениям: «Того же лета (1246) Михаило князь Черниговьскый со внукомъ своимъ Борисомъ поехаша въ татары и бывшимъ имъ въ станехъ. Посла Батыи къ Михаилу князю веля ему поклонитися огневи и болваном ихъ. Михайло же князь не повинуся веленью их, но укори и глухыя его кумиры и тако безъ милости от нечестивыхъ заколенъ бысть» [ПСРЛ, т. 1, стб. 471]. Требование поклониться огню не соответствует реальности — послы должны были пройти между двух очи-

стительных огней. Об этом имеется ясное свидетельство участников францисканской миссии: «Каким бы то ни было послам с дарами, которые они приносят их владыкам, надлежит пройти между двух огней, чтобы яд, если они его принесли, или же дурное намерение очистились. По этой причине даже наши братья прошли между огней, [перед тем как были допущены ко двору]» [де Бридиа, § 43]. О монгольском обряде очищения огнем посольских даров сообщает египетский историк Ибн ал-Форат (см. [Тизенгаузен, с. 360], ср. [Amitai-Preiss, с. 355–356]). Скорее всего представление о том, что князья должны были предварительно кланяться огню, связано с тем, что очистительный обряд мыслился (поздними переписчиками летописей) как начало придворных церемоний поклонения хану. И уж совсем удивительно выглядят утверждения современных исследователей о том, что Михаил Черниговский был казнен за отказ пройти между очистительных огней (ср. [Галданова, с. 22]).

Что означало повеление «поклониться болванам»? Согласно исследованию Д.В.Айналова, в русских источниках статуи константинопольские, монгольские, индийские называются «болванами», а при пояснении этого слова — «кумирами» [Айналов, с. 180] (ср. [Менгес, с. 87; Баскаков, с. 139; Львов, с. 188–195]). В данном же случае речь идет о статуе Чингис-хана. Отметим, что, согласно сведениям брата Иоанна, полученным от черниговского посла, с которым он возвращался в Киев из ставки Бату, князь Михаил прошел между очистительных огней, но отказался поклониться изображению Чингис-хана. Может вызвать некоторые сомнения то обстоятельство, что францисканцы видели подобную статую и при дворе Гуюка, и в ставке Бату-хана. Казалось бы, такой символический знак, как статуя Чингис-хана, должен был существовать в единственном числе и только в кочевой столице великого хана. Наличие двух статуй, видимо, связано с рядом причин, где не последнюю роль сыграл высокий личный статус Бату-хана, на тот момент самого старшего представителя из рода Чингисидов. Напомним также, что это был период междуцарствия, когда в течение пяти лет после смерти Угедея различные семейные группы соперничали за право выдвинуть своего претендента на наследство Чингис-хана.

Приведем дополнительные аргументы в защиту высказанной гипотезы о существовании имперского «мобильного» святилища и заодно рассмотрим ряд частных вопросов. Воспринимали ли христиане изображение Чингис-хана как образ чуждого им божества, т.е. идола? Латинские тексты позволяют ответить на этот вопрос утвердительно. Содержание древнерусских известий на этот счет неясно (ср. [Nitsche, с. 76]). В сообщениях средневековых авторов при описании ими чу-

жой религиозной традиции следует различать два аспекта: 1) общее сравнение своей традиции с предписаниями и положениями иного религиозного опыта, 2) описание конкретных обрядов. Заметим, что и сравнение и наблюдение фиксировались в терминах собственной религиозной традиции и были адресованы представителям собственной культуры. Таким образом, мы имеем дело с оценочным сравнением. Последнее обстоятельство лишает объективности тексты, в которых сакральный мир одной культуры воспринимается через призму символов другой культуры. Так, например, брат Иоанн де Плано Карпини пишет о вере монголов в «единого Бога», что было весьма актуально для средневековых христиан. Но в монгольском пантеоне не было места для Бога, тождественного христианскому *Deo*. Мы можем смело полагать, что под верой в «единого Бога» следует понимать центральноазиатский культ священного Неба. Современник брата Иоанна, армянский историк Киракос Гандзакеци передает суждения монголов относительно Бога: «У них нет богослужения, они не поклоняются [никому], но божье имя упоминают часто, при любом случае. И мы не знаем, воссылают ли они хвалу Богу сущему или призывают другое божество, да и они тоже не знают. Но обычно они рассказывают вот что: государь их — родственник Бога, взявшего себе в удел небо и отдавшего землю хакану... Язык их дик и непонятен нам, ибо Бога они называют Тангри» [Киракос Гандзакеци, с. 172–173]. Слово «Тенгри» означало священное Небо. Этот термин не имеет точек соприкосновения с христианским понятием Бога, о чем свидетельствуют сомнения Киракоса Гандзакеци. Напротив, монгольская формула о покровительстве Вечного Неба: *möngke tengri-yin jarliq qan* — вполне адекватно переводилась средневековыми европейскими дипломатами: *Cingischam filius Dei dulcis et venerabilis* [Voegelin, с. 378–413].

Насколько ситуация со статуей Чингис-хана непростая, показывает позиция Ф.Шмидер, которая выказывает полное недоверие к сведениям францисканцев и выдвигает осторожную версию о неком буддийском изображении, хотя в тексте ясно говорится об идоле императора [Schmieder, с. 126, примеч. 28]. Большинство исследователей, вплотную занимавшихся донесениями францисканской миссии 1247 г., не сомневаются в том, что речь идет именно о статуе Чингис-хана [Risch, с. 68; Painter, с. 88, примеч. 39.3; SDŚ, с. 181].

Говоря об *идоле* Чингис-хана, переводчик францисканской миссии брат Бенедикт Поляк пользуется только словом *ydolum*, а брат Иоанн говорит и об *ymago hominis mortui*, т.е. «изображении умершего человека». Слово *ydolum*, некогда заимствованное латынью из греческого, нерасторжимо связано именно со зрительным образом человека. Латинское слово *imago* в не меньшей степени, чем *idolum*, ассоциируется

с визуальным (хотя бы даже и мысленным) образом. Можно было бы, правда, колебаться относительно характера изображения: было ли оно плоскостным, рельефным или трехмерным. В.В.Бартольд склонен был признать это изображение изображением Чингис-хана и считал, что «монголы под влиянием китайской культуры научились выделывать более совершенные статуи, чем прежние войлочные куклы» [Бартольд, с. 390]. Брат Бенедикт в рассказе, записанном уже по возвращении в Европу неким схоластом из Кельна, говорит о золотой статуе и именно в ставке Бату-хана: «За кострами стояла повозка, содержавшая золотую статую императора» [Sinica Franciscana: Relatio Fr.Benedicti Poloni, 5]. Вопрос о достоверности этого сообщения осложняется тем, что сведения брата Бенедикта при записи испытали влияние изысканного литературного стиля классически образованного схоластика. Для целей нашего исследования важно, однако, другое, а именно что францисканцы ясно выразились по поводу как рядовых идолов, так и идола Чингис-хана, выполненных наподобие человека. Говоря о войлочных идолах в юртах кочевников, брат Бенедикт использует в качестве синонима *yimagines hominum* «изображения людей», а брат Иоанн указывает, что они делались *ad imaginem hominis* «по образу человека».

В новом переводе (исправляющем ошибку перевода А.И.Малеина[1]) сведения брата Иоанна выглядят так: «Они [в свое время] также изготовили для первого императора [его] идол, который [и теперь] помещают на почетную повозку перед жилищем [императора], как мы [это] видели перед Ордой нынешнего императора; они приносят ему (идолу) многочисленные жертвы. Ему также жертвуют коней, на которых никто не смеет садиться вплоть до [их] смерти. Ему же также жертвуют других животных; если [их] убивают для еды, то не ломают ни одной кости от них, но сжигают [эти кости] огнем. Ему также кланяются на юг, словно Богу, и заставляют кланяться некоторых [иноземных] знатных людей, покоряющихся им» [Иоанн де Плано Карпини III, 3]. В донесении брата Бенедикта, сохранившемся в пересказе брата де Бридиа, параллельный пассаж звучит так: «Когда-то они сделали идол Чингис-кана, который они устанавливают перед юртой всякого [правящего] кана и приносят ему дары. Кони же, принесенные ему в дар, в дальнейшем не используются для езды. Также животных, которых они убивают для употребления в пищу, сначала предлагают ему, то есть идолу, [и] кости животного не ломают. Этому

[1] Согласно переводу Малеина, идол делается каждый раз для каждого императора [Малеин, с. 29]. Ср. с оригиналом: *Primo etiam imperatori fecerunt ydolum quod ponunt in curru ante stationem honorifice, sicut uidimus ante ordam imperatoris istuis, cui offerunt munera multa* [Иоанн де Плано Карпини III, 3].

же идолу кланяются на юг, словно Богу, и к этому же многих принуждают, в особенности покоренную знать» [де Бридиа, § 39]. То обстоятельство, что францисканцы должны были преклонить оба колена перед изображением Чингис-хана, позволило им уподобить «идола» Богу. Из четырех сторон света особым сакральным смыслом для монголов обладала южная сторона [Иоанн де Плано Карпини IX, 32; Марко Поло, с. 88, 117; Бартольд, с. 392–393].

Согласно древнерусской церковной легенде, князь Михаил Черниговский, прибыв в сентябре 1246 г. в лагерь Бату-хана, отказался исполнить монгольское требование поклониться какому-то неясному предмету и был казнен. В речи Бату звучит приказ поклониться «отцу законов наших» [ПЛДР, с. 304–305]. С известной оговоркой эту фигуру можно признать статуей Чингис-хана. Трудно предположить, что князю Михаилу могло быть предъявлено какое-либо особое требование, принципиально отличное от того, что сообщают западные дипломаты. В сентябре 1246 г. францисканцы находились в Монголии, поэтому узнать подробности трагедии, постигшей князя Михаила, они смогли лишь спустя восемь месяцев. Об этом событии они узнали от русских. Францисканцы возвращались от Батыя на Русь вместе с послом черниговского князя. Другими словами, францисканцы передают самую раннюю русскую версию гибели черниговского князя. В ней уже содержатся в зачатке те элементы «Сказания о князе», которые впоследствии будут обработаны в агиографическом ключе. Вместе с тем в ней четко обозначены действующие лица: черниговский посол не скрывает, что в этой истории участвовали люди князя Ярослава Всеволодовича. Брат Иоанн, в свою очередь, лишь добросовестно передает то, что услышал. Согласно этим сведениям, Михаил, когда он пришел на поклон к Батыю, должен был поклониться на юг Чингисхану. Князь отказался кланяться статуе, изображающей мертвого человека. Пересказав эту историю, брат Иоанн отмечает ее исключительный характер. Значимость приведенных сведений для прояснения летописной версии сюжета очевидна, поэтому приведем их полностью (к тому же известный перевод А.И.Малеина изобилует неточностями, полностью меняющими картину событий).

«Михаила, который был одним из великих князей Руссии, когда он пришел покориться Баты, заставили сперва пройти между двух костров. После этого ему было сказано, чтобы он поклонился на юг Чингис-кану; он отвечал, что охотно бы поклонился Баты и рабам его, но не образу мертвого человека, потому что это не дозволено делать христианам. И, так как ему много раз повторяли, чтобы он поклонился, а он не хотел, вышеупомянутый князь передал ему через сына [великого князя] Ярослава, что он будет убит, если не станет кланять-

ся, [а] тот отвечал, что предпочитает умереть, чем делать то, что не дозволено. И тогда он (Батый) послал одного приближенного [Ярослава], который, вопреки [своему] желанию, долго бил его пяткой в живот, пока он не умер. Между тем один из его воинов, который [при этом] присутствовал, ободрял его, говоря: „Будь тверд, так как это мучение недолго продлится для тебя и тотчас последует вечная радость". После этого ему отрезали голову ножом. Упомянутому воину также отсекли голову ножом» [Иоанн де Плано Карпини III, 4][2]. Согласно рассказу Софийской Первой летописи, расправа над князем выглядела так: «Тогда же убиици те окааннии приспеша и скочиша с коней, и яша святого великаго князя Михаила и преподобнаго, и растягоша за руце и занози и начаша его бити руками по сердцю. И посемь повергоша его ниць на землю и бьяхуть его пятами. И сему же не долзе бывшу, некто же бывъ преже крестьянинъ, последи же бысть поганъ, отвергъся веры крестьяньския, законопреступникъ, именемъ Доманъ, Северянинъ родом, и огорчися, отреза ножемъ главу святому мученику, великому князю Михаилу и отверже ю прочь» [ПСРЛ, т. 5, с. 234–235]. С Михаилом расправились с поразительной жестокостью.

Касаясь трагической судьбы князя Михаила, брат Иоанн для подтверждения исключительности этого события еще раз возвращается к теме государственного культа в Монгольской империи и утверждает, что «так как они не соблюдают никакого закона относительно почитания Бога, они до сих пор никого не принуждали, как мы узнали, отрекаться от своей веры или закона, за исключением Михаила, о чем сказано выше. Мы не знаем, что они будут делать впоследствии, однако некоторые предполагают, что если бы они обрели единовластие [над миром] (что Бог отвратит), то они сделали бы так, чтобы все кланялись этому идолу» [Иоанн де Плано Карпини III, 5]. Фраза о предполагаемом всемирном поклонении идолу Чингис-хана знаменательна. Скорее всего эта тема обсуждалась между францисканцами и русскими священниками. Элемент имперского культа, встроенный в придворный церемониал, был спроецирован ими на систему христианско-

[2] *Иоанн де Плано Карпини.* Книга о Тартарах. III, 4: Unde nuper contigit quod Michael, qui fuit unus de magnis ducibus Ruscie, cum ivisset ad reddendum se Bati, fecerunt eum prius inter duos ignes transire. Post hoc dixerunt ei quod ad meridiem Chingiscan inclinaret; qui respondit quod Bati et servis suis inclinaret libenter sed imagini hominis mortui non inclinaret, quia non liceret hoc facere Christianis. Et cum sepe diceretur ei quod inclinaret, et nollet, mandavit ei dux predictus per filium Ierozlai quod occideretur si non inclinaret. Qui respondit, quod potius vellet mori, quam facere quod non licet. Ac ipse satellitem unum misit, qui tam diu contra cor eum in ventre calce percussit, quousque deficeret. Tunc quidam de suis militibus qui astabat, confortavit eum dicens: "Esto constans, quia pena hec non diu tibi durabit, et statim sequetur gaudium sempiternum". Post hec fuit ei caput cutello precisum. Militi vero predicto fuit caput etiam cum cutello amputatum.

го мироздания. Сведения о монгольской толерантности блекли на фоне воображаемого повсеместного идолопоклонства. Напряжение нашло выход в создании легенды о мученической смерти князя Михаила. Независимо от того, по какой реальной причине был казнен черниговский князь, в агиографической легенде он неизбежно должен был стать мучеником.

Отказ от тех или иных требований посольского церемониала не мог повлечь за собой позорную смерть князя. У нас нет никаких оснований вслед за церковными историками занижать жизненные ценности кочевой культуры (ср. [Федотов, с. 77–78; Красносельцев, с. 41]). Исследования подобного рода имеют целью продлить жизнь церковного мифа и никак не способствуют прояснению истинной картины событий. Отказ Михаила исполнить «языческий» обряд делал его в глазах православных мучеником за веру. Если мы принимаем мотивировку события в соответствии с агиографической легендой, то должны признать случай с Михаилом единственным в своем роде фактом религиозного принуждения. Не кажется ли странным, что другие русские князья (Даниил Галицкий, Александр Невский) участвовали в церемониях для послов, т.е. поклонились идолу? Скорее всего русская версия трагической истории князя Михаила является от начала до конца вымышленной; в противном случае она имела бы повторы.

В исследовательской литературе принято считать, что черниговский князь был убит по повелению хана Батыя, и лишь спустя какое-то время гибель Михаила была истолкована как мученическая смерть за христианскую веру [Пак, с. 58–59; Poppe, стб. 607, 608]. На самом деле коллизия была значительно сложнее: в борьбе за киевский престол черниговский князь проиграл своему сопернику великому князю Ярославу Всеволодовичу [Насонов, с. 26–27]. Было ли устранение черниговского князя услугой Батыя князю Ярославу? Скорее всего да. Согласно рассказу в Ипатьевской летописи, приказ Батыя о наказании князя был исполнен нечестивым Доманом Путивльцем, отнюдь не монголом [ПСРЛ, т. 2, стб. 795]. Однако пролитие крови в Орде — событие из ряда вон выходящее (обычно монголы прибегали к отравлению). Не подлежащий сомнению факт — обезглавливание князя — указывает на то, что Михаил игнорировал какое-то весьма существенное монгольское предписание, но оно лежит вне сферы придворных церемоний. Например, князю могли припомнить убийство монгольских послов. С точки зрения монгольской практики наказаний отрубание головы было верхом бесчестия. Для целей нашего исследования важно отметить, что древнерусский сочинитель легенды о мученической смерти князя Михаила построил сюжет на отказе князя поклониться идолу. Реальность христианского мифа отражает глубинный

конфликт с реальностью имперского мифа. Драма православного князя истолкована как война символов. Значение агиографической легенды — не в изложении события, а в демонстрации интенсивного переживания угрозы, направленной против высших христианских ценностей. Вызов, брошенный культом обожествленного Чингис-хана, и был истинной причиной, породившей высокую легенду. Сочинителя легенды не смущал тот факт, что монголы не убивали своих противников по религиозным мотивам.

Известно еще одно историческое свидетельство о требовании монголов к знатному чужестранцу поклониться по обычаю их «царю». Киракос Гандзакеци вместе со своим учителем Ванаканом оказался в плену у монголов. Монголы ошибочно приняли вардапета Ванакана за одного из светских властителей Армении, поэтому, когда священники «приблизились к военачальнику, проводники их приказали им трижды поклониться, встав на колена, подобно верблюдам, преклонившим колена, ибо таков был их обычай. И когда они предстали перед ним, тот приказал поклониться на восток *хакану*, царю их» [Киракос Гандзакеци, с. 159].

Доминиканская миссия 1246 г., согласно донесению Симона де Сен-Кантена, отвергла официальную формулу культа Чингис-хана, устроив с монголами религиозный диспут о «сыне Бога». Доминиканцам следовало доложить нойону Байджу о своей миссии, стоя на коленях. Требование монголов заключалось в следующем: «Если вы хотите лицезреть нашего господина и представить ему послание вашего господина, то нужно, чтобы вы ему поклонились как сыну Бога, царящему на земле, прежде перед ним трижды преклонив колено. Ибо приказал нам Хан — сын Бога, царящий на земле, — дабы мы сделали так, чтобы назначенные им правители, нойон Байот и Баты, были почитаемы всеми сюда прибывающими так же, как если бы то был он сам. Так мы и делали вплоть до сих пор и обещаем это всегда твердо соблюдать». Тогда тем из братьев, кто сомневался и сокрушался о том, не будет ли поклонение, оказанное нойону Байоту, означать идолопоклонство или что-нибудь подобное, отвечал брат Гвихард Кремонский, знакомый с нравами и обычаями татар по рассказам, слышанным им от грузин, среди которых он даже прожил в их городе Трифель, в доме собратьев по ордену, в течение семи лет; так вот он, возражая, ответил: «Бояться следует не того, чтобы перед нойоном Байотом совершить идолопоклонство, ибо не этого он для себя хочет добиться от вас, но бойтесь выказать такое, как вы слышали, вошедшее в обычай у всех прибывающих к нему послов почитание, которое будет сочтено знаком покорности господина Папы и всей Римской церкви, которая по приказу Хана должна быть покорена».

Вследствие этого все братья, поразмыслив над такого рода притязанием, порешили единодушно, что «чем как бы в знак благоговения преклонить колени перед нойоном Байотом, лучше уж им быть обезглавленными, — как для поддержания чести Вселенской церкви, так и для того, чтобы не ввести во искушение грузин и армян, греков, а также персов, и турок, и все народы Востока, а именно чтобы о высказанном такого рода почитании как будто о знаке покорности, а также дани, которая когда-либо должна быть выплачена христианами татарам, не расславили по странам Востока все враги церкви как о поводе и предмете своей гордости и чтобы христиане, завоеванные и покоренные ими, не потеряли совершенно надежду на свое освобождение, которое когда-нибудь придет от Господа через Римскую церковь. И чтобы не могли и мыслить, видя изъявление покорности нойону Байоту со стороны верных Христу, будто бы священная Церковь может когда-либо обречь себя на позор или запятнать себя изменой постоянству и страхом перед смертью» [Simon de Saint-Quentin, с. 42–45].

Участник миссии, брат Гвихард Кремонский ясно высказал мысль, что монгольский церемониальный жест — преклонение на оба колена — есть знак покорности и повиновения монгольскому правителю как божеству. Спустя 50 лет после этих событий Марко Поло без тени смущения пишет о том, что перед великим ханом Хубилаем «все преклоняются челом до земли», как перед Богом: «...возьмет великий хан чарку в руки, все князья и все, кто там, становятся на колени и низко кланяются... славословят и молятся великому хану, как богу» [Марко Поло, с. 111, 113]. Как показывает опыт Марко Поло, компромисс был достижим, поскольку монгольский император действительно был божеством, но не в христианском смысле этого слова (ср. [Franke, с. 40–42]).

О статуе Чингис-хана не говорят ни монгольские, ни китайские средневековые источники. Ее не упоминают ни Марко Поло, ни армянский царь Хетум, побывавший при дворе Мункэ-хана в 1254 г. В то же время брат Вильгельм де Рубрук, возвращавшийся вместе с Хетумом из Монголии, сообщает о главе прорицателей под чьей охраной находились повозки с идолами. Согласно брату Вильгельму, в обязанности монгольских прорицателей входило двигаться во время перекочевок впереди двора того или иного Чингисида («прорицатели предшествуют им, как облачный столб сынам Израиля») [Sinica Franciscana: Fr. W. de Rubruc, XXVII]. Красочная метафора возвращает нас к теме «мобильных» святилищ империи. Видимо, христианские миссионеры, в отличие от других дипломатов, были более чувствительны к такого рода явлениям.

В заключение приведем несколько примеров типологического характера. У киданей, чье влияние на монголов в других областях было

несомненным, изготавливалась из золота объемная фигура умершего правителя: «Когда правитель умирает, устанавливается большая юрта, а из золота отливается его изображение, перед которым в дни новолуния и полнолуния, в дни праздников и в дни кончины императоров и императриц приносятся жертвы. Для этого сооружается возвышение высотой более одного чжана, на котором в тазах сжигаются вино и пища. Это называется сожжением пищи» [Е Лун-ли, с. 315]. Согласно сведениям францисканцев, статуе Чингис-хана также приносились напитки и пища. В рассказе о наследнике Хубилай-хана, его внуке Тимур-каане, Рашид ад-Дин сообщает следующую историю, в которой фигурируют изображения Чингис-хана и других его предков: «Своему старшему брату Камале он выдал полную долю из унаследованного от отца имущества, послал его в Каракорум, в пределах которого находятся юрты и станы Чингиз-хана, и подчинил ему войска той страны. Областями Каракорум... Онон, Керулен, Кем-Кемджиют, Селенга, Баялык, до границ киргизов и великого заповедника Чингиз-хана, называемого Бурхан-Халдун, всеми он ведает и он охраняет великие станы Чингиз-хана, которые по-прежнему находятся там. Их там всего девять: четыре больших стана и [еще] пять. И никому туда нет пути, так как вблизи находится заповедник. Он сделал их [покойных предков] изображения, там жгут постоянно фимиам и благовония» [Рашид ад-Дин, с. 207]. Таким образом, можно предположить, что «мобильное» святилище Чингис-хана к началу XIV в. утратило свою актуальность и естественным образом обрело форму закрытого культа.

Исследуя иконографию объекта почитания в культе Чингис-хана по более поздним материалам, Т.Д.Скрынникова пишет о трех видах образов: антропоморфном, орнитоморфном и знамени [Скрынникова, с. 83]. Антропоморфный облик присущ божеству Сулдэ-тенгри; божество излучало свет и было украшено прочным шлемом, а на его тело был надет драгоценный золотой панцирь. Не исключено, что эта культовая фигура имеет глубинную связь с золотой статуей Чингис-хана.

Обратимся также к любопытным сведениям английского дипломата Джильса Флетчера о крымских татарах (1591 г.). Флетчер пишет в своей книге: «У них есть изображение их государя или Великого [хана], в огромном размере, которое они выставляют в походах на каждой стоянке и перед которым должен преклоняться каждый, мимо него проходящий, будь он [татарин] или иностранец» [Флетчер, с. 79]. Эти сведения не находят подтверждения в других источниках XVI в. и скорее всего свидетельствуют о начитанности английского посланника, заимствовавшего эпизод об изображении хана из «Книги о Тартарах» брата Иоанна. Сочинение брата Иоанна было широко известно в Западной Европе благодаря тому, что оно почти целиком вошло в

историческую энциклопедию «Зерцало истории» Винцента из Бове (1265 г.), которая печаталась много раз с конца XV в. С.М.Середонин, указавший на ряд источников Флетчера, подтверждающих литературные интересы последнего [Середонин, с. 45–56], на пассаж об изображении хана внимания не обратил.

Фазлаллах ибн Рузбихан, объясняя причины войны Шейбанихана с казахами (1509 г.), указывает на отказ казахов от ранее принятого ими ислама и приводит какие-то неясные сведения о поклонении кочевников идолу: «Как рассказывали надежные люди, среди них существует изображение идола, которому они земно кланяются. Нет сомнения, что земные поклоны идолу есть деяние, суть которого — язычество, ибо это есть настоящее глумление над верой и божественным законом» [Фазлаллах ибн Рузбихан, XXV]. Поскольку целью факихов-ханифитов было представить казахов вероотступниками для оправдания войны с ними, то возможно, что «поклоны идолу» — всего лишь литературная формула. Признать идол онгоном мешает то обстоятельство, что перед онгоном не совершали земных поклонов.

Завершая тему «мобильного святилища», связанного с культом Чингис-хана, приведем важные наблюдения К.В.Вяткиной, полученные ею в одной из экспедиций по Монголии. Вот ее свидетельство о встрече у узумчин двухколесной телеги, на которой помещалась небольшая войлочная юрточка, не круглой, а квадратной формы, завершающаяся золотым шаром. «Это была племенная „святыня“, где, по разъяснению ее хранителя старика-узумчина, находились остатки предметов, принадлежавших будто бы Чингису. При беглом ознакомлении с предметами, хранящимися в юрточке, мы могли заметить отдельные куски тканей, части знамен, в том числе и маньчжурского, отдельные предметы буддийского культа. Относилась ли часть предметов действительно к XIII в., мы не можем судить, так как предметы показывались на одно мгновение, считалось вообще кощунством кому-либо их показывать и подходить на близкое расстояние к юрточке. „Святыня“ в течение 30 поколений хранилась родом „бурят“, и характерно, что она находилась не в руках лам, а родовых представителей. В 1945 г. узумчины пришли в МНР из Северного Китая (Внутренней Монголии) всем племенем, впереди которого везли и эту юрточку. Мы можем здесь констатировать древнюю традицию — установку кибитки (в данном случае уже как святыни) на двухколесной телеге. Завершение ее шаром, возможно, отражает тип древних монгольских юрт, которые имели наверху шейку» [Вяткина, с. 183].

Айналов — *Айналов Д.В.* Замечания к тексту «Слова о полку Игореве» // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С.Орлова. Л., 1934.
Бартольд — *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1966. Т. IV.
Баскаков — *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.
де Бридиа — Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi. Ed. et annot. A.Önnerfors. B., 1967.
Вернадский — *Вернадский Г.В.* О составе Великой Ясы Чингис-хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В.Ф.Минорского. Bruxelles, 1939.
Вяткина — *Вяткина К.В.* Монголы Монгольской Народной Республики. М.; Л., 1960. (ТИЭ. Новая серия. Т. 60: Восточно-азиатский этнографический сборник. I)
Галданова — *Галданова Г.Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987.
Гурлянд — *Гурлянд А.И.* Степное законодательство с древнейших времен до 17 ст. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. 1904. Вып. XX. № 4–5.
Е Лун-ли — *Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. В.С.Таскина. М., 1979.
Иоанн де Плано Карпини — *Giovanni di Pian di Carpine.* Storia dei Mongoli. Ed. critica del testo latino a cura di E.Menestò; trad. italiana a cura di M.C.Lungarotti e note di P. Daffinà; introduzione di L.Petech; studi storico-filologici di C.Leonardi, M.C.Lungarotti, E.Menestò. Spoleto, 1989.
Киракос Гандзакеци — *Киракос Гандзакеци.* История Армении. Пер. с др.-арм., предисл. и коммент. Л.А.Ханларян. М., 1976.
Красносельцев — *Красносельцев Н.* Западные миссии против татар-язычников и особенно против татар-мухаммедан. Казань, 1872.
Львов — *Львов А.С.* Из лексикологических наблюдений // Этимология. 1965. М., 1967.
Малеин — Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Пер. с лат. А.И.Малеина, ред., вступит. ст. и примеч. Н.П.Шастиной. М., 1957.
Марко Поло — Книга Марко Поло. Пер. старофр. текста И.П.Минаева, ред. и вступит. ст. И.П.Магидовича. М., 1956.
Матузова — *Матузова В.И.* Английские средневековые источники. IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.
Менгес — *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979.
Мункуев — *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. Пер. и исслед. М., 1965.
Насонов — *Насонов А.Н.* Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940.
Пак — *Пак Н.И.* Некоторые исторические замечания к летописной «Повести о Михаиле Черниговском» // Литература Древней Руси. Сб. научных трудов. Отв. ред. Н.И.Прокофьев. М., 1981.
Рашид ад-Дин — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. с перс. Ю.П.Верховского, примеч. Ю.П.Верховского и Б.И.Панкратова, ред. И.П.Петрушевского. М.; Л., 1960. Т. II.
Середонин — *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891 (Записки историко-филологического фак-та Имп. СПб. ун-та. Ч. 27).

Скрынникова — *Скрынникова Т.Д.* Представления монголов XIII века о харизме и культе Чингис-хана // «Тайная история монголов»: Источниковедение, филология, история. Новосибирск, 1995.

Тизенгаузен — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских, собранные В.Г.Тизенгаузеном. СПб., 1884.

Фазлаллах ибн Рузбихан — *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Пер., предисл. и примеч. Р.П.Джалиловой, под ред. А.К.Арендса. М., 1976.

Федотов — *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси (X–XVII ст.). Нью-Йорк, 1959.

Флетчер — *Флетчер Дж.* О государстве Русском. 1591 г. Под ред. князя Н.В.Голицына. СПб., 1911.

Харт — *Харт Г.* Венецианец Марко Поло. М., 1956.

Юрченко, 1997 — *Юрченко А.Г.* Князь Михаил Черниговский и Бату-хан (К вопросу о времени создания агиографической легенды) // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность. СПб., 1997.

Юрченко, 2000 — *Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи: время праздников // Altaica. IV. М., 2000.

Amitai-Preiss — *Amitai-Preiss R.* Evidence for the Early Use of the Title Ilkhan Among the Mongols // Journal of the Royal Asiatic Society. 3rd Ser. 1991. Vol. I. Pt. 3.

Boyle — *Boyle J.A.* The Seasonal Residences of the Great Khan Ögedei // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker / G.Hazai and P.Zieme (eds.). B., 1974.

Franke — *Franke H.* From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimation of the Yüan Dynasty. München, 1978.

Marco Polo — *Marco Polo.* Das Buch der Wunder. Handschrift Français 2810 der Bibliothèque nationale de France, Paris. Kommentar F.Avril, M.-T.Gousset, J.Monfrin, J.Richard, M.-H.Tesniere. Luzern, 1996.

Nitsche — *Nitsche P.* Mongolensturm und Mongolenherrschaft in Rußland // Die Mongolen in Asien und Europa. Hrsg. S.Conermann und J.Kusber. Frankfurt am Main, 1997.

Painter — The Vinland Map and the Tartar Relation. Ed. by R.A.Skelton, Th.E.Marston, and G.D.Painter, for the Yale University Library, with a foreword by A.O.Vietor. New Haven; London, 1965.

Poppe — *Poppe A.* Michail, Fs. von Cernigov // Lexikon des Mittelalters. VI. 1993.

Ratchnevsky — *Ratchnevsky P.* Die mongolischen Großkhane und die buddhistische Kirche // Asiatica. J. Schubert und U.Unger (hg.). Festschrift F.Weller zum 60. Geburtstag. Lpz., 1954.

Risch — *Johann de Plano Carpini.* Geschichte der Mongolen und Reisebericht 1245–1247. Übersetzt und erläutert von F.Risch. Lpz., 1930.

Schmieder — *Johannes von Plano Carpini.* Kunde von den Mongolen: 1245–1247. Übersetzt, eingeleitet und erläutert von F. Schmieder. Sigmaringen, 1997.

Simon de Saint-Quentin — *Simon de Saint-Quentin.* Histoire des Tartares. Publiée par J.Richard. P., 1965.

Sinica Franciscana — Sinica Franciscana. Vol. I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P.Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M. Quaracchi-Firenze, 1929.

Spuler — *Spuler B.* Die Religionspolitik der Mongolen // Beiträge zur ostdeutschen und osteuropäischen Kirchengeschichte. Fs. B.Stasiewski, hrsg. v. G.Adriányi und J.Gottschalk. Köln; Wien, 1975.

Voegelin — *Voegelin E.* The Mongol Orders of Submission to European Power, 1245–1255 // Byzantion. 1941–1942. Vol. 15.

Witte — *Witte J.* Das Buch des Marco Polo als Quelle für die Religionsgeschichte. B., 1916.

ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1925–1962 (т. 1; т. 2; т. 5).

ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР им. Н.Н.Миклухо-Маклая. М.; Л.

SDŚ — Spotkanie dwóch światów: Stolica apostolska a świat mongolski w połowie XIII wieku: Relacje powstałe w związku z misją Jana di Piano Carpiniego do Mongołów. Pod red. J.Strzelczyka. Poznań, 1993.

А.П.ГРИГОРЬЕВ, О.Б.ФРОЛОВА
(Санкт-Петербург)

Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди

Средневековый египетский ученый, автор последней большой энциклопедии мамлюкской эпохи Шихаб ад-Дин Абу-л-Аббас Ахмад ибн Али ал-Калкашанди (1355–1418) был широко известен в мусульманском мире на протяжении столетий. Европейские ученые достаточно близко познакомились с основным литературным трудом его жизни в XIX в. В 1879 г. содержание его энциклопедии было суммарно изложено немецким арабистом Г.Ф.Вюстенфельдом [Wüstenfeld]. В 1884 г. извлечения из энциклопедии ал-Калкашанди, относящиеся к Золотой Орде, были напечатаны по-арабски и в переводе на русский язык востоковедом В.Г.Тизенгаузеном [Тизенгаузен, с. 395–416].

Только в 1913–1919 гг. стараниями египетского ученого Ахмеда Зеки в Каире была полностью опубликована 14-томная энциклопедия ал-Калкашанди под названием «Субх ал-аша фи синаат ал-инша» («Заря для подслеповатого в искусстве писания»). Следствием этого издания явилась монография (1928 г.) шведского арабиста В.Бьёркмана о труде ал-Калкашанди [Björkman]. Она и по сей день сохраняет свое значение надежного ключа к всестороннему анализу произведения ал-Калкашанди. Историю изучения энциклопедии ал-Калкашанди европейскими учеными до середины XX в. и многогранную характеристику сочинения представил русский востоковед И.Ю.Крачковский в своем капитальном труде «Арабская географическая литература» [Крачковский, с. 411–416]. Связи Арабского Востока с Восточной Европой, прежде всего с Золотой Ордой, рассмотрел на примере арабоязычных источников XIII–XV вв. А.Н.Поляк. Наиболее детально он проанализировал в названном контексте именно труд ал-Калкашанди [Поляк, с. 29–59].

Обширная энциклопедия ал-Калкашанди по своей установке представляет собой руководство для канцеляристов-катибов. Автор резюмирует все сведения, которыми должен обладать идеальный катиб,

© А.П.Григорьев, О.Б.Фролова, 2002

начиная с технических указаний о чернилах, орудии письма–каламе, бумаге и каллиграфии и кончая широкими данными по географии, истории, литературе, стилистике. Он описывает провинции Египта и Сирии и все государства, которые находились в каких бы то ни было сношениях с Египтом, в особенности их политическую и административную организацию, средства и способы деловых сношений жителей между собой. В своем построении энциклопедия распадается на десять больших отделов, неравномерных по величине и не совпадающих с разделением по томам. Работу над своим трудом ал-Калкашанди начал в 1389 г., а 14-й том закончил в 1412 г. Отдельные вставки он продолжал делать до самой смерти.

Географические сведения разнообразного характера встречаются во всем произведении ал-Калкашанди. Второй отдел его труда, занимающий 3–5-й тома, посвящен им целиком. Он представляет собой, в сущности, самостоятельный историко-географический очерк, центром которого является мамлюкский Египет, и все изложение как бы концентрируется вокруг него. Первое место среди стран, не подчиненных мамлюкам, отводится «землям Чингис-хана», т.е. монгольским владениям, с разделением их на две большие группы — Иран и Туран. Вторую группу автор делит на три части, причисляя к первой Мавераннахр и Туркестан, ко второй — Хорезм и Кипчак, к третьей — владения великого монгольского хана.

Вторая часть Турана названа ал-Калкашанди государством Хорезм и Кипчак. Именно эта часть представляет собой географическое описание территории государственного образования, получившего в современной науке наименование Золотая Орда. Целью настоящей публикации является введение в широкий научный оборот полного русского перевода описания Золотой Орды, представленного в энциклопедии ал-Калкашанди.

Труд ал-Калкашанди в целом и интересующее нас описание в частности — это, конечно, компиляция, но «компиляция широкого размаха, достойная всяческого уважения и, в известной мере, единственная в своем роде» [Крачковский, с. 415].

Составитель энциклопедии использует все богатство средневековой арабской научной литературы по каждой из дисциплин, которые он считает необходимыми для всякого серьезного катиба. Количество таких источников у него очень велико и суммировано с достаточной полнотой В.Бьёркманом [Björkman, с. 75–86]. Свои источники ал-Калкашанди указывает обычно тщательно и аккуратно, отмечая в каждом случае приводимые цитаты.

Что касается описания территорий Золотой Орды, то здесь ал-Калкашанди использовал прежде всего работы своих знаменитых

предшественников, писавших в XIV в. На первом месте следует назвать труды ал-Умари (1301–1349). Его 32-томная энциклопедия «Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар» («Пути взоров по государствам крупных центров») и сочинение «ат-Тариф би-л-мусталах аш-шариф» («Ознакомление с принятым высоким стилем») служат костяком для всего описания ал-Калкашанди. «Сборник» В.Г.Тизенгаузена дает возможность невостоковеду ознакомиться с русскими переводами извлечений из обеих работ ал-Умари [Тизенгаузен, с. 229–251].

Труд автора, собственное имя которого было Исмаил ибн Али ал-Аййуби, известного в Европе под куньей, обозначавшей имя по сыну, — Абу-л-Фида («Отец спасения») (1273–1331), «Таквим ал-булдан» («Упорядочение стран») ал-Калкашанди, использует в основном в качестве справочника, уточняющего арабское написание названий населенных пунктов и их географические координаты. На Востоке названный автор, являвшийся наследственным владетелем сирийского города Хамы, был более известен под титулом ал-Муаййад («Вспомоществуемый Аллахом») или под лакабом, почетным прозвищем, — Имад ад-Дин («Опора религии»). Оба эти обозначения использует и ал-Калкашанди, когда ссылается на исторический труд Абу-л-Фида «ат-Тарих» («Летопись»), изложение событий в котором доведено до 1329 г.

Своего старшего современника, Ибн Халдуна (1322–1406), прославившегося историческим сочинением «Китаб ал-ибар ва диван ал-мубтада ва-л-хабар фи аййам ал-араб ва-л-аджам ва-л-барбар ва ман асарахум мин зави-с-султан ал-акбар» («Книга назиданий и сборник начала и сообщения о днях арабов, неарабов и берберов и тех, кто был современником их из обладателей высшей власти»), ал-Калкашанди цитирует лишь однажды. Русский перевод извлечения из труда Ибн Халдуна, касающегося истории Золотой Орды от ее начала до 1395 г., опубликован В.Г.Тизенгаузеном [Тизенгаузен, с. 377–394].

Из более ранних авторов ал-Калкашанди ограниченно использует сочинения ал-Химйари (конец XIII в.) «ар-Рауд ал-митар фи хабар ал-актар» («Ароматный сад с сообщениями про страны») и Ибн Саида (ок. 1214–1274 или 1286) «Китаб джуграфийа фи-л-акалим ассаба» («Книга географии о семи климатах»). Из трудов Йакута (ок. 1179–1229) ал-Калкашанди цитирует только его словарь географических омонимов «Китаб ал-муштарик вадан ва-л-муфтарик сукан» («Книга об именах, общих по форме, отличающихся по обозначаемой местности»).

Приводимый ал-Калкашанди анонимный труд «аз-Зайл ала ал-Камил» («Продолжение [сочинения] „ал-Камил“») является продолжением исторического сочинения Ибн ал-Асира (1160–1234) «ал-

Камил фи-т-тарих» («Совершенство по части летописания»). Собственно Ибн ал-Асиру принадлежит сокращенная обработка труда ас-Самани (1113–1167) «Китаб ал-ансаб» («Книга генеалогий»), которую ал-Калкашанди цитирует под названием «ал-Лубаб» («Очищенное»). Один раз он приводит цитату и от имени самого ас-Самани.

Сочинение ал-Бируни (973–1048) «ал-Канун ал-Масуди фи-л-хайа ва-н-нуджум» («Масудовские таблицы по астрономии и звездам») ал-Калкашанди использует для уточнения географических координат городов. На труд ал-Масуди (ум. в 956 г.) «Мурудж аз-захаб ва маадин ал-джавахир» («Промывальни золота и копи самоцветов») он ссылается не в оригинале, а в составе «Масалик ал-абсар» ал-Умари. Еще двоих авторов X в. ал-Калкашанди цитирует попарно и исключительно при описании Хорезма. Ими являются Ибн Хаукал с его «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и государств») и ал-Мухаллаби с его сочинением того же названия, которое ал-Калкашанди именует по сокращенному обозначению «ал-Азизийа».

Неоднократно цитируемая ал-Калкашанди работа «Китаб ал-атвал» («Книга долгот») представляет собой предположительно одну из многочисленных позднейших обработок труда греческого астронома и географа II в. Клавдия Птолемея. Приведенное ал-Калкашанди название сочинения «Музил ал-иртийаб» пока не поддается расшифровке.

Все названные выше авторы и их труды, послужившие для ал-Калкашанди источниками его пространного описания территории Золотой Орды, сравнительно легко выявлены и уточнены публикаторами настоящего русского перевода этого описания исключительно благодаря колоссальному объему всякого рода сведений, содержащихся в уже цитированном сочинении И.Ю.Крачковского «Арабская географическая литература».

Общее название описания ал-Калкашанди: «О части второй государства Туран — [государстве] Хорезм и Кипчак». Иными словами, собственно Золотую Орду автор называет двойным именем — Хорезм и Кипчак. Это наименование нам представляется более глубоким по содержанию, чем его осознавал сам составитель энциклопедии. Дело в том, что в Золотой Орде, так же как и в Монгольской империи XIII в. в целом, государственное административное деление повторяло традиционное деление монгольской армии на центр и два крыла [Трепавлов, с. 96–102]. Центр, возглавляемый ханом-Чингисидом, управлял крыльями, предводителями которых являлись наиболее авторитетные родовые князья-нечингисиды.

При ханской ставке в центре значилось правительство, включавшее четырех князей-нечингисидов, называемых в Орде карачеями.

Двое из них были главами правого и левого крыла. Естественной границей между территориями расселения крыльев в Золотой Орде и одновременно ее центром служила река Волга, на берегах которой в середине XIV в. располагались исторически сложившиеся ханские резиденции — Сарай и Новый Сарай. Территория расселения племен правого крыла, вследствие принятой у монголов ориентации на юг, простиралась на запад от Волги. Ее экономическим центром и ставкой главы правого крыла был город Крым (Старый Крым).

Персидский поэт и путешественник Насир-и Хусрау (1003–1088) в своей «Сафар-наме» («Книге путешествия») первым в истории обозначил бескрайние степи, по которым от Алтая до Волги кочевали племена кипчаков, термином *Дешт-и Кипчак* — «Кипчакская степь». Так было в середине XI в. Через полстолетия кипчаки мигрировали на запад — за Волгу. Русские письменные источники знали кипчаков только под именем половцев. Причерноморские степи стали Половецким полем русских летописей. В начале XIV в. персидский историк и географ Хамдаллах Казвини (ок. 1281–1349) объявил миру, что волжско-донские степные просторы, ранее называвшиеся Хазарской степью, давно уже стали Дешт-и Кипчаком [Кляшторный, Султанов, с. 130–132). Именно половцев-кипчаков завоевали кочевники монголы в XIII в., распределив степные племена по крыльям. В XIV в. произошел процесс языковой ассимиляции монголов, поселившихся на тюркских землях. Кипчакская степь еще на несколько столетий сохранила свое название.

Земли ордынских племен левого крыла раскинулись далеко на восток от Волги. Их экономическим центром и ставкой главы левого крыла являлся город Ургенч (Куня-Ургенч) в Хорезме. Так и случилось, что двусоставное государство дома Джучи получило в восточных источниках наименование Хорезм и Кипчак.

Обозначив таким образом основное название своего описания Золотой Орды, ал-Калкашанди обращается к будущим читателям с кратким, но достаточно информативным вступительным словом. В нем дается общая характеристика страны с точки зрения ее потенциального торгового партнерства с мамлюкским Египтом. Ее население в целом также рассматривается в плане возможного использования его в качестве военных союзников. Затем столь же кратко сообщается о непрекращающемся «древнем союзе и доброй дружбе» между владыками обоих государств от начала 60-х годов XIII в. «и до последнего времени». Тут же автор приводит пример пика в развитии мамлюкско-ордынских дипломатических связей в правление Узбека — династийный брак мамлюкского султана в 1320 г. Эта тема получила свое продолжение в современном исследовании С. Закирова [Закиров, с. 77–88].

Описание ал-Калкашанди подразделяется на восемь неравных по величине сводов. За вступительным словом следует «Свод первый, повествующий о границах и протяженности этого государства». Он вдвое превышает по своему объему вступление и содержит данные из трудов ал-Умари, Ибн Хаукала и ал-Мухаллаби о крайних пределах Золотой Орды. Территория страны представляется ал-Калкашанди в виде широкой полосы. Он дает понятие о ее длине с запада на восток (также и с востока на запад) и ширине с севера на юг (также и с юга на север). Длина и ширина страны определяются путевыми мерами — числом месяцев, за которые торговый караван пройдет то или иное расстояние. В других случаях те же параметры определяются лишь указаниями крайних пунктов, хорошо известных средневековым арабским купцам, но не всегда знакомых сегодняшнему исследователю. Так, крайним западным пределом страны называется Стамбульское море. Судя по контексту, речь идет о целой водной системе, омывающей полуостров Малая Азия с севера и северо-запада, — проливе Босфор, Мраморном море и проливе Дарданеллы. Средиземное море называется Румским морем.

Иногда транскрипция названий, в необходимых случаях приводимая публикаторами русского перевода описания в круглых скобках, совсем не похожа на их расшифровку в основном тексте перевода. Например, Иртыш (Арйс), Сибирь (Сйр), Демиркапу (Дйрфйу), Югра (Дйргуз), Немче (Кемех). Публикаторы не допустили в передаче этих названий никаких вольных толкований. Они исправили написание приведенных в энциклопедии ал-Калкашанди слов, обратившись к оригинальным текстам трудов ал-Умари, опубликованных В.Г.Тизенгаузеном [Тизенгаузен, с. 208–228].

Данные первого свода о крайних пределах страны в целом прерываются в середине сообщения о пределах одного из десяти составляющих ее округов — Хорезма. Вот здесь однажды не помог даже оригинальный текст ал-Умари. Он не прояснил смысл отрывка, где говорилось о том, что граница Хорезма с севера и запада связана с землями Газны (у ал-Калкашанди) или Запада (у ал-Умари). Понимание пришло только после того, как публикаторы обратились к описанию Хорезма, выполненному более ранним арабским автором, ал-Истахри (ок. 849–934), труд которого «Китаб масалик ал-мамалик» («Книга путей государств») послужил источником для ал-Умари. Из аналогичного фрагмента этого произведения в русском переводе, сделанном С.Л.Волиным, явствует, что во всех случаях речь идет о землях племен гузов, т.е. огузов — предков сегодняшних туркмен [Материалы, с. 178].

В случае, когда ал-Калкашанди повторяет ошибку своих предшественников, отождествляя город Баку с Дербендом и называя последний

по-тюркски *Демиркапу* или по-арабски *Баб ал-хадид*, публикаторы сохраняют авторский текст неизменным.

Река Джейхун — распространенное в средневековых источниках название Амударьи, впадающей в Хорезмское озеро, т.е. Аральское море. Город Амуль называется ныне Чарджоу. В названии страны Башкырд легко узнается Башкирия. Булгар был средневековым городом на берегу Волги. Страна Югра — название земель на Северном Урале (между рекой Печорой и Уральским хребтом), занимаемых племенами хантов и манси. Страна Хатай — северо-западное пограничье Китая. Пролив, отделявший Румское море от его западной части, — пролив Босфор. Что касается упомянутого выше названия страны Немче, которое ал-Калкашанди передал в форме Кемех, а ал-Умари — Немедж, то речь идет об Австрии. В 1665 г. ее посетил турецкий путешественник Эвлия Челеби. Он именовал страну Немсе [Эвлия Челеби, с. 14].

«Свод второй, повествующий о включенных в него известных округах», по объему превосходит все остальные своды, вместе взятые. Объясняется это прежде всего тем, что он состоит из отдельных рассказов о десяти известных составителю летописи округах (*иклим*). Как правило, отмеченные ал-Калкашанди округа полностью соответствуют военно-административным единицам Золотой Орды, которые управлялись темниками (командирами 10-тысячных отрядов) и назывались ордынцами тюменами, а русскими — тьмами. Несомненно тюменами были округа Хорезм, Крым, Азов, Черкес, Булгар и Ас. Что касается округов Хазар и Улак, то включение их в административное деление Золотой Орды второй половины XIV в. представляется явным историческим анахронизмом. Округ Дешт-и Кипчак, обозначенный ал-Калкашанди как управленческий центр государства, ордынцами, видимо, так не назывался и включал в себя несколько тюменов. Округ Рус — весьма расплывчатое обозначение всех древнерусских земель, которые подразделялись на десятки княжеств. Каждое княжество однозначно воспринималось ордынцами как тюмен. Но ал-Калкашанди и его арабоязычные предшественники об этом не ведали.

Рассказ об округах начинается с пространного описания Хорезма. Здесь составитель энциклопедии привлек свидетельства практически всех авторов, труды которых послужили ему источниками для географического описания Золотой Орды. Ал-Калкашанди аккуратно цитирует ал-Умари, Абу-л-Фида, Йакута, Ибн ал-Асира, ас-Самани, ал-Бируни, Ибн Хаукала, ал-Мухаллаби, Птолемея и неведомый нам труд «Музил ал-иртийаб». Изложение строится по схеме: название округа, его арабское написание, его местоположение и пределы, его столичные и другие города, написание их названий, географические координаты в градусах долготы и широты, местоположение, краткие истори-

ческие и военные характеристики, достопримечательности, упоминания о соседних городах и странах.

Из городов Хорезма описываются две его столицы — Кят и Ургенч, а также Малый Ургенч (т.е. Хива), Замахшар, Хазарасп, Дарган и Фарабр. Населенный пункт в соседнем Туркестане, названный по-арабски Новой Деревней, является дословным переводом его тюркского наименования — Янгикент. Граничащая с Хорезмом «округлая земля» Мангышлак — громадный полуостров на восточном побережье Каспийского моря. Название полуострова расчленяется на два тюркских слова *минг* и *кышлаг*, что переводится как «тысяча зимовок». На севере полуострова простираются три горных кряжа: Каратау (Черногорье), Северный и Южный Актау (Белогорье) — высотой до 555 м. Названная ал-Калкашанди гора Акбалкан в переводе с тюркского также означает Белогорье. Мангышлак населяли «народы из бурджанов». Относительно этнонима «бурджан» см. специальное исследование О.Б.Фроловой [Фролова, с. 195–197].

Несмотря на кажущуюся обстоятельность рассказа ал-Калкашанди об округе Хорезм, он все-таки является не более чем сухой справкой средневекового энциклопедиста и по обилию и разносторонности сведений о Хорезме не идет ни в какое сравнение с той информацией, которая содержится, например, в уже названных «Материалах по истории туркмен и Туркмении».

Описание второго округа — Дешт-и Кипчак — по объему на треть уступает первому. Но дело не только в этом. В рассказе об округе ал-Калкашанди ссылается на труды лишь двух авторов — ал-Умари и Абу-л-Фида. Оказывается, что названные авторы знали о Дешт-и Кипчаке крайне мало. Практически о пределах округа и других его населенных пунктах, кроме столицы, в описании ничего нет. Содержание рассказа о нем ограничивается некоторыми свидетельствами очевидцев о Сарае и рядом этнографических наблюдений о тюрках, составлявших основную массу населения округа. Добрую половину рассказа занимает восторженный панегирик автора тюркам Дешт-и Кипчака, внесшим действительно выдающийся вклад в историю Египта, начиная со времен айюбидского правителя ал-Малика ас-Салиха Наджм ад-Дина Аййуба (1239, 1245–1249) и кончая началом правления мамлюкского султана аз-Закира Сайф ад-Дина Баркука (1382–1389)[1].

Относительно арабского термина *эмир*, который еще не раз встретится в описании ал-Калкашанди, отметим, что применительно к ор-

[1] Здесь и далее при написании личных имен мусульманских правителей публикаторы пользовались справочником К.Э.Босворта [Босворт].

дынским сановникам он обозначал князей — вождей племен. В Сарае постоянно проживали двое из четырех князей-карачеев. Это были беклербек и везир (подробнее о них мы скажем ниже). Жили в Сарае и другие князья. В основном это были родственники правящего хана из разряда «зятьев» (монг. *кюреген*). Термину *эмир* соответствовали монг. *нойон* и тюрк. *бек*.

Название третьего округа — «страна Хазар», или Хазария, воссоздано ал-Калкашанди по позднейшим обработкам трудов ас-Самани и Птолемея. Собственно, никакого описания округа после прочтения его названия мы не находим. Есть только несколько слов о его столице Баланджаре — древней столице хазар в Дагестане, о местоположении и истории которой известно совсем немного [Бартольд, т. II, ч. 1, с. 674]. К географическому описанию Золотой Орды эта заметка ал-Калкашанди прямого отношения не имеет.

«Округ четвертый — Крым» — типичный ордынский тюмен, о котором средневековые арабские авторы были прекрасно осведомлены, ибо мамлюкский Египет со времени создания Золотой Орды поддерживал разного рода контакты прежде всего с Крымом. При его описании составитель энциклопедии ссылается только на Абу-л-Фида и Ибн Саида, и все равно его очерк получился весьма информативным. Правда, ал-Калкашанди практически ничего не знает о границах округа. Известно, что в первой половине XIV в. этот тюмен располагался в восточной половине Крымского полуострова. Сохранился подлинный ярлык Токтамыша от 1381 г., из которого явствует, что Крымскому тюмену были тогда подчинены и некоторые территории в северном Приазовье [Григорьев, 1981, с. 126–136]. И вот теперь из описания ал-Калкашанди становится известно, что к Крыму «приписывался» и город Укек в Поволжье. Конечно, это сообщение нуждается в дальнейшем осмыслении и изучении.

Арабский автор называет и описывает крымские города Крым-Солхат (Старый Крым), Судак, Кафу (Феодосию). Замечание ал-Калкашанди о том, что округ «включает в себя примерно сорок поселений», заимствовано им у Абу-л-Фида и основано на недоразумении. Словосочетание «сорок поселений» являлось традиционным осмыслением (народной этимологией) тюркского названия крепости Кырк-ер, находившейся на западе Крымского полуострова. Ниже ал-Калкашанди описывает Кырк-ерский тюмен в составе девятого округа. Этимология названий «Кырк-ер», «Крым» и «Солхат» рассматривается в исследовании А.П.Григорьева [Григорьев, 1995, с. 21–29]. Отметим еще, что Черное море называется здесь Крымским морем. Представляет интерес замечание ал-Калкашанди о населении города Судака как о «смеси народов и религий» и об истоках христианства в нем. Материалы о христианстве

кипчаков-половцев Судака в XIII–XIV вв. сохранились в рукописных заметках XII–XV вв., сделанных на полях греческого синаксаря XII в. Они опубликованы еще в прошлом веке [Антонин, с. 595–628].

«Округ пятый — край Азова» составляет в описании ал-Калкашанди лишь четвертую часть от рассказа об округе четвертом. Составитель ссылается только на сведения Абу-л-Фида. По существу, здесь дается характеристика двух городов округа — Азова и Керчи. Информация о последнем особенно важна. В современной научной литературе указания на то, что Керчь административно входила в Азовский тюмен, отсутствуют.

«Округ шестой — страна Черкес», или Черкесия, занимает в описании ал-Калкашанди вдвое меньше места, чем рассказ об округе пятом. Письменным источником для составителя послужила «Летопись» Абу-л-Фида. При описании округа не отмечено ни границ, ни населенных пунктов, лишь несколько слов сказано о его населении — черкесах.

«Округ седьмой — страна Булгар», или Булгария, по занимаемому в описании ал-Калкашанди месту может сравниться со вторым и четвертым округами. Составитель ссылается на свидетельства у ал-Умари (в двух трудах его), Абу-л-Фида, ал-Масуди и Птолемея. После прочтения рассказа становится очевидным, что ал-Калкашанди посвятил описанию ордынского тюмена Булгар, т.е. Волжской Булгарии, не более трети заявленного места. Собственно, он рассказал только о местоположении города Булгара и передал легендарные известия о соотношении дня и ночи в тех краях.

Оставшиеся две трети рассказа ал-Калкашанди отвел повествованию о начале дипломатических связей Египта с объединенным государством Сербии и балканской Болгарии (которое было создано в 1330 г. и фактически распалось в 1356 г.) и установлении вассальной зависимости второго от первого. Сербы и болгары, по его словам, заискивали перед султаном кипчаков, опасаясь его близкого соседства. Под султаном кипчаков при этом понимался не ордынский хан, а мамлюкский султан ан-Насир Насир ад-Дин Мухаммед (1294–1295, 1299–1309, 1309–1340) из династии Бахритов, представители которой были в большинстве своем кипчаками.

Затем ал-Калкашанди рассказывает о местоположении двух городов, якобы отделявших территорию Сербско-Болгарского государства от Золотой Орды. Город Акча-Керман (Аккерман, ныне — Белгород-Днестровский) — жители его представляли собой «смесь мусульман и неверных» — в первой половине XIV в. являлся крупным морским портом Золотой Орды. Он был оставлен ордынцами в 60-х годах XIV в. Город Сары-Керман (Херсонес Таврический), некогда могущественный греческий мегаполис на юго-западе Крымского полуостро-

ва, ко времени ордынского завоевания пришел в полный упадок. Жизнь в нем полностью угасла к началу XV в. Херсонесу XII–XIV вв. посвящен капитальный труд А.Л.Якобсона (см. [Якобсон]).

«Округ восьмой — страна Улак», или Валахия, описывается ал-Калкашанди на основании свидетельств Абу-л-Фида и Птолемея. Историческая область нынешней Румынии княжество Валахия, действительно образовалось в качестве отдельного государства около 1324 г. Однако составитель описания говорит здесь не о ней, а о Болгарии с ее исторической столицей Тырново и жителями «бургалами». Среди других городов округа назван городок Исакча, расположенный в нижнем течении Дуная, на правом его берегу (в 30 км западнее Тулчи). В XIV в. город входил в состав самостоятельного болгарского княжества Добруджи, территория которого в XI–XII вв. находилась под властью Византии.

«Округ девятый — страна Ас», или Алания, — представлял собой ордынский тюмен на западе Крымского полуострова. Составитель руководствовался при его описании только свидетельствами Абу-л-Фида. Кроме того, что столицей округа была крепость Кырк-ер (Чуфут-кале), расположенная на неприступной скале, читатель узнает очень мало. Известно, что жители тюмена — асы, или аланы, являлись предками нынешних осетин. После монгольского завоевания они сохранили самоуправление. Их предводитель был возведен ханом в ранг темника [Тизенгаузен, с. 116]. Так и жили они замкнутым мирком в своих горных крепостях, видимо, до конца правления Узбека. Сохранилась легенда о завоевании Кырк-ера ордынцами. Подлинная история крымской Алании еще ждет своего исследователя.

«Округ десятый — страна Рус», естественно, привлечет внимание отечественных историков. Составитель использовал здесь свидетельства ал-Умари и обоих трудов Абу-л-Фида, из которых явствует, что известные им арабские купцы, торговавшие с мусульманскими округами Золотой Орды, о пределах страны Рус и ее обитателях имели самое общее представление. На территории страны не назван ни один город. После прочтения подборок ал-Калкашанди создается впечатление, что страна Рус, жители которой являлись христианами, простиралась к северу от мусульманских округов Золотой Орды. В то же время на юге русам принадлежали острова на Черном море. Что это были за острова? Надо иметь в виду, что арабы не очень четко различали остров и полуостров. Возможно, тут речь идет об изрезанном морскими лиманами северном береге Черного моря. Граница страны на западе смыкалась со «странами франков», т.е. Западной Европой. На востоке страна Рус граничила с округом Булгар, т.е. Поволжьем. На северо-востоке ее граница примыкала к землям страны Холман.

Составитель описания нашел упоминание о стране Джулман в энциклопедии ал-Умари. В.Г.Тизенгаузен в своем сборнике извлечений из трудов арабских авторов опубликовал фрагмент из энциклопедии ал-Умари на арабском языке и его русский перевод. В арабском тексте название «Джулман» приведено без знаков огласовок. Именно эти огласовки помогают уточнить произношение слова, особенно если оно неарабское. Так что интересующее нас название можно было прочитать и Джулман и Джулыман. В.Г.Тизенгаузен предпочел второй вариант прочтения: получилось слово «Джулыман». Из контекста было совершенно ясно, что речь шла о какой-то северной территории. Здесь у образованного человека естественно всплывает в памяти название реки Чулым в Западной Сибири, самого крупного правого притока Оби. Там же есть и еще одна река Чулым — левый приток реки Каргат. На Алтае протекает река Чулышман, есть Чулышманский хребет и Чулышманское плоскогорье. Заканчивая список созвучий, скажем, что в Восточной Сибири в бассейне Лены есть река Чульман. Выбор получается довольно широкий. Все эти реки и горы находятся в Сибири. Неарабиста может несколько смутить то обстоятельство, что упомянутые названия начинаются с буквы «ч», а не «дж». Арабист знает, что в арабском языке буква (и звук) «ч» отсутствует. Ее полностью заменяет буква «джим», звучащая как «дж».

Так что В.Г.Тизенгаузен как будто обоснованно заменил встречающееся в тексте энциклопедии ал-Умари название Джулман или Джулыман на Чулыман [Тизенгаузен, с. 236, 238, 240]. Последующие русские историки «взяли на вооружение» концепцию В.Г.Тизенгаузена. Так, в историко-географическом описании Золотой Орды, выполненном В.Л.Егоровым, говорится, что область Чулыман находится в Сибири [Егоров, с. 30]. Несколько ниже историк пишет о том, что граница Орды на востоке простиралась «вплоть до сибирской реки — Чулыман», которая далее именуется просто Чулым [Егоров, с. 30, 45, 55, 160, 164]. Однако такое решение было ошибочным, и прав был А.Н.Поляк, на 20 лет раньше В.Л.Егорова обоснованно заявивший, что название области, запечатленное по-арабски ал-Умари и повторенное затем ал-Калкашанди, следует читать не Джулыман, а Джулман. Так оно звучит на литературном арабском языке. На египетском диалекте то же название читается как «Голман».

А.Н.Поляк предположил далее, что первоначально то же название начиналось не с буквы «джим», а с буквы «ха». Эти арабские буквы различаются в начертании только по положению одной точки, которая располагается под «джимом», но над «ха». Арабисты и все востоковеды, имеющие дело с арабской вязью, хорошо знают, как иногда свободно «гуляют» точки под пером переписчика рукописей.

Особенно часто это происходит при написании незнакомых слов. Короче говоря, название области следует читать Холман. Это название сближается с наименованием Новгорода Великого в скандинавских сагах — Holmgard. С другой стороны, название могло происходить от имени города Холмогоры (Колмогоры) в устье Северной Двины — давнего опорного пункта новгородцев в их торговле с Севером. Известно, что с Югрой в XIV в. и ранее торговали только купцы из Новгородской земли. Булгарским купцам, желавшим приобрести пушной товар из Югры, также значительно ближе и удобнее было добираться до Холмогор, чем до Новгорода. О том же повествует и описание ал-Калкашанди [Поляк, с. 36]. Больше половины его рассказа об округе Рус занимает описание далекой Югры, расположенной на крайнем севере, и заочной торговли ее жителей с новгородскими купцами. За Югрой находятся необитаемые пустыни и горы и царит вечная тьма.

В итоге мы примерно очертили пределы округа Рус и убедились в том, что арабские авторы понимали под ним территорию Древнерусского государства, на которой ныне размещаются Украина, Беларусь и значительная часть Европейской России. Государственная территория Северо-Восточной Руси в границах Владимирского великого княжества в процессе ее формирования от X до второй половины XIV в. обстоятельно и филигранно точно исследуется на основании русских письменных источников в монографии В.А.Кучкина (см. [Кучкин]). В этом труде прослеживаются все территориальные изменения в княжествах Северо-Восточной Руси после монгольского завоевания.

Охарактеризовав десять известных ему округов, ал-Калкашанди не закончил на этом описание отдельных территорий Золотой Орды. Сочинение Абу-л-Фида предоставило ему возможность буквально в нескольких строках изложить некоторые сведения еще о трех местностях. Прежде всего он сказал о положении города Маджара (Куммаджар) между Дербендом и Азовом. Известно, что этот ордынский город XIII–XV вв., прекративший свое существование в XVII в., был расположен при устье реки Буйволы, левого притока Кумы, в Ставропольском крае. Затем ал-Калкашанди сообщил о городе Лакз и его жителях лакзах, т.е. лезгинах, живших в горах, пограничных с хулагуидским Ираном. О «царстве лакзов» в южном Дагестане имеются сведения еще в арабских источниках IX–X вв. Лезгины не являются тюрками, вопреки утверждению ал-Калкашанди, и до сих пор проживают на юго-востоке Дагестана и в сопредельных районах Азербайджана. Последней местностью в описании ал-Калкашанди, завершавшей свод второй, была страна Кайтак, т.е. кайтагов, распола-

гавшаяся в горах к северу от Лакза. В настоящее время кайтаги являются небольшой этнографической группой даргинцев и соседствуют с лезгинами. В средние века они образовали крупное феодальное владение — Кайтагское уцмийство.

«Свод третий, рассказывающий о великих реках и озерах, находящихся в этом государстве» по своему объему примерно равен второму, четвертому или седьмому округу свода второго. Источниками для составителя здесь послужили труды ал-Умари, Абу-л-Фида и Ибн Хаукала. Сославшись на то, что о реках Сейхун (Шаша, или Сырдарья) и Джейхун (Амударья) уже достаточно подробно говорилось при описании им части первой государства Туран — Мавераннахра, ал-Калкашанди переходит к повествованию о пяти других больших реках, протекавших по территории Золотой Орды.

Первое место занимает рассказ о реке Итилʾ (Волге). Составитель прослеживает ее течение от истока до впадения в Хазарское (Каспийское) море. Следует отметить большую точность в описании поворотов русла этой великой реки, которая, по словам ал-Калкашанди, втрое больше Нила. Что касается его убеждения в том, что от истока до Булгара Волга течет с северо-востока на юго-запад, то в этом случае составитель был введен в заблуждение своими предшественниками (вернее, их информаторами), принимавшими за верхнее течение Волги ее левый приток — Каму. Из текста рассказа явствует, что Сарай на Волге — это Новый Сарай. Составитель отличает здесь русов от саклабов (славян). В середине XVII в. Эвлия Челеби украинцев называл русами, а жителей Северо-Восточной Руси — московитами.

Название реки ассоциируется у ал-Калкашанди с названием хазарского города Итиль. Он ошибочно полагает, что этот город назывался также Баланджаром (упомянутая выше древняя столица хазар в Дагестане). Вторая великая река, имеющая отношение к территории Золотой Орды и протекающая через земли многих «народов из неверных», — это Туна (тюркское название Дуная). Составитель полагает, что Дунай больше Тигра и Евфрата вместе взятых. Судя по описанию, ал-Калкашанди прослеживает его течение не от истока, а с момента его прохождения через земли Венгрии. Затем Дунай омывает огромный массив Карпатских гор и, обойдя их с востока и поднявшись до широты города Рени, устремляется к юго-востоку. Оставив на своем пути по правому берегу город Исакчу, Дунай огибает южный берег озера Ялпуг и течет к северо-востоку — вплоть до впадения его главного русла в Черное море.

Топоним «Карпаты» ал-Калкашанди обозначает по-тюркски арабскими буквами *Кшга-таг*. Это, казалось бы, ни с чем не сопоставимое сложное название сравнительно легко объясняется ошибкой арабского

переписчика, имевшего дело с небрежно написанным авторским текстом и принявшего арабскую букву «ра» за «шин», «фа» — за «гайн», а конечную букву «та» первого слова посчитавшего ненужным повторением начальной буквы «та» второго слова названия. Изначальное же название было транслитерировано автором как *Крфт-таг*, т.е. Карпатские горы.

Третья река названа составителем Озю. Так тюрки именовали Днепр. В целом течение Днепра от истока до впадения в Днепровский лиман Черного моря отмечено правильно. Четвертая река с тюркским именем Тен (Дон), направление течения которой — с севера на юг до впадения в Азовское море, — также в целом указано верно. Направление течения пятой реки с тюркским именем Турла, обозначавшим Днестр, составителем никак не прослеживается. Днестр действительно впадает в Черное море недалеко от Аккермана (Белгорода-Днестровского). Справедливо замечание ал-Калкашанди и о том, что эта река «непокорная и горячая». Днестр, особенно в его верховьях, имеет характер быстрой горной реки.

Единственное подлинно великое озеро, отмеченное ал-Калкашанди в Золотой Орде, — Хорезмское (Аральское море). Оно было давно известно восточным авторам. Потому и его краткое описание не страдает заметными неточностями.

«Свод четвертый — о путях, ведущих в это государство» — вчетверо меньше по объему, чем третий. Его источниками для составителя являются труды ал-Умари и Абу-л-Фида. Вначале ал-Калкашанди прослеживает путь по суше от южной границы Хорезма до Сарая, а затем — путь по морю от египетских портов Александрии и Дамиетты — через Средиземное море, систему проливов, Черное и Азовское моря — до Азова.

Несомненный интерес здесь представляют два города, отмеченные ал-Калкашанди на пути по суше от Хорезма до Сарая. Составитель называет их Ваджак и Кутлуд. В тексте энциклопедии ал-Умари те же названия можно прочитать как Вахай и Кутлукент [Тизенгаузен, с. 220]. В.Г.Тизенгаузен предложил название первого города читать как Хайвак, имея в виду город Хиву [Тизенгаузен, с. 242]. На оба эти названия обратил внимание и В.В.Бартольд. Он повторил то, что предложил В.Г.Тизенгаузен, и дал еще одно арабское написание наименования первого города, которое можно прочитать как Васик, но воздержался от каких-либо комментариев [Бартольд, т. III, с. 55].

Для написания «Свода пятого — о том, что там имеется [из плодов земных]», который по объему чуть больше свода четвертого, ал-Калкашанди ограничился энциклопедией ал-Умари. Тем не менее свод насыщен ценной информацией о всякого рода растительных

продуктах питания населения Золотой Орды. Кочевники-степняки потребляли в основном просо (пшено), которое называлось по-персидски *арзан*. Рацион жителей городов Хорезма был, естественно, значительно более разнообразным.

Что касается плодов, называемых *батенк* и «похожих на инжир», то в тексте энциклопедии ал-Умари, которой пользовался В.Г.Тизенгаузен, это название плодов совсем не читалось, так как было лишено диакритических точек. В тексте труда ал-Калкашанди название плодов также приводится в искаженном виде. В.Г.Тизенгаузен воспользовался опубликованным трудом знаменитого арабского ботаника Ибн ал-Байтара (ум. в 1248 г.) и выяснил, что читать название плода нужно как *батенк*. Оно соответствует персидскому обозначению тех же плодов — *баденджан* [Тизенгаузен, с. 212], а в русский язык их название перешло через турецкую народную форму *патлыджан* в виде *баклажан* [Шанский, с. 15]. Баклажан действительно похож на инжир. Не на вкус, конечно, а по виду — снаружи и изнутри.

«Свод шестой — относительно денежного обращения и цен», составленный на основании материалов названного труда ал-Умари, по объему вдвое больше свода пятого, а по содержанию полностью соответствует своему названию. Составитель начинает с указания на то, что серебряные монеты Золотой Орды имеют одинаковое хождение и на территории хулагуидского Ирана. Дело в том, что в правление монгольского ильхана Махмуда Газана (1295–1304) в Иране была проведена денежная реформа. Вместо разнообразных денег, чеканившихся в различных областях, была введена единая для всего государства серебряная монетная система. Денежной единицей являлся дирхем. Шесть дирхемов составляли динар. Эта единая монетная система оказалась настолько удобной, что вскоре была введена и в других государствах Чингисидов — в Золотой Орде и Чагатайском улусе [Петрушевский и др., с. 204]. Составитель называет меру сыпучих тел в Хорезме — *ратл*. По весу ратл заключал в себе 330 дирхемов. Согласно расчетам современных метрологов, вес одного ратла был тогда несколько больше 1 кг [Давидович, с. 81, 101].

Перейдя к вопросу о ценах, ал-Калкашанди охарактеризовал их по стране в целом чрезвычайно низкими. В то же время в Ургенче и Сарае они были постоянно высокими. Приводя цены на зерновые культуры в динарах, составитель упустил из виду одну очень важную деталь. Приведенные в энциклопедии ал-Умари цены на пшеницу, маш, ячмень, просо и джаверс исчислялись не за ратл, а за «ослиный вьюк», составляющий 100 ратлов [Тизенгаузен, с. 242]. Эту деталь ал-Калкашанди в свое описание не включил. Потому и цены на перечисленные продукты получились у него неоправданно высокими. На самом деле

1 ратл зерновых культур стоил только от 0,12 до 0,15 дирхема, а 1 ратл баранины — целую $^1/_3$ дирхема.

«Свод седьмой — относительно известий о владыках этого государства» — в три с половиной раза превышает по объему свод шестой. Вначале ал-Калкашанди дает в нем исторический очерк округа Хорезм до монгольского нашествия. В очерке перечислены верховные владыки и их непосредственные представители на территории Хорезма — наместники. Список имен открывают Газневиды Йамин ад-Даула Махмуд (998–1030), Шихаб ад-Даула Масуд I (1031–1041) и их наместники — хорезмшахи Харун ибн Алтунташ (1032–1034) и Исмаил Хандан ибн Алтунташ (1034–1041). Список венчает имя огузского правителя города Дженда Шах-Малика ибн Али, захватившего Хорезм в 1041 г.

Затем рассказывается о новых верховных правителях Хорезма — Сельджукидах из Великих Сельджуков. Приводятся имена: Рукн ад-Дунйа ва-д-Дин Тогрул I (1038–1063), Рукн ад-Дин Баркйарук (1094–1105), Муизз ад-Дин Санджар (1097–1157). После них перечисляются хорезмшахи: Ануш-тегин Гарачаи (ок. 1077–1097), Ала ад-Дин Атсыз (1127–1156), Иль-Арслан (1156–1172), Ала ад-Дин Текиш (1172), Султан-шах ибн Иль-Арслан (1172–1193) и Ала ад-Дин Мухаммад (1200–1220).

Покончив с рассказом о предыстории Золотой Орды, ал-Калкашанди приступает к обстоятельному повествованию о правлении ханов-Чингисидов. Только теперь составитель начинает аккуратно указывать на источники своих сведений. Ими оказались летопись Ибн Халдуна, оба труда ал-Умари и анонимное продолжение исторического сочинения Ибн ал-Асира.

Представив последовательный ряд ордынских ханов от Джучи до Токты, составитель прерывает свое изложение рассказом о том, как тот же ряд ханов выглядит в летописи Ибн Халдуна. Последний доводит хронологию событий до смерти Токтамыша от руки Тимура. Ал-Калкашанди довольно резко высказывается против слов Ибн Халдуна о победе Тимура над Токтамышем и смерти его от руки Тимура.

Имена ордынских ханов в энциклопедии ал-Калкашанди зачастую искажены. Правильное написание монгольских и тюркских имен этих ханов восстановить не так-то просто. Общепринятого их написания в науке до сих пор не существует. Поэтому мы остановились на тех формах имен ордынских ханов, которые предлагаются одним из публикаторов в его недавних работах [Григорьев, 1983, с. 9–54; Григорьев, 1985, с. 160–182]. Итоговый список имен ордынских ханов, названных ал-Калкашанди: Бату (1227–1255), Сартак (1255–1256), Берке (1258–1266), Менгу-Тимур (1267–1280), Тодан-Менгу (1280–1287),

Толебуга (1287–1291), Токта (1291–1312), Узбек (1313–1341), Джанибек (1342–1357), Бердибек (1357–1359), Абдаллах (1361–1370), Эльбек (?–1374), Урус (1374–1375), Каганбек (1375–1377), Токтамыш (1378–1395).

Как известно, этот список не является полным. Годы, отмеченные нами в скобках после имени Уруса, являются не годами его правления в целом, а лишь временем пребывания этого хана Восточной Орды в Поволжье. Составитель включил в число ордынских ханов троих сановников, которые ханами не были и быть ими не могли, ибо по своему рождению не принадлежали к Чингисидам. Кутлуг-Тимур (ум. в 1335 г.), женатый на сестре Токты, занимал при хане пост беклербека. При Узбеке он сохранял этот пост до 1321 г., когда был переведен в наместники Хорезма. Мамай (ум. в 1380 г.) являлся зятем Бердибека, а с 1362 г. фактически возглавлял созданную им Мамаеву Орду, формально будучи лишь беклербеком при подставных ханах из рода Узбека, первым из которых числился Абдаллах. Салчи-Черкес (или Черкесбек) — личность весьма загадочная. Не являясь Чингисидом, он все-таки чеканил от своего имени медную монету в Хаджитархане (Астрахани) незадолго до утверждения в Сарае Токтамыша.

Вторую половину седьмого свода ал-Калкашанди посвящает рассказу об утверждении в Золотой Орде ислама от времени Берке до Узбека. При этом он отмечает частый отход последующих ордынских ханов от основ шариата в сторону следования Ясе Чингис-хана. Специальное место отводится внутренней политике ханов в отношении иноязычных подданных — черкесов, русов и асов. Раздел о внешней политике посвящен взаимоотношениям Золотой Орды с Византией.

Следует еще отметить, что арабский текст и русский перевод фрагмента, повествующего о правлении в Золотой Орде ханов-Чингисидов, были в свое время опубликованы В.Г.Тизенгаузеном [Тизенгаузен, с. 396–397: текст, с. 404–406: перевод].

Заключительный «Свод восьмой — относительно размеров воинства этого государства, устройства его управления, размеров жалованья, назначаемого [его воинам], и [формы] их одежды» уже в пространном заголовке полностью раскрывает свое содержание. Передается это содержание в соответствующих четырех подразделах. В качестве единственного источника своих сведений ал-Калкашанди называет энциклопедию ал-Умари. Составитель дает понять, что число воинов ордынской армии настолько велико, что не поддается никакому учету. Причем ордынские всадники были прекрасно обеспечены заводными лошадьми, людской обслугой и продовольствием.

Управление страной базировалось на необходимом числе князей-военачальников, соответствующих законах и штате государственных

служащих. Чиновники, названные ал-Калкашанди эмиром улуса и везиром, являлись, как уже сказано, высшими должностными лицами в правительстве при хане — беклербеком (или улугбеком) и везиром. Первый из них распоряжался всеми делами, касавшимися ордынской армии, и командовал войсками правого и левого крыла, а второй ведал государственной казной, вопросами внешних сношений и комплектовал штат государственных служащих. Оба этих сановника уступали в своих властных функциях таковым же в правительстве хулагуидского Ирана. Впрочем, по словам ал-Калкашанди, и сам ордынский хан не мог сравниться с хулагуидским ильханом по части доходности и благоустроенности своих земель. Зато жены ордынских ханов, удивлялся мусульманский автор, принимают самое активное участие в делах управления. В этом отношении супруги хулагуидских правителей уступали ордынским. Единственным исключением была жена ильхана Абу Саида (1317–1335) Багдад-хатун. Примером властных функций жен ордынских ханов может служить недавно опубликованный документ, исходивший от жены Узбека, Тайдулы (Григорьев А.П., Григорьев В.П., с. 18–23].

Говоря о налоге, которым облагались в пользу ордынских ханов все его подданные, ал-Калкашанди называет его по-арабски *харадж* [Добродомов, с. 42–53]. Первоначально он означал всякий налог и дань с покоренных и употреблялся как синоним джизьи (подушной подати). Когда дани поступали по договорам и сбор их производился вассальными правителями, отличить поземельный налог от подушной подати действительно было нельзя. Такой налог в Золотой Орде назывался по-тюркски *чыгыш* [Григорьев, 1981, с. 127–128], что в точном русском переводе означало «выход».

Сведения относительно размеров жалованья регулярным воинам ордынской армии ал-Калкашанди заимствовал из описания Хорезмского округа. Сделав предварительное замечание о том, что владельцы каких-либо участков государственных земель, полученных представителями монгольской знати от хана в качестве ленов и называвшихся по-арабски *икта*, имели право на передачу этих наделов по наследству своим сыновьям, ал-Калкашанди указывает на доходность этих земель в пределах от 100 до 200 тыс. динаров в год. Простые воины получали регулярное жалованье из расчета на одного человека 200 динаров в год.

Завершается свод коротким рассказом об ордынском воинском облачении.

На этом и заканчивается компактное описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди. По своему содержанию это описание далеко выходит за рамки только географического. В нем немало сведений исторических, этнографических и многих других. И все же оно прежде всего географическое, выполненное, как мы теперь бы сказа-

ли, «кабинетным ученым» на основании письменных свидетельств его предшественников, сведения которых, уходя иногда в глубь веков, не выходили за рамки XIV века.

Представленный ниже перевод осуществлен О.Б.Фроловой с каирского издания энциклопедии ал-Калкашанди: *Ахмад ал-Калкашанди.* Заря для подслеповатого в искусстве писания. Каир, 1914. Т. 4, с. 451–477 (на араб. яз.). Для ориентации читателя в угловых скобках нами проставлены номера страниц арабского текста.

<451> О ЧАСТИ ВТОРОЙ ГОСУДАРСТВА ТУРАН — [ГОСУДАРСТВЕ] ХОРЕЗМ (ХУВАРЕЗМ) И КИПЧАК (АЛ-КАБДЖАК)

Говорится в «Масалик ал-абсар»: Рассказал мне шейх Наджм ад-Дин ибн аш-Шаххам ал-Маусили, что это государство обширное по территории в длину и в ширину, с огромными степями и немногими городами. В нем беспредельное множество народа, только нет от него большой пользы из-за недостатка у него оружия и плохой конницы. Земля их ровная, малокаменистая, и вскормленные там кони не выдерживают многочисленных ухабов. Потому и пригодность их в войнах невелика.

Говорится в «ат-Тариф», что это государство в древности, во времена халифов и до этого, было известно под названием «Владетель трона». Говорится в «ар-Рауд ал-митар»: Дело в том, что там был трон из золота, на котором сидели их цари. Его перенесли туда цари Персии. Говорится в «ат-Тариф», что его владетель в дни ан-Насира ибн Калауна был султан Узбек-хан. Там говорится, что этот султан посватался, и он женил его на одной из своих родственниц. Потом там говорится, что между владыками этого государства и нашими владыками не прекращались древний союз и добрая дружба, и это от начала государства аз-Захира Байбарса и до последнего времени.

И цель изложения этого [достигается] в восьми сводах.

<452> Свод первый, повествующий о границах и протяженности этого государства

Сообщается в «Масалик ал-абсар» в передаче со слов шейха Ала ад-Дина ибн ан-Нумана ал-Хорезми, что длина этого государства от

Стамбульского моря до реки Иртыш (Арис) — шесть месяцев [пути], а ширина его от Булгара до Железных ворот (Баб ал-хадид) — приблизительно четыре месяца. Затем он упоминает о его [пределах] в другом месте, что все это государство [простирается] от укреплений Хорезма на востоке до Башкырда (Башкирд) [на западе], а шириной [оно] от Хорезма до самой дальней части страны Сибирь (Сир), а это — предел расселения [людей] на севере. В другом месте со слов Ибн ан-Нумана передается, что простирается ширина этого государства от Демиркапу (Дирфиу), а это — город из построек Александра [Македонского], и у него были в древности ворота из железа до страны Югра (Диргуз), а его длина — от вод Иртыша, который намного величественнее, чем египетский Нил, [и течет] со стороны земель Хатая (ал-Хата) — до Стамбула, т.е. Константинополя (ал-Кустантинийа). Говорит он: эта длина немного превышает [вышеозначенную], достигая страны, называемой Немче (Кемех), расположенной между русами и франками.

Еще в одном месте он рассказывает, что Хорезм — это округ, отделенный от Хорасана и Мавераннахра, поскольку его с каждой из сторон окружают пустыни. Граница же его связана с землями огузов с севера и запада; с юга и востока [находятся две вышеназванные страны]. Он располагается на обоих берегах Джейхуна. Говорит Ибн Хаукал: страна Хорезм — одна из самых холодных стран, от нее начинается замерзание реки Джейхун. Говорится в «ал-Азизийи»: страна Хорезм [находится] к юго-востоку от Хорезмского озера, а между ними около шести переходов. Говорится в «Масалик ал-абсар»: начальный предел Хорезма [с юга] — местечко, называемое ат-Тахирийа и прилегающее к Амулю. Поселения [там] тянутся по обоим берегам Джейхуна.

Рассказывают со слов Хасана ар-Руми, купца и путешественника, что продолжительность [пути] от города Баку, известного под названием Железные ворота, до границ страны Хатай составляет при движении караванов пять месяцев. Ширина [страны] — от реки <453> Джейхун до реки Дунай (Туна). Говорится в «Масалик ал-абсар»: это государство расположено на севере в направлении на восток. Его границы — это страна Китай (ас-Син) на его востоке, страна славян (ас-Саклаб) и соседние с ней северные области, Хорасан и прилегающие к нему южные области, [наконец], пролив на западе, пограничный с Румским морем.

Свод второй, повествующий о включенных в него известных округах

Знай, что это государство включает в себя несколько округов.

[Округ первый —] Хорезм

[Это название пишется] с «ха» с даммой и с точкой, фатхой «вава» и «алифом», после него «ра» без точки, затем «за» с точкой и с сукуном, на конце же «мим».

Говорится в «Таквим ал-булдан»: это округ, отдельный от Хорасана и Мавераннахра. Пустыня окружает его со всех сторон. Говорится: окружают ее с запада некоторые поселения тюрок, с юга — Хорасан, с востока — Мавераннахр, а с севера — опять Туркестан. Говорится: округ Хорезм находится в конце Джейхуна, и после на этой реке нет населенных мест до тех [пор], пока Джейхун не впадет в Хорезмское озеро. Он [расположен] на обоих берегах Джейхуна. Говорит Ибн Хаукал: страна Хорезм — одна из самых холодных стран, и замерзание реки Джейхун начинается со стороны Хорезма. Говорит ал-Мухаллаби: страна Хорезм в юго-восточной стороне от Хорезмского озера и до Амуля — около двенадцати переходов. Говорится в «Масалик ал-абсар»: в Хорезме имеется гора, называемая Гора блага, и там — источник с тем же названием, к которому устремляются больные-хроники, проводят у него семь дней, <454> омываясь в нем каждый день утром и вечером, пьют из него вслед за купанием, пока не поправятся и не придет исцеление. Там говорится: Хорезм расположен на Джейхуне между двумя его рукавами, наподобие шаровар.

Говорится там [далее]: примыкает к Хорезму округлая земля, называемая Мангышлак (Ксла'). Ее длина — пять месяцев [пути] и ширина такая же. Вся она — [сплошная] степь, и живут там многочисленные народы из бурджанов (ал-бурджан). Ее и реку Джейхун разделяет гора с названием Акбалкан (Увейлган), к северу от Хорасана.

[В округе Хорезм] два столичных города. Первый столичный город — древний город Кят (Кас). [Это название пишется] с «кафом», «алифом» и «са» с тремя точками. Говорит Ибн Хаукал: название его — ал-Хорезмийа. Это — город, расположенный в пятом климате из семи. Говорится в «ал-Канун»: долгота [его] 85 градусов, а широта — 41 градус и 16 минут. Говорится в «ал-Канун»: он — на восточной стороне Джейхуна. Говорит ал-Мухаллаби: между ним и Новой деревней в Туркестане — пятьдесят фарсахов. Говорит он: это один из самых больших городов Хорезма. Говорит Ибн Хаукал: его разрушили татары и племена, у которых есть город за ним. Говорит он: этот

город был в северной стороне от Джейхуна. Говорится в «Масалик ал-абсар»: там имеется сто домов иудеев и сто домов христиан. Больше этого им [иметь] не разрешается.

Второй столичный город — Ургенч (Куркандж). Говорится в «ал-Муштарик»: [его написание] с даммой при «кафе», с сукуном «ра» без точки, потом «каф», «алиф» и «нун» с сукуном, а на конце — «джим». Там говорится: в нем встречаются две буквы с сукуном [«алиф» и «нун»], поэтому обычное его написание Куркандж без «алифа». Его называют Большой Ургенч, а арабы называют его ал-Джурджанийа, и расположен он в пятом <455> климате из семи.

Говорится в «ал-Атвал» и в «ал-Канун»: долгота [его] 84 градуса и одна минута, а широта — 42 градуса и 57 минут. Говорится в «ал-Муштарик»: он [расположен] на берегу Джейхуна. Говорится в «ал-Канун»: в [его] западной части.

И там еще несколько городов. Среди них Малый Ургенч, называемый также ал-Джурджанийа. Его местоположение также в пятом климате из семи. Говорится в «ал-Атвал»: долгота [его] — 84 градуса и 5 минут, а широта — 42 градуса и 45 минут. Говорится в «ал-Муштарик»: это — город вблизи от Большого Ургенча, между ними 10 миль. Он в западной части Джейхуна.

Среди них Замахшар. Говорится в «ал-Лубаб»: [написание этого названия] с фатхой «за» с точкой, с «мимом», сукуном «ха», фатхой «шина» с точками и в конце «ра» без точек. Его местоположение в пятом климате из семи. Говорится в «ал-Атвал»: долгота [его] — 84 градуса и 30 минут, а широта — 41 градус и 45 минут. К нему восходит нисба имама Абу-л-Касима Махмуда аз-Замахшари — автора «ал-Кашшаф», толкования Корана и других превосходных полезных трудов.

Среди них — Хазарасп. Говорится в «ал-Лубаб»: его написание с фатхой «ха» и «за» без точки, с сукуном «алифа», фатхой «ра» и сукуном «сина», оба они без точек, и на конце «ба» с одной точкой. Он — крепость в Хорезме. Его местоположение в пятом климате из семи. Говорится в «ал-Атвал»: долгота [его] — 85 градусов и 20 минут, а широта — 41 градус и 20 минут. Говорит ас-Самани: по-персидски его произносят Хазарасф. Он говорит: и это — мощная крепость. Говорит ал-Мухаллаби: он в западной части Джейхуна. Между ним и городом Кятом шесть фарсахов.

<456> Среди них Дарган (Даран). [Название его пишется] с «далем» и «ра», с «айном» без точки и «алифом», потом «нун». Он расположен в пятом климате из семи. Говорится в «ал-Атвал»: его долгота — 86 градусов и 20 минут, а широта — 40 градусов и 30 минут. Говорится в «Таквим ал-булдан»: [он представляет собой] пограничн-

ный предел Хорезма в сторону Мерва. Говорит ал-Мухаллаби: между ним и Хазараспом 24 фарсаха.

Среди них Фарабр. Говорится в «ал-Лубаб»: [это название пишется] с фатхой «фа» и «ра» без точки, сукуном «ба» с одной точкой. Говорится в «Музил ал-иртийаб»: с фатхой «фа» и с ее кесрой, каждая из них слышится. Это город на берегу Джейхуна по соседству с Бухарой. Он расположен в конце четвертого климата из семи. Говорится в «ал-Атвал»: его долгота — 87 градусов и 30 минут, а широта — 38 градусов и 45 минут. Говорится в «ал-Канун»: он [является] местом перехода из Мавераннахра в Хорасан. Ибн Хаукал поместил его среди провинций Бухары, а она — плодородная область в Мавераннахре, у нее цветущие поселения.

Округ второй — Дешт[-и Кипчак]

[Это название пишется] с фатхой «даля» без точки, сукуном «шина» с точками и «та» с двумя точками наверху в конце. Это — пустынная степь в стороне севера. К нему присоединяется [слово] «кипчак», которое [пишется] с фатхой «кафа», сукуном «ба» с одной точкой и фатхой «джима», после которого «алиф», потом «каф». Они же из рода тюрков, который живет в этой степи. Они кочуют по обычаю бедуинов.

<457> Столица же государства там Сарай. Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с фатхой «сада» и «ра» без точек, с «алифом» и «йа» с двумя точками внизу. В «Масалик ал-абсар» оно пишется с «сином» без точек вместо «сада». Он расположен в седьмом климате из семи. Говорится в «Таквим ал-булдан»: это великий город на равнине, на берегу реки Итиль, к северо-западу от Хазарского моря, на расстоянии около двух дней пути [от него]. А Хазарское море на юго-востоке от него. Река Итиль течет с северо-запада на юго-восток, пока не впадает в Хазарское море. Он — великолепная гавань для купцов, [торгующих] тюркскими рабами. В «Масалик ал-абсар» упоминается со слов Абд ар-Рахмана ал-Хорезми, переводчика, [следующее]: он построен Берке, сыном Джучи (Туджи), сына Чингис-хана. Он расположен на солончаковой земле, не обнесен стеной. Там величественный дворец, в нем резиденция царя. На верхушке его полумесяц из золота, вес которого два кантара египетских. Дворец окружают стены с башнями, в нем [живут] эмиры. В этом дворце их зимнее местопребывание.

Сарай — это большой город с рынками, банями, богоугодными заведениями, вместилищами для ввозимых товаров. В его центре есть пруд, вода которого из реки дозволенной, [но] вода эта [используется только] для употребления [в хозяйстве], а пьют они

[воду] из реки, откуда ее доставляют в глиняных кувшинах. Их устанавливают в ряд на повозки, везут в город и продают там. Там говорится: [этот город] удален от Хорезма приблизительно на месяц с половиной пути. Говорится в «Таквим ал-булдан»: в нем султан Узбек построил ученое медресе.

Говорится в «Масалик ал-абсар»: они тяжко страдают из-за суровой жизни, ибо не являются оседлыми жителями, а сильные холода губят их скот. Там говорится: из-за очень плохого положения, в котором они пребывают, когда кто-либо найдет мясо, он варит его, но не до полной готовности, [затем] пьет отвар из него, оставляя это мясо, чтобы съесть его в другой раз. Потом он выбирает [из него] кости, вновь отваривает их, пьет их отвар и так до конца жизни. Передается со слов Джамал ад-Дина Абдаллаха ал-Хисни, купца, что одеждой большинства из них являются шкуры, будь то заколотых животных или сдохших, дубленые или недубленые, от чистого животного <458> или от нечистого. Они не отличают в пище скверного от того, что таковым не является, и запретного от разрешенного. В некоторые годы из-за недостатка пищи они продают своих детей.

Говорит он: при этом у них нет ни приверженности к религии, ни уравновешенности разума. Затем, вслед за этим, он говорит: вместе с тем они относятся к лучшим из тюрков по характеру из-за своей верности, смелости, избегания вероломства, совершенства станов, миловидности, безупречности достоинств. Потом он говорит: из них состоит большинство войска Египта, его цари, эмиры, воины. Так, когда ал-Малик ас-Салих Наджм ад-Дин Айюб хотел купить мамлюков, [он покупал] из них. Впоследствии из [этих] мамлюков происходили и те, кто достигал [сана] царя и султана. Так один народ склонялся к другому, и возникло стремление к их умножению, так что в Египте по внешнему облику люди стали похожими на них, и охрану всех границ [его] осуществляли они. Из них [происходят] луны его шествий, сердца его меджлисов, вожди его войск, великие люди его земли. Ислам превозносит их отношение к защите веры, ведь они ради Аллаха отдавали все силы своего народа.

Говорит он: достаточно [сказать об их] первой победе в день [битвы] при Айн Джалуте, когда ал-Малик ал-Музаффар Кутуз, тогдашний владыка Египта, в 658 году хиджры (1260 г.) сломил войска Хулагу, царя татар. И это после того, как войска всех стран были не в силах одолеть их и когда они смогли уничтожить [силу] султана Джалал ад-Дина Мухаммеда ибн Хорезмшаха и перебили его войско. И это притом, что египетская армия по сравнению с войском Джалал ад-Дина была подобна одной точке от круга и одному глотку от моря. Но Аллах одаривает победой того, кого захочет.

Что же касается этого нашего времени, то, после того как стал [править] султан ал-Малик аз-Захир Баркук из рода черкесов, он предпочел [брать] мамлюков из своего рода. Тогда уменьшилось [число] мамлюков-тюрков в краях Египта, так что уцелело их очень мало, только остатки и потомки их.

<459> *Округ третий — страна Хазар*

[Это название пишется] с фатхой «ха» и «за» с точками и «ра» без точек на конце. Их столица — город Баланджар. Говорится в «ал-Лубаб»: [название пишется] с фатхой «ба» с одной точкой, «ламом» и «нуном» с сукунами и с «джимом» с фатхой, затем «ра» без точки. И это — город в [округе] Дербенда Хазарского, расположенный в шестом климате из семи. Говорится в «ал-Атвал»: его долгота — 75 градусов и 20 минут, а широта — 50 градусов и 30 минут. Говорится в «Китаб ал-атвал»: а это — [город] Итиль. Говорится в «ал-Лубаб»: он входит в [пределы] Баб ва-л-абваба. Говорят, что [его название] восходит к Баланджару, сыну Йафета.

Округ четвертый — Крым (ал-Кирим)

Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с кесрой «кафа» и «ра» без точки, а в конце «мим». Там говорится: это название округа, который включает в себя примерно сорок поселений.

Его столица — Солхат (Сулгат). Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с даммой «сада» без точки, сукуном «лама», фатхой «гайна» с точкой, «алифом» и в конце «та» с двумя точками сверху. Люди дали ему название Крым, а когда они говорят Крым, то имеют в виду только Солхат. Его местоположение в седьмом климате из семи. Там говорится: а координаты его таковы: долгота — 57 градусов 10 минут, а широта — 50 градусов. Там [также] говорится: [этот город] от моря в половине дневного перехода, и он от Азова (ал-Азак) на северо-западе. И в земле Сарайской есть города, приписываемые к нему.

<460> Среди них Укек (ал-Укак). Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с даммой «хамзы», фатхой первого «кафа», потом «каф» второй. Он — поселение из поселений земли Сарайской. Его местоположение в седьмом климате из семи. Говорится в «Таквим ал-булдан»: его координаты: долгота — 78 градусов, а широта — 47 градусов 55 минут. Он [находится] на берегу реки Итиль, с западной стороны, между Сараем и Буларом, приблизительно на полдороге между ними. И он от каждого из них на расстоянии примерно 15 дневных переходов. Этот Укек перешел по наследству к Орда-хану (Урду ал-кан) — владыке этого государства, а в нем, как говорилось выше, есть другие города.

Он (Крым) [простирается] на северо-западе от Кафы, а от Судака — на северо-востоке. Между каждым из этих двух городов расстояние в один дневной переход. В нем находится правитель, который переписывается [как один из] султанских сановников с Египтом.

Среди них Судак. Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с даммой «сада» без точки и «вавом», с фатхой «даля» без точки, «алифом» и «кафом» на конце. Народ же говорит «Сурдак», заменяя «сад» на «син» без точек, на «вав» и «ра» без точек. Его местоположение — в конце седьмого климата из семи или на севере от него. Говорит Ибн Саид: его долгота — 56 градусов, а широта — 51 градус. Говорится в «Таквим ал-булдан»: он [расположен] на отроге горы на берегу Крымского моря. Его земля каменистая. И он обнесен стеной. Он является гаванью для купцов. Напротив него с другой стороны суши город Самсун на побережье страны Рум, о которой будет сказано. Его жители — мусульмане. Говорит Ибн Саид: его жители представляют собой смесь народов и религий. И дело в том, что в нем [исток], восходящий к христианству. Из него происходит известная сурдакская кожа.

Среди них Кафа. Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с фатхой «кафа» и «фа» и с «алифом максура». Это — гавань [округа] Крым, ее местоположение в седьмом климате из семи. Говорится там: ее координаты: долгота — 57 градусов и широта — 50 градусов. Она находится в низине <461> на берегу Крымского моря. Напротив нее с другой стороны суши — город Трапезунд (Тарабзун) на побережье страны Рум. Она (Кафа) находится к востоку от Судака. Вокруг нее стены из необожженного кирпича. К северо-востоку от нее Кипчакская степь. Она [расположена] от Судака в направлении востока. Кафа, Судак и Солхат [своим местоположением] напоминают треножник.

Округ пятый — край Азова

Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с фатхой «хамзы» и «за» с точкой, в конце «каф».

Его столица — город Азов. Его местоположение в седьмом климате из семи. Говорится в «Таквим ал-булдан»: его координаты: долгота — 65 градусов, широта — 48 градусов. Там говорится: к нему восходит [название] Азовского моря (бахр ал-Азак), известного в древних книгах под именем Меотийского моря (бахр Маниташ). Он — гавань на Азовском море, на равнинной земле у впадения реки Дон (Тан) в Азовское море. Постройки в нем из дерева. Между ним и Крымом около 15 дневных переходов. Он [находится] на юго-востоке от Крыма. Там есть и другие города.

Среди них — Керчь (ал-Карш). Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с фатхой «кафа» и сукуном «ра» без точки, в конце «шин» с точками. Это маленький город на побережье Азовского моря, расположенный в седьмом климате из семи. Говорится в «Таквим ал-булдан»: его координаты: долгота — 60 градусов и широта — 47 градусов и 30 минут. Он — маленький город между Кафой и Азовом у входа в Азовское море. Напротив него на другой части суши — Тамань (ат-Таман), на побережье Армении и страны Рум. Его жители — неверные кипчаки.

Округ шестой — страна Черкес (ал-Джаркас)

[Это название пишется] с фатхой «джима», сукуном «ра», фатхой «кафа» и на конце — «син» без точек. Говорит ал-Муаййад, владетель Хамы, в своей «Летописи»: он (округ) — на Понтийском море (бахр Ниташ), на его востоке. Они (черкесы) живут в нужде. Говорит он: среди них преобладает христианская религия. В наши дни, со времени Малика аз-Захира Баркука, из них состоит большая часть египетского войска. Потому что большинство из ввозимых [в Египет] невольников составляют они.

Округ седьмой — страна Булгар

[Это название пишется] с даммой «ба» с одной точкой, сукуном «лама», фатхой «гайна» с точкой и на конце — «ра» без точки. [Булгары] также известный род. Говорит владетель Хамы в своей «Летописи»: название [их рода] восходит к стране, в которой они живут.

Ее столица — город Булар, [название которого пишется] с даммой «ба» с одной точкой, фатхой «лама» и алифом, на конце — «ра» без точки. Говорится в «Таквим ал-булдан»: его по-арабски называют Булгар. Его местоположение в седьмом климате из семи или на севере от него. Говорится в «ал-Атвал»: его долгота — 80 градусов, а широта — 50 градусов и 30 минут. Это — город очень населенный, [расположен] вблизи от берега реки Итиль, в ее северо-восточной части. Он и [город] Сарай — на одной земле. Между ними — более 20 дневных переходов. Он находится в низине, а горы от него [на расстоянии] меньше чем один дневной переход. Жители его — мусульмане-ханифиты. Там нет никаких плодов и вообще нет фруктовых деревьев из-за сильного холода. Черная редька [там] очень большая.

Говорит султан Имад ад-Дин, владетель Хамы: некоторые из его жителей рассказали мне, что в начале лета заря от них не уходит и ночь — очень короткая. Потом он говорит: <463> то, что они рассказали, верно и согласуется с тем, что выявляется в астрономических

трудах, потому что с широты 48 с половиной начинается отсутствие ухода зари в начале летнего сезона, а широта [этого города] больше этой. В полной мере справедливо то, что было сказано выше. Говорится в «Масалик ал-абсар»: рассказал мне ал-Хасан ал-Ирбили, что самая короткая ночь там четыре с половиной часа, это — предел убывания ночи. Говорит Хасан ар-Руми: спросил я об этом Масуда, ведущего там отсчет времени. Он сказал: мы делали опыты при помощи астрономических приборов и нашли это таким.

Говорится в «Масалик ал-абсар»: ал-Масуди в «Мурудж аз-захаб» упоминал, что у сербов и болгар с древности была страна ислама и резиденция веры. А теперь они изменили вере [и стали] неверными, среди них существует община поклоняющихся кресту. От них к властелину Египта в 731 году хиджры (1330-31 г.) прибыли послы от владыки сербов и болгар, предлагающего свою дружбу и просящего [прислать] меч, которым он мог бы опоясаться, и знамя, с которым он мог побеждать своих врагов. Тот почтил послов, хорошо их принял, приготовил для него почетную одежду со всем, что для этого необходимо: шелковый златотканый плащ, подбитый мехом белки и опушенный бобром, александрийскую ткань [для чалмы], украшенную с обоих концов каймой, золотой кушак с золотыми застежками, местной [работы] меч, желтое с позолотой султанское знамя. Говорится: они угождают султану кипчаков из-за большой его власти над ними и потому, что он держит их в узде по причине близкого соседства с ними. Упоминается и в «ат-Тариф» близкое к этому. И у владыки сербов переписка осуществляется от имени [и на уровне] султанских сановников Египта, о чем будет упомянуто в [разделе] о переписке, если пожелает всевышний Аллах.

Между сербами, болгарами и страной тюрков имеются города.

Среди них — Акча-керман. [Название пишется] с фатхой «хамзы», сукуном «фа», фатхой «джима» и «алифом», с фатхой «кафа», с «ра» без точек, с «мимом», «алифом» и «нуном» в конце. Это небольшой город на Понтийском море, известном как Крымское море. Он находится в седьмом климате из семи. Говорится в «Таквим ал-булдан»: а координаты его таковы, что [его] долгота — 45 градусов, а широта — 50 градусов. Он <464> [расположен] на равнинной земле. Его жители — смесь мусульман и неверных. Вблизи от него впадает [в море] река Днестр (Турлу).

Среди них — Сары-керман. Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с фатхой «сада» без точки, с «алифом», кесрой «ра» без точки и «йа» с двумя точками внизу. О [написании] слова «керман» говорилось выше, ибо оно входит в название Акча-керман. А этот город представляет собой городок меньше, чем Ак-

ча-керман. Его местоположение — в седьмом климате из семи. Говорится в «Таквим ал-булдан»: его долгота — 55 градусов, а широта — 50 градусов по координатам. Напротив него с другой [стороны] моря — город Синоп (Сануб), на побережье страны Рум. Он на востоке от упомянутого выше Акча-кермана. Между ними, около 15 дневных переходов, а между ним и Солхатом, около 5 дневных переходов.

Округ восьмой — страна Улак

[Это название пишется] с даммой «хамзы», с сукуном «вава», «ламом», «алифом», за которыми следует «каф». [Жителей его] называют болгарами (ал-бургал), [что пишется] с даммой при «ба» с одной точкой, сукуном «ра» без точки, фатхой «гайна» с точкой, «алифом», потом «лам». Это — известный народ.

Его столица — город Тырново (Тирнав). Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с «та» с кесрой, «ра» с сукуном, обе эти буквы без точек, с «нуном» с фатхой и «вавом» на конце. Его местоположение в седьмом климате из семи. Говорится в «Таквим ал-булдан»: его координаты таковы: долгота — 47 градусов 30 минут, а широта — 50 градусов. [Там] говорится: он к западу от Исакчи (Сакджи), в трех дневных переходах от него. Его жители — неверные из упомянутого народа.

У них есть и другие города. Среди них — Исакча. Говорится в «Таквим ал-булдан»: как говорят некоторые законоведы со слов его жителей, [это название пишется] с фатхой «сада» без точки, сукуном «кафа», кесрой «джима», близкого по произношению к «шину» с точками, на конце с «йа» с двумя точками внизу. <465> Он относится к Улаку и стране Константинополя. Говорится в «ал-Атвал»: его долгота — 48 градусов 37 минут, а широта — 50 градусов. Он средней величины, на равнинной земле, у впадения реки Дунай в Понтийское море, известное под названием Крымского моря, в юго-западной его части. Он от Акча-кермана на расстоянии пяти дневных переходов. Между ним и Константинополем по морю 20 дней. Большая часть его жителей — мусульмане.

Округ девятый — страна Ас

[Это название пишется] с фатхой над «хамзой», с маддой и «садом» без точки. [Его жители] — известный народ.

Его столица — Кырк-ер (Киркир). Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с кесрой «кафа», сукуном «ра» без точки, сукуном второго «кафа» и кесрой «ра» без точки на конце. Значение этого названия по-турецки — «сорок мужей». Его положение — в

конце седьмого климата. Говорится в «Таквим ал-булдан»: координаты его: долгота — 55 градусов 30 минут, широта — 50 градусов. [Там] говорится: это труднодоступная крепость на горе, на которую никто не может подняться, а в середине этой горы находится ущелье, которое вмещает жителей этого города. Он находится далеко от моря, на севере, от Сары-кермана примерно один день пути.

Там [есть] огромная, очень высокая гора, называемая Чатырдаг (Джатиутаг). [Название пишется] с фатхой «джима» и «алифом», с «та» с кесрой и «вавом» с сукуном, с «та» без точки, «алифом» и «гайном» с точкой. Она видна кораблям с Крымского моря.

Округ десятый — страна Рус

[Это название пишется] с даммой «ра» без точки, сукуном «вава» и «сином» без точек в конце. [Его жители] — известный народ. Говорится в «Таквим ал-булдан»: [он расположен] на север от упомянутого города Булар. Говорит владетель Хамы <466> в своей «Летописи»: у них есть также острова на Понтийском море, а Булар — на севере [от него]. Говорится там: большинство [его жителей] придерживается христианской веры. Говорится в «Масалик ал-абсар»: когда путешественник едет на запад от Холмана (Джулмана), он достигает страны Рус, затем [его путь лежит] к стране франков и к жителям Западного моря (ал-бахр ал-Гарби). Говорится в «Таквим ал-булдан»: на севере [страны] Рус заключаются заочные торговые сделки. Передают со слов одного человека, который путешествовал в ту страну, что они доходят до побережья Северного моря (ал-бахр аш-Шимали). Когда они достигнут его пределов, то останавливаются, потом дают знать о себе. Затем направляются к месту, известному продажей и куплей. Каждый купец кладет товар со своей меткой. [После] они возвращаются домой. Тогда приходят те люди и кладут за тот товар [шкуры] соболей, лисиц, вяленое мясо и подобное этому, издают клич и уходят. После этого приходят купцы. Если кому-то что-нибудь понравится, он это берет, а если нет — оставляет, пока они не сторгуются по доброму согласию.

В «Масалик ал-абсар» упоминается со слов шейха Ала ад-Дина ибн ан-Нумана, что страна, откуда привозят соболей и белок, — это вышеупомянутая страна Булар. Говорит Ибн ан-Нуман: купцы нашей страны не ходят дальше страны Булгар, а купцы Булгара ездят в страну Холман (Билай Джактай), купцы же Холмана посещают страну Югра, которая находится на крайнем севере. За нею нет поселений, кроме огромной башни, построенной Александром [Македонским] в виде высокого маяка. За нею нет пути никому, [там] только Мраки. Спросили его об этих Мраках. Он сказал: это — пустыни и горы, ко-

не покидают снег и холод, солнце над ними не восходит, растения там не растут, животные там не живут. Они примыкают к Мрачному морю (бахр Асвад), где постоянно дождь, густые облака.

Знай, что автор «Таквим ал-булдан» упомянул некоторое число мест этого государства, кроме тех, о которых говорилось выше и которые не отнесены [им] к какому-либо округу.

Среди них — Маджар (Куммаджар). [Пишется] с даммой «кяфа», сукуном «вава», удвоенным «мимом», «алифом», «джимом» и «ра» без точки. Это — город, близкий к середине между Баб ал-хадид и Азовом, к востоку от Азова и к западу от Баб ал-хадид.

<467> Среди них — город Лакз. [Это название пишется] с фатхой «лама», сукуном «кафа», а в конце — «за» с точкой. Это город, в котором обитает народ из тюрков, которых называют лакзами. Они живут в горах, разделяющих татар государства Берке и татар государства Хулагу.

Среди них — страна Кайтак. [Это название пишется] с фатхой «кафа», сукуном «йа» с двумя точками внизу, фатхой «та» с двумя точками наверху и в конце — второй «каф». Это народность из тюрков, которые живут в горах, граничащих с Лакзом с севера. Говорится в «Таквим ал-булдан»: они — разбойники на дорогах, а горы их господствуют над Баб ал-хадидом.

Говорю я, [ал-Калкашанди]: это государство обширнее, чем все представленные здесь земли, и, как мы уже говорили, является пределом того, что только можно себе представить.

Свод третий, рассказывающий о великих реках и озерах, находящихся в этом государстве

Что касается рек, то в «Масалик ал-абсар» упомянуто, что в этом государстве находятся Сейхун и Джейхун, о которых говорилось выше, [при описании] государства Мавераннахр. Они обе тянутся от этого государства до того, и правильно [сказать], что они находятся в них обоих. Выше о них уже говорилось, и здесь я считаю ненужным возвращаться к рассказу о них. Затем, хорошо известно об этом государстве, что в нем находятся еще пять рек.

Одна из них — река Итиль (Асил). [Это название пишется] с фатхой «хамзы», кесрой «са» с тремя точками и «ламом» на конце. [Под названием] Итиль известен и город Баланджар, о котором уже упоминалось. Название реки Итиль [пишут] также с «алифом» и «ламом». Это одна из величайших и самых известных рек в той стране. Говорится в «Масалик ал-абсар» со слов переводчика ал-Фадиля Шуджа

ад-Дина Абд-ар-Рахмана ал-Хорезми, что она по сравнению с Нилом больше в три раза или более. [Там] говорится, что исток ее — в стране славян (ас-саклаб). Говорится в «Таквим ал-булдан»: она течет с самого дальнего северо-востока, где нет поселений, проходит поблизости от города Булара, а это <468> Булгар, который она огибает с северо-запада. Оттуда течет к городку на ее берегу под названием Укек, затем следует к деревне, называемой Бельджамен, течет на юг, потом сворачивает к юго-востоку, проходит Сарай с юго-запада. Когда она минует город Сарай, то разветвляется и становится, так сказать, тысяча и одной рекой, и все это впадает в Хазарское море. Говорится в «Масалик ал-абсар»: по ней плавают большие корабли и едут путешественники к русам и славянам.

Вторая река — Туна. Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с даммой «та» без точки, фатхой «нуна» и «алифом». Говорится в «Таквим ал-булдан»: эта великая река намного больше Тигра и Евфрата, вместе взятых. Там говорится: она течет с дальнего севера в сторону юга, [затем] протекает на восток, [омывая] горы под названием Карпатские горы (Кшга таг), что значит «трудные горы», а на этих горах [живут] различные народы из неверных, такие, как валахи, мадьяры, сербы и другие. [После] она проходит на востоке от них. Когда же она поворачивает на юг, то направляется к Понтийскому морю, известному ныне как Крымское море. Она не перестает подходить к нему и, оказавшись между теми горами и упомянутым морем, наконец впадает в него к северу от города Исакчи, [что] севернее Константинополя, на расстоянии одной мили к западу [от города].

Третья река — Озю (Азу). Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с «за» с точкой после «алифа» и с «вавом» на конце. Там говорится: это великая река, которая течет с севера, [находясь] к востоку от вышеупомянутой реки Туна, протекает на запад, затем сворачивает и течет на восток, пока не впадает в залив Крымского моря между Сары-керманом и Акча-керманом, о которых говорилось выше.

Четвертая река — Тен (Тан). Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с «та» с двумя точками наверху, «алифом» и «нуном» на конце. Там говорится: это великая река на востоке от вышеупомянутой [реки] Озю и на западе от реки <469> Итиль. Она течет с севера на юг и впадает в Меотийское море, известное в наше время как Азовское море, к западу от города Азов.

Пятая река — Турла (Турлу). Говорится в «Таквим ал-булдан»: [это название пишется] с даммой «та» и сукуном «ра» без точек, «ламом» и «вавом». Там говорится: это река непокорная и горячая. Она впа-

дает вблизи от Акча-кермана в Понтийское море, известное как Крымское море.

* * *

Что касается озер, то известным из них является Хорезмское озеро. Это — большое озеро, вода которого соленая. Говорит Ибн Хаукал: его окружность 100 фарсахов. В него впадает река Джейхун с южной его стороны. В него также впадает река Шаша (аш-Шаш). Между ним и морем — 20 переходов, а между ним и Хорезмом — 6 переходов.

Свод четвертый — о путях, ведущих в это государство

В нем [говорится] о двух видах путей: по суше и по морю.

Что касается пути по суше, то о нем уже сообщалось в описании государства Иран [как] о пути к реке Джейхун. В «Таквим ал-булдан» упомянуто, что [расстояние] по реке между Амулем и Хорезмом — около 12 переходов. В «Масалик ал-абсар» сказано, что между Хорезмом и городом Сараем — около полутора месяцев [пути] и что между Хорезмом и Сараем [находятся] город Ваджак и город Кутлуд.

Путь по морю — это когда путник отправляется к нему по Румскому морю от города Александрии или города Дамиетты на севере Египта, плывет к Константинопольскому морю, связанному с Румским морем с северной стороны, движется, пересекая его, до Понтийского моря, известного как Крымское море, а затем [плывет] до Меотийского моря, известного как Азовское море, и так достигает конца [пути].

<470> Свод пятый — о том, что́ там имеется [из плодов земных]

В «Масалик ал-абсар» упомянуто, что там из зерновых [имеются] пшеница, ячмень, просо, которое называется у них «арзан», маш, [просо] джаверс, зерна которого похожи на плоды клевера. Пшеница и ячмень у них в небольшом количестве. Что касается бобов, то у них их почти нет. Большая же часть их зерновых — это просо, оно — их [основная] пища. Из плодовых деревьев там есть все виды, кроме финиковой пальмы, маслины, сахарного тростника, банана, цитрона, лимона и апельсина. О землях кипчаков там рассказывается, что до захвата их татарами они были полностью заселенными, что сохранились еще [там] следы процветания и благосостояния, что из плодов там есть виноград, гранаты, айва, яблоки, груши, абрикосы, персики,

орехи, а также плоды, которые на кипчакском языке называются «батенк», похожие на инжир, что в их горах много плодов, хотя много их и гибнет. Там говорится: что касается дынь, то у них родятся изысканные сорта, особенно желтые, которые действительно в высшей степени сладкие. Они их режут и сушат, чтобы сохранить в течение целого года. Бывает, что они извлекают из них сок и делают [из него] сладости. Из овощей у них имеются брюква, морковь, капуста и другие. Затем там говорится: также в городах черкесов, русов и асов много меда, белого по цвету, сладкого по вкусу, без остроты.

Свод шестой — относительно денежного обращения и цен там

Что касается денежного обращения, то в «Масалик ал-абсар», со слов Абд ар-Рахмана ал-Хорезми, переводчика, упомянуто, что их динар имеет одинаковое хождение как там, так и на большей части [территории] государства Иран. И он равняется 6 дирхемам. Всякое зерно у них продается в ратлах. И упомянуто, что хорезмский ратл по весу заключает в себе 330 дирхемов.

<471> Что касается цен, то в «Масалик ал-абсар», со слов ас-Садра Зайн ад-Дина ал-Умари ибн Мусафира, упоминается, что цены во всем этом государстве чрезвычайно низкие, за исключением Ургенча, центра Хорезмского округа. В нем цены постоянно высокие. Они редко снижаются, бывают или очень высокими, или средними, но дешевизна там неведома. Затем, со слов Шуджа ад-Дина Абд ар-Рахмана ал-Хорезми, переводчика, там упомянуто, что цены в Хорезме и Сарае почти не отличаются одни от других. Там говорится: средняя цена на пшеницу у них $2^1/_2$ динара [за 100 ратлов], столько же стоит маш, ячмень — 2 динара, так же и просо. Джаверс стоит столько же, а иногда и больше, обычно его цена равняется цене пшеницы.

Средняя цена баранины — 1 дирхем за 3 ратла. Ибн Мусафир упоминает, что мясо у них дешево и больше всего там режут лошадей. Что касается степных жителей, то у них мясо не продается и не покупается, так как его там много. Их основная пища — мясо [подстреленных] птиц, молоко и жир. Если у кого-нибудь из них повреждает себя скотина: лошадь, корова, овца или какая-то другая, — он режет ее, ест [ее мясо] вместе с домочадцами и одаривает [им] соседей. Когда повреждается какая-нибудь [скотина] у того, кого он одаривал, тот также режет [ее] и одаривает соседей. Поэтому в их домах почти никогда не бывает недостатка в мясе.

Свод седьмой — относительно известий о владыках этого государства

Выше говорилось, что оно — часть государства Туран, а государство Туран в древности было в руках Афрасийаба, царя тюрков. После него цари тюрков следовали один за другим до исламских завоеваний. Часть этих царей приняла ислам.

Что касается Хорезма, то власть над ним переходила из рук в руки, пока не оказалась у Махмуда ибн Себюк-тегина, который был назван выше в числе владык Газны в части первой [описания] государства [Туран]. Потом перешла она в руки его сына Масуда. <472> И назначил он там правителем хорезмшаха Харуна ибн Алтунташа (ат-Титаша). Затем его гулямы убили его, когда он выходил на охоту. И власть над ним оказалась у человека, которого звали Абд ал-Джаббар. Затем гулямы Харуна напали и на Абд ал-Джаббара и убили его. Они передали власть Исмаилу ибн Алтунташу, брату Харуна. Потом его одолел Шах-Малик ибн Али.

А того затем одолел Тогрылбек ибн Микаил ибн Сельджук. Так оказался Хорезм в руках Сельджукидов, о которых говорилось выше, [при описании] государства Иран. Наконец, им овладел Баркйарук ибн Малик-шах ибн Арслан ибн Дауд ибн Микаил ибн Сельджук, который назначил в нем своим наместником Ала ад-Дина Мухаммада Ануш-тегина. [Это] в дни [правления] Сельджукида Баркйарука ибн Малик-шаха ибн Микаила ибн Сельджука получил он в 490 году хиджры (1097 г.) титул хорезмшаха. Затем после него править стал его сын Атсыз ибн Мухаммад. Потом одолел его в этом [Хорезме] Санджар ибн Малик-шах, брат Ала ад-Дина Мухаммада, и назначил там того, кто бы хранил его, в 533 году хиджры (1138-39 г.).

Затем одолел его [во власти] над [Хорезмом] упомянутый выше Атсыз ибн Мухаммад и оставался там до своей кончины в 551 году хиджры (1156 г.). После него стал править его сын Арслан ибн Атсыз, он скончался в 568 году хиджры (1172-73 г.). После него стал правителем его сын Султан-шах Махмуд, будучи еще маленьким, а вести государственные дела стала его мать. Затем захватил власть его брат Ала ад-Дин Текиш. После его одолел его брат Султан-шах и изгнал его. Затем Султан-шах умер, и Текиш стал [править] единолично, а умер он в 596 году хиджры (1200 г.). После него стал править его сын Мухаммад ибн Текиш, а его прозвание было Кутб ад-Дин, но он взял прозвание Ала ад-Дин. Он оставался, пока его не победил Чингис-хан и не изгнал его в 619 году хиджры (1222 г.). После этого он умер.

Когда владыкой стал Чингис-хан, он поручил [управлять] Дешт-и Кипчаком и соседними [с ним] землями своему сыну Туджи, которого звали также Джучи. Джучи умер еще при жизни своего отца Чингис-хана. Когда Чингис-хан умер, утвердился в государстве Дешт-и Кипчак (Мавераннахре) и на соседних землях Бату, сын Джучи, сына Чингис-хана. Затем Бату умер. <473> После него править стал брат его Берке (Барака), сын Джучи. А он был тем, к которому восходит название этого государства. Его называют «дом Берке» в значении: это государство дома Берке. Так же говорят и о государстве Иран: это государство дома Хулагу. Говорится в «аз-Зайл ала ал-Камил»: между ним и аз-Захиром Байбарсом была переписка, которая не прерывалась до тех пор, пока он (Берке) не скончался в 665 году хиджры (1266-67 г.), не оставив после себя сына. После него владыкой стал сын его брата Менгу-Тимур, сын Тогана, сына Бату, сына Джучи-хана, сына Чингис-хана. Он скончался в 681 году хиджры (1282-83 г.). После него владыкой стал его брат Тодан-Менгу, сын Тогана, сына Бату, сына Джучи-хана, сына Чингис-хана. И, говорят, [это было] в 682 году хиджры (1283-84 г.). Владыка Египта послал Менгу-Тимуру подарок, но он дошел до него только тогда, когда тот уже умер и [во власти] утвердился Тодан-Менгу, которому он и был преподнесен. Последний очень ему обрадовался. Послы вернулись уже с ответом [Тодан-Менгу] на это. Он оставался [у власти] до 686 года хиджры (1287-88 г.), когда обнаружил потерю рассудка, отказался от власти и обратился к шейхам и факирам. После него, по его указанию, владыкой стал Толебуга, сын Менгу-Тимура, сына Тогана, сына Бату, сына Джучи-хана, сына Чингис-хана. Он оставался [у власти], пока не был убит в 690 году хиджры (1291 г.). После него владыкой стал Токта (Токтуга), сын Менгу-Тимура, сына Тогана, сына Бату-хана, сына Чингис-хана.

Рассказал главный кади Вали ад-Дин ибн Халдун в своей «Летописи» следующее: после Бату-хана владыкой стал его брат Сартак. Потом его брат Берке, затем Менгу-Тимур, сын Тоган-хана, сына Бату-хана, сына Джучи-хана (Туши-хана), после его сын Тодан-Менгу, потом его брат Толебуга, затем его брат Токта (Джуфтай), после сын его брата Узбек, который жил во времена правления султана ан-Насира Мухаммада ибн Калауна, владыки Египта. Говорится в «ат-Тариф»: тот посватался, и он (Узбек) женил его на одной девушке, своей родственнице. Потом [правил] его сын Джанибек, затем сын последнего Бердибек, после [него] его сын Токтамыш (Тофтамыш), потом его наместник Мамай, затем Абдулла, сын Узбека <474>, после Кутлуг-Тимур, потом снова Мамай, затем Салчи-Черкес, после Эльбек (Айбек-хан), потом его сын Каганбек (Канибек-хан), затем Урус-хан,

после Токтамыш-хан, сын Бердибек-хана. [Ибн Халдун] говорит: у Токтамыша отнял власть Тимурленк и убил его. Говорю я (ал-Калкашанди): известно, что Тимурленк не завладевал этим государством и не убивал Токтамыша, а все сказанное об этом [Ибн Халдуном] — его заблуждение.

Первым, кто принял ислам из владык этого государства, потомков Чингис-хана, был Берке, сын Джучи, сына Чингис-хана. Принятие им ислама произошло до его вступления во власть, в то время, когда его брат Бату-хан послал его для возведения Менгу-хана на престол деда его, Чингис-хана. Он [Берке] сделал это и повернул обратно. По пути он заехал к ал-Бахарзи, шейху [суфийского] тариката, и принял ислам из его рук. Он был искренним в своей вере и принял власть после своего брата Бату-хана уже мусульманином. В этом государстве за ним последовали в принятии ислама некоторые владыки уже после Узбек-хана, который был в высшей степени искренним мусульманином, открыто показывал приверженность к [новой] вере и следовал шариату, соблюдал молитву и усердно придерживался постов. Рассказывается в «Масалик ал-абсар» со слов Зайн ад-Дина ал-Умари ибн Мусафира, что владыки этого народа с принятием ими ислама и признанием ими обоих его исповеданий веры все-таки нарушают установления ислама. Во многих делах они придерживаются Ясы Чингис-хана, которую он утвердил для них, как придерживаются ее и другие его последователи, при этом весьма сильно порицая друг друга за лживость, прелюбодеяние, отказ от договоренностей и обещаний.

Обычно их владыки, разгневавшись на кого-нибудь из своих подданных, отбирают его имущество и продают [в рабство] его детей. Под властью этого государства находятся народы черкесов, русов и асов, которые являются жителями населенных и благоустроенных городов и покрытых плодовыми деревьями гор. У них имеются посевы, есть много скота, текут реки, собираются плоды. Если у них есть свои цари, то они находятся на положении подданных [владыки Кипчака]. Если они льстят ему, проявляя покорность и преподнося подарки, то он оставляет их в покое. В противном случае он нападает на них, преследует и осаждает их, <475> убивает их мужчин, забирает в плен их жен и детей, уводит их рабами в разные страны земли.

Затем там говорится: а Константинополь граничит с землями владыки Кипчака, с которым владыка Рума в любое время находится в постоянной ссоре и бесконечных раздорах. Владыка Рума, несмотря на пылающие угли [своей вражды] и многочисленность своих покровителей и сторонников, страшится его (владыки Кипчака) набегов и вреда от него. Временами он пытается сблизиться с ним, угодить ему, защитить себя от возможных превратностей. [Установилось это] с тех

пор, как цари рода Чингис-хана укрепились в этом государстве. Между ними то возобновляются обещания о примирении, то они откладываются, и разные подношения направляются со стороны владыки Рума к владыке [Кипчака].

Свод восьмой — относительно размеров воинства этого государства, устройства его управления, размеров жалованья, назначаемого [его воинам], и [формы] их одежды

Что касается численности их воинства, то в «Масалик ал-абсар» со слов шейха Ала ад-Дина ибн ан-Нумана передается, что их войска [настолько] многочисленны, [что] не поддаются учету. Их [подлинная] величина стала известна только тогда, когда однажды поднял мятеж и выступил против [хана Токты] и против великого хана султан Маверанахра Эсенбуга. Тогда [хан] отрядил против него от каждого десятка [воинов] одного. И число отряженных достигло 250 тысяч из тех, кто вошел в счет. И это кроме тех, кто присоединился к ним добровольно. Каждый всадник из них обязательно имел при себе двух слуг, тридцать голов овец, пять голов коней, два медных котла и телегу.

Что касается устройства управления в их государстве, то со слов шейха Наджм ад-Дина ибн аш-Шаххама ал-Маусили передают, что управление в этом государстве делами воинскими и гражданскими [в общем] такое же, как в государстве Ирака и Ирана. Оно основано на [определенном] числе эмиров, законов и служащих. Однако у эмира улуса и везира в [Дешт-и Кипчаке] нет [такого] права распоряжаться [по своему усмотрению], как у эмира улуса и везира в том государстве. Так же как у султана этого государства нет ничего похожего на то, что [есть] у того султана по части доходов, податей и числа городов и селений. Так же жители этого государства не следуют, подобно [жителям] того, установлениям халифов. А жены этих [ханов] принимают участие в управлении, и повеления исходят также и от их имени, как <476> у тех, и [даже] более того. Исключение составляла разве что Багдад[-хатун], дочь Чобана и жена Абу Саида Бахадира ибн Худабанда, потому что не было того, кто смог бы не подчиниться ее повелению. Говорит утверждающий решения аш-Шихаби ибн Фадлалла: я познакомился со многими документами, исходившими от владык этой страны со времен Берке и позже. В них писалось: «Мнения [ханских] жен и эмиров сошлись на следующем» — и тому подобное. Передают со слов почтенного Зайн ад-Дина ал-Умари ибн Мусафира, а он поведал про Узбек-хана, султана этого государства в дни [правления] ан-Насира Мухаммада ибн Калауна. Он (Узбек) обращал внимание на дела своего государства только в их совокупности, не

вникая в детали всех обстоятельств. Он довольствовался тем, что ему доносили, и не рассматривал разные частности относительно взимания и расходования. У каждой из его жен существовал особый вид обязанностей. Каждый день он ездил к одной из этих женщин и оставался весь этот день у нее. Он ел и пил в ее доме, [затем] она облачала его в [новую] полную смену одежды из ткани. Он же жаловал ту одежду, что была на нем [прежде], тому, кто оказывался около него. Далее говорилось, что ткань его [одежды] была не очень высокого сорта и недорогая по цене. При всем его расположении к подданным, обращавшимся к нему, он был нещедр на подарки. Если бы он даже пожелал делать их, то этого не позволили бы ему делать доходы с его земель, потому что большая часть его подданных являлась обитателями степей, получавшими пропитание от своего скота. Передают со слов Низам ад-Дина ибн ал-Хакима ат-Тайари, что харадж, налагаемый на них всех, принадлежит султану этого государства [и] он взыскивает его с них. Иногда с них требуют харадж и в год голодный — из-за падежа скота и верховых животных или выпадения снега и тому подобного. Тогда они продают своих детей, чтобы выплатить наложенный на них харадж.

Что касается размеров жалованья их воинов, то рассказывают со слов Шуджа ад-Дина Абд ар-Рахмана, что если в руках кого-либо находился какой-нибудь [земельный надел] — икта, то он [остается] и в руках его сыновей. Потом он сказал: а у эмиров имеются населенные земли. Среди них есть такие, кому в год его земля приносит 200 тысяч динаров дохода или меньше — до 100 тысяч динаров дохода. А что касается простых воинов, то ни у кого из них нет ничего, кроме денег, которые они получают. Все они равны между собой, и каждый получает в год 200 динаров дохода.

<477> А что касается [формы] их одежды, то об этом также рассказывают со слов Шуджа ад-Дина, переводчика. [Прежде форма] их одежды была такая же, как у воинов Египта и Сирии в исламском государстве, или подобная ей. Потом в их одежде возобладал татарский стиль, только при этом они носят маленькие круглые чалмы.

Антонин — *Антонин, архимандрит.* Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом синаксаре // Записки Одесского об-ва истории и древностей. Одесса, 1863. Т. 5.

Бартольд — *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1964. Т. II. Ч. 2; М., 1965. Т. III.

Босворт — *Босворт К.Э.* Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с англ. П.А.Грязневича. М., 1971.

Григорьев, 1981 — *Григорьев А.П.* Пожалование в ярлыке Токтамыша // Уч. зап. ЛГУ. № 405. Сер. востоковед. наук. 1981. Вып. 24. Востоковедение. № 8.

Григорьев, 1983 — *Григорьев А.П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Отв. ред. Г.Я.Смолин. Л., 1983. Вып. 7.

Григорьев, 1985 — *Григорьев А.П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // Уч. зап. ЛГУ. № 417. Сер. Востоковед. наук. 1985. Вып. 27. Востоковедение. № 11.

Григорьев, 1995 — *Григорьев А.П.* Прежние названия Чуфут-кале // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 1995. Сер. 2. Вып. 3.

Григорьев А.П., Григорьев В.П. — *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Послание ордынской ханши Тайдулы венецианскому дожу (1359 г.) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 1996. Сер. 2. Вып. 4.

Давидович — *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Пер. с нем. Ю.Э.Брегеля * *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.

Добродомов — *Добродомов И.Г.* Выходъ, туска, харадж и другие фискальные термины в языках Среднего Поволжья // Диалекты и топонимия Поволжья. Отв. ред. Г.Е.Корнилов. Чебоксары, 1975. Вып. 3.

Егоров — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Закиров — *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.

Кляшторный, Султанов — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан: Летопись трех тысячелетий. А.-А., 1992.

Крачковский — *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV.

Кучкин — *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Материалы — Материалы по истории туркмен и Туркмении. Под ред. С.Л.Волина, А.А.Ромаскевича, А.Ю.Якубовского. М.; Л., 1939. Т. 1.

Петрушевский и др. — *Петрушевский И.П. и др.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.

Поляк — *Поляк А.Н.* Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Под ред. А.С.Тверитиновой. М., 1964.

Тизенгаузен — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских.

Трепавлов — *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Фролова — *Фролова О.Б.* Об этническом названии «бурджан» у арабских географов // Уч. зап. ЛГУ. № 395. Сер. востоковед. наук. 1977. Вып. 20. Востоковедение. № 4.

Шанский — *Шанский Н.М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1965. Т. 1. Вып. 2.

Эвлия Челеби — *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. М., 1979. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья.

Якобсон — *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М.; Л., 1950. (Матер. и исслед. по археологии СССР. № 17).

Björkman — Beiträge zur Geschichte der Staatskanzlei im islamischen Ägypten von W.Björkman. Hamburg, 1928.

Wüstenfeld — *Wüstenfeld F.* Die Geographie und Verwaltung von Aegypten. Göttingen, 1879.

Научное издание

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК
2001

Золотая Орда
и ее наследие

Утверждено к печати
Санкт-Петербургским филиалом
Института востоковедения РАН

Редактор Л.С.Ефимова
Художник Э.Л.Эрман
Технический редактор О.В.Волкова
Корректор Е.А.Мамиконян